

Гай Юлий
Орловский

— паладин Господа —
Richard D'lynch —

Гай Юлий Орловский

Рыцари — тольк и цвет человечества, самая благородная его часть. Одни в этой элите есть своя элита — паладины. Це очень мало, но это люди отмеченные особым даром, недоступным простым смертным. Ричард станови паладином, а это значит, что он может теперь гордиться, чим умеет. Он знает, что он заслужил это право. Шлемы

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ригард Длинные Руки

Ригард Длинные Руки —
воин Господа

Ригард Длинные Руки —
паладин Господа

Ригард Длинные Руки — сеньор

Ригард де Амальфи

Баллады
о Ричарде **Длинные Руки**

Гай Юлий Орловский

Фицорд
Длинные Руки —
паладин Господа

ЭКСМО

Москва, 2004

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О 66

Оформление серии художников
А. Старикова, М. Петрова

Серия основана в 2004 году

Иллюстрации на переплете художника *А. Дубовика*

О 66   **Орловский Г. Ю.**
Ричард Длинные Руки — паладин Господа: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 5-699-06889-9

Рыцари — соль и цвет человечества, самая благородная его часть. Однако и в этой элите есть своя элита — паладины. Их очень мало, но это люди, отмеченные особым даром, недоступным простым смертным. Ричард становится паладином, а это значит, что он может теперь гораздо больше, чем умел.

И теперь он знает свою силу, свои возможности. Теперь он не уступит ни черным магам, ни королю эльфов, ни самому Сатане.

По крайней мере, он так считает.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-06889-9

© Орловский Г. Ю., 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Часть 1

Глава 1

Я

отсыпался двое суток. Правда, в первый же день по прибытии, помывшись и почистившись, отправился навестить Рудольфа. Священники взялись исправлять его волчью натуру, я опасался, как бы не перестарались, волк и человек в каждом из нас прос прос друг в друга настолько, что разобраться, где волчье, где человечье, не сможет сам Господь. Но Рудольф в молитвах проводил времени столько же, сколько и в упражнениях с мечом, и то и другое одинаково выгоняет из человека зверя, оставляя его наедине собой, что сам есть и ангел, и зверь, и прах.

Доспехи Георгия Победоносца заняли достойное место в храме, император Карл увел потрепанное под стенами Зорра войско, я наслаждаюсь тем, что могу валяться почти голым на лавке, вместо того чтобы держать на себе два пуда железа, да все на коне, время от времени слезать на землю, снова залезать на это храпящее чудище, опять слезать, так что к концу дня уже и свои уши кажутся тяжелее шлема.

Утром слуга ясно намекал, чтобы я напялил на себя железо. Меня передернуло от макушки до пят от одной такой идеи. Я вывалился на улицу в простой домотканой рубашке, расстегнутой до пояса, простых портках, завязанных веревкой, и самых что ни на есть старых растоптанных башмаках, но зато каких легких и удобных!

Свежий ветерок холодил грудь и перебирал там волосы. Какое это счастье, вот прямо сейчас запустить руку за пазуху и с наслаждением почесаться,

поскости крепкими ногтями все то, что мечтал разодрать неделей раньше, когда потный и усталый тащился по жаре, с головы до ног, как устрица, закованный в тяжеленную скорлупу!

Городские ворота, измочаленные ударами тарана, исклеванные стрелами и топорами, раздвинулись с жутким, хватающим за душу поросячым визгом. Пара измученных коней с усилием тащила крытую повозку. Возница то ли держал вожжи, то ли сам хватался за них, чтобы не свалиться. Его раскачивало, лицо землистое, бледное, глаза смотрели в пустоту. Мне показалось, что он заснул, едва миновали ворота.

Нешадно скрипя и раскачиваясь, повозка доползла до ворот замка, где я изволил стоять, глупо и счастливо улыбаясь солнцу. Дверца распахнулась, мелькнуло оранжевое с синим. Я увидел копну золотых волос, усталое бледное лицо с большими темными глазами. В следующее мгновение девушка оступилась на ступеньке, взмахнула руками, тонко и жалобно вскрикнула, падая. Мои руки распахнулись сами по себе. Она даже не пыталась освободиться из моих объятий. Застыла у меня на груди, расслабленно и счастливо, словно все ее существо в этот миг сказало с облегчением: «Наконец-то добрались!»

Рядом остановился мужчина, с удивлением пробормотал:

— Никак леди Лавиния?

Я с огромным сожалением поставил девушку на землю, но руки не отпустил, не мог заставить себя это сделать. Возница уже покинул облучок, лицо его было злым и угрюмым.

— Леди Лавиния, — прогудел он обеспокоенно, — как вы? Хоть теперь уже все можно... мы у своих!

Она слабо отстранилась, я сразу ощутил потерю. Ее удивительно теплые карие глаза взглянули мне в лицо снизу вверх. Она ответила ему обессиленным голосом, но с победной улыбкой:

— Не у своих. Теперь здесь наш дом...

Я все еще держал ее, на вытянутых руках, просто не мог отпустить, хотя делал вид, что придерживаю, измученную долгой дорогой. Возница, здоровенный мужик размером с Бернарда, взглянул на меня враждебно. Прохожие рассматривали девушку со сдержанным любопытством.

Она наконец пришла в себя, сказала слабо, но твердым голоском:

— Спасибо, что не дали мне упасть... Гунильд!

Возница торопливо отстегнул с пояса кошель, довольно тощий, и подал госпоже. Она порылась, я видел, как она тщетно ищет; наконец ее лицо озарилось улыбкой, достала медную монетку и протянула мне:

— Возьми и выпей за прибытие леди Лавинии в Зорр к своему мужу!

Сердце мое рухнуло в пропасть. Всего две секунды я подержал ее в объятиях, но это уже моя женщина, в ней мое сердце, но она, радостная и счастливая, прибыла к любимому мужу, а мне... мне монету, как слуге!..

Я тупо взял монету, сунул ее в карман. Кончики пальцев уперлись в холодный металл. Я вытащил золотой кругляш со стершимися значками.

— Это... сдача.

Она машинально взяла, карие глаза взглянули мне в лицо с каким-то испугом. Теперь наконец-то изволила заметить меня, здоровенного простолюдина. Тонкие брови взлетели, а хорошенъкий ротик приоткрылся в виде буквы «о».

— Вольный стрелок, — произнесла она наконец.

— Да, мэм, — ответил я и вытер нос рукавом, — он сый.

Она посмотрела на меня со сдержанным отвращением.

— Я понимаю, — сказала она ровным голосом, — нашему королю служат даже лесные разбойники...

— Ага, — ответил я охотно. Высморкав поочередно обе ноздри ей под ноги, сделал вид, что жутко застеснялся, и потому подошвой звучно растер эти экскременты, причем ногу забрасывал, как конь копыто, как бы стряхивая подальше налипшее. — Мы... того, где больше плотоя.

Она кивнула, сунула монету кучеру, мол, на пропой, тот едва не кончился от счастья, усталость мигом выдуло, а она прошла мимо моего существа. Возница метнулся вперед, распахнул для нее дверцу в воротах замка и стоял там, низко кланяясь. Она не оглянулась, спина ровная, походка усталая, но легкая, пройдет по стебелькам растущей травы — не примнет.

Я не помнил, как меня вели дома и улицы, очнулся только в своей каморке. Нет, у меня уже не каморка: просторная комната для меня, поменьше для двух слуг. Лавка жалобно застонала, я обрушился, как подстреленный лось, но все равно крутился на ней, как уж на горячей сковороде, и встал до того, как лавка рассыпалась. Сердце стучит учащенно, будто бежал по эскалатору, кровь гремит в черепе, в груди стремительно разрастается щемящее чувство острой потери.

Через зарешеченное пространство виден двор, снующая челядь. Молоденькие девушки, сочные, пышные, быстро поспевающие, готовые для употребления. Я и раньше мог любую, а сейчас, когда возведен в рыцари, даже знатные дамы...

Ну почему, почему меня шарахнула эта дурь, над которой высокомерно смеялись еще подростками, прекрасно понимая свое преимущество над тупыми ромео, тристанами и прочими ростанами, что не знали вседозволенности секса, не знали половой техники, не знали презервативов и прочих противозачаточных средств?

Почему я смотрю во двор, где шмыгают эти спелые простолюдинки... да иногда и дочь знатного сеньора важно прошествует в сопровождении слуг, и вижу только ее лицо, ее глаза, ее губы? Я ведь знаю же, что и она такая же, как и все, знаю, что у нее между ног, знаю, что она делает со своим мужем... что он делает с нею...

Ярость ударила в голову с такой силой, что я зарычал, схватил меч и бросился к двери. Прогремели ступеньки, я сбежал во двор. Холодный воздух наступающей ночи охладил лоб, я выбросил в сторону левую руку, пальцы ухвати-

лись за что-то, я сжал их и не разжимал. Грудь быстро и часто вздыхалась, я дышал часто, с хрипами, с надрывом.

Вокруг меня образовалось чистое пространство. От множества фонарей бегут косматые тени, но в освещенном красным светом круге пусто. Испуганные голоса доносятся сквозь грохот жерновов из черноты:

— Что с ним?..

— Бесноватый, грят...

— Это который с Ланселотом...

— Братья, отойдите от греха...

— Да, сбегайте за лекарем. Если он кинется, то сетью его. Или на копья...

Я несколько раз глубоко вздохнул, гипервентилируя легкие, а теперь — насыщенную кислородом кровь — в мозг, в мышцы, взять себя в руки, это мы все знаем, нет хуже для человека моего времени стоять вот так под брезгливыми взглядами толпы...

Из темноты выступила фигура в надвинутом на глаза капюшоне. Монах двигался неслышно и ровно, словно плыл над землей, меня на миг охватило чувство нереальности. Голос из-под капюшона раздался звучный и участливый:

— Сын мой, тебе плохо?

— Спасибо, — прошептал я, — уже справился...

По толпе прокатился вздох облегчения. Монах кивнул, сказал:

— Лаудетур Езус Кристос!.. Могу чем-то помочь?

— Я сам; — ответил я. — Всегда сам.

Пальцы долго не хотели отпускать крюк коновязи, за который, оказывается, вцепился железной хваткой. Монах взял меня за локоть, так мы прошли до входной двери моего дома, я взялся за дверную ручку, а он сказал в спину:

— Ты никогда не бываешь сам, сын мой.

Я обернулся, спросил враждебно:

— Почему?

Он перекрестился, сказал смиренно, тихо:

— С тобой всегда твоя совесть. С тобой всегда твоя гордыня... С тобой страхи, а их легион. Даже самый мужест-

венный человек чего-то страшится, хотя не признается порой даже себе... Но сатана все замечает, любую щелочку расширяет до пропасти, чтобы отрезать человека от прямой дороги к Богу. Потому держись, сын мой!.. Ты не один. Бог всегда с теми, кто впускает его в свое сердце.

На стук дверь открыл заспанный слуга. Я обернулся на пороге, сердце сжала боль, у монаха слишком понимающие и сочувствующие глаза, сказал тихо:

— Спасибо... Спасибо за добрые слова.

— Если что, — ответил монах, — я всю ночь в часовне... Что это было, брат?

— Искушение, — ответил я в понятных ему символах. — Искушение.

Лавка снова застонала, но я заставил себя лежать неподвижно, и она недоверчиво умолкла. Монах назвал меня братом, а эти люди — не простолюдины, за словами следят. Я в подвешенном состоянии, инквизиция еще не решила, как со мной поступить, там идут жаркие дебаты, есть возможность показать эрудицию, пофехтовать знаниями, вспомнить подходящие цитаты, изречения, мысли, максимы, поймать оппонента на логическом проколе и выставить его на смех...

На какое-то время про меня даже забудут, углубившись в дебри теологических споров. Однако монахи, что следят за работой святого трибунала, помнят и знают, что среди горожан Зорра находится человек, которого вскоре ждет либо оправдание, либо костер.

Леди Лавиния, шептали мои губы. Черт, что во мне сидит, что я автоматически воспринимаю любое замечание в свой адрес как оскорбление? Ладно, с рыцарями привык, но почему с этим ангелом во плоти так? Ведь она увидела простолюдина, каких видит всю жизнь. По доброте своей... и на радостях, что доехала, дала ему монету, хотя могла и не давать. Какая муха меня грызанула волчьими зубами?

И снова я бродил по городу, единственный, кто выглядел праздным в этом мире деловитых муравьев. Рабочие спешно восстанавливают стены, ворота уже новые, решетка

поднимается и опускается без скрипа. Ремесленники укрепляют на башнях и даже на стенах небольшие баллисты, могут швырять камни и горшки с кипящей смолой.

По всему городу режут скот, солят, коптят, готовят на зиму мясо, засыпают в закрома зерно, муку. Мелкие отряды рыцарей каждый день выезжают из Зорра, вроде бы на охоту, но тщательно прочесывают леса. Карл ушел и увел громадное войско, но за его армией тащился всякий сброд, которому бы только пограбить. Многие остались, эти мандреры и грабители все еще нападают на окрестные села.

Мне пару раз предложили присоединиться к таким отрядам чистильщиков. Не столько из-за моих личных достоинств, я все еще для многих не настоящий рыцарь: слишком быстро удостоен этого высокого звания, мало кто видел меня в сражениях, мало кто мог поручиться, что я надежен, но о моем молоте уже ходят легенды. Я помалкивал, ибо только я вижу серьезные недостатки такого оружия. Он хорош, когда нужно куда-то метнуть и что-то сшибить, но даже стрела бьет намного дальше. К тому же абсолютно бесполезен в ближнем бою лицом к лицу, слишком неповоротлив...

Дважды мне почудилось, что мелькнуло голубое плащье, я бросался в ту сторону, как сумасшедший, но всякий раз оказывалось, что мерещится. И всякий раз чувствовал такое разочарование, что перехватывало дыхание и сжимало сердце.

Слонялся бесцельно, вдыхал запахи кож, горящих углей, уступал дорогу стадам овец, коров, слушал разговоры о бытовых проблемах, о видениях, о сравнительных достоинствах рыцарей, однажды услышал любопытное даже о себе, но не рискнул остановиться и послушать, мужчин с моим ростом раскусывают быстро.

Из кузницы вышли двое крепких мужиков, распаренных, красных, рухнули задницами на колоду. Один снял с пояса флягу, отпил, дал другому.

— А ты знаешь, — сказал он вдруг, — мой сосед... пом-

нишь, я говорил, что как только я в кузницу, а он к моей жене? Так вот он оказался вампиrom!

Второй подмастерье едва флягу не выронил:

— Да что ты говоришь? Как же ты обнаружил?

— Я вбил ему в сердце осиновый кол, так он сразу и помер!

Мужик перекрестился, сплюнул под ноги.

— Велика сила дьявола, но и мы, христиане, что-то умеем.

Не зная, куда себя деть, я вернулся, но и там не находил покоя, меня метало по комнате, как ветер воздушный шарик. Теперь у меня своя комната, могу держать слуг, что и делаю, все-таки амулет хоть и скучновато, но снабжает золотом, а здесь на серебряную монету можно прожить месяц. На стене доспехи Арианта, его меч и щит. Даже браслеты я снял, чтобы не слишком выделяться от жителей Зорра, воткнул в стену кинжал и повесил их на рукоять.

Только молот всегда при мне, заметно оттягивает пояс, но уже привык, сроднился. Хотя так и не понял его механику. Давным-давно, когда я пытался посещать юношескую студию бокса, тренер объяснял, что существует чистый удар, когда противник содрогается от резкого удара всем телом и медленно опускается на пол на том же месте, и грязный — когда противник отлетает назад, то есть удар с толчком. Бывает вообще только толчок, когда противник отлетает, даже может упасть, но тут же вскакивает, готовый продолжать бой.

Так вот молот иногда мог разнести в мельчайший щебень целую скалу, но в другой раз едва-едва раскалывал придорожный валун. И хотя расколоть валун тоже немало, но все же мне, жителю моего века, нужна зависимость — что от чего, а не здешнее: «Все в руках Господа».

Я еще тогда, в дороге, бросал и бросал во все встречные камни, деревья, скалы, стараясь вычленить закономерности, а в Зорре ходил на задний двор, где глухие стены, упражнялся там. Даже придиличный Бернард, помню, начал посматривать с уважением.

Сегодня, потерявшиесь непонятными душевными муками... эх, нет здесь психоаналитика!.. выбрал время, когда там не упражняются, не люблю зевак, вышел на задний двор и начал бросать молот в огромную наковальню. Не скрошит, понятно, зато отработаю дистанцию, с которой еще есть смысл бросать, научусь сам ловить и бросать как можно скорее, не теряя драгоценные секунды на широкий размах...

— Из тебя выйдет воин, Дик, — послышалось за спиной густое. — Настоящий воин!

Бернард надвигался — огромный, массивный, медведь в латах, а не человек. Все-таки великаны, от которых ведет род, — непростые ребята.

— Почему воин? — спросил я. — Может быть, я вот прям жажду в менестрельство! Всеми фибрами туда лезу.

Он отмахнулся.

— Да хоть жабрами. Я же вижу. Ты метаешь эту нечестивую штуку и... чувствуешь удовольствие, будто служанку завалил на сено.

— Какое удовольствие? — ответил я замученно. — Я всего лишь хочу, чтобы получалось как хочу.

Он кивнул с глубоким удовлетворением.

— А как, по-твоему, становятся мастерами?.. Вот так же одно и то же, одно и то же. С мечом, щитом, топором, конным, пешим, в доспехах и без. Одни считают, что им хватит и первых уроков, пора и по бабам, а вот мы упражняемся и упражняемся... А потом и бабы наши, и вообще все наше! До горизонта — и дальше.

Острая печаль стиснула мое сердце. Молот прилетел, саданул меня рукоятью по пальцам, разбив в кровь, и рухнул под ноги.

— Все мне не надо, — вырвалось из меня тихое, словно стон умирающего зайца. — Мне совсем-совсем не все надо...

Бернард взглянул остро.

— Да? — рыкнул он. — А может, тебе надо больше, чем все?

Я поднял на него взгляд. Бернард смотрит серьезно, со-

чувствующе. Похоже, эта закованная в доспехи каменная глыба что-то чувствует.

— Боюсь, — прошептал я, — что ты недалек...

— От истины, — сказал он подозрительно, — или вообще?

Раздались звуки музыки, через двор шла королева, строгая, но улыбающаяся милостиво, одета для дороги в пурпурный плащ, золотая пряжка разбрасывает солнечные блики. Голубое платье искрится мелкими блестками, такие же голубые платья и на придворных, почти все моложе королевы, а две совсем маленькие девочки с большими букетами цветов в обеих руках.

Я остановился, любуясь лучом света в темном королевстве терминаторов, где все лязгает, звякает, грохочет, грюкает, земля вздрагивает под тяжелыми шагами, будто во все стороны расхаживают гуляющие экскаваторы.

Королева Шартреза остановилась, заприметив нас с Бернардом. Бернард почтительно преклонил колено. Я поколебался, совсем недавно разговаривали с нею запросто, но Бернард прав: на людях надо вести себя иначе.

Я преклонил колено. Шартреза улыбнулась, похоже, понимает.

— Бернард, — сказала она певучим голосом, — я вижу, не оставляешь молодого рыцаря заботой. Наверное, смотришь далеко в будущее... где сэру Ричарду придется очень непросто?

Бернард поднялся, сказал густым сильным голосом:

— Ваше Величество! В сражениях смерть настигает всякого. Но для рыцаря сложить голову за короля, за королеву, за даму сердца — славная гибель, мужская гибель. Ричард молод годами, но рука его крепка, а сердце закалено в боях, как железо в горне кузнеца, а потом в кипящем масле. Неизвестно, кем бы он стал, но Тьма пришла в наши земли... и вот он выучился биться и по-рыцарски, и постепняцки, копьем и мечом! Ему уже нет равных среди наших воинов в бою на секирах, он хорош с мечом и щитом, а на алебардах я готов выставить его против любого из королевских воинов.

Шартреза рассмеялась:

— Ты так горячо его расхваливаешь!.. Это потому, что не можешь похвалить себя?

Бернард снова поклонился.

— Я человек простой, могу похвалить и себя. Но в Ричарда я так много вложил, что это почти что я!

Она осмотрела нас обоих демонстративно внимательно, за ее спиной захихикали придворные дамы.

— Спасибо, славный Бернард, — сказала она наконец тепло. — Спасибо.

Глава 2

Третий день я бродил по городу в тщетной надежде, что Лавиния выйдет за покупками или по каким-то еще делам. Здесь нет городского сада, но есть костел, сегодня пятница, дождь бы до воскресенья, а потом можно будет увидеть ее по дороге на воскресную проповедь...

Прямо на площади меня перехватил мальчишка в наряде королевского оруженосца.

— Сэр Ричард! — закричал он еще издали. — Сэр Ричард!

Он подбежал, но прохожие уже обратили внимание, что сэр Ричард — это я, а что он, такой счастливец, вот сейчас будет общаться с самим сэром Ричардом.

— Что случилось?

— Сэр Ричард, — повторил он громко и счастливо, — мой король послал меня за вами, сэр Ричард!

— А что стряслось? — повторил я.

— Не знаю, сэр Ричард, — ответил он честно и добавил уже серьезнее: — но Его Величество велели прибыть в его покой немедленно!

Я вздохнул, оглянулся на мрачное массивное здание, в котором, по слухам, поселилась по приезде благородная леди Лавиния.

— Ну что ж, пойдем...

— Можно мне пойти с вами рядом? — спросил он живо. И, не дожидаясь ответа, спросил быстро: — Это и есть тот самый молот?..

— Да, — ответил я на ходу.

Он быстро-быстро шагал справа, торопился, забегал даже вперед, быстрые глаза обшаривали молот, на хорошенькой румяной мордашке отразилось сильнейшее разочарование.

— Он такой простой!

— Сила рыцаря не в перьях на шлеме, — сказал я. — Еще не знаешь?

Его чистые и румяные детские щеки залила густая краска.

— Простите меня, сэр Ричард, — сказал он полным раскаяния голосом. — Но об этом молоте рассказывают такое, что я представил его размером с наковальню, на нем должны быть таинственные колдовские знаки!

— Они там, — сказал я, — внутри.

— О, — сказал он почтительно, глаза округлились. — Я о таком даже не слышал!

Стражи у королевских покоев отсалютовали копьями. Оруженосец не успел сделать им повелительный жест, показывающий мне, что и он здесь распоряжается... на пару с Беольдром, стражи заулыбались и распахнули ворота. Три дня тому, или четыре, не помню, они с огромным удовольствием выносили из этого зала Сира де Мертца, который возжелал поставить нашего короля на колени... И еще помнили мою роль.

В глубине зала на троне я увидел роскошную белую пенную, выступающую из пурпурного плаща, и лишь потом вычлинил из этого великолепия бледное худое лицо короля. Седые волосы падают на глаза, опускаются пышными прядями на плечи, а усы и борода полностью скрывают не только нижнюю часть лица, но и всю грудь.

За спинкой кресла и чуть справа монах, я узнал отца Гарпага, а перед троном высится сверкающая серебром статуя из металла. Шарлегайл говорил слабым прерывающимся голосом, статуя почтительно слушала. На широкой перевязи длинный рыцарский меч с позолоченной рукоятью,

уже по нему я узнал бы сэра Ланселота. Меч Ланселота и его серебряные доспехи известны всему Зорру.

Ланселот не обернулся, хотя явно ощутил открывшуюся за его спиной дверь. Шарлегайл сделал слабый жест высохшей дланью:

— Сэр Ричард... подойди поближе.

Я приблизился, надо бы опуститься на одно колено и ждать, пока король изволит позволить встать, но Ланселот уже стоит, да и король у нас — настоящий король, ему дешевые церемонии по фигу, я лишь поклонился и уставился на него в ожидании.

Ланселот нахмурился, что-то проворчал, а Гарпаг суetливо перекрестился. Оба чувствительны к нарушению этикета. Шарлегайл сказал слабым прерывающимся голосом:

— Еще ближе... оба...

Я с глубоким сочувствием смотрел в изможденное лицо, подумал внезапно, что король не так уж и стар, это жизнь, как говорят, состарила раньше, чем пришла старость.

— Сэр Ланселот, — проговорил Шарлегайл. Он остановился, перевел дыхание, сказал снова: — Сэр Ланселот... На тебя возлагаю великую задачу. Надлежит тебе отправиться в королевство Алемандрию. В славный город Конрабург к славному и почтенному королю Конраду. Поздравь с великой победой над собой, что есть самая великая из побед, кою может одержать человече. Поговори, очаруй, ты это умеешь. Покажи свою удаль на турнире, в поединках, на скачке, в метании молота... Это первое. Второе — хорошо бы склонить его оказать нам помощь своими людьми. У него целая армия томится без дела!..

Ланселот с достоинством поклонился.

— Все сделаю, Ваше Величество.

— Отправляйся немедленно, — велел король. — Сегодня отдохни, а завтра с утра в путь. Да, еще... тебя будет сопровождать отряд рыцарей, как и надлежит послу. Сам отберешь, кого считаешь достойным такой чести. Но одного я тебе сам посоветую.

Ланселот смотрел прямо в глаза Шарлегайла.

— Слушаю, Ваше Величество.

— Обязательно возьми с собой Ричарда, — сказал король. — Ричарда Длинные Руки.

Я поклонился, лучше молчать и кланяться. Ланселот тоже поклонился, но я видел в его серых глазах недоумение.

— Ваше Величество... я понимаю, вы только что посвятили его в рыцари... и все еще помните... это... этого человека. Но не будет ли Конрад оскорблён? Ведь Дик единственный, у кого нет поместья, у кого нет земель, крестьян... Еще вчера он был простолюдином... Такой человек в посольстве вызовет ненужные вопросы. А то и подозрения.

Гарпаг выступил из-за трона, встал рядом, его худое лицо было неподвижно, но в глазах я прочел тщательно упрятанную неприязнь.

— Хуже того, — сказал он внятно. — Хуже того...

Шарлегайл попросил слабым голосом:

— Отец Гарпаг, нить ваших мыслей от меня ускользает.

— Хуже того, — повторил Гарпаг, — это вызовет насмешки.

Король покачал головой.

— Конрад — воин. Ему важнее, кто как держит меч. А Ричард уже успел показать себя умелым и отважным воином. Но еще важнее другое...

Он вздохнул, покосился на священника. Гарпаг нахмурился, что-то зашептал ему на ухо. Король отмахнулся.

— Видишь, сэр Ланселот, отец Гарпаг настоятельно не советует посыпать туда Ричарда. Почему? Да потому, что церковь ему не доверяет. Не осудила, но и не оправдала. Инквизиция все еще решает, на каком огне его сжечь: быстрым или медленном... Однако что плохо для нас, может быть хорошо для Конрада. Он не в ладах со святой церковью, хотя не в ладах и с армией Тьмы. А Ричард как раз тот, у кого на поясе боевой молот язычников. У него на шее амулет, который носили идолопоклонники... Королю Конраду такой человек ближе и понятнее! Пусть он думает, что мы все такие, как сэр Ричард... ну, пусть не все, но в наших рядах рыцарства есть такие, кто вольно трактует

Святое Писание, пропускает службы в церкви, общается с нечистыми созданиями леса, как-то эльфы и гномы...

Гарпаг начал усиленно креститься, бормотал молитвы, на меня смотрел с ужасом и отвращением, даже попытался брызнуть святой водой, но, похоже, фляга пуста. Или в ней не вода. Ланселот тоже хмурился, с каждым словом посматривал в мою сторону все неприязненнее.

— Ваше Величество, — сказал он почтительно, когда король умолк, — а не слишком ли уж паршивую овцу мы запустили в свое христианское стадо?.. Стараясь показать королю Конраду, что мы все такие... запятнанные, не нанесем ли урон своей чести, имени, достоинству?

Король вздохнул.

— Это... политика. Нельзя перейти болото, не испачкав ноги.. Кто боится испачкаться — остается на том берегу. Мы же перейдем, там очистимся... молитвами, епитимией. Принесем жертвы, в смысле воскурим ладан и пожертвуем на церковь что-то из найденного, и... пойдем дальше. Идите, мои друзья. Я — сказал!

Мы вышли с Ланселотом вроде бы вместе, но в то же время и врозь, а от ворот замка сразу пошли в разные стороны. Я, понятно, в полной готовности отторчать и эту ночь перед домом леди Лавинии. Днем вроде бы само собой, но зачем-то и ночью. Что за дурь, никогда она не выйдет гулять так поздно, здесь женщины даже днем не появляются в одиночку, но когда однажды на втором этаже на фоне занавески мелькнул женский силуэт, из меня от ликования брызнули золотыми фонтанами бенгальские искры, и я сидел там, затаившись в тени, до утра...

Сейчас я замедлил шаг, уже забыв о посольстве к жестокому королю, смотрел на окна, на ворота, что вдруг застекрипели, словно повинуясь давлению моего тяжелого взгляда, медленно стали распахиваться. По двору к воротам ехала на гнедой лошадке женщина в голубом платье, впереди шел слуга и вел коня на коротком поводе.

Сердце мое всхлипнуло и застыло, а потом, убедив-

шись, что не глюки, застучало часто и взахлеб. На леди Лавинии обычный головной убор женщины знатного происхождения: на голове очень высокий шпиль, похожий на верх Спасской башни, с кончика на спину падает нечто длинное и полупрозрачное голубого цвета. Шелковый платок укрывает голову так, что оставляет на виду только лицо, даже шея укутана. С плеч ниспадает легкий плащ, онложен по рангу знатным особам, но абсолютно нелеп в этот теплый солнечный день.

Гнедая лошадка, невысокая, как пони, но очень грациозная, словно выточена из дерева и покрыта лаком, гордясь такой всадницей, помахивала гривой, нервно переступала с ноги на ногу, косила на всех огненным глазом: оценили, какое сокровище она везет? На этот раз леди Лавиния сменила запыленный дорожный костюм из грубого полотна на нечто легкое, но тоже непривычно простое, без уже привычных глазу безобразных рюшек и финтифлюшек, все-таки дают себя знать прирожденный вкус и такт.

Она сидела на коне очень непривычно для моего глаза, даже дико, но, как понимаю, только так и ездят порядочные женщины: на особом женском седле, что и не седло вовсе, а просто-напросто широкая подушечка, обе ноги на одну сторону, зад слегка на другую, для равновесия, это очень красиво, даже эротично, но как-то несерьезно. Страшно подумать, что случится, если конь вдруг поскакет...

Непроизвольно я зашел с другой стороны, чтобы подхватить ее, такую нежную и легкую, подхватить на обе мои широкие дланни. Она вскинула брови, поинтересовалась ядовито:

— Что, захотелось на кружку эля?

— Ага, — сказал я и добавил мечтательно: — А если бы еще на две...

— Харя не треснет? — спросила она. — Впрочем, у меня есть работа. Надо вывезти навоз...

— Из ваших покоев? — спросил я. — Дык я завсегда!.. С умилением и счастьем... А ежели прямо из вашей спальни, то я задурно, только для вас!

Не зная, что придумать еще, я принялся освобождать в носу квартиру, рассматривая то добытые сокровища с детским любопытством, что есть постоянное состояние простолюдина, как и вечная угрюмость, то ее — такую нежную, воздушную, небесную. Леди Лавиния фыркнула, выудила монету из мешочка на поясе и бросила мне.

— Лови!.. Только не напивайся до привычного тебе состояния.

— Не стану, — пообещал я. — Только до благородного, когда рылом в салат.

В ее глазах метнулся запоздалый страх, вспомнила, но поздно. Я, нагло ухмыляясь, выудил из кармана золотой. Бросил хорошо, ей пришлось всего лишь разжать пальцы. Она инстинктивно сжала в кулак, ее щеки покраснели, а глаза гневно заблиствали.

— Сдача, — пояснил я.

Она швырнула монету слуге, тот поймал, увидел, какого достоинства монета у него в грязной пятерне, едва не упал под копыта ее лошадки.

— Это тебе на пропой, — сказала она слуге громко.

Тот икнул, побагровел, ноги его начали разъезжаться. Она послала коня вперед, слугу потащило, он кое-как забежал вперед, но все оглядывался на меня расширенными глазами.

— Даык как насчет навоза? — прокричал я вдогонку.

Она обернулась на ходу, наши взгляды встретились. Конь ее прибавил шагу, ей пришлось повернуться и направить его посреди улицы, чтобы не мешать пешеходам, что пугливо жались к стенам домов. Уже у самого выезда на площадь она зачем-то обернулась снова.

Я стоял на том же месте. Наши взгляды столкнулись в воздухе с легким серебряным звоном. Незримая нить возникла из ничего и соединила наши души. Это я ощущал с такой же определенностью, как гравитацию или плотность воздуха. И щенячий восторг ударил в сердце так, что я завизжал исступленно и громко... но, правда, про себя, здесь же улица, добежать бы поскорее до своей квартиры, там

похожу, нет — побегаю на ушах... Даже по стенам побегаю, каратэка несчастный.

Она меня увидела наконец-то! Она меня заметила!.. Она меня выделила из общей массы. И, боюсь об этом даже каркнуть, она ощутила ко мне нечто...

Ланселот ехал молчалив, задумчив. Крупные холодные глаза навыкате неотрывно смотрели вперед. Мне показалось, что он не знает, как держаться со мной, вчерашним простолюдином. Еще неделю тому все было легко и просто, но теперь как с простолюдином уже нельзя, а как с равным себе... тоже вроде бы чересчур.

Золотые кудри рассыпались по плечам, как тугие локонны из золотой проволоки. Длинное вытянутое лицо за время рейда за доспехами святого Георгия Победоносца похудело, черты лица заострились, а нижняя, выдвинутая вперед массивная челюсть, казалось, уже вовсе выступает, как у экскаватора. Мне всегда хотелось двинуть по ней ногой, никак не привыкну, что здесь это подается как признак мужественности, высокого рождения и осознания своего высокого достоинства.

От него и сейчас несет чистотой, фаянсостью, а на солнце он весь вспыхнул, заблистал, разбросал солнечные зайчики, словно весь из серебра и золота. Да и сам, в мире нечесаных и немытых рыцарей, выделяется просто стерильностью, как хирург перед операцией. Это не рейнджер, что для успеха скрытности операции вымажется в любом деръме, да еще и закусит им, чтобы пахло деръмом, отбивая человечий запах. Ланселот едет всегда прямо, всегда открыто, а жив лишь потому, что некоторые рождаются с музыкальным или математическим слухом, а Ланселот родился с даром владеть мечом, копьем и всеми прочими атрибутами воина.

Сейчас за ними гремели оружием, шутили и гарцевали на сытых конях отпрыски знатнейших родов, лучшие рыцари и герои защиты Зорра, прославленные победители

турниров, а он ехал тихий, задумчивый, посматривал на пташек в лесу и на белочек.

На второй день пути он подъехал ближе, наши кони пошли бок о бок, Ланселот косо взглянул в мою сторону, предупредил холодным четким голосом:

— Дик, в зал меня будут сопровождать двенадцать рыцарей. Меньше нельзя — урон моей чести, а больше нет смысла — и так будет тесно. Там своих достойных и славных хватает, прославленных во многих сражениях, турнирах и застольях. Ты будь от меня по правую руку. Я поразмыслил, вижу, Шарлегайл прав, как у него получается почти всегда. Ты рубашку распахни пошире, пусть Конрад увидит твой нечестивый амулет. И молот на пояссе подвесь спереди, чтоб Конрад увидел сразу...

— Что это будет за видок? — удивился я.

Ланселот подумал, поморщился:

— Да, это будет зрелище. А кто-то вообще узрит непристойный для смиренного христианина намек. Тебя не жалко, но и я буду опозорен, что стою с такой... таким рядом. Ладно, просто подвинь так, чтобы стало заметно.

— Что?

— Сэр Ричард, не серди меня. Я говорю про молот.

Он называл меня то Диком, как привык за трудную дорогу из Срединных Земель в Зорр, то сэром Ричардом, как принято по этикету. Меня подмывало предложить плюнуть на формальности и звать Диком всегда, но теперь это будет ущемлением моего рыцарского достоинства, ибо вряд ли он позволит называть себя Лансом или Лотсм.

Дорога накатана, небо чистое, за все время только однажды на голову и плечи обрушился холодный ливень, но дороги раскиснуть не успели, солнце выпарило воду и подсушило землю. Мы ехали, везде встречаемые толпами любопытствующего народа. Слух о нашем посольстве к Конраду достигнет Конрабурга намного раньше нас, передвигающихся в тяжелой рыцарской броне и на тяжелых конях, не склонных к легкомысленной скачке.

Через две недели показались стены угрюмого города,

выстроенного функционально правильно, без излишеств и украшений, экономически оправданно, зато с высокими стенами, множеством башен, где сразу же заблистали искры на доспехах, на шлемах, остриях копий.

Ланселот проронил угрюмо:

— Заметили... Сигналят.

— Нам? — спросил я.

— Нет, у них свои сигналы.

Стены разрастались, дорога стала шире. На стене народа прибавилось, из дальних башенок к воротам стягиваются любопытные, смотрят сверху, что-то кричат. Ланселот на ходу снял с крючка на седле рог, протрубил звонко и страшно.

Ворота распахнулись. Мы въехали, не останавливаясь и не придерживая коней. Да, либо о нашем прибытии уже знали, либо здесь такая прекрасная организация труда: всех коней моментально расхватали и увеличили, а нам вежливо предложили следовать во дворец Его Величества.

Дворец короля Конрада славился трофеями, в чем я убедился еще издали. На крыше замерла четверка вздыбленных коней, их привезли из Тер Овенса, когда захватили там столицу и предали мечу всю королевскую семью. Стены облицованы дивными изразцовыми плитками из Кельттуллы, их невозможно ни разбить, ни поцарапать, секрет изготовления утерян в глубинах веков, потому Конрад велел содрать их все до единой и привезти в свой любимый Конрабург.

Когда мы вступили в главный зал, Ланселот взглядом обратил мое внимание на колонны, поддерживающие свод. Из изумительно чистого зеленого камня, похожего на стекло, они выглядели странно изогнутыми, словно две гигантские руки выкручивали мокрую простыню. Странный дизайн, будто и не средневековые, а изыски современных корбюзье. По-моему, эти авангардные колонны выглядят вызывающе в довольно стандартном зале...

Я засмотрелся на скульптурную группу из белого мрамора, массивную, в два человеческих роста, под противо-

положной стеной. Там женщина с ребенком на руках, худой мужичок со сложенными ладонями, а за их спинами огромный человек с высоким лбом и бесконечно мудрыми глазами — он впятеро крупнее той пары, видны только голова и плечи, но все внимание его глазам. Скульптору удалось передать его нечеловеческую мощь, духовную красоту и зрелость, что превосходит все человеческое понимание. Я смотрел в его глаза, и мне казалось, что я вижу в них глубокую печаль и сочувствие: он видит всех, понимает всех, сочувствует и молча говорит: крепитесь. Победа придет!

— Это привезли из руин сожженной столицы в Кельтулле, — сказал Ланселот вполголоса. — Говорят, в саму Кельтуллу привезли вообще из каких-то руин древнего города. Все было разрушено, но это... дьявольские силы не посмели! Это вот Богоматерь с младенцем Иисусом на руках, это ее муж плотник Иосиф, а над ними сам Господь Бог...

Он благочестиво перекрестился. В зал входили рыцари короля Конрада, становились вдоль стен, высокие, крупные телами — король Конрад не очень-то считается с родовитостью, у него больше ценятся те, у кого в руках сила, а в голове — мозги.

Сверху с яруса загремели трубы. Вошел церемониймейстер, его жезл, больше похожий на посох, ударили в мраморную плиту пола с грохотом тарана, бьющего в запертые ворота. Все вздрогнули, напряглись, когда он провозгласил трубным голосом, что в один миг перекрыл все шумы:

— Его Величество Конрад Блистательный, Непобедимый и Победоносный, властелин земель...

Я некоторое время слушал титулы, там привычно перечислялись все территории, что принадлежали по праву, не по праву, были получены в дар, захвачены, куплены, отняты, отторгнуты, в это время двери распахнулись, король Конрад не вошел, а влетел, не дожидалась, когда через зал проползет впереди него блистательный титул с длиннующим, как у морского дракона, хвостом.

Мне показалось, что он стал еще стремительнее, злее, двигался нервожно, а в глазах мелькало бешенство загнан-

ного зверя. Рыцари за спинкой трона вытянулись в струнку. Когда он взбежал по ступенькам и почти прыгнул на сиденье, вошел грузный монах, встал слева от трона.

Ланселот почтительно поклонился, но преклонять колено перед чужим королем не стал.

— Ваше Величество!.. Король Шарлегайл шлет вам уверения в своем совершеннейшем почтении и восторге вашей мудростью, вашей проницательностью... это не говоря уже о вашем замечательном воинском таланте стратега, полководца!

Король Конрад сказал яростно:

— Мудростью? Проницательностью?.. Я этому ублюдку Арнольду никогда не прощу!.. Он меня опозорил перед соседними королями, перед простым людом, перед войсками!.. Меня до сих пор душат кошмары, когда снится та страшная площадь, заполненная народом!.. Как они смотрели на него, как смотрели... И что мне оставалось делать? Позориться еще больше?.. Прослыть королем-убийцей? Убийцей праведника?.. Уже и так меня втоптали в грязь тысячами глаз...

Он вскочил, в волнении и бешенстве забегал по устланному красным кумачом пятаку перед троном. Волосы растрепались и выбились из-под короны. Уже не прежний бешеный вепрь, что готов разнести все вокруг, сейчас Конрад то и дело бросал по сторонам тревожные взгляды.

Ланселот замялся. Конрад нарушил правила приема, смял протокол приема, вообще это слишком непредсказуемый король, многое делает не так, неверно, не по правилам...

Пауза затягивалась, я сделал шагок вперед и сказал, принимая огонь на себя:

— Ваше Величество... Ваше Величество!

— И кто втоптал! — воскликнул Конрад в бешенстве. — Кто втоптал?.. Те люди, которые до этого считали, что он не стал воевать из трусости!.. Как быстро все переменилось!.. Да черт с ними, теми людьми, хотя обидно, черт возьми!.. Я же не стал их облагать налогом, хотя моя армия поряд-

ком поизносилась за этот стремительный марш через горы. Треть конницы погибла в горных обвалах, мы же спешили как можно скорее обрушиться им на головы... Кто ж знал, что никто и не собирается защищаться? Я всю армию заново одел и вооружил из своей казны, из Конрабурга!. И вот эти неблагодарные... Нет, в самом деле, черт с ними!.. Но моя армия? Я же видел, как они смотрели на этого ублюдка с веревкой на шее!.. Уже и так шептались, что я по-бедой обязан исключительной трусости Арнольда, моей заслуги нет... а теперь еще и увидели, что Арнольд совсем не трус!

Ланселот открывал и закрывал рот. Прием послов явно скомкан, все полетело к черту. Я сказал громче:

— Ваше Величество, а вы не подумали, что королю Арнольду сейчас еще хреновее, чем вам?

Он в бешенстве развернулся в мою сторону всем корпусом.

— Как? — гаркнул он. — Как ему может быть хреновее... какое хорошее свежее слово! Он сейчас упивается поклонением своих придворных, преклонением всего народа!.. У них никогда еще не было такого короля, чтобы вот так за них, быдло сраное, отдавал жизнь... А теперь есть!

Я покосился на Ланселота, бледное лицо первого рыцаря пошло-розовыми пятнами, но все еще не находит слов, дабы восстановить ровное течение дипломатической процедуры приема послов, и я сказал торопливо:

— ...но вы ее, его жизнь, не взяли! И тем самым не дали королю Арнольду обрести сан святого мученика, который куда выше, чем сан короля... Вы ему поднасрали куда больше, Ваше Величество, чем он вам. Да-да, он там бесится, на стены бросается... наверняка. Потому что умереть красиво вы не дали, а вот жить так же красиво он не сможет.

Он кипел от ярости, но сдержался, прорычал лютно:

— Почему? Что ему помешает?

— Его слава, — объяснил я. — Он сейчас святой, вы абсолютно правы, Ваше Победоносное Величество. Ну а дальше? К святому и требования повыше, чем к королю. Одно

дело — совершить подвиг вот так красиво, на рывке, на глазах у всех, другое — жить... подвижнически. Вы думаете, сможет? Голову кладу на плаху — не сможет. Могу даже свою. И никто не смог бы. Даже Иисус Христос не смог бы, останься он жив, а уж король Арнольд совсем не Иисус.

Священник, пугливо молчавший подле трона, сказал предостерегающе:

— Кто ты, смеющий так богохульствовать про Иисуса, сына Божьего?

Я покачал головой:

— А что бы Иисус сказал о кострах, на которых сжигают несчастных, которых он не давал побивать даже камнями?.. Что он сказал бы о... Ладно, не будем увязать в теологии. Ваше Непобедимое Величество, уверяю: это вы одержали победу!.. О вас говорят как о справедливом короле, который поступил правильно... это мы с вами понимаем, что вас просто приперли к стенке, как медведя рогатиной, но народу удалось засадить по самые... словом, другую версию!.. А вот Арнольду сейчас надо играть роль святого и дальше. А такое ни Арнольд, ни кто другой не потянет.

Священник кряхтел, явно хотел поспорить, но видел, как король понемногу начинает оживать, и умолк, забился за трон подальше и поглубже. Главное, мне удалось слегка развеять тоску короля, дать ему кончик веревки, по которой можно выбраться на божий свет со дна чернейшей и глубочайшей депрессии.

Конрад еще рычал в бешенстве, но в глазах появилась надежда. Он взглянул на меня почти с мольбой, не брешу ли, как попова собака? Только не бреши... или бреши, но не признавайся, что брешешь.

— Не... потянет?

Я нагло улыбнулся.

— А что, по-вашему, кто-то на земле потянет?.. Если честно? Так что для Арнольда сейчас начинается падение. Долгое падение!

— Гм... — прорычал он в затруднении. — Если бы!

— Правда, Ваше Величество, — заверил я. — Ну, пред-

ставьте себе, если бы вы вдруг предстали перед народом святым... как бы вам... э-э... дальше? Денек можно походить гоголем, в павлиньих перьях, а другой, третий?.. Арнольду теперь такое всю оставшуюся жизнь.

Конрад призадумался, в лице пропустил страх. Он зябко передернул плечами.

— Святым?.. Нет, ни за вечное спасение!.. Лучше вот таким... грешным, но не так уж чтоб и совсем... Но Арнольду, собаке, так и надо!.. Пусть, гад, помучается с белыми крыльями за спиной.

— А вы, — сказал я настойчиво, — выглядите в глазах народа... как Алемандрии, так и Галли, а также всех воинов, — не важно, какого королевства, — как могучий и свирепый король, который одинаково наделен всеми рыцарскими доблестями!.. Вы знаете, какие слова труднее всего выговорить мужчине?

Священник и король задумались. Я видел, что и все рыцари заскрипели мозгами, думают. Даже Ланселот и вся наша свита впали в тяжелое раздумье.

Конрад нетерпеливо буркнул:

— А что тут думать?.. «Ты сильнее меня» — вот самые гадкие слова..

— Нет, Ваше Величество. Мужчине труднее всего сказать: «Я был не прав». На какие только ухищрения ни идут, только бы не сказать их!.. А вам даже не пришлось их говорить. Вы захватили королевство Арнольда, а потом вернули по своей королевской воле. Никто у вас не отнял, вернули сами. Теперь же вам просто стоит чуть-чуть закрепить свой имидж... то есть образ в глазах своих людей и вообще всего мира... Для этого, например, самое простое — отправить хотя бы тысячу воинов в крепость Зорр... тысячи, конечно, мало, но даже такой поступок сразу возвысит вас в глазах христианского мира. Или выставить на границах своего королевства заслоны против проникновения агентов Тьмы...

Священник торопливо забормотал молитву, глаза испуганно и с великой надеждой следили за мной. Король призадумался, прорычал:

— Да это нетрудно... Что для меня тысяча!.. Могу и пять, да надо ли?

— Вообще-то, — сказал я осторожно, — король Арнольд отправил в Зорр пять тысяч воинов.

Священник сказал суетливой скороговоркой:

— Благое дело сотворил, благое...

Конрад рыкнул, походил взад-вперед перед троном.

— Но я тогда и сам превращусь в иисусика!.. Меня заплюют мои же рыцари. Скажут, что вот-вот отрастут крылья, как у большого жирного гуся. И над головой уже нимб... хотя я знаю, что это просто рога срослись.

Я сказал проникновенно:

— Ваше Величество!.. Нет в Зорре иисусиков, нет. Есть нормальные здоровые рыцари. Что такое рыцари? Это крепкие мужчины с отвагой в сердце и...

Пальцы мои тем временем сняли с пояса молот. Конрад насторожился, глаза сузились, рука потянулась к рукояти меча. Я с силой метнул, держа взглядом скульптурную группу из руин Кельтуллы. Молот пронесся с диким воем, мраморная статуя треснула, взорвалась тысячью мельчайших осколков. Они еще летели через зал, а молот, описав красивую дугу, смачно шлепнулся в мою подставленную ладонь.

Я улыбнулся Конраду, что не сводил с меня глаз, повесил молот на пояс и учтиво поклонился.

— Как видите, Ваше Величество... А я ведь воин Зорра, христианского королевства.

В зале стояла потрясенная тишина. Рыцари застыли с выдернутыми из ножен мечами. Конрад кивком велел спрятать железо в ножны, посмотрел на меня, насупив брови:

— Что за чертов молот у тебя, рыцарь?

— Языческий, — ответил я. — Который, вон посмотрите, ваш священник не одобряет.

Священник, белый от ужаса, крестился, бормотал молитвы, руки мелькали со скоростью ветряной мельницы во время урагана. Он упал на колени и звучно бился лбом о мраморный пол, усеянный останками мраморной композиции.

— Да-а, — сказал Конрад с удовольствием. — Да ты еще и богохульник?.. Тебя ж за эту статую церковь проклянет!.. И на костер, на костер... Еще и танцы вокруг костра устроит.

— Наша, — сказал я и выдвинул по-ланселотти нижнюю челюсть, — что в Зорре, не проклянет.

Он все еще колебался, раздумывал. В зале было тихо, Конрад был известен как непредсказуемый король, который решения принимает быстро, никогда не советуется с окружением... и почти никогда не ошибается.

— Ну, — проговорил он медленно, все еще раздумывая и подбирая слова, — если святоши Зорра такой молот не отобрали и не бросили в огонь... Ладно, на том и порешим! Я пришлю вам пять тысяч воинов!.. Нет, пять прислал Арнольд, я пришлю семь. Мог бы и тысячу, у меня один стоит десяти Арнольдовых, но... пусть будет семь.

Глава 3

Назад то неслись во весь опор, то ползли, как черепахи. Ланселот оглядывался, словно за ним мчался табун чертей с вилами. Но за нами двигалась прекрасно обученная конница, которой нужно давать время на отдых. Земля грохотала и стонала, когда все семь тысяч тяжеловооруженных всадников — хвастливый Конрад прислал сильнейших — неслись за ними следом.

В конце концов Ланселот объявил барону Генкелю, командующему этим семитысячным войском, что мы поедем вперед, чтобы организовать им достойную их славы и воинского умения встречу. Но когда мы оторвались на полмили вперед, Ланселот повернул голову в мою сторону, и я увидел, что неустрашимый рыцарь смертельно напуган.

— Как, — воскликнул он в яростной растерянности, — как ты осмелился разбить священную реликвию?..

— Как? — переспросил я. — Да молотом, как еще... А здорово брызнуло?

— Не играй словами! — сказал он металлическим голосом. — Такого кощунства... даже от тебя не ждал!

— Но результат налицо? — спросил я. — Конрад отправил в Зорр большой отряд. Что еще?

— Да что Конрад... Тебе не дорога твоя душа?

Он покачивался в седле, ровный и железный, как прежде, но лицо впервые было испуганным, а глаза вылезали из орбит. Даже нижняя челюсть стала короче, что ее хозяина нисколько не портило. С этой челюстью и страхом на морде лица он стал несколько человечнее, что ли. Но на меня бросал острые злые взгляды, что высекали искры о мои доспехи. Не будь этого железа, я бы уже истекал кровью.

— Я сумею это объяснить святой инквизиции, — ответил я. — Ну, попробую суметь.

— Да кто тебя будет спрашивать? Тебя сразу к столбу на площади! Я первым брошу факел на кучу хвороста!

— Не будем решать за святую церковь, — предложил я. — Это кощунство... это даже дьявольская гордыня — предрещать приговор святейшей инквизиции! Не так ли, сэр Ланселот?

Он задохнулся, будто его ударили бревном в живот. Я старался держать лицо каменным, по-ланселоти, как я это называл, хотя сейчас Ланселот выглядел напуганным, как кролик под копытами боевого коня. Сам же я внутри трясясь мелкой дрожью, ибо я вовсе не был уверен, что поступил правильно. Нет, я поступил правильно, но не уверен, что инквизиция это оценит так же, как оценил я..

— Главное, — сказал я, — что сам Конрад не рассвирепел, что я разбил эту статую. Этого я страшился больше всего.

— Да ему на трофеи наплевать, — отмахнулся Ланселот. — Для него важнее привезти в свою столицу, показать, похвастаться, утвердиться, чтобы все видели. А потом уже и забывает.

За нами скакали наши рыцари, прислушиваясь к каждому слову. Граф Розенберг сказал весело:

— Ричард ему место освободил в покоях!

— Верно, — поддержал другой рыцарь, великан Крон де Гарц. — Там уже тесно, новые трофеи ставить некуда.

А третий, его имени я не знал, сказал с ухмылкой:

— А я слышал, что та святая семейка его самого давно раздражала. Привез сдуру, мол, там ее очень ценили, значит — дорогая. Там дальше у него все стены в дорогих мечах, топорах, кинжалах, что выгреб из королевских спален и оружейных! Эта статуя ему только мешалась.

Через две недели появились и начали приближаться се-рые стены Зорра. Мы услышали рев труб, скрежет желез-ных цепей и скрип бревен в подъемном мосту. Он опускался медленно, нехотя, а лег на край противоположного рва с таким видом, что умрет, но больше не поднимется.

На стене и на верху каменной арки над воротами страж-ники весело кричали. Узнали Ланселота, да и мне доста-лась пара выкриков, но уже от щедрот. Металлическая ре-шетка, выкованная из толстых прутьев толщиной в мою руку, медленно поползла вверх.

Направляясь в город или в замок, любой рыцарь всегда надевает боевые доспехи. И дорога бывает опасной, да и показать себя надо во всем блеске. Парадные есть далеко не у всякого, только самые знатные и богатые могут позво-лить себе подобную роскошь, но празднично выглядят уже сами по себе доспехи, щит с гербом, рыцарское копье, ог-ромный конь под боевой попоной...

Правда, въехав в городские врата, а тем более в ворота чужого замка, рыцарь-чужак обязан снять доспехи. Если забывал, ему настойчиво, очень настойчиво напоминают. В доспехах пропускают только тех, кому хозяин замка до-веряет всецело, но даже он обязан снимать доспехи, если приезжает с другими, чтобы не выделяться.

Среди серого народа, в серых одеяниях из мешковин, въезд рыцарей в город всегда зрелище. И сейчас на стены лезли те, кто успел раньше, другие выбегали из домов и выстраивались вдоль проезжей части улицы.

Наши кони привычно пошли по деревянному настилу моста. Решетка поднялась, я видел только блестящие ост-рия, похожие на наконечники копий. По спине прошли

мурашки, представил, что веревка оборвется и эта решетка сорвется вниз. Весит несколько тонн, пришипит к земле вместе к конем, как таракана. Нет, как жука в его прочном хитиновом панцире.

Как только мы ее миновали, она стремительно понеслась вниз, будто и в самом деле оборвалась веревка. Железные острия с глухим стуком глубоко вонзились в сухую утоптанную землю. А впереди выход во двор перекрывает вторая решетка. Мы очутились в тесной западне. Из ниши в каменной стене вышел священник, обошел вокруг нас со святыми дарами в руках, прочел молитву, даже окропил святой водой. Мы терпеливо ждали. Под видом возвращавшихся рыцарей в Зорр уже не раз пыталась проникнуть нечисть, а проклятые оборотники каждый день придумывают новые трюки.

Наконец священник отступил, Ланселоту поклонился, на меня смотрел со страхом и ненавистью, но смолчал, знает о решении отцов инквизиции отложить решение по моей виновности.

Решетка заскрипела, поднялась, мы выехали из тени на ярко освещенное пространство. Во дворе за наше отсутствие словно бы прибавилось людей, но чувствуется и железная рука Беольдра: телеги вдоль стен, праздношатающихся загрузили работой, рядом с булочной спешно построили еще одну, беженцы не выстраиваются в длинную очередь.

Я ехал, красиво держа копье острием вверх. Конечно, даже мне не удержать это бревно вот так в руке, но оно тупым концом стоит в особой лунке в седле, немногим выше стремени, основную тяжесть несет конь, я только придерживаю, чтобы сохранило равновесие.

Когда понадобится, я напрягу все мышцы и положу его горизонтально, но и тогда не буду удерживать этот рельс, а прислоню к луке седла, так делают все рыцари.

Когда проезжали через площадь к замку, из домов уже высыпали горожане. На нас глазели, выкрикивали приветствия, живо пересказывали, кто мы, чем знамениты. Жар прокатился вдоль спинного хребта, я заерзал в седле, серд-

це застучало чаще, заныло. Глаза отыскали в толпе группу очень нарядных горожан, в середине — две женщины, мужчины вокруг, одна из них смотрит прямо на меня. Я увидел карие глаза, вздернутые брови, изумленно раскрытый рот, коралловые губы...

Она смотрела на меня неотрывно, я чуть наклонил голову. Если бы не сдерживал себя изо всех сил, я бы поклонился так низко, что свалился бы с коня к ней под ноги, чтобы видеть ее, слышать ее запах, чтобы она что-то сказала мне, лично мне... пусть даже попинала бы меня своей божественной ножкой.

Я успел только снять доспехи и рубашку, слуга лил мне на голову воду из кувшина, я остервенело смывал пот и грязь, когда в дверь постучали. Мальчишка-слуга помчался открывать, я продолжал свой непонятный для христиан ритуал, ибо до крестовых походов тут еще не дошли или же прошли мимо таких возможностей, а культуру мытья в Европу занесли только возвращающиеся с Востока рыцари.

Слуга подал полотенце, за моей спиной скрипнул стул. Там сидел монах, когда только и появился, лицо скрыто надвинутым на глаза капюшоном, словно не желает видеть непонятный, а значит, дьявольский обряд. Из длинных широких рукавов высунулись худые морщинистые пальцы.

Я бросил полотенце слуге, он послушно протянул мне рубашку. Я сказал сердито:

- Есть же чистая, дурень!
- Но эта... эта ж совсем целая...
- Дурень, — сказал я зло, — пропахла потом, не чуешь?

Пусть выстирают, а мне неси чистую. Да быстрее, а то...

Он исчез, из-под капюшона послышался смешок. Я молчал, только сердце колотится быстро и пугливо. Слуга принес рубашку, я влез в нее, и только тогда дряблая рука сдвинула капюшон на плечи, словно до этого монах не желал осквернять себя видом здоровой плоти.

Отец Дитрих, один из инквизиторов, за это время не то постарел еще, не то изнуряет себя аскезой. Морщины на

худом лице стали резче, сутулится, даже сидя. Седые волосы неопрятными космами лежат на плечах, лицо странно темное, словно не в церковных подземельях проводит время, а скачет на коне, подставив лицо палиющему солнцу.

Его глаза следили за мной очень внимательно. Я стоял, не решаясь даже сесть, словно школьник младших классов перед строгим учителем. А то и директором школы.

— Ты можешь сесть, Дик, — сказал он, и я сразу отметил это «Дик» вместо «сын мой» или «сэр Ричард», — хотя разговор будет недолгий, ибо я просто шел мимо... в самом деле шел мимо, это не уловка.

— Спасибо, патер, — ответил я настороженно, — что заглянули...

— Заглянул, — ответил он. — Странно ты живешь... Во всем странность. Ладно, я о другом. В святейшем капитуле инквизиции уже составили свое мнение о твоем... поступке. И даже вынесли решение.

Сердце мое заколотилось, я спросил с трепетом:

— Какое?

— Однако, — сказал он, словно не слыша, — не одного меня заинтересовало... да-да, заинтересовало... Твои мотивы для нас непонятны. Чем ты руководствовался, Дик?

— Священным Писанием, — ответил я. — Или не Писанием, не помню. Но ведь где-то ж сказано: не сотвори себе кумира?.. Бог везде, а не в том камне!.. Как бы красиво и благочестиво ни изобразили Бога, но это грех идолопоклонства. Я просто уничтожил идола.

Дитрих не сводил с меня глубоко запавших глаз. В глубине зрачков простирали оранжевые огоньки, исчезли. Это слуга внес горящие свечи и пугливо исчез.

Голос инквизитора прозвучал строго, без каких-либо интонаций:

— Но тысячи людей в течение веков молились этому... изваянию. Как ты осмелился?

— Истинный храм строится в душе человека, — ответил я осторожно. — Потому дозволено будет разрушить даже неверно построенную церковь... ибо созданное руками

человека не может равняться с тем, что строит сам Господь. Никто не смеет изображать Бога...

А про себя добавил, что ислам пошел еще дальше, запретив изображать даже людей и животных, вплоть до цветов, все из того же страха впасть в идолопоклонничество.

— Бог — это дух, — закончил я. — А у духа нет образа.

Дитрих помолчал, всматриваясь в меня глубоко запавшими глазами. Я чувствовал его интенсивный взгляд, но, странное дело, сейчас не было страха. Тогда, в разговоре с Ланселотом, страшился, инквизиция может с ходу на костер, но увидел Дитриха, его умное просветленное лицо и строгие глаза, и сразу ощущил себя увереннее.

Наконец Дитрих замедленно кивнул. Даже не кивнул, а чуть-чуть наклонил голову.

— И твой молот, — сказал он бесстрастно, — послужил орудием Божьего гнева, что сокрушил идола... Мы давно негодовали на ту мерзость, но у нас нет власти в чужих странах. Как, впрочем, нет и здесь. Это хорошо, Дик, что ты сделал это не из озорства, не из дьявольской гордыни, не для того, чтобы побахвалиться перед чужим королем своей мощью, а лишь смиренно преисполнившись Духом Божиим. Что я могу тебе сказать, Дик? Только что в тиши закончилось тайное заседание святейшей инквизиции...

Я ощутил холодок под сердцем. Все тело напряглось, дыхание застряло в горле. Дитрих сказал торжественно:

— Святая церковь в своей бесконечной милости... руководствуясь гуманностью и христианским смирением... с радостью в своем любящем сердце... ах да, забыл добавить, что большая часть отцов церкви полагает, что то вовсе не грех изображения Господа Бога! Просто в давние времена, еще до прихода Иисуса Христа, бедные идолопоклонники, не знавшие света истинной веры, так изображали своих богов, ныне демонов... Потом неграмотные люди решили, что это и есть древние изображения Святой Троицы... Да, так вот, возвращаясь к решению святейшей инквизиции... Решением святейшего трибунала с тебя снято... обвинение в сношениях с дьяволом или служении его воле.

— Фу, — выдохнул я с облегчением, — что ж вы тянули, отец Дитрих? Я чуть не обосрался. Конечно же, я не знаю молитв, но я... стараюсь отыдить от зла и творить благо! Как могу, конечно.

Он сказал благочестиво:

— Ты уже сотворил молитву.

— Я?

— Да. И твоя молитва дошла до Божьего слуха.

Я раскрыл рот, всмотрелся в его глаза, где появилось подобие улыбки.

— Это молотом по мрамору?.. Да грохот был такой, что могли услышать и на небе. А у Бога, думаю, слух, как у... словом, хороший слух.

— Молитва делом, — сказал он просто, — самая лучшая молитва.

— Спасибо, отец Дитрих!

Он с кряхтением поднялся, уже повернулся уходить, взглянул через плечо:

— Господа Бога нашего благодари за Его милосердие... Но вообще-то, Дик, я не хотел бы на твое место. Мне Бог всегда поддержка и опора, совет и утешение, в нем я нахожу понимание и прощение... но ты, не принимающий Бога, не принимающий Дьявола, ты — одинок, ты страшно одинок... А как может душа человеческая жить в черном одиночестве?

Я пошел проводить до дверей, поколебался, сказал со стыдом:

— Мне совестно, отец Дитрих, но, когда Сатана говорил со мной, больше всего мне не понравилось... что он сразу на «ты». Я уверен, что Господь Бог, если бы заговорил, обращался бы как «сэр Ричард». Как верховный сюзерен, но — на «вы». Вот просто почему-то уверен! Я понимаю, «ты» упрощает отношения, сближает и все такое, но вот не могу... это противно даже, чтоб вот так сразу... или чересчур быстро. Для «ты» надо созреть. А сразу — все равно что тащить морковку за листья, пусть быстрее вырастет!

Он взялся за ручку двери, помедлил, голос прозвучал строже:

— Сын мой даже не догадывается, насколько глубоко проник... Праородитель наш Ной дал человеку всего три запрета, но навеки отделил ими человека от скотов. Святой Моисей добавил еще семь, и человек стал ближе к Богу, а от скота дальше. Иисус Христос принес еще правила и ограничения, а отцы церкви, развивая его святое учение, воздвигают новые нравственные запреты, тем самым человека делают человечнее, а дьявола посрамляют, ибо тот жаждет человека ввергнуть в скотство. И это поспешное «ты» — тоже от дьявола! Ты этого не знал, но... ощущил. Да будет с тобой благословение церкви!

Он ушел, а я, стиснув челюсти, смотрел вслед. Может душа человеческая жить в одиночестве, может. Если оглушить, как кроля обухом меж ушей, если каждую свободную минуту заставить развлекаться и — не думать, не думать, ни в коем случае не думать!!!

Глава 4

Дверь скрипнула, в проеме появилась лохматая голова. Из-под грязных нечесаных волос на меня уставились круглые испуганные глаза.

— Уже ушел?

— Нет, — ответил я раздраженно. — Вот он сидит!

Слуга взглянул в страхе на пустой стул. Волосы начали подниматься на его дурной голове с оттопыренными ушами. Я подосадовал на свою дурацкую шуточку, уже сегодня вечером все во дворе будут знать, что у меня сидел призрачный монах, что ко мне летают голые бабы с крыльями, а из-под пола вылезает... ну, что-то вылезит.

— Изыди, — велел я. — Если опять пережаришь мясо, я тебя самого на сковородку!

Он исчез, только за дверью послышался быстро удаляющийся топот башмаков на деревянной подошве. Я вперил взор в стену, там то, за что мужчины готовы отдать

положими, а то и жизни: дивный меч в ножнах старинной работы, его отточенное, как острейшая бритва, лезвие рубит любые доспехи, а на нем ни единой щербинки, дальше — треугольный, с выемками вверху по краям рыцарский щит, дивная чеканка... на простом крюке мой чудесный молот, бьет подобно гранатомету, возвращается в ладонь вернее бумеранга...

А если учесть, что вон в углу на отдельной лавке доспехи Арианта, древнего героя, их не пробить никаким оружием, то я защищен едва ли не лучше всех в Зорре. Но счастливее ли я... если она приехала к какому-то сраному мужу, а я томлюсь здесь, как менджнун долбаный, изнываю, мне хреново, но что я могу сделать?

За спиной послышался легкий понимающий смешок. Рука моя метнулась к поясу, где пальцы обычно натыкаются на рукоять кинжала. Это получилось бездумно, сзади прозвучал мягкий интеллигентный смех.

Он стоял посреди комнаты, одетый просто, но, как говорят, со вкусом. Обычный такой зажиточный горожанин. Средний, самый средний из них. Живые черные, как спелые сливы, глаза наблюдали за мной с интересом.

— Раньше у вас этого жеста не было, — заметил он. — Позвольте присесть?

— Да, конечно, — сказал я. — Располагайтесь... Как говорят: будьте, как дома, но в холодильник — ни-ни. Удивлен, что вы так спокойно появляетесь в таком месте, как Зорр.

Он уже сидел в свободной непринужденной позе, забросив ногу на ногу, причем самым элегантнейшим образом, когда лодыжка одной ноги покойится на колене другой. Я вынужденно сел напротив, чтобы не давать преимущества дьяволу даже в такой мелочи.

— Да, — признался он, — Зорр — довольно неприятное место. Одни святоши, полно попов, черных ряс... Мракобесие какое-то!..

— А их аура святости не мешает?

Он покачал головой.

— Нисколько.

— Ничуточки? — спросил я, не поверив. — А я слышал, что стоит только показать крест, как исчезаете с жутким воем и... простите, неприятным запахом.

— Бред, — ответил он, — преувеличение своих сил, преуменьшение сил противника — все привычно, все всегда одинаково... Правда, я не могу оставаться, если меня не желают видеть или слышать, это закреплено в Правилах... ну а так я вообще-то вхож, как вы знаете, даже к Богу. В любое время. А там, как догадываетесь, аура помошнее, чем среди этих вонючих попов, что всю жизнь не моются.

— То аскеты не моются, — возразил я. — Да некоторые из монахов, давшие такой обет. Ладно, дело не в этом. Чем я обязан вниманием человека, который вхож в покой... даже не решаюсь назвать имя Верховного Сюзерена?

Он сдержанно улыбнулся, обронил:

— А его имя никто не знает. Но это так, к слову. Вы, помнится, высказывали мысль... желание посетить южные страны?

— Да, — согласился я и подумал, что дьявол явно слышал мой разговор с Дитрихом, ибо мгновенно перешел с фамильярного «ты» на более вежливое «вы». — Высказывал.

— И как сейчас?

— Не передумал, — ответил я твердо.

Он щелкнул пальцами, на столе появился золотой кувшин такой дивной чеканки, что у меня остановилось дыхание. Второй щелчок — возникли два старинных кубка, тоже золотые, мелкие рубины идут по ободку, зеленые камешки всажены в основание.

— Хотите вина?

Я подумал, отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Почему? — спросил он хитро.

— Мне нужна чистая голова, — ответил я, — и ясный, по возможности, мозг.

Он сказал восхищенно:

— Прекрасный ответ!.. А я уж подумал, что сошлетесь на запрет пить с дьяволом. Ладно, тогда скажу сразу, что я

кое-что придумал... Сложная такая комбинация, с вовлечением очень многих переменных... Но я единственный в этом мире гроссмейстер, которого... В детали вас посвящать не буду, скажу только, что у вас появится возможность посетить те самые южные края.

Я кивнул, мол, спасибо, но вслух поинтересовался:

— А какая вам от этого выгода?

Он улыбнулся.

— Вы правы, выгода должна быть во всем. Странно, что вы все еще не с нами. Собственно, вы уже с нами, только не признаетесь в этом... даже себе. Но по завершении этой комбинации вы это признаете. Да-да, вы скажете это вслух. Ибо сказать будет из-за чего... Кстати, вино очень легкое. От него голова никогда не болит.

Я потряс головой.

— Ни фига не понял. Что я признаю?

— Что вы с нами, — ответил он. — Это будет... заметно. Вообще я люблю, чтобы это было заметно всем. Скажем, в этом городе однажды вместо голубей взовьются прелестные такие летучие мыши!.. Почему мыши? Да просто потому, что я их люблю. А голубей не люблю. Вопреки распространенному мнению, голуби — довольно грязные животные.

— Летающие крысы, — сказал я невольно. — Да, у нас их называют именно так. За одинаковый набор болезней, что разносят с крысами вместе. Значит, когда здесь вместо голубей взовьются летучие мыши... я пойму, что в чем-то проиграл?

— Поймете раньше, — сообщил он. — Это другие поймут с появлением над Зорром летучих мышей. Я сейчас вообще предложил одно интересное пари... Нет, не с вами, намного выше, мой дорогой рыцарь, намного выше!.. На карту будет поставлена судьба самого Зорра... под каким знаменем ему быть. Естественно, я тоже кое-что поставлю на карту, но я-то знаю, что в расчетах и стратегии мне нет равных!.. Кстати, насчет летающих крыс — спасибо. Прекрасное сравнение. У вас их так зовут?.. Все больше убеждаюсь, что в вашем мире я победил давно иочно.

Предостерегающий холодок прокатывался по моей спине, проникал во внутренности. Я чувствовал, как шевелятся волосы, руки уже покрылись гусиной кожей.

— Гроссмейстер? — переспросил я как можно более ровно. — В моем мире гроссмейстером рыцарского ордена становился обычно самый сильный рыцарь... В нашем понимании — черный рыцарь Зла. Псы-рыцари и все такое. Как у вас с этим?

Он хитро прищурился.

— Вас интересует, принимаю ли я участие лично?..
Принимаю, как видите.

— Я имею в виду...

— Понятно, на коне и с копьем наперевес?.. Вынужден разочаровать, нет. Я пытаю глубочайшее отвращение к подобным... подобному. Мой статус непревзойденного стратега заставляет меня пользоваться только...

Он остановился, подыскивая слова. Я подсказал:

— Идеологией. Пропагандой. Пиаром... Здесь это называется искушением, соблазнением, совращением.

Он просиял:

— Как вы хорошо и точно подбираете слова! Пожалуй, я добавлю к своему арсеналу эти термины, суть которых смутно понимаю... Они, как я чувствую, ориентированы на умы чуть выше рангом среднего. Совращения — для черни, идеология — для рыцарского сословия. Верно? Вот видите, я готов учиться всему, у всех, что и делаю. А эти ваши рыцари свысока смотрят на все, даже читать и писать не желают учиться... Говорю вам абсолютно честно, да вы и сами это видите: я никогда ни при каких обстоятельствах не вмешиваюсь в жизнь людей, зверей и всего сущего своей силой или магией. Ах, сэр Ричард! Если бы вы знали, какое это наслаждение — заставить пусть самого мелкого и ничтожного человечка поступать по своей воле... а я двигаю народами!.. то вы бы никогда не предположили такую глупость, что я способен кого-то стукнуть палкой по голове! Нет, нет и еще раз нет. Это против моих принципов.

Или нет, ведь принципов у меня нет, но это против моей натуры. Это... это...

— Микроскопом забивать гвозди, — сказал я. — Э-э... королевской короной забивать железный крюк в стену. Да, теперь понимаю.

От кубка с вином шел прянный аромат. Я машинально взял, глаза моего собеседника сперва расширились в изумлении, тут же сощурились. Он взял второй кубок, но чокаться не стали, я отпил чуть, вино приятно обожгло горло. Вкус был слегка терпкий, какой я люблю.

— В самом деле легкое, — сказал я. — Прекрасное вино.

— Вот видите, — сказал он весело, — и я что-то делаю людям приятное!

Мы улыбались друг другу, но если он держался как с потенциальным сообщником, то мне такая вежливость больше напоминала изысканную вежливость дуэлянтов.

Настал вечер, затем поздний вечер, пришла ночь, я метался по дому, как загнанный зверь. Слуги слышали мои тяжелые шаги, забились в норы, как пугливые мыши. Наконец свежий воздух охладил мое раскаленное лицо, я сообразил, что иду по улице, а эти серые громады, что мелькают по обе стороны, — это дома.

Крупная луна поднялась над крышами. Черные зловещие тучи заглатывали ее часто, тогда я шел почти наугад, но потом мне стало хватать даже редкого рассеянного света от слабой свечи, что пробивается в щель между плотно закрытыми ставнями.

Затаившись, я долго наблюдал за высоким мрачным домом, а когда уверился, что никого поблизости нет, быстро перелез высокий забор. На самом верху меня пронзил тысячами ядовитых стрел немыслимо яркий лунный свет. Я ощущал себя вытолкнутым на сцену перед тысячей жущих глаз, поспешно свалился на ту сторону. Затрещали кусты, что-то колючее впилось в мою руку, царапнуло шею. Я затаился, как мышь в углу комнаты, по которой ходит огромный свирепый кот.

В саду затихло, мертвая тишина. Запел робко кузнечик,

а другие, выждав и видя, что смельчака никто не съел, поддержали тонкими прозрачными трелями. Я прислушался, какой там хор, это говорят тупые неучи, каждый орет свое, охраняет личный участок и зазывает самку. Все стараются перекричать друг друга. В этом мире, как у людей, кто кричит о себе громче, того и считают лучше, сильнее, красивее...

Глаза уже привыкли к темноте, а когда я поднялся над кустами, рассеянный свет, что проникал сквозь кроны, уже высвечивал весь сад в черно-белом цвете. Громада дома угадывалась в десятке шагов. Пригибаясь, я добежал до стены, там глубокая тень, затаился на долгих пару минут, потом начал тихонько красться вдоль стены.

Она стояла в каменной нише, то ли чтобы прятаться от дождя, то ли от падающих сверху камней, никогда не пойму тонкости жизни в замках. Ее взор был устремлен в глубину сада. Я выпрямился, в груди больно от толчков изнутри, я жадно вбирал ее всеми чувствами, фибрами, нервами, душой и сердцем.

Она обернулась, ощущив мой взгляд. Я вышел из тени. Она стояла молча, ее глаза обшаривали мое лицо.

— Леди Лавиния, — начал я и запнулся.

Она сказала тихо:

— Не надо. Я нарочно вышла в этот сад... ночью. Почекуму-то мне показалось...

— Мне тоже почудилось, — сказал я тоже совсем тихо, — что смогу увидеть вас здесь. Это было дико, неразумно... это был зов сердца, а не ума, но я пошел за своим сердцем...

Она покачала головой, ее глаза все еще не отрывались от моего лица.

— Сэр Ричард, — прошептала она, — тот самый... то-то я сразу ощутила, что под маской простолюдина скрывается то ли сам сатана, то ли дьявол...

— Но никак не ангел, — закончил я.

— Не ангел, — согласилась она грустно. — Иначе моя душа не горела бы, как в огне.

Я протянул к ней руки. Она только что была там, на

ступеньках, и в следующее мгновение оказалась у меня на груди, тесно прижавшись, обхватив меня обеими руками.

— Леди Лавиния, — прошептал я. Мои губы бережно касались ее волос. — Ох, леди Лавиния...

Ее тело вздрогивало, она сказала быстрым сбивчивым шепотом:

— Мы оба обезумели. Это наваждение!.. Это искушение... против которого мы не устояли. Это сумасшествие, что мы делаем, что мы делаем...

В лунном свете на ее щеках засияли мокрые дорожки. Я с невыразимой нежностью и бережностью осушал их своими твердыми, как дерево, негнущимися губами.

— Леди Лавиния... Мы оба понимали, что начинается... и сопротивлялись как могли...

Она слабо улыбнулась.

— Да уж...

— Было заметно?

— Это когда в носу ковырялись?

Она даже хихикнула, сейчас можно, мы в объятиях друг друга, мы на небесах, время для нас остановилось, вечность замкнулась, мы наконец-то в том, к чему наши души все время стремились, а мы не понимали, двое прекраснодушных идиотов...

Я возвращался поздно, ноги мои заплетались, но я чувствовал, что иду, как эльф, едва касаясь ногами земли, а то и плыву над нею в стиле «а мне летать, а мне летать, а мне летать охота!» Уже возле дома из тени выпрыгнула человеческая фигура. За молот хвататься поздно, я выдернул из ножен кинжал.

Человек торопливо вскрикнул:

— Ваша милость, это я, Зардан!.. Король послал за вами. Срочно.

Я сунул кинжал в ножны, не попадя, снова потыкал, пока узкое лезвие отыскало щель. Королевский посланец переступал с ноги на ногу.

— Давно ждешь?

— Да, — ответил он торопливо. — Ваш слуга сказал, что вы на прогулке. Я уж хотел было искать, но не знал ваши любимые места...

«Теперь у меня такое место есть», — подумал я, но вслух сказал:

— Тогда, наверное, уже поздно? Все-таки ночь.

— Король велел, — сказал он непреклонно. — Что будет, если я вернусь и скажу, что вы отказались подчиниться?

— Лучше даже не представляй, — посоветовал я. — Пойдем!

Королевский дворец выглядел темной громадой на темно-синем небе. Луна серебрит крыши и верх башен, все остальное выглядит чернее дегтя. Но ворота открыли сразу, стража бдит, а наши лица в светё факелов увидели издали. В залах половина светильников погашена, суровый Зорр не тратит зря масло.

Стражи молча указали на двери в малый зал. Один оставил копье у стены и распахнул передо мной створки. В хорошо освещенном помещении за узким столом сидят двое. Шарлегайл ко мне лицом и спиной — плотного сложения мужчина в очень пышной одежде. Между ними серебряный кувшин и два золотых кубка.

Я поклонился от двери, сделал несколько шагов, положил руку на сердце и поклонился снова. Шарлегайл вялым жестом велел мне без всяких церемоний садиться за стол третьим. Я послушно сел, неофициально — так неофициально, я ж понимаю разницу, посмотрел на собеседника короля.

Крупный мужчина с надменным лицом и манерами государственного деятеля. Щеки на плечах, напомаженные волосы блестят, а холеная борода заплетена в мелкие косички. Стол закрывает брюхо, да еще масса пышных одежд, но я ощущал, что его брюхо лежит на коленях. Одежды на нем как на капусте, только капуста скромнее, а на этом все цвета радуги...

Шарлегайл сказал скруто:

— Ричард, это лорд Нильс из рода дель Гендагарров.

Мы уже все обговорили, так что тебе только... выводы. Как ты уже знаешь, сэр Ланселот сегодня ночью был ранен...

Я ахнул:

— Как?.. Ведь мы отбросили Карла...

— Не Карл, — ответил Шарлегайл. — Враг заслал к нам под покровом ночи подлых убийц...

Вельможа, который Нильс из рода дель Гендагарров, сказал льстиво:

— Это они пытались покуситься на вашу драгоценную жизнь!

— ...но Ланселот спит чутко, — проговорил Шерлегайл, не поведя и бровью. — Он не успел схватиться на меч, но, даже раненый, отнял у них мечи и поразил их всех троих. Сейчас лекари...

Вельможа прервал:

— Ваше Величество, вы зря тратите время на этого простолюдина... Ах да, простите, он уже рыцарь!.. Я сказал, что мой брат вызвался отвезти святыню! Не знаю, что на него нашло, но он просто умолял меня прийти к вам и уговорить поручить это славное дело ему.

Я молчал, еще не понимая, Шарлегайл сказал слабым, надтреснутым голосом:

— Дик, это Ланселот с Бернардом должны были... Но Бернард хоть и не ранен, но... понимаешь, он хорош только в паре с Ланселотом. Они дополняют друг друга. Вместе они уже не двое, а дюжина... Словом, так уж получилось, что брат вот этого лорда отправится в Кернель.

Я ощутил озноб по всему телу.

— Ваше Величество... Разве Кернель — это не та крохотная крепость где-то далеко на юге, что единственная уцелела... не сдалась войскам Тьмы?..

— Верно, Дик.

— Но это же... пройти через занятые врагом земли! Ни одно войско не сможет...

У меня перехватило дыхание. Где войско не пройдет, там могут пройти двое. Особенно если оставят доспехи и пойдут как бродяги или погорельцы.

Шарлегайл словно прочел мои мысли, покачал головой:

— Нет, Дик, пробираться не придется. Святая церковь, конечно, осудит нас, но королям приходится принимать решения, которые вызывают чье-то негодование... Словом, оборотники передали через Беольдра, что завтра наступает благоприятный момент, который бывает только раз в тысячу лет. Звезды как-то выстраиваются так, что... словом, в Кернель можно перенестись будет за сутки и тут же вернуться обратно!

Вельможа хмурился и всеми гримасами мясистого лица выражал неудовольствие при упоминании оборотников, а при последних словах кивнул и сказал жирным голосом:

— С церковью можно поладить. По возвращении герои покаются, примут положенную епитимию. Ну, можно поститься пару дней... Я пожертвую на святую церковь двадцать кругов воска, десять кусков парчи. Словом, договоримся.

— Надеюсь, — проронил Шарлегайл сухо. Он обратился ко мне: — Дик, ты будешь сопровождать сэра Гендельсона. Сэр Гендельсон — это тот рыцарь, что отправится в Кернель.

Вельможа морщился.

— Ваше Величество... Что там делать... этому человеку? Мой брат справится один.

— Знаю, — ответил Шарлегайл. — Но я король вот уже сорок лет. У правителей вырабатывается чутье. Я просточу этот мир, иногда даже вижу те незримые нити, что приводят в движение народы, двигают тучами, посылают гадов бросаться с обрыва в море... Я чую, что будет лучше, если благородный Гендельсон будет не один...

Вельможа развел руками, но всем видом показывал, что людям из его рода любые моря по колено, а этот выскочка Ричард лишь примазывается к славе его благородного кузена.

Я спросил тихо:

— Ваше Величество... когда отправляться?

— Завтра, — ответил король. Печать старости, что скво-

зила в каждом движении, сейчас прозвучала в словах. — Завтра с утра... То есть сегодня. Сейчас.

Я с ужасом посмотрел в окно на восток. Там у самого горизонта начала светлеть полоска.

Обратно я не шел, а бежал, летел. Город спал, не приснулись даже булоочки, я несся вдоль темных стен, только однажды впереди блеснул слабый огонек, осветилось окно. В щель между ставнями мелькнула тень, донесся тонкий плач младенца.

Дом под черепицей тоже спит, все окна черные. Даже на втором этаже ставни закрыли окна нагло, как и на третьем, последнем, где уже обходятся без ставней... Я перебрался через забор, высокий, толстый, на цыпочках побежал по саду, обогнул дом с тыла.

Кусты и деревья закрывают обзор, наконец я рискнул выбраться из зарослей роз. Сердце застучало чаще. Из открытого окна на третьем этаже льется приглушенный медовый свет, словно там догорает толстая свеча с красящими добавками. Мелькнул силуэт, я задержал дыхание, во мне все молится, трепещет — и Господь услышал мой безмолвный воплик, мимо окна прошла она, уже в ночной сорочке, все еще никак не может заснуть... тоже строит планы, помнит, волнуется...

Пальцы мои безуспешно шарили по земле. Песок, белый холодный песок, а если и попадаются под кустами сучки и веточки, то чересчур легкие. Мелькнула мысль бросить молот, но как приспособить так, чтобы не испугал ее... так и не пришло в голову, даже не приползло.

Наконец выковырял втоптанный в землю камешек. Очистил от грязи, долго прицеливался, а когда замахнулся и швырнул, сразу понял, что надо брать ниже, в потемках глазомер не тот. Камешек ушел на крышу, и хотя там черепица, он исчез, будто в вязком болоте.

После долгих поисков в темноте нашупал еще один, великоват, разломил, постарался успокоиться. Камень ударился к стену рядом с окном. Другой, сердце затрепыхалось, как курица в ладони мясника, влетел в комнату.

И снова ничего не происходило. Я ощущал отчаяние. Кого черта, там же наверняка ковры в ладонь толщиной, там масса подушечек на полу, маленьких таких, их носят даже с собой, чтобы не садиться на холодные каменные скамьи....

Я снова шарил, сцепил зубы, измазался, искалол ладони, сам искалолся о колючие ветви, набрал камней уже две пригоршни, приподнялся... Между деревьями в мою сторону неслышно скользила женская фигура. Узкий луч прорвался сквозь тучи и кроны, она вспыхнула в этом луче и дальше бежала, налитая светом, светящаяся изнутри чистым неземным огнем.

Мои пальцы расцепились, камни посыпались на землю. Лавиния в ночной сорочке, золотые волосы свободно падают на плечи. Я увидел золотой обруч, что прижимает ее волосы ко лбу. Сорочка на груди распахнута, а ступни ее, маленькие и нежные, ступают по этой грубой колючей земле.

Она увидела наконец меня, бросилась навстречу. Я ухватил в объятия дорогое нежное тело, прижал к груди. Ее ноги оторвались от земли. Глаза ее были широко распахнуты, карие и по-детски чистые. В них блестели слезы. Пунцовые губы вздулись.

— О, сэр Ричард, — выдохнула она. Страх и надежда боролись на ее детском лице, в широко распахнутых глазах вспыхивали и быстро гасли золотые искры. — Сэр Ричард... У меня было такое счастье... а потом нахлынуло тяжелое предчувствие. Неужели... что-то стряслось?

— Король посыпает меня в Кернель, — сказал я тяжело.

Она испуганно вскрикнула:

— Кернель?

— Да...

— Но это же... Это же где-то в южных землях!

Чистые глаза сразу наполнились слезами. Я привлек ее к себе, поднял голову за подбородок, нежно поцеловал в глаза, выпив слезы.

— Это недолго... Король сказал, что обернемся за сутки.

Она прошептала сразу распухшими от горя и слез губами:

— Но как это можно?

— Можно, — ответил я тихо.

Она сказала еще тише:

— Но почему ты?

— Не знаю, — ответил я честно. — Похоже, что только я что-то могу сделать лучше других. Лавиния, я вернусь быстро!.. И сразу же пойду к королю. И к королеве. Я им расскажу все...

Она ахнула, прижала ладонь к губам. Глаза ее со страхом и надеждой смотрели в мое грозное лицо. У королевы передо мной должок, мелькнуло в моем черепе. Да и король на меня рассчитывает, он не должен сопротивляться. Правда, церковь будет категорически против, церковный брак свят, нерушим...

— Я боюсь, — прошептала она. — Не делаем ли мы дурно?

— Нет, — ответил я.

В ее чистых глазах блестели слезы.

— Но я клялась перед алтарем быть мужу верной... Не оставлять его ни в богатстве, ни в бедности, ни в здравии, ни в болезни...

Я нежно поцеловал ее щеки, глаза.

— Я люблю тебя, Лавиния. И Бог тебя любит, он тобой любуется, он никогда не захочет тебя огорчить или сделать тебе больно. Все, что мы делаем, — угодно Богу. Бог на нашей стороне! Вот увидишь.

— Я так боюсь... за нас, Ричард!

— Все будет правильно, — сказал я горячо. — Бог с нами. Вот увидишь — он с нами. А люди... люди могут ошибаться. Как и законы, что придумали люди, они — временные. Сегодня одни, завтра другие. А те законы, что установил Бог, — вечные. Мы с тобой живем по Божиим законам.

Мелькнула мысль, что отец Дитрих, великий инквизитор, тоже будет на моей стороне. На нашей. Хотя я формально нарушаю законы церкви, даже Церкви, но всегда есть исключения... И хотя это звучит подленько, вроде бы ищу лазейку, мол, для всех низя, а мне, замечательному, по блату можно, но ведь действительно существует мораль для простолюдинов... назовем ее моралью простого чело-

века, электората, и моралью господ, как их называл Ницше. Как всем нельзя уйти в рыцари, кто же тогда будет пахать и сеять, как всем нельзя в монахи — род людской пресечется, так для всех нельзя распустить строгие вожжи нравственности — рухнет общество...

— Я тебя люблю, — сказал я твердо.

Она крепко-крепко прижалась к моей груди.

— Это я тебя люблю, Ричард. Я умру без тебя. Мне уже плохо и страшно только при мысли, что ты покинешь Зорр хоть на день!

— Я вернусь, — ответил я, почудилось, что уже когда-то говорил. — Я вернусь, Лавиния!

Она слегка отстранилась, чтобы мои руки приподняли ее ночную рубашку. Ее чистое нежное тело было целомудренным и трепетным. Я обнял ее, как изгнанный Тристан обнимал Изольду, жену короля Марка, как обнимал ее человек, обреченный тайком урывать любовь, которая на самом деле принадлежала ему по праву.

Глава 5

Алая заря охватила полнеба, из-за края городской стены показался край сверкающего диска. Меня пошатывало, я шел с блаженной улыбкой идиота. Душа порхала, взмывала, я взмывал с нею, ноги едва касались земли.

До моего дома рукой подать, мимо как раз проплыvalа каменная громада костела. Я сделал шаг в сторону, плечо ударило в тяжелые створки. Навстречу потекли струйки ладана, а когда я вступил под высокие строгие своды, запахи словно бы рассеялись. В окна с цветными стеклами проникли первые лучи утреннего солнца.

Я медленно пошел по широкому проходу. Луч света наискось высветил широкий квадрат впереди. Остальной зал казался темнее, таинственнее. Далеко впереди у алтаря спиной ко мне стоял на коленях человек в черном плаще. Капюшон был надвинут низко на глаза.

Молился он молча, я подошел и опустился на колени

рядом. Он явно слышал еще издали звон моих рыцарских шпор, но не шелохнул бровью даже тогда, когда я оказался бок о бок. Я уловил, что он закончил молитву, лишь когда услышал вздох, а его напряженная фигура заметно расслабилась. Я кашлянул, но он оставался в том же коленопреклоненном положении, головы не повернул, лишь сказал коротко:

— Я слушаю вас, сэр Ричард.

— Отец Дитрих, — произнес я, — душа моя уязвлена стала... Мне утром... уже сегодня!.. в далекий поход, хоть его и обещают сделать кратким, но я в страхе и растерянности...

Он проговорил, все еще не поворачивая головы:

— У тебя сильные руки, сэр Ричард. Ты крепко держишь меч, тебе повинуется молот древних людей, живших до потопа. Что еще?

Я помедлил, поколебался, сказал, решившись, будто бросился с вышки в темную воду:

— У меня был гость.

Некоторое время он молчал, только кожа натянулась на скулах сильнее да выступили желваки. Глаза неотрывно смотрели в одну точку.

— И ты... пришел с этим сюда? В святую церковь?

— А куда мне еще идти? — возразил я.

Он помолчал снова, сказал со вздохом:

— Прости, ты прав. В чем был соблазн Врага?

— Не знаю, — ответил я честно.

— Как это... не знаешь? Что он предлагал? Что сулил? Победы в турнирах? Власть над Зорром? Корону Срединных Стран?.. Вечную молодость?

Я покачал головой.

— Отец Дитрих, меня на такую мелкую рыбку не поймаешь. Он это знает, даже не предлагал такой дури. По-моему, ему просто интересно со мной общаться.

Он отшатнулся, даже попытался отодвинуться от меня, елозя коленями по холодным каменным плитам. На лице были страх и отвращение.

— Общаться?.. — выкрикнул он и заговорил быстро,

торопливо, слова слетали с губ, будто он выстреливал ими: — Не верь, не верь Врагу... У Врага нет ни друзей, ни приятелей! Есть только слуги. Но даже слуг нельзя называть верными, ибо служат не по совести, а по выгоде! А такие слуги предадут при первой же возможности... Это уловка, сэр Ричард. Ты прав, прости меня!.. Враг любого из нас ловит на то, чего тому жаждется. И умеет этим пользоваться, как никто другой.

Я поник головой, не мне тягаться с дьяволом, проще новичку в шахматах побить гроссмейстера, а дьявол даже не гроссмейстер, он — абсолютный чемпион, никто лучше его не рассчитывает ходы.

— Это моя вина, — сказал я горько. — Моя гордыня, моя спесь!.. Каждый человечек стремится ощутить свою важность... Говорят, такова природа человека. Или по крайней мере природа мужчины... Как я хотел, чтобы я что-то да значил в мире! Чтобы меня замечали, со мной считались!.. И вот теперь я оказался... ну очень важным... Мое появление может изменить здешние события, хотя я еще не понимаю, как... Меня призвал дьявол, теперь уже не сомневаюсь, но что-то я не хочу играть по его правилам!

— Похвально, сын мой...

— Но, играя по своим, не играю ли я на самом деле по его правилам?

— Почему ты так решил, сын мой?

— Потому что именно он дает свободу! Свободу мысли, свободу чувств, свободу... свободу от всего!

Инквизитор помрачнел, сгорбился еще сильнее.

— Да, — проговорил он с трудом, — вот потому с дьяволом так трудно спорить. И состязаться. Даже самые стойкие из нас немножко... на стороне дьявола.

Я ахнул:

— Святой отче! Как можно?

Он опустил глаза.

— Можно, — ответил он хриплым голосом. — Подумай, и увидишь, что это еще как можно.

Я встал, поклонился.

— Спасибо, отец Дитрих. Я постараюсь держаться. Не знаю, что получится, но... постараюсь.

Он тоже встал, лицо его было бледное, изнуренное, глаза запали в темные пещеры. Наши взгляды встретились, он сказал хриплым голосом:

— И еще одно... на прощание.

Я остановился.

— Да?

— Ты честен, но ты чересчур иной... Рядом с тобой всегда ходит беда. Сейчас я могу сказать только, что... берегись соблазнов! Я вижу... слишком часто в твоих видениях возникает женское лицо. У нее карие глаза, а высокие брови почти срослись на переносице...

— Довольно! — вскрикнул я в страхе. Жар опалил мое лицо. — Ни слова больше!.. Довольно я слушал... ненужных слов.

Он с печалью смотрел мне вслед, я чувствовал, а я почти бежал к выходу. Широкие ряды деревянных лавок со спинками мелькали, как шпалы, будто бежал по тропке между двумя железнодорожными путями.

Дверь в предбанник я захлопнул за собой, похоже, чесчур сильно. Свеча затрепыхала от движения воздуха, что-то сдвинулось в углу, движение воздуха заставило качнуться в сторону. Я прыгнул наискось, мои пальцы захватили ткань на горячем твердом плече. В глаза блеснуло железом. Отшатнулся, другой рукой в полутьме перехватил кисть, сжал с такой яростью, что хрустнули кости. Но неизвестный яростно брыкался, ударил головой. Страшась, что выхватит нож другой рукой, я сдавил его голову, рванул с силой, а когда разжал руки, тело рухнуло на пол, как вязанка дров.

В бледном свете свечи лицо убитого показалось незнакомым. Я дышал тяжело, сердце колотилось бешено. Я чувствовал страшное напряжение мышц, не успевших излить ярость в схватке. На поясе убитого ножны для ножа только одни, однако нож я поднял с пола длинный и острый, как бритва.

Я настолько ярко представил себе, как это лезвие входит по самую рукоять в живот, что меня согнуло от резкого приступа короткой острой боли. Толкнул дверь и вывалился в яркий день, залитый утренним солнцем. Тело тряслось, на лбу испарина, я чувствовал, что из костела вышел еще более поколебленный, чём туда вошел. Душа моя, что уязвлена стала, теперь вообще превратилась в прижженную раскаленным железом рану. Кто и зачем организовал такое нелепое покушение?.. Неужели так быстро все понял и принял меры муж Лавинии?

Слуга встретил меня на пороге дома. Глаза были расширены, он сказал торопливым шепотом:

— Приезжал человек от Беольдра!.. Велел, чтобы вы немедленно...

— Знаю, — оборвал я, — выводи коня.

Он замялся.

— Но...

— Что, — спросил я, — все еще боишься?

— Еще бы, — проговорил он, быстро бледнея, — что это за конь, что камни ест...

— Людей не ест, — сказал я. — Ладно, пойдем. Поможешь надеть доспехи.

Через четверть часа я уже садился на черного как ночь гигантского жеребца. Рыцарская попона, рыцарское седло — а прежнее, доставшееся от сраженного Шургенза, оставил в доме. И так слишком много разговоров, хотя сам по себе конь, если только не замечать могучий черный рог в середине широкого лба, — почти обычный боевой конь, разве что намного крупнее. Да еще глаза... Всякий, кто взглянет в это бушующее пламя, начинает креститься, шептать молитвы, щупать нательный крест. В глазах полыхает адский огонь, мне всегда казалось, что череп наполнен горящими углами. Ну а насчет того, что он спокойно ест камни, я пообещал обоим слугам вырвать им языки, обрезать уши, если кто-то из них разбрюкает такую тайну.

Ворота распахнулись с ленивой грацией, я выехал на мощеную улицу, слуга хриплым голосом пожелал мне уда-

чи и тут же налег на створки. Я слышал, как загремел засов. Конь пошел резво, в отличие от меня отоспался и отъелся за эти дни.

На городской площади все еще горят костры. Беженцев поубавилось, последние из переселенцев ожидают, куда им велят селиться. На меня посматривали с испугом. Кто-то узнал, шепотом рассказывал, что это на мне за странные доспехи, почему такой щит. На молот у пояса не обратили внимания. Впрочем, и меч Арианта особого внимания не привлек.

Ворота замка распахнулись, из-под темной арки выехал огромный всадник на огромном черном коне. Толстые ноги с копытами размером с тарелки гулко и звонко били в булыжную мостовую. Искры летели тусклые, но длинные, багровые. Всадник в полных доспехах, он их носит с той же легкостью, что я рубашку, только голову оставил непокрытой. Вообще, мне кажется, я еще не видел Беольдра в шлеме. Нет, видел, конечно, но это было только однажды, когда ехали через лес, полный нечисти. А вообще шлем он надевает редко, зрелище ужасное, вроде парового котла на голове подходящих размеров.

Он кивнул мне раньше, чем я подъехал. Я приветствовал с должной почтительностью, как подобает приветствовать брата короля.

— Сэр Ричард, я рад, что все обошлось...

Голос густой и могучий, словно огромный лев рычал из глубокого колодца. Седые волосы стали чуть длиннее, но все еще не падают на плечи, как здесь принято. Грубое лицо чуть смягчилось, это невероятно, словно бы каменная скала сделала попытку улыбнуться. Тяжелые надбровные дуги нависают над глазами, укрывая их от ударов, но я увидел в них странное сочувствие.

— Ты уже знаешь, — громыхнул он, — что Ланселот...

— Да, — ответил я. — Нелепость. Из каких битв без царепины, каких героев сражал!..

— С ним хорошие лекари, — пообещал Беольдр. — Вот только сейчас...

— Знаю, — ответил я. — Спасибо, Ваше Сиятельство, за сочувствие...

Он хмыкнул, но ничего не сказал, огляделся, в глазах мелькнуло раздражение. Со стороны северной части по слышался частый стук копыт, показались всадники. Желтое солнце играло на их доспехах, на широких наконечниках длинных копий, вскинутых к небу. Блестела золотом и серебром конская упряжь, сверкали шлемы.

Во главе всадников на огромном черном жеребце восседал массивный рыцарь с опущенным забралом. Шею прикрывают стальные пластины, а голову — стальная маска, начинаясь от последней пластины на шее и заканчиваясь над самыми ноздрями. Злые глаза боевого жеребца грозно смотрят в круглые, как маленькие иллюминаторы, отверстия. Между ушей укреплен султан из красных перьев, но совсем маленький, скромный, без дурацких павлиньих хвостов, что любого коня делают смешным.

Сам всадник в красном седле, под ним такая же красная попона, расшитая львами и драконами. Всадник в черной кольчуге, на нее красиво легли доспехи, оставил свободными только руки от кистей, но там защищают тяжелые латные рукавицы. Вместо головы цельнокованый цилиндрический шлем, опускающийся ниже подбородка, абсолютно черный, только на лицевой стороне красиво вычеканен золотом большой крест. По горизонтальной перекладине креста проходит узкая щель забрала. Но так как и по вертикали нанесена такая же полоса черного серебра, то и щель для забрала кажется просто орнаментом. У меня самого дрожь прошла по спине, когда всадник повернулся незрячую голову в мою сторону и уставился мне прямо в лицо.

Поверх доспехов наброшен легкий плащ без рукавов, на белоснежной ткани кричаще и гордо выделяется огромный красный крест. Всадник медленно потащил из ножен длинный рыцарский меч, красиво вскинув над головой. По лезвию пробежали белые искры. Конь, повинуясь всаднику, встал на дыбы, грозно и гневно заржал, помесил воздух копытами.

Беольдр сказал недовольно:

— Опаздываете, барон Гендельсон!

— Простите, Ваша Светлость, — раздался из-под шлема густой сильный голос, — у меня было так много дел...

— Ладно, — сказал Беольдр с нетерпением, — поехали!

Всадник с усилием развернулся, голос его показался мне чересчур властным и неприятным.

— Возвращайтесь, — велел он сопровождающим его рыцарям, — и ждите возвращения своего сюзерена. Я вернусь скоро!

В воротах солдаты кричали Беольдру, пару раз крикнули мне, только Гендельсона игнорировали. Мне даже почудилось, что один выкрикнул что-то обидное вслед, но, может быть, просто послышалось.

На городской стене собралась толпа. Особняком стоит группа богато разодетых в цветные шелка вельмож. Гендельсон лихо отсалютовал им мечом. Ему кричали, мужчины махали шляпами, женщины — платочками. Мои глаза жадно отыскивали голубое платье, по телу прошла дрожь, вот там именно леди Лавиния машет платочком, что-то кричит...

Я тоже выхватил меч и, приложив лезвие к губам, вскинул в воздух. Со стены обрадованно закричали, жест непонятный, но все равно любой выезд рыцарей через городские врата — это праздник и развлечение.

Беольдр бросил сварливо:

— Все, попрощались! Галопом — марш!

Солнце уже поднимается над темным далеким лесом. Гендельсон еще раз отсалютовал мечом в сторону темных башен. Желтый свет играл на всех выпуклостях доспехов, на шлеме и металле конской сбруи. Гендельсон был грозен и красив, а когда тронулся в путь, с его плеч заструился по ветру белый плащ.

Уже в лесу, когда ближайшие деревья скрыли городские стены, Беольдр перевел коня на рысь, а потом и вовсе на шаг. Мы ехали молча, Беольдр впереди, за ним Гендельсон. Я замыкал отряд, как, мягко говоря, наименее знатный. А если не мягко, то... понятно.

Я с любопытством поглядывал на Беольдра, таинственная штука должна быть при нем, поколебался, неприлично тревожить брата короля в его раздумьях, но я же только что из простолюдинов, придворный этикет не знаю, да и уже дрались с Бальдром спина к спине, простит...

— Ваше Сиятельство, — сказал с наибольшей почтительностью и даже потряс плечами, что имитировало помахивание шляпой над полом. — Но что мы везем? Снова церковную святыню?

Беольдр не двинул даже бровью, но у меня создалось впечатление, что он улыбнулся. Где-то там глубоко внутри.

— Что, уже устал? Нет, не святыня.

— А позволено будет узнать, что это?.. Если нельзя, то я молчу, молчу...

После долгой паузы, я уже думал, не ответит, Беольдр заговорил медленно, размеренно, словно молол зерно:

— Перебирая наши святыни, трофеи и просто редкие вещи, наши священники... или не священники, не знаю, поняли, что некий красивый восьмигранный камень в королевской сокровищнице не драгоценен сам по себе. Его и считали полудрагоценным, да и то лишь потому, что, по летописи, за него полегло уйму народу. Судя по легендам, его защищали отчаяннее, чем королевскую казну или знамя. Но уже и те, кто защищал, и кто нападал, не знали, чем он ценен... Вот так он и переходил из рук в руки...

Гендельсон надменно молчал. Я спросил:

— А что изменилось?

— В нашей библиотеке есть описание Кернеля. И его храма, уцелевшего с незапамятных времен. Наши церковники, часть из них все дни и ночи читает старые книги, нашли интересные тексты... Там в центре их древнего храма, где у нас алтарь, у них — плита из неведомого камня, а в ней углубление... Восьмигранное. Да, как раз по размеру и форме камня, что в нашей сокровищнице!

Я присвистнул.

— Ваше Сиятельство... но как решились?.. Церковь могла завопить... простите, отечески заявить, что храм языче-

ский, нечестивый. И что вовсе надо его вдрывг, а не приносить жертву! Ведь это похоже на жертву, правда?.. А вдруг, если туда вставить камень, проснется какой-нибудь неведомый демон? Вдруг сам Азазель, единственный, кого Господь не засадил в ад, а заключил на земле под одну из каменных плит?

Беольдр ехал некоторое время молча, лицо его посеребрено. Гендельсон хранил надменное молчание. Наконец Беольдр разомкнул губы, слова прогрохотали мощно, но успокаивающе, словно раскаты грома уходящей грозы:

— Верно, я так и говорил. Предостерегал. Да и многие доблестные рыцари, наделенные отвагой и мужеством, которых не заподозришь в трусости. Но церковь... Дорогой Дик, в церкви странные люди. Когда мы пришли в эти земли, церковь истребляла все чужое, чтобы укрепиться. Теперь, укрепившись, она собирает и спасает все остатки, что уцелили тогда... В старых книгах обнаружили крупицы знаний, что не всегда нечестивы. Ведь в старину, до рождения Христа, жили и праведники... В церкви долго спорили, но отец Дитрих был настойчив, доказал необходимость риска. Ведь Кернель не может держаться вечно!.. Он запирает слишком удобный проход в горах, чтобы его оставили в покое. Карл будет бросать туда все новые силы, и Кернель падет. Есть сведения, что Карл уже послал туда небывалое войско. Вы его должны опередить на пару недель... Так что ваш камень в худшем случае лишь обрушит Кернель на неделю раньше. Но... вдруг поможет защите? Часть монахов пришли к выводу, что этот камень служит защите.

— На основании каких выводов?

— Ну... из камня возводят стены, — ответил Беольдр неуклюже.

Я фыркнул, позабыв на миг, что разговариваю с братом короля.

— Катапульты швыряют и камни!.. Да еще какие. Хотя, простите, Ваше Высочество, я думаю, церковники правы, что идут на риск.

Он покосился на меня.

— Ты милостиво одобряешь их действия? Странный ты, Дик.

— Простите, Ваше Высочество, — сказал я торопливо. — Это я так, мыслю вслух. От одиночества такое бывает. Косиши сено в одиночестве, вот и начинаешь говорить то сам с собой, то с косой. А принесешь сена корове, говоришь с коровой.

Гендельсон громко хмыкнул и отодвинулся вместе с к нем. Долгое время ехали молча, потом Гендельсон, видимо, решил, что он едет почти как ровня мне, новоиспеченному рыцарю, а он по своему положению почти равен Беольдру, пустил коня рядом с Беольдровым, поинтересовался:

— Сэр Беольдр, а куда именно мы едем?

Беольдр холодно молчал. Широкая проезжая дорога вела вдоль кромки леса, мы двигались по ней совсем недолго, потом Беольдр свернул на тропку, уводящую в глубину леса.

Гендельсон спросил уже с беспокойством:

— Сэр Беольдр! Не едем ли мы к оборотникам?.. Сэр Беольдр! Я настоятельно требую ответа!

Беольдр наконец разомкнул уста, но поворачиваться не стал, прогромыхал в пространство перед собой:

— Мы едем туда, откуда вас могут доставить в Кернель в течение суток.

У меня часто и счастливо стучало сердце. Беольдр подтвердил, что уже сказал король. А это значит, что завтра-послезавтра уже смогу вернуться к Лавинии! Или даже сегодня.

Гендельсон спросил подозрительно:

— Но... как? Святая церковь не позволяет общаться с оборотниками... а только с помощью нечистой силы можно в Кернель за сутки... да, с помощью нечистой магии!

Беольдр громыхнул громче, в голосе великана прозвучал металл:

— Сэр Гендельсон, мы едем по приказу короля!

— Но святая церковь...

— Святая церковь знает о нашей миссии. Вы можете, вернувшись, покаяться, наложить на себя епитимию, а то

и вовсе уйти в монастырь, замаливать свои грехи до конца жизни. Но сейчас мы выполняем приказ короля.

Гендельсон сказал надменно:

— Приказ короля не может противоречить заветам церкви!

Беольдр впервые повернул голову. Это было как если бы повернулась корабельная башня. Его шлем оставался пристегнутым сзади к седлу, но мне показалось, что он весь в железе, а беспощадно голубые глаза свирепо блеснули через прорезь шлема.

— Сэр Гендельсон, — сказал он ровно, — насколько я понимаю, вам очень хорошо сообщили, куда вы отправляетесь и с какой целью. Я просто не понимаю цели ваших расспросов. А вы их понимаете?

Из-под шлема прозвучал надменный басистый голос:

— Сэр Беольдр, это звучит как оскорбление...

Я ощущал в голосе этого Гендельсона затаенную угрозу. Беольдр ответил холодно:

— Это ваше право расценивать мои слова, как вам угодно. Вы можете вызвать меня на поединок... даже прямо сейчас. Сэр Ричард будет свидетелем, чтобы никто из нас не нарушил никаких установленных рыцарским кодексом правил. Кроме того, вы вольны отказаться от этой затеи... я имею в виду путешествие в Кернель.

Гендельсон запнулся, сказал с прежней надменностью:

— Но этот камень... Его не может передать этот... этот новоиспеченный рыцарь...

— Я могу, — отрубил Беольдр. — Я — брат короля Шарлайла! Мне дозволены любые слова и действия от имени короля. Вы можете повернуть коня, сэр Гендельсон. Дик, ты готов ехать со мной?

— Да, сэр! — выкрикнул я счастливо.

Гендельсон запнулся на полуслове. Конь его приостановился, я начал облезжать его, и тогда Гендельсон пришпорил своего битюга и поехал за Беольдром вплотную. Беольдр бросил с заметным раздражением, не поворачивая головы в его сторону:

— Сэр Гендельсон, я просил бы вас общаться со мной и сэром Ричардом с поднятым забралом. Иначе у меня просыпается чувство, что вы готовы бросить нам вызов.

Я ощущил прилив горячей благодарности к Беольдру. Гендельсон вздрогнул, вызов Беольдру может бросить только самоубийца, да и про меня уже идет нехорошая слава. Его рука поспешно двинулась вверх, палец зацепил за решетку забрала. Лязгнуло, пружина щелчком открыла лицо.

Мои челюсти сжалась. Тот вельможа, что сидел у короля, кузен этого... этого существа, еще красавец и атлет. Забрало, оказывается, поддерживало жирные щеки, что сразу обвисли, как складки на боках тяжелоатлета в отставке. Нет, даже как у борца сумо. Мясистый нос занимает половину лица, на лице столько жира, что для глаз остались только щелочки. Лицо надменное, высокомерное, в глазах презрение ко всему окружающему.

Беольдр перехватил мой взгляд. Мне почудился в суровом лице проблеск сочувствия, но тут же Беольдр сказал железным голосом:

— Барон Гендельсон! Вы можете в любой момент отказаться, запомнили?.. Но именно отказаться. А рассуждений, чем это нравственно или безнравственно, — я не потерплю. Мое дело — выполнить приказ короля.

Я ехал сзади и чуть сбоку, теперь видно, что широкий павлинин плащ скрывает широченную задницу, что живот этого барона лежит на его коленях... а сейчас — на седле. Природа отдыхает не только на детях гениев, но и на потомстве героев. Если и был великий предок рода Гендельсонов паладином-подвижником, то это вот, что на богатырском коне в великолепных доспехах, всего лишь сохранило разве что вес великого предка. Но если у того все было в костях и мускулах, то у этого в заднице.

Гендельсону это предприятие не просто не нравится, а он смертельно испуган. Если честно, то я эту жирную скотину понимаю. Впервые, как мне кажется, суровый и ригористичный Зорр как бы отступил от своих железобетонных принципов. Однако это как раз может говорить о том, что у

Зорра есть будущее. Ведь даже самые чистые общества содержат секретные службы для тайных операций, а те для пользы дела входят в контакты с террористами, нанимают киллеров...

Глава 6

Солнце опускалось все ниже по яркому пурпурному небу. На землю пал синеватый полумрак, все изменило очертания, обрело нереальность, словно наш мир стал трехсполовиноймерным или двухсполовиной, но только не привычным трехмерным.

В лесу темнело быстрее, солнце еще не опустилось полностью, но мы ехали почти в ночном лесу. Потом небо в самом деле потемнело, простили первые звезды. Я узнал тропку, мы по ней однажды уже проезжали, до сих пор помню тот ужас...

Беольдр прогудел, не поворачивая головы:

— Сэр Ричард, а вы помните?

— Еще бы, — сказал я. — Вот за тем поворотом и кинутся, аки... словом, аки!.. В самом деле лучше забрала вниз, а плащи взад.

Гендельсон поспешил опустил забрало, как только не прищемил щеки, они ж на плечах во всю их ширь. Рука с металлическим звоном начала шлепать по седлу, наверное, отыскивая рукоять меча.

— Нет, — ответил Беольдр. — Не нападут.

— Подобрели? — спросил я.

— Моши Тертуллиана, — объяснил Беольдр. — Как только привезли, наша сила окрепла, а нечисть начала хиреть, как мухи осенью... Доспехи святого Георгия Победоносца вовсе доконали. Наши рыцари каждый день выезжали на охоту, это им стало в забаву. И от оборотней очистили неплохо тоже.

— Хорошо, — сказал я с облегчением. — Я очень не воинственный человек.

Гендельсон хмыкнул саркастически, гулко хохотнул.

Из-под массивного шлема это звучало пугающе, словно заухал крупный филин под темной крышей.

Беольдр покосился в его сторону, сказал:

— Но когда нападают, то костей даже не остается.

— А доспехи? — спросил я.

— Доспехи остаются, — ответил Беольдр.

— Это хорошо, — сказал я с облегчением. — А то наследникам надо новые заказывать...

Гендельсон подвигался в седле, конь застонал и начал при ходьбе пошире расставлять ноги. Гендельсон сказал обеспокоенно:

— Может быть, нам хотя бы молитву читать в дороге?

Беольдр ответить не успел, я пояснил сочувствующе:

— Нечисть в латыни не разумеет.

Он меня игнорировал, обратился к Беольдру:

— А если мы достанем нательные кресты и поедем с ними, сжимая в руках и громко взывая к Творцу?

— У вас такой большой нательный крест, — удивился Беольдр, — что может служить щитом?

— Ну, не совсем такой...

Беольдр вскинул руку, мы послушно умолкли и подобрали поводья. Деревья расступились, залитый серебряным светом простор, а дальше поднимается мрачный темный замок. Сверкают отраженным лунным огнем крыша, башенки, но сам замок выглядит мертвым.

Беольдр прислушался, кивнул нам и пустил коня вперед. Я ожидал, что он поднесет ко рту рог, во мне уже напряглось в ожидании дикого рева, после прошлого раза в ушах звено больше суток, но Беольдр поехал прямо, не останавливаясь, неподвижный в седле, как усаженный на коня каменный столб. Подъемный мост, к моему удивлению, уже лежал поперек рва. Снизу пахнуло жуткой вонью, смрадом, разлагающимися растениями и дохлыми жабами.

Дощатый настил трещал под конскими копытами, словно мы двигались по молодому льду. У меня возникло жуткое ощущение, что вот-вот ухнем в темную бездну. Решетка ворот со скрипом пошла вверх. За ней, на освещен-

ном луной пятаке, стоял улыбающийся Терентон, все такой же лохматый, с расстегнутой на груди рубашкой, в потертых штанах из простого грубого полотна.

— Добро пожаловать! — сказал он радушно. — Добро пожаловать, гости дорогие!

Беольдр сказал холодно:

— Мы тебе не гости. И не дорогие. Давай, Терентон, сразу к делу.

Терентон развел руками, вздохнул. Мы все трое слезли с коней, он подошел ко мне, в глазах напряжение, немой вопрос: не выдал ли я его брату короля? А мне оно надо? — ответил я равнодушным взглядом. Своих проблем выше крыши.

— Хорошо, — ответил Терентон с облегчением. — Мож но и сразу, как условились. О, поздравляю вас, сэр Дик!

— С чем? — спросил я непонимающе.

— Но вы же теперь рыцарь!

— А, это, — сказал я, отмахнувшись, — да-да, произвели.

На миг вокруг меня воцарилось ледяное молчание. Гендельсон испепелял взглядом, Беольдр нахмурился, даже Терентон осуждающе покачал головой. Я прикусил язык, ведь производство в рыцари — событие великое, от него так просто не отмахиваются, не забывают.

Беольдр забросил повод на крюк коновязи. Лицо его было темнее грозовой тучи, глаза метнули молнию.

— Гореть тебе, Терентон, в аду!.. А ведь когда-то был неплохим воином.

Терентон взглянул на меня бегло, объяснил торопливо:

— Ваше Сиятельство, можете не верить, но здесь магия близко не лежала... Ни белая, ни черная, ни чистая, ни нечистая. Раз в тысячу лет звезды выстраиваются так, что образуется нечто... словом, можно будет долететь туда... и обратно. Такое свойство звезд... Если хотите в тот же день вернуться обратно, то можете...

Гендельсон слушал с неописуемым отвращением на лице. Его тошнило, он едва не падал в обморок, всюду видел летающих в воздухе крохотных чертей и оборонялся от них

крестом и молитвой. Мы с Беольдром так и не увидели, кого он бьет крестом по головам, но Беольдр все равно хмурился, кусал усы.

Терентон спросил:

— Вы все поняли? Согласны?

Гендельсон закатил глаза и отшатнулся. Беольдр коротко кивнул, я сказал вяло:

— Парад планет, так бы и сказали... Не звезд, говорю, а планет. Звезды хрен сдвинутся... ну, чтоб заметить простым глазом. Силу вы оседдали великою, честь вам и хвала. Но как... обратно?

Терентон слушал меня с распахнутым ртом. Глаза с каждым моим словом все больше вылезали из орбит. Опомнившись, сказал наконец:

— Обратно?.. Конечно, если там есть знающие люди... Но в том месте откуда? Вы таких мест избегаете.

Я спросил у Беольдра:

— А там есть вблизи оборотники?

Беольдр покосился на Гендельсона.

— Возможно. Но я бы, сэр Ричард, на вашем месте на это не рассчитывал бы.

Я посмотрел на Гендельсона, прощедил:

— Да, конечно.

Видимо, в моем взгляде была весьма откровенная оценка барона, ибо Беольдр сказал сурово:

— Главное, доставить этот талисман в Корнель. Понимаете?

— Понимаю, — ответил я.

Терентон спросил живо:

— А что вы везете?

— Шпионам знать не положено, — осадил Беольдр. И, обращаясь ко мне, добавил: — Конечно, все будут рады возращению в Зорр вашего молота. Да и вам, кстати, тоже.

— Спасибо, — пробормотал я.

— Это к тому, — пояснил он, — что и вы при молоте тоже бываете полезны.

— Спасибо, — повторил я с поклоном. — Всегда восторгался вашим чувством юмора, сэр.

Он покосился на меня с подозрением, что это еще за такое чувство, но ничего не сказал, массивная такая железная башня и так же мало говорящая.

Терентон спросил нетерпеливо:

— Так кто намерен?.. Время идет.

— Мы тоже, — ответил Беольдр тяжело. — Сэр Гендельсон, вам слово. Вы вольны вернуться, никто в ваш адрес не скажет слова упрека. Все понимаем, что с вашей стороны это не трусость, а всего лишь верность принципам.

Гендельсон заколебался. Я молча молил Бога, чтобы этот набитый разряженный индюк отказался, всю дорогу у меня уже руки чесались ухватить его за горло. Ухватить и сдавить так, чтобы глаза на лоб, а язык коснулся земли.

— Я верен принципам, — ответил Гендельсон брезгливым голосом, — и докажу, что ничто меня не пошатнет в моем служении Господу и королю!.. Я отправлюсь в Корнель. Но по возвращении я вынужден буду просить святую инквизицию обратить внимание на эту... эту богомерзость! И, простите, сэр, на вашу странную деятельность... и странные связи с этими... да-да, с этими!

Беольдр повернул голову в мою сторону. В моих глазах он прочел в адрес барона что-то вроде: ты еще вернись, на-дутая жаба, укоризненно покачал головой. Я молча кивнул, вряд ли он сомневался в моем согласии.

Беольдр с каменным лицом вытащил из-за пазухи кожаный мешочек с веревочкой.

— Здесь талисман.. Как прибудете, сразу же отдайте его отцу-настоятелю.

Гендельсон протянул руку, Беольдр опустил драгоценность на его ладонь с растопыренными пальцами. В глазах был лед, а на меня снова посмотрел с сочувствием. Гендельсон сунул мешочек за пазуху, веревочку накинул на шею. Я успел заметить, что мешочек оказался рядом с широким золотым нательным крестом.

Терентон указал на тропку между деревьями.

— Это здесь... — сказал он. — Но я просил бы вас оставить здесь коней...

Гендельсон вскрикнул негодующе:

— Оставить коня? Ни за что!

Терентон развел руками:

— Как скажете. Тогда вам в Кернель верхом. Впрочем, вы так и собирались?

Гендельсон поднял угрожающее плеть. Беольдр перехватил его кисть, заставил опустить руку. Гендельсон подчинился, но сверкал глазами и показывал всем видом, что, не вмешайся брат короля, он бы все здесь разнес во славу Господа и Его Богоматери.

Я соскочил с Черного Вихря. Бросил повод на сук.

— Я готов.

Гендельсон поколебался, с великой неохотой сполз с седла, хватаясь за него обеими руками. Перевел дух, бросил с раздражением:

— Ну, и где?

— Сюда, — указал Терентон на тропку. — Только, сэр...

— Что? — рыкнул Гендельсон угрожающе.

— Железо, — проговорил Терентон очень неохотно.

— Что, — спросил Гендельсон ядовито, — верно говорят, что вся нечисть страшится железа?

Терентон развел руками.

— Сэр, на вас железа... хватит на рыцарскую хоругвь. У нас нет столько сил, чтобы все это забросить в Кернель. Хотя бы с частью надо расстаться...

Гендельсон побагровел.

— Никогда! Ни за что!.. Рыцарь я или не рыцарь?

Я посмотрел на хмурого Беольдра, снял шлем. Терентон кивнул с одобрением. Я повернулся к нему спиной, он понял, расстегнул ремни. Я освободился от панциря, снял тяжелые стальные сапоги. Тело сразу возликовало, запело. Я вдохнул всей грудью.

— Хорошо... Если нас доставят прямо в Кернель... то зачем тащить с собой столько железа?

Гендельсон сказал надменно:

— Рыцари не расстаются с доспехами с такой легкостью. Лишь простолюдины... Впрочем, я не хочу задевать

простолюдина, странною прихотью женщины... видимо, за какие-то особые заслуги, посвященного в рыцари. Но теперь-то мы готовы?

Терентон смотрел на него с сомнением, глаза обшаривали Гендельсона с головы до ног, определяя вес. Я потащил через голову свой огромный меч, меч Арианта.

— Сэр Беольдр, я оставляю и это... Вы не бросите мою бедную лошадку здесь на растерзание? Со мной молот и кинжал. Этого больше чем достаточно. Но если надо, я даже разуюсь. Простолюдина это не позорит.

Беольдр кивнул, повернулся к Терентону. У того в глазах еще оставалось сомнение, но посмотрел на Гендельсона, вздохнул, сказал:

— Если вы готовы рискнуть...

Гендельсон сказал надменно:

— А что, все еще риск?

— И немалый, — ответил Терентон.

Беольдр насторожился:

— Почему? О большом риске речи не было.

— Железа много, — сказал Терентон и снова указал на Гендельсона, что походил больше на экспонат в историческом музее, чем на живого человека. — Я знаю, что сэр Ланселот не трус, он оставил бы все доспехи и даже меч здесь...

Лицо Гендельсона налилось кровью, он прорычал:

— Никто не смеет обвинять меня в трусости!.. Я отправляюсь в доспехах. Я рыцарь, а не... не...

Он задохнулся, подбирая оскорбительные слова. Терентон отвернулся и сделал нам знак следовать за ним. Я двинулся за ним сразу же, здесь, под каменной стеной башни, темно, а лунный свет, пробиваясь через кроны деревьев, по которым пробегает ветерок, превращает весь мир в сплошную камуфляжную сеть. Гендельсон, подчеркивая свое высокое происхождение и, наверное, бесстрашие, обогнал меня и пошел за оборотником в затылок.

Я тащился позади, ладонь то и дело дергалась к рукояти молота, так хотелось влупить в затылок этого железного болвана. Это что, начало протянувшейся на столетия борь-

бы между потомственными и пожалованными? Потомственные считают себя лучше уже тем, что у них — порода, они ж от знатного производителя, пожалованные молча демонстрируют размер мускулов, а король балансирует между этими двумя силами, ибо за потомственными — накопленные предками богатства, влияние, земли, замки, а за пожалованными — ум, отвага, сила, дерзание...

Терентон остановился, по лицу двигались темные пятна.

— Все, — сказал он. — Дальше... не останавливайтесь.

Гендельсон тут же встал, как вкопанный в землю железный столб.

— А когда же...

— Увидите, — ответил Терентон коротко.

Я хотел пройти вперед, но Гендельсон уловил мое движение, шагнул, загромыхав железом, пошел, пошел, раздвигая ветви. Каменная стена обрывалась, но дальше видны остатки полуразрушенной башни. От стены замка и до развалин протянулась блестящая дорожка. Она показалась мне застывшей поверхностью воды, потом просто зеркалом, но когда Гендельсон вступил на нее и пошел, звякая рыцарскими шпорами, я с холодком по всему телу понял, что вижу нечто вовсе не из этого мира...

Мои ноги подгибались от волнения. Я нагнулся и на ходу хотел коснуться поверхности пальцем. В глаза ударил ослепительный свет. Я от неожиданности вскрикнул, выпрямился, но дорожка уже исчезла. Передо мной отчаянно размахивал руками и кричал Гендельсон. Под его подошвами мелькнула крыша замка, а затем далеко внизу поплыла серебристая шкура леса.

Голова закружилась, к горлу подступила тошнота и тут же отхлынула. Мои руки уперлись в упругие стенки. Они подались совсем чуть, тут же отпихнули обратно. Встречного ветра нет, хотя прет нас с приличной скоростью. Гендельсон все борется со шлемом, дрожащие руки пытаются приподнять, там что-то зацепилось, видать — за свинью морду, он все дергал кверху, хотя сейчас как раз бы опустить, отгородиться от всего ужаса...

Под ногами быстро ускользает серебристая равнина, покрытая кочками мха. Энергетическая капсула или магический шар прет со скоростью самолета. Кочки мха разве что для Гендельсона, я летал на самолете, знаю, как выглядит лес с высоты десяти тысяч метров... Но если мы в беспилотном режиме, то и прибудем на такую же точно площадку. Это словно кабинка фуникулера. Только этот фуникулер включается на время парада планет... Значит, надо отдать камень — и спасибо-спасибо, никакого застолья, давайте медаль, и мы отываем, такие люди везде нужны...

Гендельсон наконец снял шлем, побелел, взвизгнул. Я отвернулся. К счастью, под ногами ровный твердый пол, нечто матовое, но лучше не смотреть, все-таки мы не пернатые, а у обезьяны врожденный страх перед падением с дерева.

Далеко на горизонте начали подниматься серебристые пики гор. Луна освещала их холодно, но любовно. Лед искрился, горел белым огнем. Горы приближались, Гендельсон воскликнул:

— Слава тебе, Господи!.. Это Кернель!.. Я вижу Кернель!..

Обручи, что сковывали мою грудь, лопнули, я вздохнул свободнее. Если так, то можно к утру и вернуться... Гендельсон рядом рухнул на колени, пол выдержал эту гору железной скорлупы с нежным сочным мясом внутри, а Гендельсон начал истово и громко молиться, стукаясь лбом о силовой пол, все получалось беззвучно, если бы еще и молитву удалось заглушить...

Впереди, как мне почудилось, медленно выросло черное облачко. Оно выглядело как угольная яма на звездном небе. Нас несло прямо к нему. Гендельсон все еще бормотал молитву, я напрягся, облачко начало разрастаться. Внутри черноты сверкнуло, оттуда докатился тяжелый грохот. Я похолодел, это не грохот, а раскатистый смех — холодный, как ночь, жестокий.

Гендельсон молился громче, я пощупал рукоять ножа, потом — молот. Пальцы вздрагивают, черное облако уп-

лотнилось, по бокам разрослись черные крылья, настоящие крылья, как у летучей мыши, сформировалось тело, человеческое, голова увенчана рогами, на месте глаз сверкнули две багровые звезды. Гендельсон вскрикнул:

— Господи, прими душу мою...

В руках крылатого великана появился огромный черный меч с изогнутым лезвием. Лезвие расширяется к концу, лунный свет заиграл на металле, синеватом, усыпанном звездными искрами.

Крылья сделали два небрежных взмаха, черный с крыльями завис перед нами. Могучие руки начали поднимать меч. Теперь я отчетливо видел лицо: человеческое, чисто выбритое, но лучше бы это оказалось лицо зверя: на этом лице отпечатались все пороки, все мерзости человеческой натуры. Толстые чувственные губы изогнулись в презрительной усмешке.

— Смертные... Осмелились?.. Значит — уже наполовину мои!.. Ха-ха! Сейчас будете моими целиком...

Гендельсон молился и крестился, я схватил молот и швырнул в великана. Молот описал короткую дугу и вернулся в мою ладонь, даже не приблизившись к черному ангелу. Я с криком отдернул ладонь, раскаленная рукоять обожгла пальцы.

Меч великана падал со страшной скоростью... вдруг лязг, злобный вскрик. Нас озарило ярким радостным огнем, словно в квартире вспыхнула столамповая люстра. Лезвие черного меча ударилось над самыми нашими головами о сверкающий радостными искрами светящийся меч. Его держал в обеих руках белый ангел с распахнутыми лебедиными крыльями.

— Господи! — вскричал Гендельсон. — Ты услышал мои молитвы!

Слезы текли по его жирным трясущимся щекам. Черный ангел взревел злобно, вскинул меч и обрушил на светлого. Тот парировал удар, хоть и с трудом. Черный перехватил меч обеими руками, нанес удар снова. Светлый под-

ставил сверкающее лезвие. Его руки тряхнуло, я услышал стон, как будто бы застонало само небо.

Черный захочтал, начал безостановочно наносить удары. Светлый парировал с трудом, его шатало, он начал задыхаться. Черный вскричал победно:

— Ты проиграл!

— Еще... нет... — ответил светлый, задыхаясь.

— Ты проиграл!.. Изначально!

— Нет, — ответил светлый хрипло. Я увидел его полные отчаяния глаза. — Нет... бой еще...

— Проиграл! — закричал страшно черный.

Лезвие меча с такой силой обрушилось на светлого, что сверкающая полоса с легким звоном переломилась. Черное железо ударило светлого в грудь. Тот закричал в смертной муке. Из глаз ударили снопы огня, нас тряхнуло, Гендельсон жалобно кричал, ветер ударил снизу. Я чувствовал себя так, словно лифт, в котором еду, вдруг оборвался, ноги отрываются от пола...

— Господи! — слышался рядом истощный крик. — Спаси и помоги!

Внезапно в магическую капсулу ворвался злой холодный ветер. Он снизу задувал в штанины, вырвал из-под тутого пояса рубашку, задрал кверху и колотил по лицу, стараясь накрыть с головой. Мелькнули огромные руки светлого ангела. Он обхватил наш шар и падал вместе с ним. Черный летел сверху, я увидел его горящие торжеством глаза и занесенный над головой меч.

Снизу стремительно выросли темные вершины деревьев. На миг показались пики заснеженных гор, так ярко залиты серебряным светом луны, затем треск веток, сильный удар. Я покатился по склону, ударился о твердое, меня отшвырнуло, ударился снова. Цепкие клешни ухватили за бедра, больно сжали.

Прямо передо мной темная земля, значит — я вишу мордой книзу. Если повернуть голову, там залитый лунным светом лес. Редколесье, свет легко проходит до земли, а где просвещивает сквозь ветви, там на земле расстелено при-

зрачное кружево. Клешни не совсем клешни, а развилка старого клена. Втиснуло с разгону так, что едва высвободился, оба ствola с облегченным кряхтеньем сдвинулись на прежние места.

Саднит плечо, гудит голова, во рту солоноватый привкус. Выплюнул, слюна совсем темная. Правая рука немилосердно болит, от плеча до локтя черная, то ли кровь, то ли грязь. Молот на поясе, нож тоже уцелел, а меч я же оставил со всеми доспехами. Насколько помню, во время схватки ангелов нас стремительно отбросило в сторону от маршрута. Кажется, на юг. А если так, то не значит ли, что дьявол начал претворять в жизнь свой гроссмейстерский план?

Постанывая сквозь зубы, я начал карабкаться вверх. Глаза уже привыкли, хорошо различаю посеребренные стволы деревьев, темные кусты с блестящими поверху листвами. Вообще-то разумнее вниз, там ручьи, реки, возле рек — люди, но инстинкт или человеческое упрямство заставили переть по крутому склону вверх. Сейчас надо определиться, куда меня забросило, а потом по прямой пробираться в Зорр. Накаркал, сказал Лавинии, что обернусь за сутки... Никогда нельзя такое брякать, черт услышит и тут же подгадит...

— Лавиния, — прошептал я. — Никакие дьяволы меня не остановят!.. Я иду, бегу, лечу. Жди... только дождись меня. Только дождись...

Ноги скользили на косогоре, я задерживал дыхание. Настороженные, как у зверя, уши уловили человеческий голос. Деревья раздвинулись, на залитой лунным светом поляне железная фигура на коленях громко взахлеб молится, то вскидывая залитое слезами лицо к закрытому темными кронами небу, то роняя голову на грудь, а то и припадая к земле, что с таким брюхом совсем не просто.

— Ага, — сказал я, — ну ладно... Уцелел, железяка.

Он резко обернулся, на толстом мясистом лице быстро промелькнули страх, изумление, даже облегчение, он сказал быстро:

— Возблагодари Господа, несчастный!

Я удивился:

— За что?

— Несчастный, — сказал он возмущенно, — он подарил тебе жизнь!.. Значит, тебе еще предстоит что-то сделать...

В лунном свете лицо его бледнее, чем у вампира, но все равно выглядит лучше меня. Хоть дорогой плащ изорвало в клочья, зато шлем и доспехи сохранили жирное тело от ушибов и переломов. Доспехи, которые Терентон требовал снять, как раз и спасли. С таким рыхлым телом от этой жирной свиньи осталась бы только раскапанная лепешка. Или пятна слизи на деревьях, камнях и по всему склону. Даже меч при нем, вон на земле рядом, даже перевязь цела. Значит, сам снял, а то с таким грузом с колен не встанет.

Я сказал зло:

— Я знаю, что мне делать. Поскорее понять, где я рухнулся... и как можно быстрее вернуться обратно.

Он вскрикнул:

— А камень?

— Это было поручено вам, сэр Гендельсон, — отрезал я. — У меня... несколько другие дела. Да и не успеть в далекий теперь Кернель... до прихода Карла.

Он сказал возмущенно:

— Да, но... вы все равно должны идти со мной!

— Это уж фигу, — ответил я грубо. — Этого не было сказано.

Я повернулся, смотреть на эту жирную рожу гадостно, даже в лесу не потеряла своей надменности, а он закричал испуганно:

— Но... вы не можете вот так уйти!

— Почему? — спросил я грубо. — Вам идти в Кернель, это... насколько я понимаю... отсюда прямо на юг, а я иду обратно в Зорр.

Он поднялся с колен, глаза его смерили меня с головы до ног. На лицо вернулось надменное тупое выражение богатого вельможи. Поднял перевязь с мечом, пальцы неумело забросили через голову, дома явно эту свинью одевает

десяток слуг, выпрямился, голос из испуганного и дрожащего стал презрительным:

— Что ж, идите, сэр Ричард. Отпускаю.

— Спасибо, — ответил я саркастически. — Хотя я не нуждаюсь в ваших разрешениях.

— Идите, — повторил он надменно. — А я выполню свой долг перед Зорром.

Я повернулся и пошел прочь. Когда обернулся, его на поляне уже не было. Между деревьями мелькнули лохмотья роскошного плаща. Звучно хрустели на земле ветки, будто по ним шагала статуя командора. Я понаблюдал чуть, еще дважды между деревьями показалась тень, затем сопение утихло, удалился и растаял даже треск веток под грузным телом.

— Чтоб ты сдох по дороге, — сказал я искренне. — Чтоб ты утоп в самом грязном болоте, жирная скотина!

Глава 7

Я прошел еще несколько шагов, но тревожное чувство разрасталось, в мозгу засела заноза, пока не сообразил, что же здесь не так. Ругнувшись, я развернулся и почти побежал следом. Хотя свет сквозь кроны пробивается сильный, но где деревья стоят плотно, там хоть глаза выколи. Я натыкался на острые сучья, больно уколол бок, там зашипело, будто ткнули горячим железом.

Гендельсон ломился сквозь кусты, как тупой лось, хотя в стороне чистые места для прохода. Ножны тяжелого меча беспощадно колотили его по ногам. Он вздрогнул и даже вскрикнул, когда моя фигура появилась в двух шагах.

— Куда прешь? — сказал я подозрительно. — К Карлу?

Он дышал часто, лицо перепачкано, это слезы смешались с грязью, голос вибрировал, как натянутая паутина:

— По... почему?

— В той стороне войска Карла, — сказал я грубо. — Ты ж сказал, что пойдешь в Кернель?

— Ну, я и иду...

— Кернель отсюда на юго-востоке!

Он посмотрел на меня зло, в глазах метнулся страх, ненависть и нечто еще, чему я не мог дать определение.

— Но разве там не юго-восток?

— Юг вон там! — заорал я. — Даже ребенок знает, где юг, где север, стоит посмотреть, с какой стороны на дереве мох!.. Вот деревья — вот!.. И мох на каждом дереве!

Он молча повернулся и пошел в другую сторону. Теперь на юго-восток. Ломился по-прежнему, как тупой лось, к которому влом обойти рядом по тропке. Я остался, Гендельсон исчез за деревьями, хруст веток отдалялся и затих. Я повернулся в сторону севера, там Зорр, там Лавиния, там мое счастье, моя жизнь, мое все... сделал шаг, потом еще и еще. Каждый шаг давался все труднее, словно передо мной возникла плотная воздушная подушка. Или же воздух сгустился до плотности воды.

Да какого черта я терзаюсь? Это ничтожество в своей тупой гордыне прет в сторону Кернеля, как оно считает. Его сожрут дикие звери этой же ночью. А если чудом уцелеет, то все равно напорется на людей Карла, на оборотней, его либо укусят змеи, либо утонет в болоте, либо... либо еще как-то, но он не переживет сегодняшнюю ночь, это точно...

Деревья мелькали по обе стороны, я бежал сравнительно легко, правая рука постепенно отошла, я уже мог сжимать и разжимать пальцы. Но деревья, как сообразил не сразу, мелькают в другую сторону, это проснулась моя дурость, что-то накаркала в оба уха, наябедничала, и вот я...

Впереди показалась уныло бредущая фигура. Человек брел, волоча ноги. Его раскачивало, он всхлипывал, что-то бормотал, на ходу хватался за деревья, отталкивался и брел дальше.

— Стой, дурак! — сказал я.

Он испуганно обернулся. Рука дернулась не к мечу, а к лицу, словно я был волком, что прыгнул на его жирное горло.

— Стой, — повторил я. — Самая большая дурость — идти ночью. Еще дивно, что не напоролся на волчью стаю!..

Надо развести костер. Переждать. Утром, когда по-настоящему светло, и двигаться.

Его раскачивало все сильнее, по лицу сползали крупные мутные капли, а на лбу с готовностью выступали новые и новые. Глаза посмотрели на меня почти невидящие. Он вытер дрожащей ладонью лицо, что сделало его похожим на командос в джунглях Вьетконга, прошептал:

— Костер?.. Я могу и без костра.

Ноги подломились, он сполз по стволу дерева на землю. Дыхание из жирной груди вырывалось с хрипами, стонами, клекотом.

— Без костра? — поинтересовался я все еще зло. — Такой храбрый?

— Это... — ответил он едва слышно, — дело... слуг... челяди...

Я хмыкнул:

— Это дело мужчин!

Он кое-как встал на колени и молился, часто крестясь, даже не крестясь, а налагая на себя крестное знамение, а то и вовсе осеняя себя знаком животворного и чудодейственного креста. Я фыркнул, по мне все эти биения лбом в землю оскорбляют Бога больше, чем мое откровенное неприятие Его власти. Неужели этим приуркам кажется, что Богу приятно быть владыкой рабов?

Я собирал сухие щепки, мох, сдирал бересту, потом долго искал среди камней подходящие, стукал ими один о другой, пробуя на предмет искр. Все это время приурок тыкался жирной мордой в землю, как только пузо не раздавит, осенял себя размашистыми взмахами и возглашал хвалу и снова хвалу, будто Богу совсем не хрена делать, кроме как спасать этого свиноморда.

Я начал сооружать щепки и бересту шалашиком, так мы делали в турпоходах и на вылазах, запоздало сообразил, что, по его мнению, я как раз и веду себя как его слуга, его челядин. Разозлился так, что едва не въехал кулаком в жирную потную морду, снова захотелось встать и уйти, пусть это ничтожество само тащится в свой Кернель.

Он наконец обернулся в мою сторону. Я думал, предложит помочь, однако он проскрипел недовольно:

— Сэр Ричард, вы не вознесли хвалу Всевышнему!

— Ага, — буркнул я.

— Это кощунственно...

— Есть молитва делом, — отрезал я. — Она доходит еще быстрее! Кстати, она Богу куда приятнее.

Он поморщился.

— Неисповедимы пути Господа! И не вам о них судить.

— Просто Бог не лох, — ответил я еще злее. Камни в моих руках стучали один о другой, раз я ухитрился стукнуть по пальцу, да еще со всей дури, там показалась темная кровь. — Бог правду видит...

Он отвернулся и продолжал молиться еще громче, пугая на окрестных деревьях птиц, белок и прочих спящих существ. Я зло колотил камнем о камень, искры летели частые, густые, но поджигать мох не желали, да и летят как-то криво, ни одна не попала в нужное место, зараза...

Я пересел, стук камней разносился по всему лесу. Если костер не разгорится до того, как нас услышат волки... или медведи... или еще какая-нибудь лесная зверюка...

Из пучка мха, что лежит совсем в сторонке, показалась тонкая белесая струйка. Я поспешил перенес ее в приготовленную кучу, раздул искорку, обложил берестой, подул еще, нежно-нежно, ибо огонь — как любовь, слабый ветер раздувает в пламя, а сильный гасит...

Гендельсон закончил молитву, как раз когда костер полыхал вовсю. Я подбросил сухих веток, на остальные сел, чтобы не простудить задницу.

— Бог дал спасение, — сказал он значительно, — Бог дал огонь в ночи....

Я подул на разбитый в кровь палец. Хрен бы он дал, если бы я не лупил столько. Бог дает тем, кто дерется за свое, а лодыри да убогие только в молитвах счастливы.

— Надо понять, где мы, — сказал я.

Он посмотрел по сторонам.

— Мы в лесу, — сказал он важно.

— Да? — спросил я. — Как же я не заметил... Значит, надо понять, куда нас занесло. Пока они дрались, черный ангел теснил белого... и нас вместе с ним куда-то на запад... По крайней мере мне так чудилось. Или мерещилось, не уверен. Все-таки, наверное, чудилось. Но куда-то занесло... Обидно, мы уже были почти над Кернелем!.. Или в его окрестностях.

Огонь красиво и зловеще подсвечивал металл снизу. После того как был потерян плащ и перья со шлема, не-прикрытое железо доспехов блестит во всей мужественной красе. Но сам Гендельсон выглядит как толстая злая жаба в панцире.

Я поглядывал на него краем глаза. Странное чувство превосходства закрадывалось в душу. Это его мир, но я, дитя асфальта, все же умею и могу больше. Конечно, я изненожен хорошей пищей, мягкой постелью, но все равно я даже в диких условиях умею больше.

Гендельсон привалился спиной к дереву. Тяжелые веки медленно сползали, закрывая маленькие глазки. Он вздрагивал, старался выглядеть бодро, но эти полчаса ходьбы по ночному лесу, похоже, вычерпали его силы до самого дна.

— Советую заснуть, — сказал я холодно.

— Но... — прохрипел он, — нужна стражи...

— Не вам же, бла-а-а-гародному, — сказал я, — да еще и ура-а-а-ажденному, заботиться о таких мелочах? Я посижу, посмотрю за огнем.

— Но я...

Он захрапел, не договорив. Нижняя челюсть отвисла, жирная рожа перекосилась. Толстые губы плямкнули, дунули, словно сгонял муху. Я некоторое время смотрел с отвращением, в воображении пронеслись вереницей картины, как засовываю в эти железные доспехи горящий уголек, мол, из костра им выстрелило, или же из-за спины гаркну: «Беги!», чтобы он сослепу сонный в костер... либо башкой со всей дури вон в тот ствол...

Когда подбрасывал сухие сучья, пламя сразу же оживало, освещенный круг с усилием отодвигал тьму, как цепь

омоновцев оттесняет разгневанных демонстрантов, но там, в черноте лесного космоса, чудится хруст веток, осторожные шаги, иногда над головой шелестят невидимые крылья. А может, и не крылья, а просто ночной ветерок шевелит ветви.

Тепло начало проникать в тело. Я ощутил, как расслабляются все мышцы, тело расплывается, как у медузы, веки потяжелели. В темноте блеснули две желтые точки, я не обратил внимания, потом точки приблизились, уже не точки, а желтые огоньки. Похожи на волчьи глаза, только покрупнее, покрупнее...

Дрожь прошла по телу, сон выдуло, как под лопастями мощного вентилятора. Я судорожно пошарил на поясе, молот здесь, только передвинул вместе с поясом назад, я хоть и не танцор вовсе, но мешает.

Желтые глаза словно бы стали ярче. Дрожь пробежала по телу, на меня смотрят неотрывно, злобно, точным прицеливающимся взглядом. Сердце начало колотиться чаще, уже чуть не выпрыгивает. Гендельсон спит, мерзко перекосив рожу, толстые губы скривились, блестит слюна. Сейчас потечет целая река...

Я осторожно снял с пояса молот. Рукоять сразу стала нагреваться. Мне почудилось, что молот даже задвигался от удовольствия, вот щас его метнут, вот покажет свою си-лушки...

— Жди, — сказал я тихо, — звери любого огня боятся... Не подойдут!

Желтые глаза стали крупнее. И... самое жуткое, не сводя с меня немигающего взгляда, начали раздвигаться в стороны. Дрожа, я вскрикнул и поспешно метнул молот. Глазами держал темное место как раз между глаза, самое убойное место...

Молот унесся с хлопаньем шумно взлетающей утки. В темноте послышался глухой удар, треск. Желтые глаза исчезли. Сверху посыпались листья, сорвался крупный сук и сильно ударил по плечу. Потом там же в темноте раздался жуткий треск ломаемого дерева.

Я застыл в ужасе, не зная, куда метнуться. Шум усиливался, к нему добавился треск других деревьев, потом послышался тяжелый удар, словно ночной великан ударил по земле исполинской дубиной. Под ногами подпрыгнуло, и все затихло.

Гендельсон проснулся, сидел бледный, мотал головой, на морде все еще сонная одурь.

— Что?.. Где?.. Когда?

— Не та передача, — огрызнулся я.

— Что?

— Сидите, ваша милость, — ответил я саркастически. — Посторожите, чтобы никто костер не загасил. Без него нас и жабы забодают.

— Жабы?

— Да, жабы. Бывают — рогатые.

Темнота приняла меня только на миг, через пару шагов глаза притерпелись к лунному свету. Я осторожно двинулся вперед, нож в одной руке, молот в другой, осталось только зубы выставить и рычать угрожающе, чтоб боялись: человек идет, разбегайтесь!

Еще три осторожных шага, передо мной свежесломанное дерево. Вот след от молота, вмяло так, что спрессовало древесину на глубину трех ладоней. Дерево не выдержало такого... надпила, сломилось под собственным весом. Хорошо, не рухнуло в нашу сторону, хотя могло бы. Наверное, на ту сторону перетянули ветки.

Я походил вокруг, присматриваясь, где же зверь, которого я так в лоб, неужели промахнулся, этого быть не может, ибо молот, как ракета с самонаводящимся устройством, вильнет за целью, если та скакнет в сторону, вбок или взад...

Ноги мои застыли. Прямо из черноты на меня смотрят желтые глаза. Немигающие, беспощадные. Всего в двух-трех шагах, я даже не успею замахнуться молотом. Я поспешил выставить перед собой нож, да напорется зверюга на узкое лезвие сама... Холод побежал по всему телу. Желтые глаза следят за мной и с другой стороны. Они же и спереди. И сзади.

Тело мое от ужаса превращалось в лед. Ближайшие глаза раздвинулись, поползли в разные стороны. Притерпевшиеся к слабому свету глаза различили серую кору массивного дерева. Два светляка медленно расползались, явно после брачных ритуалов. Другие еще раздумывают, кое-кто колупирует самку, их свет интенсивнее, чем у других...

Ноги мои едва не подломились. Я всхлипнул, кости моего скелета превратились в желе. Я едва доковылял в полнейшем изнеможении до костра, рухнул. На месте морды вельможи была бледная маска, свиные глазки раскрылись широко.

— На вас лица нет, — сказал он тревожно. — Что там было?

— Лесные великаны, — сказал я слабо.

— Великаны... И что?

— Треснулись лбами, — объяснил я. — Соследу. Темно ведь... вы слышали треск?

— Да.

— Хорошо слышали?

— Я от него проснулся.

— Вот так трещат их лбы, — объяснил я. — Крепкая слоновая кость. Наверное, тоже благородное сословие. Бароны, не иначе. Да вы спите, спите! Пока барин спит, холоп сторожит.

Он блымкнул глазками настороженно, еще не понимая, как это кто-то добровольно признает, что он холоп, ведь в этом мире всякий старается поставить себя выше и знатнее других, посопел, снова уперся спиной в дерево и закрыл глаза.

Я тупо подбрасывал в огонь щепочки, голову не поднимал. Жар от костра обжигал лицо, я предпочту думать, что это жар от огня, чем признаюсь, что обгадился так круто, так мощно. Сейчас все звери в лесу помирают со смеху, катаются на спинах и пересказывают друг другу, как сэр Ричард Длинные Руки обгадился в фигуральном смысле и чуть-чуть не обгадился в реальном.

Гендельсон долго сопел, стопал, ворочался, наконец

привстал, долго всматривался в темноту. В ночи на горизонте вспыхивали огни, словно некто запускал бенгальские огни. Я отвернулся, слышно было, как Гендельсон начал было укладываться снова, потом зачем-то встал, сделал от костра осторожный шагок.

— Там, — послышался его голос, — вроде бы ручей...

Я холодно промолчал. Слышно было, как он топчется у огня, затем заговорил снова:

— Сэр Ричард, ручей в той стороне?.. Я запамятовал...

Ага, подумал я злобно, уже «сэр Ричард». Быстро учишься, скотина.

— Ну, — сказал я, — ну и что?

— Я хочу пить, — сказал он. В голосе добавилось вельможности. — У нас пустые фляги...

— Утром напьетесь, — буркнул я.

Он посопел, сказал сварливо:

— Но я хочу сейчас!

— Сэр Гендельсон, — сказал я со злостью, — вы что-то недопонимаете. Или полагаете, что я брошусь к ручью и принесу вам воды?

Я все еще не поворачивался и не видел его лица, но представляю его выражение. Он сопел уже зло, но сдержался, я не слуга, сказал все еще настойчиво, но с просящей ноткой:

— Сэр Ричард, я бы сходил сам... Но вы же сами знаете, что Шабрири на одного сразу же нашлет слепоту.

Я буркнул:

— А на двоих?

— На двоих... — донесся растерянный голос. — Сэр Ричард, вы в самом деле не... не знаете? Не знаете, что Шабрири может отравить воду только для одного, а на двоих у него нет сил?.. Более того, пока дойду до ручья, в темноте может напасть даже Такритейя... а он нападает только на одиночек!.. Если человек идет ночью один, то демоны его видят и могут вредить, если идут двое, то демоны их видят, но вредить не могут, а если идут трое, то демоны их даже не видят!

Я сказал зло:

— Понятно, почему на такие дела посылают по двое! Жаль только, наш ангел этого не знал и сопровождал нас в одиночку. Вдвоем бы они того черного...

Гендельсон молча пошел за мною к ручью. Вода журчала все громче, мы вышли к ручейку, с той стороны трава и обрывистый берег, а здесь чистый белый песок. Лунный свет просвечивал воду насквозь, только у того берега оставалась недобрая тень.

Он опустился на колени и торопливо пил, как свинья, опустив рыло прямо в воду. Я слышал, как в него вливались целые ведра, он хрюпал и хрюкал, плямкал, от него пошел пар. Я даже с тенью сочувствия подумал, что этой толстой свинье в самом деле пришлось хреновей, чем мне. И толще, и привык к сидячей жизни, да и доспехи на нем что-то да весят...

— Ну, — поинтересовался я, — наводопоились, сэр Гендельсон?.. Отвести вас обратно в стойло?

Он привстал, отдуваясь, затем с кряхтением и немалыми трудами воздел себя на задние конечности. Я прожигал в его спине дыры размером с туннель под Ла-Маншем, но эта тупая скотина ничего не ощутила, добрела к костру и тут же заснула, пуская слюни.

Я опустил в огонь целое бревно, хватит надолго, взял в руку нож и решительно шагнул за оранжевый круг. Вообще-то искать там нечего, но стыд все еще гнездится под шкурой, надо хоть так доказать себе свою безмерную отвагу.

Призрачный лунный свет, серебристый и нереальный, превращает привычный лес во что-то иное, пугающее и таинственное, но я слишком долго жил в благополучном и рациональном мире, чтобы меня пугала темнота, а что ночной город и дневной — две большие разницы, это знают не только в Одессе.

Я вышел на край большой поляны, но дальше не пошел, чтобы не потерять костер из виду. Поляна медленно переходит в пологий холм, там кусты и мелкие деревья. Похоже, юго-восток в той стороне, а умный в гору не пойдет, даже холм постарается обойти...

Я вздрогнул, только сейчас уловив, что слева темнеет не ствол дерева, а отвесная каменная скала. Я бы назвал даже колонной, поставленной среди леса неведомым дизайнером, но, с другой стороны, это не колонна, а все-таки скала, но даже если бы колонну ветры и ливни источили до такой потери формы, то сохранилась с тех времен, когда леса здесь и в помине...

Сердце сжалось, как воочию увидел мраморные развалины прекраснейших дворцов на Капитолийском холме, пасущихся коз на том месте, где Цицерон бросал пламенные речи, увидел, как неграмотный турецкий крестьянин тяжелым молотом разбивает прекраснейшие мраморные статуи работы Фидия и Праксителя, чтобы пережечь мрамор в такую нужную для хозяйства известь...

Сверху донесся странный звук. Я задрал голову, обомлел. На вершине скалы сидит женщина. Я не понял, как она туда залезла, совершенно голая, без каких-либо приспособлений. Скала совершенно отвесная, а сюда в лес надо еще добраться, думаю — не одни сутки, но она сидит в красивой задумчивой позе, эдакая Аленушка у омута. В отличие от простецкой Аленушки каждое движение немыслимо эротично, сиськи смотрят в мою сторону так, что у меня зачесались пальцы от жажды схватиться за них, зад оттопырила, а лицо приподняла и сложила губы бантиком, словно приготовилась взять в рот эскимо.

— Черт, — прошептал я, — это во мне глюкануло, что-то... или как?

Собственный голос показался чужим и хриплым. Я попятился, кто знает, как она туда взобралась, вдруг у нее там крылья вылезут, спина ведь в тени, хрен знает, что у нее там сзади, вдруг крылья не гусиные, как у наших ангелов, а летучемышьи, как у ангелов ненаших?

Деревья сомкнулись, закрыли от меня темную странную скалу. Я торопливо пошел обратно к оранжевому огоньку. Нет, уже стал красным, свежих веточек никто не подбрасывает, вот сейчас приду, набросаю и заставлю себя хоть малость заснуть...

Нога моя замерла в движении. Я задержал дыхание, потом как можнотише присел за кустом. Колени предательски хрустнули, я застыл. Между деревьями мне наперерез медленно бредет, переступая босыми ногами, молодая девушка. Похоже, не всегда ходит голой, ягодицы снежнобелые, как и грудь, а тело все же покрыто легким солнечным загаром. Невысокая, полненькая, с круглым миным лицом, копна волос, с виду настолько мягких и нежных, что смотрятся сплошным золотистым облаком без разделения на пряди.

Впрочем, она не считает себя голой — на ней браслеты на руках и щиколотках, длинные серьги и небольшое ожерелье из крупных жемчужин.

Я уже раскрыл рот, чтобы окликнуть ее, но вдали зашевелилась трава, оттуда выскочило нечто огромное, стремительное, пятнистое. Я сжал рукоять ножа, готовый метнуться навстречу, однако женщина без страха смотрела на огромного зверя. Леопард в три прыжка оказался перед нею, брякнулся на спину, замахал в воздухе всеми четырьмя лапами, стараясь поймать ее за пальцы.

Женщина засмеялась, отмахнулась, леопард вскочил и пошел с нею рядом. Шел он краудучись, припадая к земле, но даже в таком виде его спина выше ее колена.

«Да ну вас к черту», — сказал я себе, сердце колотится, как у зайца в когтях льва. Если бы волк, пусть какой огромный, я бы еще рискнул себя обнаружить, все-таки волк — зверь благородный, привык к дисциплине в стае, к субординации. А эти кошачьи, что ходят сами по себе... Не понимаю этой страсти женщин к кошкам. Это же все предатели до единого! И не слушаются своих хозяев. Захочет меня сожрать — ничего эта красотка сделать не сможет...

Я провожал их взглядом, пока они удалялись по тропинке среди высоких, выгоревших на солнце трав. Белые полушария ягодиц мерно двигаются из стороны в сторону, спина тоже все светлая, словно эта красотка загорает брюхом кверху, попросту накрыв свои могучие сиськи лопухами.

Да, хорошо, что у кошачьих нюх уступает волчым. Пес бы зачужал, даже простой, не охотничий...

Костер разгорелся хорошо, ярко. От горящего ствола идет хорошее сухое тепло, как от масляного нагревателя. Гендельсон спит, бесстыдно, но, наверно, благородно всхрапывая. Из перекошенного рта слюна все-таки поползла, густая и блестящая, как нескончаемая улитка. Возле его ног расплылась целая лужица.

Я отвернулся, лег возле огня и скорчился, подогнув колени почти к груди и сунув ладони между ног. Не героическая поза, рыцари спят с мечом в недрогнувшей длань, но я ведь не урожденный, а пожалованный, с такой овцы какая рыцарская шерсть...

Глава 8

В глазах сверкало и переливалось, плавали странные чудовища, словно я завис в полупрозрачном желе. Еще не раскрывая глаз, уже чувствовал, что солнце светит прямо через тонкую кожицу век. Сделал усилие, загородился ладонью и лишь тогда с трудом поднял тяжелые веки. Все тело задубело, в плече снова заныло поврежденное мясо. Мучительно хочется есть. Кости за ночь отяжелели, их пропитало свинцовым холодом. Спина моя упирается в ствол могучего дерева... ага, это дуб, ибо под нами россыпи крупных, налитых жизнью желудей, коричневых, блестящих, похожих на пули с округленными кончиками. Значит, припекало, я во сне отполз, а когда огонь начал угасать, мои тупые инстинкты не сообразили подтащить мою задницу обратно.

Гендельсон все еще спит, настоящая свинья под дубом. За ночь отяжелел, обрюзг, морда перепачканная... Правда, у меня вряд ли лучше, но себя не вижу, а эта свинья — вот она. Даже пахнет от нее по-свински, не то обгадился от страха и усилий, не то у него пот такой вонючий. Потому никто нас и не тронул ночью, брезговали подойти близко.

Машинально пощупал амулет на шее, что в прошлый раз сослужил такую хорошую службу на дороге. Но здесь

даже если достанет из-под земли целый клад, в лесу он ничего не стоит.

Постанывая от жалости к себе, я потащился в чащу, орешник видно отсюда, а там может оказаться и что-нибудь еще. Нет, ни фига больше не нашел, кроме каких-то ягод. Но я, дитя асфальта, знаю только черешню да клубнику, а все остальное для меня — «волчьи ягоды», которыми вроде бы травятся. Или кайф ловят, не помню..

Гендельсон уже сидел перед черным кругом выгоревшей земли, тупо шевелил прутиком угли. Пепел ссыпался, багровые бока углей слегка вспыхивают, словно внутри этих камней загораются крохотные лампочки. Я положил на землю горку орехов в огромном зеленом листе, размером со слоновье ухо, только еще мясистее; словно выдернул из-под жабы на болоте, а не сдернул со стебля лопуха.

Он поморщился:

— Это... что?

— Орехи, — объяснил я. — Что, вам подают на блюде только очищенными?.. Вот что, Гендельсон...

Он напыжился, ухитрился посмотреть на меня свысока, хотя сидел на камне.

— Сэр Гендельсон! — сказал он надменно. — Можно «ваша милость»... можно «ваше баронство»...

— Заткнись, — сказал я с бешенством.

Он отшатнулся, смотрел на меня выпученными глазами. Я ощущил, что меня трясет от неожиданно прорвавшейся злобы.

— Заткнись, — повторил я раздельно. — Заткнись, ничтожество!.. Или вставай и топай в Кернель сам!.. Я еще согласен тебя взять... тебя, ничтожество, если закроешь хлебало и забудешь, что ты — цаца, что у тебя есть привилегии передо мною!.. Понял, ничтожество?..

Он краснел, багровел, бледнел, синел, лицо то распухало, то спадало, как сдутий воздушный шар. Я уж надеялся, что его кондрашка или грудная жаба задавит, но он все сумел пережить, хотя хрен сколько километров нервов у него перегорело, потом выдавил сипло:

— Мы... выполняем... приказ короля. Потому я сейчас... ни слова... Но мы вернемся, сэр Ричард!

— Вернемся, — согласился я люто.

— Вернемся, — сказал он хриплым от ненависти голосом, — и тогда... тогда посчитаемся.

— Посчитаемся, — ответил я. — Охотно!.. Если вернемся, конечно. Если вернемся оба... А пока, жаба, запомни: у тебя нет привилегий!.. Ты не будешь мне отдавать никаких приказов!.. Я не могу проследить, что ты обо мне думаешь, но — клянусь Богом! — если только каркнешь что-то оскорбительное, я тебе зубы вышибу прямо сейчас. Вышибу с превеликим удовольствием.

Он молчал, смотрел исподлобья. Я заставил себя дышать глубже и чаще, что-то чересчур распустил вожжи своих чувств. Гендельсон только испепеляет меня взглядом, полным ненависти. А это, как твердят восточники, опаснее, чем если бы орал и бранился. Вот как я сейчас.

Я сделал еще пару выдохов, сказал уже как можно будничнее:

— Все, не будем к этому вопросу возвращаться. А орехи советую... пожрать. Иначе силы не хватит, чтобы выбраться даже из леса.

Он смотрел на орехи набычившись, подозрительно. Долго молчал. Я раскалывал орехи камнями, не буду же рисковать содрать эмаль с зубов, доставал сочные блестящие зерна, ел с удовольствием. Наконец Гендельсон, к моему удивлению, сказал почти обычным голосом:

— С таким молотом... можно было бы оленя... или кабана. Даже птицу какую-нибудь.

Я пожал плечами.

— Не хотите орехов? Что ж, не извольте беспокоиться, ваша милость. Эти орехи я сам поем. В них калорий вдвое больше, чем в мясе... А вы можете вот это кушать... Вволю!

Я указал на россыпь желудей. Сам я с тем же энтузиазмом хрустел плотные коричневые панцири камнем, скорлупки разлетались, как осколки, ел с удовольствием, всегда любил орехи, а сейчас это так и вовсе деликатес.

Гендельсон скривился, но все же потянулся к орехам. Я сделал вид, что не вижу, как он роется, выбирая покрупнее, сам брал один за другим, и он заторопился, хватал чаще, раскалывал зубами, ел быстро, как прожорливая свинья, и весь как свинья — толстая, жирная, бесцеремонная, наглая.

Я встал первым, теперь это не только мое право, но и обязанность, указал в просвет между деревьями:

— В той стороне Кернель!.. Я не знаю, сколько до него. Я не знаю, может быть, в сотне шагов справа или слева за лесом прекрасный город, где смогли бы купить коней... да не простых, а с крыльями! Но мы пойдем прямо. Возражения есть?

Он отряхнул ладони, взгляд его был тяжелым и запоминающим. Медленно поднялся, скривился.

— Нет, — ответил он. — Мы должны дойти до Кернеля.

— По крайней мере, попробовать, — сказал я.

— Дойти, — сказал он. — И вернуться. Нам есть зачем... возвращаться.

— Да, — ответил я. Голос мой дрогнул, ибо перед глазами встало прекрасное лицо Лавинии. — Есть.

Деревья расступились и, покачиваясь, начали обходить нас справа и слева. Под ногами шла мелкая галька, потом двигались через соснячок, где сухие иглы покрыли землю на три пальца толщиной, затем посветлело от множества белокорых березок, напомнивших мне буренок, чуть позже березняк без перехода сменился густой дубравой.

Под ногами хрустели крупные желуди. Трижды натыкались на стада диких свиней, но только один раз свиньи разбежались, а два раза нам пришлось самим осторожно обойти по широкой дуге. Уж очень внимательно следили за нами огромные могучие кабаны, вепри. Клыки покрупнее, чем у медведей, а с какой скоростью они носятся, я уже знал. Глазом не успеешь моргнуть, а эта туша сбьет с ног и вспорет от низа живота и до горла, как умелая хозяйка потрошил толстую рыбу.

Однажды наткнулись на небольшое оленье стадо в пя-

tero голов. Головной олень тревожно фыркнул, все сорвались с места, но я успел метнуть вдогонку молот, поймав в прицел взгляда молодого оленя, что убегал последним. Раздался короткий хрюп, тут же оборвавшийся. Стадо как ветром сдуло. Мы подбежали оба, я вытащил нож, но Гендельсон распорядился с прежней властью:

— Разжигайте костер!.. Только рыцари умеют правиль-но свежевать дичь.

Я стиснул челюсти, пальцы сжались в кулаки. Уже мож-но бы дать в зубы этому дураку, ибо он, хоть и не прямо, но вы-казал свое превосходство, свое высокое рождение, а у ме-ня, мол, рождение только и годится, чтобы разжигать им костер...

Дыхание вырвалось из моей груди с шумом. Я разжал кулаки, еще раз вздохнул и отправился на сбор сушняка. Путешествие только начинается. Мы можем быть рядом с Кернелем, а можем быть и черт-те где. Ничего, в дороге все разрешится, все узлы развязутся. У меня не зря чувство, что терпеть эту толстую жабу буду не очень долго.

Когда я принес хворост, Гендельсон уже начинал-раз-делять оленя. Я поморщился:

— Пристало ли свежевать столь благородное животное, как какую-то свинью? Разве это по-рыцарски?

Он посмотрел на меня с надменностью.

— Вы умеете лучше?

— Конечно!

— Ну-ну, — сказал он саркастически, — что же здесь не так? Всегда сначала надо отнять голову, потом рассечь ту-шу на четыре части...

— Ни фига, — сказал я. Прекрасные строки поэмы о Тристане всплыли в памяти, я сказал со знанием дела: — Сначала надо снять шкуру, не разнимая самого зверя, по-тому разнять на части, как подобает, а подобает не трогать крестца, отобрать потроха, морду, язык, бедра и сердечную жилу...

Он слушал с удивлением, но брови сошлись на перено-сице, он сопоставлял со всеми прочими правилами, ме-

стом оленя в сложной иерархии животного мира, в геральдике, в песнях и балладах, буркнул:

— Ну, допустим... Что-то в этом есть.

— Это еще не все, — сказал я победно. — Сердце, голову и внутренности надлежит отдать охотничим собакам, что помогали загнать оленя... они потом охотнее будут сбираться на звук охотничьего рога. Все приготовленные части оленя надлежит разместить на рогатинах, что везут охотники: одному большой филей, другому — зад, двум — лопатки, еще двум — задние ноги, последнему — бедра. Потом надо выстроиться попарно, ехать в хорошем порядке, согласно с достоинством тех частей дичи, которые на рогатинах...

Он покачал головой, спросил с удивлением:

— Какой сложный... и довольно красивый ритуал! Да, это говорит о развитой системе рыцарства... И кто же вас этому учил?

— Тристан, — ответил я. — Великий Тристан из Тинтаделя. Известный своими доблестями, но еще больше — великой и верной любовью к прекрасной Изольде...

— Гм, — сказал он с сомнением, нахмурился, но дальше молча наблюдал мою борьбу за огонь в духе продвинутого Рони-старшего. На этот раз костер разгорелся быстрее, мы оба совали с двух сторон сухие палки, Гендельсон тут же начал жарить мясо прямо на огне, но я таким побрезгал, словно иудей, что не выносит крови в пище, дождался углей, на них прожарил мясо хорошо, надежно, и ел с удовольствием, при этом ловил озадаченные взгляды вельможи: что за простолюдин с такими непонятными манерами, просто баба какая-то, еще и пальчиком копоть сковыривает...

После завтрака мы двинулись через лес с предельной осторожностью. На Гендельсоне звякало и гремело, а сам он сопел, фыркал и стонал, как целое стадо свиней. Тропки попадались только звериные, но даже по ним мы продвигались, как две улитки. Гендельсон сильно хромал, постанивал. Дважды до полудня мы едва не натыкались на

конных воинов, но теперь впереди шел я, успевал затачивать Гендельсона за деревья и зажимать ему пасть. Он хрюпал и показывал знаками, что будет молчать.

Всадники ехали молча, целеустремленно, по сторонам не смотрели. Их одежда и даже лица были покрыты пылью. Глаза угрюмо смотрели вперед. Я знал, что это враги, и потому находил в них все признаки жестокости, порока, но если бы полагал, что это наши ребята, их суровые лица показались бы исполненными мужества и готовности к тяготам пути.

В любом случае рисковать не стоило, ибо это земли, занятые врагами. Войсками императора Карла, а короче — под властью Тьмы. Так что встретить «своих» нечего и думать, а попасть в плен по своей же дурости не очень-то хочется. Тем более по дурости Гендельсона.

Так мы шли, прячась от всех, двое суток. По дороге я срывал ягоды, орехи. Гендельсон скрипал, но покорно ел. Он сильно исхудал, железо на нем болталось, как на пугале. Когда я командовал привал, он падал на землю прямо в железе, засыпал как убитый. На третий день я сшиб молотом крупную птицу, размером с гуся, но точно не гуся, ибо, как я смутно слышал, гуси не сидят на деревьях и не вьют там гнезда.

Мы шли, шли, я смотрел сквозь зеленую листву и видел карие глаза Лавинии. Поднимал глаза к небу, видел ее голубое платье, а когда устраивались у ручья, слышал ее тихий нежный голос. Я безжалостно поднимал вельможу, говорил ему о долге, и мы шли через лес, прерываемый то чистыми полянами, залитыми солнцем, то темными оврагами, завалами, зависшими деревьями, гнилью и разложением.

Сегодня, это уже третий день, вышли на сравнительно чистое место. Через кусты с шумом проломился небольшой зеленый дракон. Он показался бы тиранозавром, рост всего в полтора раза выше моего, но его передние лапы, толще моих вдвое, все тело в роговой чешуе, на спине плотный гребень, как у неимоверно крупной стерляди. Распахнув пасть, он тут же, без предупреждающего шипения и биения себя хвостом в довольно мощную грудь, прыгнул вперед. Блеснули острые зубы, послышался жестяной звон...

Я едва успел увидеть смазанную зеленую полосу за лапой чудовища. Гендельсона унесло, как поддеветую ногой школьника жестянку. Он спиной вперед вломился в густые кусты, а дракон повернулся ко мне. Он двигался на задних лапах с ловкостью и грацией гимнаста, что подготовился к состязаниям, сила играет. Я поспешил выхватил нож.

Дракон прыгнул в мою сторону, я едва успел выставить нож перед собой. Удар, мою руку ожгло острой болью. Дракон оглушительно взревел, я увидел блеснувшую в воздухе полоску металла. Нож унесло на другую сторону поляны, а дракон стоял и размахивал лапой... что стала вдвое короче. Половинка лежала на земле, дракон смотрел на нее и ревел, ревел.

Потом он поднял голову и взглянул мне прямо в лицо. Я увидел в его выпуклых горящих глазах лютую смерть. Потом из пасти вырвался страшный вопль, он прыгнул ко мне, я сорвал с пояса молот, но бросить не успел... в голове взорвалась бомба. Вспышка боли ослепила, а в глазах сперва вспыхнуло белым, а потом наступила тьма. Я чувствовал, что удар отшвырнул меня, как если бы бейсбольной битой ударили по прыгнувшей лягушке.

Вблизи трещало, ломалось, я услышал вопль, рев, треск и жуткий звук раздираемого железа. Тряхнул головой, зрение очистилось. Дракон настал на Гендельсона, тот почему-то оказался на том месте, с которого дракон мощным апперкотом зашвырнул меня на другую сторону леса.

Молот верноподданно лежит рядом с моей рукой. Я приподнялся, бросок, воздух затрещал, затем хруст костей, молот перекувыркнулся и шлепнулся мне в ладонь. Я постоял пару мгновений, но дракон так и остался на Гендельсоне, накрыв его, как зеленым валуном.

В легких при каждом вздохе колет, во рту было солено. Я сплюнул кровь, в ней отвратительные пузыри, как на лужах перед новым ливнем, подошел, припадая на обе ноги.

— Дракон издох, — сообщил я. — Вы сможете выбраться?

Гендельсон хрюпал, лицо его было бледным, из разбитых губ текла кровь. Я кое-как столкнул тушу, Гендельсон

приподнялся, сел. Мясистое лицо стало иссиня-желтым, на правой стороне начал расплыватьсь роскошный кровоподтек.

— Кстати, — сказал я неуклюже, — спасибо, что сумели подняться... Он бы меня сожрал.

— Я... — прохрипел он, — я... не ради вас...

— Это понятно, — согласился я. — Славы восхотелось. Подвигов!.. Шкуру повесить на стену...

— Не шкуру...

Я кривился, щупал бок.

— Ладно, понимаю. Вам самому бы содрать с меня шкуру, а не уступать это дракону. Похоже, что нам придется остановиться здесь на ночлег... Меня что-то плохо ноги держат.

Впереди между стволами деревьев блистало пурпуром. Я, сильно прихрамывая, потащился в ту сторону. Деревья расступились, впереди был закат на полнеба, красочный, торжественный, из-за зрелица которого хочется встать на колени и возблагодарить того, что создал такое шоу.

Я обернулся, помахал вельможе в железной скорлупе, уже сильно помятой драконом..

— Добраться сюда можете?

Он ответил, не поднимаясь:

— А что там?

— Голая степь, — ответил я. — Вернее, там дальше снова лес, но хоть какой-то простор.

Багровый шар медленно проседал за темнеющий край земли. Небо налилось кумачом. Черные тучи остановились, края их зловеще алеют. Я вертел головой, в голой степи сразу становлюсь клаустрофобом навыворот.

Гендельсон, хромая и раскачиваясь при каждом шаге, доковылял до края леса. Дышал он с хрипами, на губах пузырится такая же кровавая пена. Налитыми кровью глазами окунул взором гигантскую поляну, проплешину среди необозримого леса.

— Чем здесь лучше?

— Обзор, — ответил я. — Никто не подберется, прячась за деревьями. Я там надрожался, в лесу.

Он нашел в себе силы вельможно фыркнуть, ведь урожденные даже воробьев не боятся, указал на чернеющую неподалеку высокую груду камней:

— Тогда вон там? Все-таки защита от ветра.

— Да, — сказал я. — Не люблю, когда задувает сзади.

— Почему сзади?

— Да и спереди не люблю, — добавил я. — Особенно когда присаживаюсь...

Глыбы камней оказались руинами некогда крупной каменной башни. Уцелело массивное основание из тяжелых глыб, примерно в три моих роста, сбоку угадываются остатки ступеней. Судя по камням, что усеивают окрестности на добрую сотню шагов в диаметре, башня была немаленькая.

Гендельсон с кряхтеньем снял шлем, но панцирь то ли не умеет снимать сам, то ли барон устал так, что руки уже не двигаются. Сидел на камне, тупо смотрел, как собираю хворост, луплю привычно камнем о камень.

Костер разгорался, как всегда, медленно, нехотя. Пытался снова юркнуть в щепки и затаиться там, я раздувал, терпеливо подкладывал сухие полоски тончайшей бересты. Можно бы, конечно, заставить Гендельсона хоть что-то делать, но я себя поймал на привычном брюзжании человека моего времени: а что, мне больше всего надо... а что, он сидит, а я корячусь... и прочих даже не подленьких, а просто меленьких мыслишках, недостойных мужчины. Из-за этого русские специалисты просто не могут работать в команде, но я сейчас в команде, я сильнее, а это значит, что я... я сильнее!

Мы разложили на камнях остатки оленины, поджарили еще разок. Я тосковал по чили, аджике, перцу, хотя бы майонезу, но барон пожирал мясо, как волк, хрюпел, давился, глотал, почти не пережевывая. Я сумел заставить себя съесть один ломтик, да и с того брезгливо соскреб ножом пригоревшее, что составило почти третью всего мяса.

Барон наблюдал за мной с презрительным недоумением.

— Ваши манеры, сэр Ричард, — проговорил он, — весьма странноваты. Вы держитесь, как избалованное дитя... Вы были младшим ребенком в семье?

— Почему младшим?

— Младших обычно балуют, — заметил он. — А рыцарь в походе должен есть все.

Младших, подумал я зло. При системе айн киндер не бывает ни старших, ни младших, а только единственные.

— То-то у вас харя, — ответил я саркастически. — Это в походах такую отъели?.. В трудных сражениях, в переходах через горные перевалы... в разгар зимы?

Он нахмурился, лицо снова приняло надменно-высокомерное выражение. Не глядя в мою сторону, снял доспехи и лег у костра, подложив под голову шлем. Круто, подумал я. Князь Святослав в походах клал под голову седло, и то мы считаем его небывалым аскетом.

Гендельсон не аскет, но захрапел почти сразу, едва голова опустилась на шлем. Это до какой же степени надо измучиться, чтобы вот так... Я, тоже усталый, все же заснуть вот так сразу не могу. Сижу, как дурак у костра, и пялюсь в огонь. Там в пляшущем пламени бегают всякие человечки, скачут огненные кони, рушатся замки, там в стремительном темпе проносится жизнь, а вот если поднять очи горе, то полная противоположность — там тоже своя жизнь, но их секунда равняется нашим миллионам лет...

Небо странно темно-синее, с очень мелкими звездами, земля под таким небом тоже синяя, и трава синяя, очень похожая на подводные заросли на глубине метров тридцати, куда красные линии спектра уже не доходят. Камни похожи на спящих черепах, тоже мертвенно-синих.

Только в двух шагах от костра трава и камни другого цвета: оранжевые и багровые, да туша Гендельсона, что уже начинает из красиво-благородной позы спящего рыцаря скрючиваться в простонародность, когда спина горбиком, голова в плечи, а руки меж колен... ну, так говорим, хотя ладони гораздо ближе совсем к другому месту, чем колени.

В небе чувствуется некое движение, появилась испо-

линская фигура величественного старика. Очерчен только контуром, лишь иногда проступало крупное мясистое лицо с нахмуренными бровями. Он качнулся с одного края неба на другой, словно луч прожектора, выискивающий вражеские самолеты, потом в задумчивости начал писать пальцем прямо на небе, как пишут мальчишки на запотевшем стекле троллейбуса.

Огненные символы возникали и тут же таяли прямо под его пальцами. Сердце мое стиснулось от неясного чувства. Возможно, в какие-то давние времена научились делать вот такого рода памятники. Не из бронзы или камня, а вот такую впечатанную в пространство голографию. Уже и аппаратура давно разрушена, и та цивилизация в руинах, а то и руины давно рассыпались в пыль, но этот призрачный памятник, питаемый подземными силами, магнитным полем планеты, все еще напоминает о давно ушедших веках...

Гендельсон всхрапнул, дернулся, глаза дикие, уставились на меня непонимающими глазами:

— Вы еще не ложились, сэр Ричард?..

— Не лег, — ответил я. — А вам что, Санегирейя привиделся?

Он вздрогнул, огляделся.

— Нет...

— А что так испугало?

Он посмотрел на меня подозрительно и с повышенной злобностью.

— Сон. Просто сон. Но, мне кажется, пророческий...

— Это от Сартии, — сказал я знающе. — Когда какому-нибудь очень достойному человеку... вот вроде вас, Господь Бог посыпает пророческий сон, рыцари Сартии тут же влезают в него, вы это знаете? И обязательно все пересрут, напортят, переталдычат. Так что вещие сны хоть и бывают, но все они — брехня.

Он люто блеснул в мою сторону недобрыйм взором, сказал медленно:

— Не знаю, не знаю... Но этот был уж слишком... наме-

кающим. Ладно, я бы посоветовал вам лечь. Неприятно, знаете ли, когда кто-то сидит и смотрит на тебя, спящего.

— Вы полагаете себя таким красавцем? Или что здесь больше смотреть не на что?

Он буркнул:

— Костер не погаснет, там целое бревно. Чего вам сидеть?

— Да ночь не очень холодная, — ответил я, потому что оставить реплику без ответа невежливо.

— Да не в холоде дело... Нечисть не подберется!

— Нечисть сама ходит с факелами. Это волки не подойдут... возможно.

Он промямлил:

— Ну... хоть волки... и то хорошо.

Он перевернулся на спину, заложив руки за голову. Я быстро посмотрел в небо. Там все так же сияют холодные неподвижные и очень мелкие звезды. Но старика уже нет, ушел. Ладно, раз уж Гендельсон проснулся...

Странно, я не чувствовал такой уж очень усталости, привык, это Гендельсон прямо из теплого мягкого кресла в жесткое седло коня, да из теплых покоев навстречу ветру...

Развалины башни приближались, в спину крикнули:

— Сэр Ричард!.. Это наверняка не христианские постройки!

— Наверняка, — ответил я.

— Вам не стоит туда идти!

— Почему?

— Потому что... потому что... нельзя!

Я засмеялся. Башня приблизилась, теперь стало видно, что ветер и дожди иссекли крепкий гранит так, что стену почти не отличить от обычной скалы. Будь эти развалины в горах, я бы прошел мимо — скала как скала. Свалившиеся сверху камни принимают удары только сверху, потому бока еще сохранили шероховатости и даже выступы, а сверху даже не панцири черепах, похожие на гигантские протекторы, а уже почти отполированные до блеска яйца динозавров.

Обошел вокруг, с другой стороны в камнях глубокий пролом. Возможно, здесь были врата, хотя, конечно, вряд ли. Гораздо удобнее сделать ступеньки вокруг башни, чтобы того, кто поднимается, могли сверху обстреливать и сбивать камнями, а из узких бойниц в бока тыкать пиками.

В проломе темно, я постоял, глаза вроде бы чуть привыкли, шагнул вовнутрь. Под ногами сухо хрустело. Впрочем, это не обязательно человеческие кости, могут быть и звериные. Конечно, звериные. Ни один череп не уцелеет со времен падения этой башни, а современные придурки, что вот так просто забредут, — вряд ли еще отыщутся. Сказано же вдогонку: нельзя сюда идти. А почему — да потому. Нельзя, и все тут.

Холодный лунный свет внезапно отразился внизу, в глаза прыгнул призрачный зайчик. Я сделал осторожный шагок. Среди камней, наполовину засыпанный, лежит меч. Не двуручный, простой, с прямым нехитрым лезвием.

Я осторожно потянул за рукоять, камни нехотя раздвинулись. Меч поднялся из этой россыпи, как вампир, что вылезает прямо из могилки. Я повертел его в руке, чувствуя приятную тяжесть металла.

Глава 9

Этот меч выглядит так, словно им долго рубили железные столбы, в него попадали слепящие молнии, он лежал на дне болот, его омывали потоки сильнейших кислот, и вот сейчас он все еще готов к боям: пощербленный, с темными и желтыми пятнами, так бывает, когда под воздействием огромных температур металл «отпускают», он теряет закалку, становится мягче.

Даже металлическая рифленая рукоять стала темной под воздействием неведомого мне жара. Я сжал пальцы крепче, показалось, что меч все еще хранит жар подземных глубин.

Уже с мечом в руке я хотел было вернуться, но слева ощущалось некое движение. Из каменной стены вышла со-

вершенно нагая призрачная женщина. Меня не видела, двигалась вдоль камней бесшумно, сквозь ее тело отчетливо видны темные камни, а ее словно бы глубоководную рыбу, не знающую солнечного цвета, слегка подсвечивает изнутри.

Женщина прошла мимо, не замечая меня или не пожелав заметить, вошла в камень на другой стороне и растворилась в нем.

— Мать, мать, мать, — сказал я дрожащим голосом. — Это же надо!

Со стороны костра послышался голос, но слишком близко, чтобы от костра:

— Что случилось, сэр Ричард?

— Это я Богоматерь вспомнил, — огрызнулся я. — И туды ее в качель... в смысле, где спит младенец Иисус. А вы какого дьявола?

Он подошел, сильно припадая на правую ногу, лицо изможденное, перекосился.

— Не поминайте дьявола, — простонал плаксиво. — Не поминайте!.. Он услышит и... придет.

— Он вряд ли, — буркнул я. — А вы какого... ангела?

Он сипло отдувался, сказал жалко:

— Сэр Ричард... мы с вами никогда не станем приятелями, но сейчас многое зависит от того, чтобы мы оба были целы. По крайней мере до того, как достигнем Кернеля...

Я брезгливо отмахнулся:

— Да идите, идите... спать. Я вышел сверчков послушать.

— Све... сверчков?

— Да, — ответил я безжалостно. — Обожаю слушать сверчков. Простых деревенских сверчков. Простолюдинных. Обыкновенных. Которые должны знать свои шестки...

— Сэр Ричард... Я рад, что вы уже знаете свое место. Но... Откуда у вас этот меч? Кто вам его дал... и против кого вы его обнажили? Против сверчков не совсем...

Голос его внезапно оборвался. Через полутемное помещение медленно шел в глубокой задумчивости мужчина плотного сложения, с короткими волосами. Стены просвещивают сквозь его тело, однако он не казался призраком,

те в моем представлении все же малость астральные, что ли, в развеивающихся одеждах, замедленные в движениях, патетические, а этот прет, как из одного помещения в другое двигается человек, сосредоточенно обдумывающий трудную задачу.

Гендельсон забормотал молитву, выхватил из-за пазухи крестик и выставил перед собой в дрожащей длани. Призрачный человек заметил нас, на лице на миг прступил слабый интерес, но тут же погас. Он шел прямо к противоположной стене, я поспешил крикнуть:

— Эй, хлопец, ты тут местный... подскажи дорогу!

Он оглянулся, в глазах мелькнула насмешка, тут же вошел в стену, словно та из тумана, а он бронетранспортер. Я ощутил стыд, нашел у кого вызнавать дорогу, идиот. Те дороги, которые он знал, давно засыпаны, перепаханы, на тех местах выросли новые города, были сожжены, разрушены... и так, возможно, не один раз. Его бы спросить о... О чем бы спросить?

— Какого черта, — проворчал я сварливо, — обнаженный потому, что ножны давно истлели!

Гендельсон бормотал молитву, упал на колени и вознес еще одну, благодарственную, уже за спасение.

— Сэр Ричард, — сказал он сурово, — а почему вы не благодарите Бога?

— Богу наверняка неловко, — ответил я, — когда его благодарят за то, чего он не делал. Шел себе это призрачный мужик и шел. Может, к такой же призрачной бабе.

— Вы чудовище! — бросил сэр Гендельсон с отвращением.

— Да, конечно, — согласился я рассеянно. Подумал, что, может быть, нечаянно ляпнул правду. До этого здесь прошла та призрачная женщина. — Идите, сэр Гендельсон.

— Без вас? — удивился он.

Я вздохнул.

— Ладно, пойдемте. Когда-нибудь добраться бы до этих руин.

Мы вернулись к костру, Гендельсон сказал с облегчением:

— Что вам эти руины?.. Тут куда не пойди — руины! Господь покарал нечестивые народы, истребив их где огнем с неба, где огнем из-под земли, а где и вовсе насыпал облака огненного воздуха...

— Мне не все руины нужны, — буркнул я. Положил под голову кулак, так не спал, если верить летописям, даже князь Святослав. — Мне не все...

Гендельсон вскоре захрапел, а я подумал внезапно, что и в других руинах могут скрываться те диковинки, на которые не обращают внимания эти люди. Но мы в самом деле должны спешить... Во-первых, надо в Кернель доставить этот загадочный камень как можно быстрее, а во-первых, я должен вернуться как можно быстрее к Лавинии, моей любимой, Единственной...

Веки мои потяжелели, я ощутил, что засыпаю, и в этот момент за кругом света я увидел, как мелькнула тень. Сперва только тень, но я осторожно сдвинул ладонь, закрывая глаза от слепящего пламени костра. В полумраке удивительная женщина легко и красиво танцевала в свежем ночном воздухе. Она похожа, решил я, на балерину с длинным прозрачным шарфом в руках, что вьется причудливо, как у чемпионки по художественной гимнастике на показательных выступлениях, создает странные фигуры, целые композиции, и это все в танце, дивном и причудливом, ибо она взлетает в воздух и замирает в нем на долгие мгновения. Ее танец то из каскада сверхбыстрых движений, недоступных человеку, то она начинает двигаться, словно в плотной воде, я видел все нюансы ее танца, будто наблюдал замедленную съемку.

Волосы ее черны как ночь, я рассмотрел два-три красивых цветка в этих волосах, розы или даже георгины, очень крупные, с мясистыми лепестками. Такие же яркие цветы скрепляют ее наряд, полупрозрачную одежду, из которой легко выстреливают то длинные, изумительной формы ноги, то руки, открывают периодически живот и спину, толь-

ко грудь и ягодицы остаются все время закрытыми, целомудренная такая фея, явно на стороне Добра, Света...

Ее танец становился все быстрее, она незаметно приблизилась к нам. Свет костра пал на ее тело. Я с изумлением увидел крепкое тело спортсменки, хорошую здоровую кожу, облицованную солнцем, даже лицо показалось хорошо знакомым с косметикой: слишком яркие щеки, синева над верхними веками, чересчур пурпурные губы, брови тонкие, шнурком, и вздернуты высоко...

Она видела, с каким изумлением смотрю на нее, в танце приблизилась, я услышал тихий голос:

— Спи... ты должен спать!..

— Ну да, — пробормотал я, — щас... такое пропустить...

— Ты ничего не пропустишь, — пообещала она и опустилась со мной рядом. — Ты получишь все...

Не рекомендуется, вспомнил я, просыпаясь, мужчинам спать в лесу одним. Не рекомендует иудаизм, не рекомендует христианство, а ислам так и вовсе запрещает. Ибо приходит Лилит, чтобы родить от таких мужчин детей. Известно, что Адам и Ева, будучи в «отлучении», за сто тридцать лет породили множество духов, девов и лилит. Так сказано в Священном Писании. Потом Адам и Ева снова начали совокупляться, но дело было сделано: за эти сто тридцать лет Адам весьма и весьма населил землю демонами.

Я сорвал пучок травы, вытерся с некоторой брезгливостью. Судя по всему, эти духи и демоны сами размножаться не могут, как, к примеру, наши мулы. Живут долго, возможно, вечно... если не погибают, однако новые могут появляться на свет только так. Ну, вот так, после процесса, который в разных вариантах снился мне всю ночь.

Хотя кто знает здешние нравы, может быть, это вовсе не снилось. Как-нибудь на досуге надо будет разобраться или хотя бы подумать...

Мясо, даже разогретое на костре, показалось жестким. Гендельсон жрал, как голодный крокодил, я же пошипал, как колибри. Правда, крупный колибри. Потом забросал

угли землей, Гендельсон участия в противопожарных мероприятиях не принимал, влезал в доспехи. Он влезал в буквальном смысле: в доспехи можно, оказывается, влезть, чтобы не просить кого-то помочь приладить, застегнуть, затянуть ремни.

Я загасил, притоптал костер, взглянул на него сверху вниз, распростертого в прахе, аки червь.

— Ну?

Он приподнялся, сел, руки отыскали шлем, нахлобучил, ноги начали воздевать его с таким усилием, словно домкрат поднимал асфальтовый каток. Мне показалось, что он уже устал, пока надевал на себя железо.

Моя рука скользнула за пазуху и, отодвинув амулет на простой веревочке, с наслаждением поскребла ногтями не очень волосатую, но все же волосатенькую грудь. Гендельсон наблюдал за мною налитыми злобой глазами.

— В путь? — спросил я.

— В путь, — ответил он и пошел вперед. — Я давно готов.

Меня подбивало сказать ему «Не туда!» и повести в другую сторону, но на этот раз он двигался верно. Быстро учился наш барончик, быстро. Нет, не барончик — баронище. Даже бар-р-ронище.

Жиденький лес расступился, навстречу блеснуло желтое море песка. Далеко на самом горизонте в небо упираются горы, между горами и песком полоска леса, но прямо от наших ног уходит это море с мелкими желтыми волнами.

Я видел барханы и повыше, видел настоящие песчаные горы, что двигаются медленно и неотвратимо по Сахаре, поглощая целые деревни, наступая на города, здесь совсем мелочь, но сердце застыло в страхе, когда нога ступила на этот песок. От него ощутимо веет сухим теплом, хотя день только начался, а солнце едва вылезло из-за леса.

Гендельсон насмешливо хрюкнул и пошел впереди. Его железные ноги погружались почти до середины голени, но он с бесстрашием тупости шел через песок, а я, хоть моя нога продавливает всего лишь по щиколотку, все время ждал то нападения мелких песчаных ящериц, то гигант-

ского червя, то подсознательно ждал зыбучести, когда враз с головой... И хотя умом понимал, что такое невозможно, даже в самых зыбучих погружаются часами, и что надо быть полным идиотом, чтобы так утонуть, но когда это мы жили умом...

Песок быстро разогревался, я уже опередил Гендельсона, по моей спине потекла струйка пота. Желтое однообразное море тянулось и тянулось, но лес на той стороне заметно приблизился. Под ногами неприятно хрустит, словно и не песок, а мелко-мелко измельченный щебень. Если там, где мы вошли, он желтый, то сейчас стал ржаво-оранжевым. Впереди среди мелких волн-барханов выступил полузыпаный холмик. С первого взгляда показался мне камнем, что постепенно рассыпается в песок, как раньше рассыпались здешние горы, а это последний из оставшихся, но когда приблизился, жар ударил в череп сильнее, чем пляшущее солнце.

На меня смотрел пустыми глазницами человеческий череп. Даже на треть погруженный в песок, он доходил мне до груди. Изъеденный временем и жарким песком, он все еще сохранил почти все зубы, каждый размером в портсигар. Нижняя челюсть утонула в песке, однако я видел высовывающиеся кончики зубов, сточенные по кромке, кое-где выщербленные. Череп выглядит совершенно человеческим, если не считать размеров, но тогда непонятно, как можно существовать с таким, или в какие-то времена гравитация была иной?

За спиной послышалось сипение, храп, словно приближалась груженная каменными блоками телега, которую тянет одна крестьянская лошадка. Гендельсон облизался потом, но усердно бормотал молитвы. В ладони то и дело появлялся крест, Гендельсон творил крестное знамение обеими руками, плевал через левое плечо, сыпал зажиманиями против нечистой силы. Злость распирала меня с такой мощью, что я понимал ощущения парового котла, когда ему в топку набрасывают чересчур много угля.

— Сэр Гендельсон, — сказал я, — вы набросали в мой

котел угля, набросали... Но вы забыли, что мы — не в Зорре! Это в Зорре ваши молитвы могут изгнать нечисть, ибо она там чужая. А здесь мы — чужие!.. Здесь Юг. Пусть самый краешек Юга, но здесь нет церквей, нет священников. Зато есть идолы... Давайте их лучше не раздражать!

Он ахнул:

— Как? Отказаться от борьбы со Злом?

— Мы сейчас не воины, — объяснил я с ненавистью. — Не воины!.. Мы — лазутчики. Мы должны пробраться в Кернель и отдать там талисман. Это принесет христианскому воинству больше сил и славы, чем если обнажим мечи, бросимся на ближайшую нечисть и красиво погибнем.

Он сказал надменно:

— В этом нет позора!.. Вы увидите, что я всегда готов отдать жизнь до последнего вздоха, а кровь — до последней капли...

— А что, — сказал я уже не сдерживаясь, — если барон, то обязательно — дурак?..

Он нахмурился, бросил ладонь на рукоять меча.

— Вы мне ответите, сэр Ричард!

У меня потемнело в глазах от страстного, прямо страстнейшего желания вытащить меч и встать в позицию. И сразу избавлюсь от этого дурака.

— Да хоть сейчас!

— Но у нас нет ни времени, — сказал он надменно, — ни возможности. Обнажающий меч на соратника, пусть даже вынужденного, — мерзок Господу...

— Я готов и на кулаках, — предложил я. — Или на ножах. У вас нож на поясе хороший!

Он презрительно оттопырил губы.

— Что, как пьяные мужики? Нет уж, увольте. Вернемся в Зорр — я к вашим услугам. Нет, даже в Кернеле! Доставим талисман, и мы уже не соратники. Тогда я вполне к вашим услугам.

Челюсти мои сжалась так, что стрельнуло в висках. Талисман, черт бы его побрал! Талисман надо доставить в

первую очередь, а потом... как там в песне: сначала думай о Родине, а потом о себе.

— Хорошо, — сказал я и ощутил, насколько зловеще звучит мой голос, — в первый же день в Кернеле!.. В первый же час!

— В первый же час, — подтвердил он.

Я ощущал, что, потерпев поражение в этом, должен настоять на чем-то другом, получить реванш, сказал резко, даже не задумываясь, умно или глупо это звучит:

— Мы идем через чужую страну!.. Здесь либо не знали Бога, либо отреклись от Него. Здесь в почете магия, а ведьмы и колдуны не скрываются от лап инквизиции, а сами правят городами и селами. Так что засуньте себе в задницу свой золотой крест, не вытаскивайте на людях! Ни из задницы, ни из-за пазухи. Вообще не показывайте ни своего баронства... ни даже христианства. Никаких молитв вслух!..

Он смерил меня взглядом с ног до головы. Я ожидал новых оскорблений, на этот раз не стану сдерживаться, шарахну просто молотом, возьму талисман и отнесу сам. А это ничтожество пусть по частям звери выклевывают из его скорлупы...

— Вы очень ошибаетесь, — ответил он высокомерно, — полагая, что я не понимаю, где мы. Я не был здесь, но я слышал рассказы бывалых воинов... и знаю, что даже достойнейшие рыцари прибегали к хитростям. Надо только, когда произносишь ложную клятву, держать в кармане пальцы крестом или кукиш. Лучшие герои ездили по чужим странам неузнанными, а потом проводили по разведенным дорогам целые армии!

Я сказал сухо:

— Ну, раз уж лучшие герои... Ставим точку. Теперь вперед — в Кернель!

Мы обливались потом, над Гендельсоном вообще поднимались струйки пара, словно через участок пустыни двигался не человек в железе, а закипающий чайник. Он ломился вперед тяжело, сильно наклонившись вперед. Ноги увязали почти до колен, я слышал уже не хрип, а надсад-

ный скрежет, словно его легкие высохли и стучали по ребрам, как жесть под напором ветра.

Я ощутил тень сочувствия, изнеженному барону еще хреновее, чем мне. Правда, по части изнеженности я тут любому дам сто очков вперед. Я вытер лоб, капли пота высыхают раньше, чем проползут по морде хоть миллиметр, губы пересохли, язык болтается, как деревяшка.

До леса около сотни шагов, Гендельсон хрюпел все надсаднее. От деревьев в нашу сторону падает густая тень, сокращая нам путь еще на десяток шагов...

Краем глаза я ухватил движение на самой периферии зрения. Вдоль леса по желтому песку мчится всадник на гнедом коне. За ним развеивается длинный зеленый плащ, чересчур длинный. Я так и не увидел его конца, плащ истончался, таял, но все еще угадывался, как размытый шлейф тумана. На всаднике подрагивала под порывами ветра темная широкополая шляпа с темно-зеленым пером, кафтан тоже темный, с оттенками коричневого, как и сапоги в широких стременах странной формы.

Всадник на миг повернул голову в мою сторону. Кровь замерзла во всем моем теле: у всадника вместо лица стал белый пульсирующий свет. По нервам ударило тем сильнее, что в остальном все темное, мрачное, а лицо — сплошной белый свет, даже плазменный огонь, как при плазменной горелке на всю мощь.

Я ощутил на себе пронизывающий нечеловеческий взгляд. Рядом всхрапнул и застыл, как столб, Гендельсон. Всадник пронесся, как молния, но одновременно он словно бы плыл через пространство. Желтый песок взлетал под копытами, как брызги, и застывал в воздухе, будто налипал на невидимое стекло.

Мы провожали его взглядами, а когда растворился вдали, мы заспешили к стене деревьев. Я опередил Гендельсона, но сколько ни всматривался в песок, везде безукоризненные песчаные волны с мелкой рябью. Вон след от пробежавшего жука, вот где пронеслась ящерица, от каждой

лапки отчетливый отпечаток, а за хвостом длинная извилистая канавка...

Гендельсон приблизился, я слышал жар от юакаленных доспехов, однако барон останавливался не стал, затрещали кусты, а когда я поднял от песка голову, в зелени тяжело грохнулось грунтовое тело.

Увы, когда я прошел по его следу, никакой кондравшки или грудной жабы — барон сидя снимал доспехи. От него волнами шел смердящий запах, пот пропитал вязаную рубашку под железом и стекал широкими струйками по лицу, груди.

— Это было... — прохрипел он, — просто... видение...

— Да, — сказал я, — но какое!

— Любое, — сказал он хриплым голосом. — Все видения — от дьявола!.. Мы должны... в Кернель. Кто знает, вдруг это испытание нам ниспослано не от Врага... а по милости Господа Нашего?

Я посмотрел на его измученное лицо с раскрытым ртом, он все еще жадно хватает ртом воздух, как рыба на берегу. Если это милость, то странноватая. Правда, тренер тоже горячает своих спортсменов до седьмого пота, но из нас обоих спортсмены, как из Гендельсона менестрель.

— Вы что, — осведомился я с ядовитостью, — долго намерены вот так ожопивать землю?.. Кто-то крякал насчет Кернеля...

Он уже сбросил булатные рукавицы, ладони оказались белые, пухлые, нежные, а пальцы — ну вылитые сосиски. Не глядя на меня, вытер ладонями лицо.

— Сейчас переведу дух, — сообщил он, — и буду готов...

Хрен ты будешь, мелькнула мысль. Тут сам еле стою на задних конечностях, а я помоложе и покрепче. Да и не тащил на себе эту гору железа.

— Хорошо, — ответил я как можно суше, чтобы не дать проскользнуть в голосе жалости, — переводите... этот свой дух через улицу. А я посмотрю, что в лесу.

Он сказал обеспокоенно:

— Что может быть в лесу, кроме неприятностей?

— Я уже хочу есть, — сообщил я. — Вы ведь не удосужились захватить с собой оленины? Или все сожрали втихую? У меня не такие жировые запасы. Вы намерены ими поделиться со мной?

Деревья расступились, я двигался как мог, то есть старался бесшумно, как надлежит охотнику, но пер, как московский турист в подмосковном лесу: ломая ветки, цепляясь за все сучья, спотыкаясь на каждом корне, материясь, что все здесь не так, и деревья не такие, и кусты в паутине, и зверей нет...

Наконец редколесье кончилось, дальше пошла чаща, туда я не рискнул. Лесовик из меня никудышный, сразу же заблужусь. Сейчас я просто иду строго по своей тени, наступая на плечи, а обратно идти так, чтобы тень за спиной, но пока что не увидел ни стада непуганных оленей, что подпустят вплотную, ни диких свиней, ни чего-то съедобного.

Рейнджер должен есть в пути все, вспомнил я мудрость выживания. Все на свете употребимо в пищу, а запреты возникли из-за религиозных предрассудков. Так что можно жрать даже жуков и гусениц, не говоря уже о ящерицах и лягушках...

На обратном пути я рассмотрел наконец на ветке токующую птицу. Во всяком случае, она щелкала клювом, я метнул молот, ее сшибло, только пару перьев взвилось в воздухе. Молот проломился сквозь ветки так неожиданно, что я едва успел выставить ладонь, но все равно больно ударило по пальцам.

Птица, глухарь или тетерев, никогда их не видел, тяжело падала, на доли секунды зависая на ветках. Я подхватил ее, сунул под мышку и вышел к месту стоянки. Гендельсон, к моему удивлению, ухитрился насобирать сухого хвороста, правда, его здесь полно.

Птица очнулась от обморока, начала слабо трепыхаться. Я бросил ее на колени барону.

— Убивать и пускать кровь — это ваше дело, барон. А я пока что разведу костер.

Гендельсон едва не выпустил птицу, когда она вдруг

клюнула его в ладонь и ударила по голове крыльями. Опешил, но все же свернул голову, начал потрошить, а потом уже на огне довольно умело жарил толстые ляжки.

Я время от времени ловил на себе его недоумевающий взгляд. На птице нет ран, выходило, что я поймал ее живой.

Глава 10

Жареная птица придала сил, как и короткий отдых. Я еще нежился у костра, как Гендельсон молча начал приспосабливать на себя железо. Я посматривал со злорадством, непростое занятие — надеть доспехи, ни один рыцарь не справится сам... однако Гендельсон как-топравлялся. Доспехи у него, как я понял, не только по его фигуре, но и из лучших сплавов, к тому же такой формы, что сам легко снимает и довольно легко надевает. Такие доспехи стоят целое состояние, но у клана Гендельсона, как я понял, денег куры не клюют.

Он первым наткнулся на приличную дорожку, что вела в нужную сторону. Я снял амулет и понес в руке. Чтобы не слышать молитв барона и не видеть креста в трясущейся руке, пропустил его вперед, он же герой, сам смиленно тащился сзади. Похоже, дорожкой пользовались нечасто, мы шли несколько часов без отдыха, за это время всего дважды земля разрыхлялась, высакивал желтый комок металла.

Деревья вообще разредились настолько, что поляны превратились в просторное поле, а деревья сбежались в небольшие группки.

Далеко впереди у дороги показался высокий, в рост человека, темный камень. Дорога извивалась, по сторонам ровная низкая трава, так что камень мы заметили и рассмотрели издали. У камня вроде бы какая-то фигурка, скоро мы с удивлением признали молодую девушку и странного зверя, которого я назвал бы помесью варана с крокодилом, только не зеленого, а странно-синего цвета, словно только что вылез из холодящей воды.

Вид у зверя был миролюбивый. Завидя нас, он застен-

чиво спрятался за спину девушки. Она безбоязненно рассматривала приближающихся крупных мужчин, удивительно чистенькая в таком пыльном мире, с гладко зачесанными назад черными волосами, умненькое лицо и внимательные глаза. Как большинство женщин в этих жарких краях, она в подобии лифчика, только более откровенном, да узеньких трусиках. Правда, есть еще пояс, на котором болтались пустые кольца.

Ее зверь все так же застенчиво выглядывал из-за плеча девушки. Теперь, когда поднялся во весь рост, я видел, что ростом почти с девушку, но если она стоит столбиком, то он в позе динозавра: передние лапы молитвенно прижаты к груди, зато задние лапы толстые, как колонны, а хвост занимает треть от массы тела. Чешуйки на груди отливают металлом. Я невольно подумал, что если в его чешуе в самом деле примеси металла, то такую защиту прорубить не просто. А здесь, судя по блеску, чешуя из металла целиком.

Гендельсон, к моему удивлению, галантно снял шлем, поклонился. Я не успел открыть рот, как девушка сказала живо:

— Простите, что здесь написано?.. Мои родители недавно сюда переехали, мы еще не обжились, я немножко заблудилась...

Я уставился на камень. Середина выскоблена до блеска, там два десятка слов, но я, если честно, даже в институте лекции по иностранному списывал, а тут вообще даже не буквы, а знаки. Совсем непонятные, что значит — руны.

— А на каком это языке?

Она взглянула на меня с удивлением.

— Разумеется, на древнем...

— Это понятно, — ответил я, — но у древних было много языков.

Она покачала головой с сомнением, потом вдруг посмотрела на меня с уважением.

— А ведь это может быть правдой! Странно, никому не приходило в голову. Считалось, что у древних был язык один, но использовали разные знаки... Вы один из магов?

Гендельсон напрягся, но смолчал, а я ответил живо:

— О, мы еще те маги! Особенно за столом. Все исчезает. Порой даже серебряные ложки...

Она расхохоталась чисто и невинно:

— Если вы такие маги, тогда да — та-а-акое прочитаете!.. Ладно, как-нибудь выберусь. Вижу, мне просто повезло наткнуться на таких же приезжих...

— Да, — сказал я легко, — Великое Переселение народов.

Она улыбнулась нам, медленно побрела в сторону от дороги. Ее прямоходящий варан тащился за нею. Девушка срывала цветы, подносила к лицу. Когда я оглянулся второй раз, там уже было чисто, пусто, хотя до ближайших деревьев еще далековато.

Мир впереди был нежно-лиловым. Я засмотрелся, не веря глазам, на то, что показалось золотой перловицей, но, когда приблизился, превратилось в изголовье самого дивного ложа, какое только видел. Ложе на каменной плите метровой высоты, изголовье в самом деле из красиво изогнутой по краю волнами гигантской раковины. Не меньше, чем метра полтора в диаметре. Она выглядит золотой, а когда я присмотрелся, жар ударил в голову: раковина в самом деле из золота. Или с большой примесью золота! Но явно же это натуральная раковина...

С ложа, привстав на локте, в нашу сторону со снисходительным интересом смотрела прекрасная женщина. Ложем ей служила вторая половинка раковины. Углубление совсем невелико, а красным покрывалом женщина прикрыла только ноги. Точнее, щиколотки. Половинка золотой раковины изнутри светится мягким оранжевым светом. Вся она словно указывала, что вот она — настоящая жемчужина.

Гендельсон ахнул:

— Я даже не мог подумать...

— Еще бы, — согласился я. — Самые крупные раковины, что я видел, это с блюдце. И то в магазине редких штук. Я собирал на море так и вовсе не крупнее надкрыльев майского жука.

Он прошептал:

— Да нет... То, что в раковине... Это же сама Лилит!

— Первая жена Адама? — переспросил я. — Ни фига себе... Сэр Гендельсон, а вы откуда знаете? Впрочем, нам лучше обойти. Кто знает, как она отреагирует на вторжение, это ж ее земли, она здесь отдыхает...

Мы обошли по широкой дуге, Гендельсон крестился и бормотал молитвы. Я помалкивал, пусть лучше сейчас, чем выдаст нас молитвой и крестом в неподходящее время.

Солнце еще только перешло на западную часть неба, но я первым засобирался на ночлег. Ноги гудят, как столбы в непогоду. Никогда столько не ходил, а Гендельсон движется уже, по-моему, совсем бесчувственный. Если какая гадость прыгнет из чаши, отбиться не сумеем, ведь молот хорош только на дальней дистанции, а меч из-за спины пока выташишь.

Олененок упал без звука, Гендельсон начал разделывать его, как подобает знатному рыцарю, мой урок не пропал даром. Я разжег огонь, воздух наполнился запахом горящего дерева, а потом ароматом жареного мяса.

Мы ели, как два голодных волка, разве что не выедали внутренности. В тиши слышен был здоровый мужской чавк и сопение, а также треск костей на крепких зубах. В лесу постепенно темнело, хотя небо еще долго оставалось синим.

Кучевые облака окрасились розовым, медленно плыли к закату. Я старался видеть в них только облака, ведь знаю же состав, но видел именно пышных бабс, их роскошные бедра, тугие груди, голые плечи... Вон у той женщины, которую Гендельсон назвал Лилит, вроде бы не такие широкие бедра, да и грудь не размером с подушку, но в ней столько эротики, чувственности, сладострастия...

— Ондатра чертова, — сказал я в сердцах.

— Почему ондатра? — удивился Гендельсон. — Вы о ком?

— Откуда я знаю? — ответил я в раздражении. — Похожа ваша Лилит на ондатру, вот почему.

Он задумался, переспросил с недоумением:

— Чем?

— Есть что-то в ней ондатриное, — пояснил я. — Не замечаете?

Он оглянулся по сторонам.

— Не знаю, — ответил он. — А какая она, ондатра?

Я подумал, вспомнил, что сам не представляю, сказал раздраженнее:

— Да какая разница? Слово-то вот оно? Очень гадкое слово, между прочим.

— Да, но... странный вы, сэр Ричард!

— Все мы странные, — изрек я. — Господь старательно вытесывал нас разными, но мы сами превращаемся в толпу одинаковых. Давайте спать, сэр Гендельсон.

— Да, — согласился он. — Дорога все-таки трудная. Но, честно говоря, я так устал... что даже сон не идет.

Странное дело, ко мне, несмотря на сильнейшую усталость, сон тоже не шел. То ли потому, что улеглись так рано, то ли чересчур много непонятного увидели. Даже страшновато, что из этого непонятного ничто вроде бы не угрожало. Гендельсон из этого сразу сделал не такой уж дурацкий вывод, что угрожает, значит, нашим душам, а это гораздо опаснее.

— Мне кажется, — сказал я, нарушая молчание, — что та женщина... что в раковине, вовсе не видение. И даже тот всадник с огненным лицом...

— Видение, — отрезал Гендельсон. — Гнусные видения, посланные самим дьяволом!.. Этим видениям лучше не вставать на дороге.

— Тогда то не видения?

— А если вставать, — закончил Гендельсон, — то облачившись в прочные доспехи и вооружившись хорошим мечом, который освятили в церкви!

— Хороши здесь видения, — пробормотал я.

Тепло от костра проникало в тело, окаменевшие мышцы в ногах наконец расслабились. Сердце перестало стучать учащенно, я чувствовал, как наступает то состояние,

когда уже начинаешь видеть сны, но еще понимаешь, кто ты и где находишься.

В стороне послышался легкий шорох. Адреналин плеснул во все жилы, а по ту сторону угасающего костра приподнялся на локте Гендельсон и тоже всматривался в темноту. Я видел, как его пальцы легли на рукоять меча. От костра едва-едва щел багровый свет, мы увидели, как на фоне темных деревьев скользнула фигура в черном. Я бы не заметил, если бы не блеснула на миг полоска белого, исчезла, потом снова блеснула. Женщина двигается почти неслышно, на ней плащ с широким капюшоном, край надвинут на глаза так, что ничего не видит, кроме земли под ногами, в одной руке держит нож, другую выставила перед собой, как слепая.

Черный плащ наброшен на голое тело, при каждом шаге распахивается, обнажая белую, ослепительно белую ногу. По дороге зацепился за крест, женщина нетерпеливо держнула и так же медленно шла дальше. Плащ теперь едва держался на плечах, открывая ее сочную зеленую фигуру во всей наготе.

Рядом послышалось учащенное дыхание. Я уловил момент, когда Гендельсон начал поднимать меч, перехватил его за руку. Хрен с нею, презумпцией невиновности, но даже ведьму как-то неловко вот так рубануть, даже не спросив имени. Добро бы уродина, а то нет же — красавица, как Бритни Спирс, только сиськи покрупнее... как у Лары Крофт, пожалуй.

Мимо пронеслась летучая мышь, едва не задела меня крылом. Женщина повела закапюшоненной головой в нащую сторону, мышь вернулась и пролетела еще раз, словно указывая направление. Я услышал злобное шипение, то ли мышь, то ли женское, тоже опустил ладонь на рукоять меча.

Женщина остановилась только на миг, потом снова пошла той же странной походкой, словно ее тащила на невидимом канате могучая рука. Свет падал сбоку, выхватывал обнаженную грудь, как прожектором на сцене. Я подумал, что куда там Ларе, застрелится сразу из двух пистолетов, если увидит такие размеры.

Мы долго смотрели ей вслед, наконец у меня вырвалось:
— Черт... почему они все такие голые?

Гендельсон ответил нервно:

— А вы здесь уже и других видели?

— Видел, — признался я. — Все как на конкурс красоты!.. Только не тот, где собираются длинноногие вешалки, а настоящий, где женщины с вот таким торчащим вымением, с такими задницами... Эх!

Он сказал нервно:

— Не вздыхайте, сэр Ричард, не вздыхайте! Тем самым вы себя делаете слабее, а дьяволу добавляете мочи. Вы еще спросите, почему они все такие... такие чувственные?

Я спросил:

— Почему все такие чувственные?

Он покосился на меня с великим изумлением.

— В самом деле не знаете, сэр... с молотом на поясе?

— Нет, — ответил я раздраженно. В упоминании моего молота почудилось что-то оскорбительное, но что, сообразить не мог. — Не знаю!

— Великий Боже!.. Так это же просто, все знают!

— Я не знаю.

Он вздохнул и начал объяснять, как я объяснял бы дебилу, что недалек от полноценного законченного идиота:

— Святые и подвижники, как известно, получают мочь от аскезы, воздержания, победы над собой. Эта мочь собирается внутри них... А ведьмы, как опять же известно каждому разумному человеку, получают гнусную мочь из своих темных глубин. Из того, что аскеты душат в зародыше, как недостойное человека, гнусное, отвратительное, низкое. Но, чтобы разжечь это низкое, продавшие душу люди обращаются к похоти! Разжигают ее в себе настолько, что...

Он задохнулся от праведного возмущения. И без того красное лицо пошло пятнами.

— Ага, — сказал я. — Высокое служит источником вдохновения, низкое — источником колдовства. Так?

— Вы едва не впервые сказали верно, — буркнул Гендельсон. — Даже удивительно. Мне даже как-то не по себе.

Надо еще подумать, не сам ли я не то брякнул, если вы вдруг со мной согласились... Подозрительно весьма. Словом, ведьмы постоянно разжигают в себе похоть, изощряются в самых сладострастных выдумках... так они накапливают свою силу!

Я подумал, подумал, предложил после долгих размышлений:

— Тогда давайте спать!.. Сон — это времененная смерть, а что они мертвому... или даже полумертвому сделают?

В самом деле, подумал я утром, просыпаясь, мало ли что мне грезилось, это все подсознание, я не виноват. Я — это кора, даже самая верхняя пленка на коре. Там никаких баб, так я просто зайчик, белый пушистый зайчик, что несется по большому страшному миру, стремясь спасти свою шкурку...

Я вытер следы ночных безобразий, мне все равно ведьмы ничего не сделали, ведь это тело — вовсе не я, моя душа если и не порхала, то дрыхла за стелькой сапога, а все тело — от дьявола, и так понятно, так что я вовсе не грешен. Не безгрешен, до такой наглости я еще не добрякался, но вот сейчас уж точно не виноват, хотя, признаюсь, с этими ночныхами бабами было очень хорошо и сладко.

Позавтракав холодным мясом, мы выступили по росе. Не прошли и сотни шагов, как впереди из травы начало подниматься острие зеленого меча. Оно блестало, как будто из драгоценного кристалла, словно вырезанное из цельного куска изумруда, но я отчетливо видел холодный блеск металла. Лезвие поднялось так, что мы увидели перекладину рукояти. Показались огромные волосатые пальцы, почему-то зеленоватые. Рука поднялась выше, теперь мы видели меч целиком.

Рука торчала из земли, выдвинувшись по локоть. Втрое толще человеческой, но все же человеческая. Пальцы с трудом умещаются на рукояти, а этот меч — двуручный. Лезвие горит зловещим огнем, по нему пробегают зеленоватые искры, возникает и прячется некий узор. Рукоять — дивное произведение искусства, как по дизайну, так и по орнаменту из листьев, ягод, насекомых. Там нет ни клочка,

не укрытое орнаментом, и даже рифленость рукояти, как видно между гигантскими пальцами, выточена в виде зеленоватой змеи, что обвила своим телом голый металл.

Гендельсон зашептал:

— Колдовство!.. Ни в коем случае нельзя брать этот меч!

— Вы говорите так, — упрекнул я, — что мне так и хочется его цапнуть. Но, правда, у меня уже есть меч. Взять, что ли, второй?.. Но вешай не должно быть много, говорят мудрецы...

— Так говорил святой Тертуллиан, — горячо сказал Гендельсон. — Сэр Ричард, не берите это творение ада!

— Не возьму, — согласился я. — На халаву бы, это мы завсегда, на халаву и уксус сладкий. А здесь наверняка заставят отрабатывать... С другой стороны, у меня есть черный меч, представляете его на стене в гостиной? А рядом повесить зеленый?..

Он прошептал в ужасе:

— Как вы можете такое говорить?

Я сказал задумчиво:

— Интересно, а что хотят за такой меч?.. Может быть, какую-нибудь ерундовину?

Меч выглядел старинным, очень старинным. Зеленый цвет усиливал ощущение древности, словно меч позеленел в земле от старости. И в то же время я спинным мозгом чувствовал в нем исполинскую мощь. Как вон все еще отыскивают в лесах на месте боев с фашистами проржавевшие, но неразорвавшиеся гранаты, пистолеты, автоматы...

В металлах я полный дуб, но это не железо, он превратился бы уже в горку ржавчины. Это что-то из тех сплавов, что рубят железо, как теплое масло. Метеоритное железо, что на самом деле и не железо вовсе, а нечто особое. Или некий сплав, который получают граммами и покрывают им корпуса космических кораблей.

Глухой низкий голос раздался, казалось, прямо из-под моих ног:

— Ты готов взять этот меч?

Я посмотрел по сторонам, снова на землю, ответил с осторожностью:

— Вообще-то да, но я хотел бы знать... на каких условиях, чем буду обязан, напротив это или внаем, какова арендная плата или это лизинг, но если это дар или подарок, что вообще-то одно и то же, тогда решение еще сложнее и ответственнее, ибо купить бывает дешевле, чем оставаться в моральном долгу, я хотел бы уточнить условия и прочие сопутствующие юридические тонкости...

Рука с мечом качнулась в мою сторону. Голос прорычал:

— Бери!

Я машинально взял. Рука ушла в землю, как в воду. Дырка затянулась моментально. Гендельсон покачал железной головой.

— Ну вот... теперь и у вас, сэр Ричард, наконец-то есть настоящий меч! А ту пощербленную железку выбросите...

В голосе этого жирного дурака было самодовольство и хвастовство: он-де свой меч не потерял, он — настоящий рыцарь, а вот я — возведенный в рыцарское достоинство по капризу глупой девчонки принцессы, вынужденный довольствоваться подарками.

Я снова взвесил меч на руке, сделал пару пробных взмахов.

— Неплохо... Давайте, сэр Гендельсон, испробуем лезвия наших мечей?

Он насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— Что имею, то имею. Рубанем вашим мечом по лезвию моего, потом моим по лезвию вашего...

Он сказал спешно:

— Это не рыцарские забавы. Настоящие рыцари обнажают мечи только в битвах.

Я смерил его взглядом, сказал протяжно:

— Мир таков, что нам долго, думаю, ждать не придется.

На привале я кое-как приладил и второй меч за спиной. Тот, который отыскал в руинах, тоже выглядит непростым, на досуге как-то разобраться бы с ним. Очень уж

большая древность в нем чувствуется. А в этом мире чем древнее, тем страньше и страньше.

Так и пошел дальше, как самурай, с двумя мечами.

Через четверть часа дорогу преградило лесное болото. Гендельсон пошел по краю, у меня сразу же появился шанс отыграться, я сказал хмурым злым голосом:

— Это болотце может протянуться на мили!.. Мы пойдем напрямик.

— Но...

— Там мелко, — сказал я с презрением. — Видно же.

Болото напоминало огромную лужу, не успевшую высохнуть после обильного ливня. Из воды торчат стволы упавших деревьев, к небу задраны голые, облепленные слизью и мохом корни, иногда даже выглядывают страшные скользкие горбы, похожие на кольца гигантских змей, но это просто толстые корни, а воды там по щиколотку.

Я ненавижу болотную воду, мне страшно ступать в темное, грязное, когда под ногой что-то начинает шевелиться, то ли корни, то ли шупальца, а на поверхность поднимается коричневое облако ила... но зато эта же гнилая вода хлынет и в доспехи этого болвана в железе, ладно, потерплю, тут главная радость, что у соседа корова сдохнет...

Над болотом гнилой туман, негустой, но деревья на той стороне расплываются, двигаются из стороны в сторону. Когда наконец пришли на то место, оказалось, что деревья торчат из воды, а вода хотя и не выше, чем до колена, но кое-где то ли водовороты, то ли упавшие деревья оставили за собой ямы, я сам дважды сорвался по самое горло, а Гендельсона пришлось выволакивать четырежды, сам он в своих доспехах и намокшей одежде уже не выволокся бы.

Я начал выдыхаться, ибо иду впереди и прощупываю дорогу. Дно постепенно повышается, воды не больше, чем по колено. Деревья высятся могучие, стройные, совсем не болотные, где обычно болезненно мелкие, покрученные, с почти голыми ветками. Гендельсон хрюпал, часто останавливался перевести дух.

От воды смрад, а на волнах, что расходятся от нас кру-

гами, покачиваются раздутые трупики мышей, крыс. Мы стояли, придерживаясь за дерево, в шлеме Гендельсона сипело, как будто выходил под давлением воздух из тонущей подлодки.

Мне почудилось хлюпанье, я сделал Гендельсону знак, чтобы не двигался. Через некоторое время хлюпанье повторилось. Из тумана вышла, ступая по колено в мутной воде, молодая девушка. Белые волосы, больше похожие на снег, чем на золото, падают крупными кудрями на плечи и скатываются по спине. В руках огромный лук, стрела готова к выстрелу, за спиной широкий круглый щит, похоже — медный, из одежды на плечах металлические латы да нежная маечка из тонкой ткани. Еще нечто среднее между шортами и трусиками, а тело настолько чистое, холеное, нежное, что я в обалдении покрутил головой. Тут всего четверть часа в этом болоте, но уже, как распоследняя свинья, вымазался с ног до ушей, от меня мерзостно пахнет, в сапогах хлюпает и со злорадством выплескивается высокими грязными фонтанчиками, я весь в тине, в плетях ряски, на мне пытаются устроиться крупные жабы и подремать, принимая хрен знает за что...

Ни меня, ни Гендельсона все еще не видела, мы за деревом, но смотрят настороженно, готовая к схватке. Правда, лук — глупо, тут могут упасть сверху, протянуть руку и схватить из-за любого дерева, а она проходит чересчур близко, даже могут ухватить за ногу... Больше бы подошел меч, а лук хорош лишь для стрельбы в открытой местности...

За нею, как мне почудилось, кто-то крался. Я посмотрел на Гендельсона, приложил к губам палец. Он вытаращил глаза, но кивнул и замер.

Из зарослей выдвинулась коренастая фигура, за ней еще одна, а потом еще. Передний выглядел почти рыцарем, столько на нем железа, даже полный шлем, в прорези что-то слабо поблескивает, словно там горящие угли, что вот-вот погаснут, зато еще четверо — настоящие варвары: обнаженные до пояса, мускулистые, тела в шрамах, у одного на плече зеленая змея... правда, чуть позже я разглядел, что

это просто плеть болотной травы. Похоже, он оступился и поднялся со дна уже облепленный всякой дрянью, но, как мужчине и надлежит, не обратил на это внимания, ибо мужчину украшают мужество и доблесть, а не красивая чистая кожа.

Они двигаются за женщиной осторожно, вода за ними почти не хлюпает, в то время как она, не подозревая об опасности, ломится через болото, как молодой лось, сильный и беспечный. Преследователи, прячась за деревьями и корягами, подбираются все ближе, их разделяет уже что-то около семи шагов, лук на этом расстоянии почти бесполезен...

Гендельсон знаками показывал мне, что надо бы мне метнуть молот. Я сперва показал знаками, а потом шепотом перевел, что уверен ли он, что эти пятеро не преследуют преступницу, убившую двадцать невинных младенцев, изнасиловавшую несовершеннолетнего сына короля и посетившую церковь в менструальный период?

Он сердито засопел, потащил из ножен меч. Звук получился скрежещущий, я видел, как все пятеро мгновенно остановились. Их головы начали поворачиваться в поисках источника звука.

— Что за дурак,— сказал я в сердцах.

Молот вылетел, как снаряд из танкового орудия. Гендельсон заорал и попытался броситься вперед с мечом в руке, но провалился по пояс, жалко забарахтался, а когда кое-как выбрался, мой молот уже вылетел в третий смертоносный полет.

Двое добежать успели. Один тут же провалился в яму, откуда только что выбрался Гендельсон, и Гендельсон обеими руками обрушил ему на голову меч. Мой противник попятился, глаза его не отрывались от острия моего зеленого меча. Мне показалось, что он узнал этот меч.

Я не стал бросать молот вдогонку, а то Гендельсона бы расплющил с удовольствием, а этот убегает — и пусть убегает.

Девушка то поднимала лук, тетива уже натянута, я видел, как острие стрелы поочередно смотрит то в меня, то в Гендельсона, то в преследователей. Наконец она опустила

лук, а затем и вовсе ослабила тетиву. У нее удивительные глаза: сами по себе обычные, карие, но неимоверно густые черные ресницы — как верхние, так и нижние, я засмотрелся, очарованный. Сперва почудилось, что это макияж, но она мигнула пару раз, это было ни на что не похоже, я почти ощущал ветер от таких ресниц.

— Привет, — сказал я.

Гендельсон, тяжело дыша, опустил меч. Он был весь, как свинья или американский командос, перемазан грязью. На нем плели водоросли, пучки тины, из доспехов хлещут струи гнилой воды, а сам отплевывался улитками и пиявками.

— Я почтительно приветствую вас, благородная леди, — сказал он хриплым задыхающимся голосом, но в нем звучало сомнение, — к вашим услугам барон Гендельсон из рода Снургов, владетель Гильцунга и Акерна. Надеюсь, мы... вовремя...

Она кивнула, красиво выпрямилась, сразу став благородной и высокородной. Я ожидал, что она сделает реверанс, но она, стоя по колено в воде, видимо, не возжелала мочить жопу, просто ответила глубоким бархатным голосом:

— Леди Изильда из рода Бевульфа приветствует вас, благородные... — тут ее голос замедлился, она с сомнением посмотрела на меня, — рыцари. Если вы почтите своим посещением наш скромный шалаш, мои родители будут об этом рассказывать своим подданным!

Гендельсон поклонился так низко, что железо на голове едва не перетянуло железо задницы.

— Мы последуем за вами, благородная леди Изильда.

Глава 11

Видят боги, или видит Бог, мы нуждались в отдыхе. Перед глазами все плыло и шаталось, когда мы выбрали из болота к берегу. Леди Изильда забросила лук за спину, красивая и царственная, никакая грязь к ней почему-то не прилипла, оглядела нас с непонятным выражением.

— Еще немного, доблестные рыцари!.. Впрочем...

Поколебавшись, она сняла с пояса рог, поднесла к губам. Над лесом и между деревьями понесся красивый серебристый звук, совсем не похожий на хриплый вой охотничих рогов. Я помог Гендельсону выбраться, его ноги скользили, он все срывался обратно в воду. Едва мы углубились в чащу, из зарослей выбежал рослый сухощавый парень с гигантским луком за спиной.

Двигался он быстро, чем-то напомнив Асмера. Я едва успел перехватить его взгляд, брошенный на нас, затем на леди Изильду, и тут же его глаза расширились, он поспешил сорвал с плеча лук и начал очень быстро выпускать стрелы прямо над нашими головами.

Девушка вскрикнула, тоже развернулась. Ее пальцы выхватили стрелу, мгновенно натянули и отпустили в одно движение. Странный парень за это время успел выстrelить трижды. Потом они оба замерли, прислушиваясь. Гендельсон со стоном опустился на землю.

У парня странное лицо, такие не скоро забудешь: сурое, европейского типа с едва заметной монгольством, черные волосы падают на плечи, лоб чист, а глаза настолько светлые, что я почти не видел радужную оболочку, только легкий ободок да еще пронзительно-черные точки зрачков. Но вот уши... уши остроконечные, покрыты мягкой светлой шерстью, да и длиннее той, что я видел на Гендельсоне...

Он медленно опустил лук, уперев нижний конец в камень. Стрела все еще смотрела в глубину леса. Лицо стало злым и жестоким, глаза прищурены самую малость, а брови, напротив, даже приподнялись.

— Они ушли, — сказала леди Изильда, но уверенности в ее голосе не было.

Парень кивнул.

— Надеюсь.

Она указала в нашу сторону царственным движением головы.

— Благородные рыцари заметили, как за мною крались пятеро заргов. Они их... оставили на дне болота.

Парень оглядел нас сочувствуяще и дружелюбно.

— Но их тоже отдали...

— Это не зарги, — ответила леди Изильда. — Они уже были в таком виде. Зарги к ним не прикоснулись даже пальцем.

На лице парня отразилось глубокое уважение.

— Значит, раньше был непростой противник.

Гендельсон позволил себя поднять, парень забросил его руку себе на плечо. Нести Гендельсона немыслимо, он сам по себе весит как породистая корова, да еще железа на пару пудов, так и двигались с полчаса, пока деревья не расступились, а мы не вышли на просторную поляну.

Король в изгнании, сказал я себе. Наскоро построенные просторные шалаши, два побольше, сплетены из веток, а третий — посередине, покрыт выделанными шкурами. Правда, поверх шкур набросаны зеленые ветки. Похоже, их подновляют, чтобы листья не меняли цвет. Я невольно поднял голову. Над шалашами нависают кроны огромных дубов, но с пролетающего дракона можно заметить среди зелени желтое пятно.

Навстречу вышел крупный мужчина с топором в руках и остановился, загораживая путь. Издали показался голым, только левая рука по самое плечо вымазана в серой со стальным отливом глине. Но мы приблизились, и я с удивлением рассмотрел, что на обнаженное мускулистое тело одет странный полупанцирь: стальные пластины, хорошо подогнанные, полностью защищают руку от кисти, плечо и левую сторону груди.

На металле заметны рубленые полосы, зазубрины, даже темные пятна, словно варвар принимал на это плечо удары боевого лазера.

Он стоял, широко расставив ноги, боевой топор устраивающего вида в опущенных руках, голову чуть наклонил, глаза смотрят испытуяще, без вражды, но и без робости или страха. Сожженное солнцем тело было коричневым, а кожа, как мне показалось, стала втрое толще, заменяя одежду.

Впрочем, он в набедренной повязке, а с широкого поя-

са, покрытого стальными пластинками, опускается треугольная пластина, защищая причинное место. Ноги укрыты высокими башмаками с толстой подошвой.

— Его Величество отдыхает, — сообщил он сильным гортанным голосом.

— Он слишком часто отдыхает, — бросила леди Изильда горько. — Еще не все потеряно, Халн!

— Слушаю, Ваше Сиятельство, — почтительно ответил варвар.

Гендельсона усадили на деревянную колоду, Халн оставил топор и помогал эльфу снимать с вельможи доспехи. Леди Изильда обратила взгляд внимательных глаз на меня, потом ее взгляд соскользнул на молот у моего пояса.

— Вы идете вместе?

Я невесело оскалил зубы.

— Не похоже?

— Очень.

Я развел руками.

— Не все зависит от нашего желания.

— Что могло заставить таких разных людей идти вместе?

— Приказ короля, — ответил я коротко.

Она вздохнула, в глазах появилось мечтательное выражение.

— Приказ короля... Когда-то и мой отец мог отдавать такие приказы. Это было давно...

— Сколько вы здесь?

— Пять лет, — ответила она просто. — Нас было больше сотни. Нет, никто не предал! Но верные нам люди гибнут в разных схватках... Узурпатор не успокоился, посыпает отряды, чтобы нас отыскали. Мы сменили уже десять мест... Недостает одного-двух героев, чтобы все вернуть, чтобы свергнуть подлого Зангана, чтобы вернуть трон... и тогда все верные королю будут щедро вознаграждены!

Я покачал головой:

— Сочувствую... Но все, что могу предложить, — это сочувствие. Мы очень спешим.

Ее глаза погасли. Плечи опустились, она оглянулась на

Гендельсона. Без доспехов он стал жалок, живот свисает через пояс, но, когда с него сняли рубашку, я ощущал нечто вроде сочувствия. Его нежное бабье тело, белое, как у пещерного тритона, покрыто широкими разводами кровоподтеков, кровь запеклась на плече, на груди, а пояс стал коричневым от засохшей крови.

— Вы не знали? — спросила она.

— Нет, — ответил я честно. — Я не думал, что он ранен.

— Отдохните, — сказала она. — Сейчас вам принесут еду.

Полог большого шатра был откинут. Проходя мимо, я бросил беглый взгляд, невольно остановился. Красивый юноша с бледным лицом и горящим взором стоял, опустившись на одно колено. Он был в полных рыцарских доспехах, только голова оставалась непокрытой. Темно-русые волосы красиво опускаются на плечи, в глазах благородная задумчивость, нет ни страха, ни бравады. Бледное лицо сурово, но не вызывающе, нижняя челюсть выдвинута ровно настолько, что я понял — он не задирается, не ищет схватки, но не уклонится от нее, если на дороге встанет хоть сам дьявол.

Он стоял неподвижно, вытянутые вперед руки скрестились на рукояти меча, а его упер острием в пол. На фоне красно-черных гобеленов со вздыбленными львами, орлами с распластертыми крыльями и стилизованными изображениями мечей это было торжественно и красиво. Красно-желтый свет факела бросал жаркие блики на выпуклость доспехов, и они выглядели выкованными из червонного золота.

Он то ли молился в уединении, то ли разговаривал с предками. Я на цыпочках прошел мимо. Паладин готовится к схваткам. Похоже, из всей сотни сторонников короля в изгнании уцелели только трое героев: паладин, эльф и варвар...

За моей спиной раздался веселый голос:

— Герой, я уже приготовила еду. У нас не очень широкий выбор, но мы делимся всем, что у нас есть.

Я медленно обернулся. Леди Изильда исчезла, вместо нее стоит удивительно милая девушка, нежная и друже-

любная, настолько юная, что на миг даже подумал, что это ее сестра.

Сейчас у нее очень веселые лукомистые глаза, светлая улыбка, а в светло-русых волосах крупный белый цветок с широкими лепестками, удивительно чистый, нежный, цепомудренный. Я решил, что это лилия, сам я видел этот цветок только пару раз в жизни, да и то издали.

Она рассматривала меня весело и дружелюбно, чуть склонив голову. Руки держала за спиной, на ней длинное голубое платье, узкое в пояссе и широкое внизу, очень глубокий и широкий вырез, я удивился, как платье держится на ее плечах. Грудь обнажена ровно настолько, чтобы подразнить, а из всех украшений только золотая цепочка с крохотным крестиком.

— Я потрясен, — сказал я искренне. — Леди Изильда, как вы ухитряетесь в таких... полевых условиях поддерживать свой королевский вид?

Она развела руками, улыбнулась совсем не грустно, а все так же весело и дружелюбно.

— А что еще остается?

— Да, — пробормотал я, — да...

— Пойдемте, — напомнила она.

Варвар уже поворачивал на вертеле тушу оленя. От россыпи багровых углей поднимался сухой жар. Оленья туша зарумянилась, порыв легкого ветерка бросил мне в лицо аромат жареного мяса. Из шатра вышел парень с остроконечными ушами, чем-то похожий на того эльфа, что так быстро стреляет из лука, сообщил:

— Рыцарь, судя по всему, дрался с целой толпой. Все его тело в кровоподтеках! Зато все три раны совсем не опасные. Наш лекарь обещает к утру все на нем затянуть...

— А залечить сумеет? — спросил я.

— Я же сказал, — удивился парень. — Даже следа не останется!

От оленьей туши шел хороший мясной запах, в желудке началось голодное шевеление. Леди Изильда бережно раз-

вязала тугой узелок, в свертке оказалась горка серой крупной соли. Желудок мой задвигался энергичнее.

— Что, — спросил я, не отрывая глаз от соли, язык сам по себе облизал губы, — кто-то из вас владеет ускоренной регенерацией?

Эльф смотрел на меня с недоверием. Сказал осторожно:

— Я лекарь... но я не слышал таких слов.

— В смысле, — сказал я, — убыстренным заживлением?

Эльф кивнул.

— Это умеют многие. Почему ты удивлен?

— Да нет, — пробормотал я. — Не удивлен. Просто думал, что это только в больших городах...

— Да нет, — повторил он мои слова, словно поддразнивая, — ты так не думаешь.

Он рассматривал меня с интересом. Сам был вполне человеком, но человеком здесь мог счесть его только я, повидавший иссиня-черных негров Эфиопии, желтолицых китайцев, крохотных камбоджийцев и пигмеев Африки, гигантов Скандинавии, краснокожих индейцев, чукчей... но не житель этих королевств, где всю жизнь видят себе подобных. В русских деревнях, что при всей многолюдности обычно ведут род от одного человека, а потом точно так же дают отводки для новых деревень, на обычного человека с черными волосами смотрели с ужасом, называли его «черным», считали посланцем дьявола, а волосы пытались ему отмыть... Этот эльф чем-то напомнил мне знакомого лезгина: светловолосый, с вытянутым лицом, как бы теперь сказали, арийского типа. Такие же, как у моего приятеля, высокие красивые брови, их обычно сравнивают с натянутыми луками, высокие скулы, тонкий и хорошо вылепленный нос с подрагивающими крыльями.

Глаза, правда, слишком большие и красивые, им бы позавидовала любая женщина: крупные, миндалевидные, с длинными ресницами. Оторопь пробежала по спине, когда я взглянул в эти глаза: чересчур светлые, я почти не увидел цветную сетчатку на белке... да и какой он белок, если почти прозрачен, как ледышка. Такие глаза у нас принято

считать холодными, ими обычно наделяют фашистов-мучителей, но я с усилием напомнил себе, что здесь просто это продукт эволюции жизни в лесу. Это степняки для защиты от ветра вырастили себе широкие скулы, а глазки уменьшили и упрятали поглубже, а фашистов-мучителей среди темноглазых ничуть не меньше...

Я повторил себе это, как заклинание, и улыбнулся эльфу. Он медленно кивнул. Похоже, он мог чувствовать настроение того, на кого смотрит, и мое отношение его наверняка удивило. А я смотрел на остроконечные уши, покрытые шерстью, и думал, что ему бы пошли серьги в ушах. Хоть мочки и маловаты, но серьги можно... Не такие мелкие, как у Шартрезы, а покрупнее, чтобы гармонировали...

Он проследил за моим взглядом, его рука непроизвольно поднялась, тонкие изящные пальцы потрогали ухо. Шерсть вздыбилась, ровная и чистая, я заставил себя представить ту шерсть, что торчит из ушей моего соседа по лестничной клетке, эльф неожиданно улыбнулся. Его и без того широкий рот раздвинулся в усмешке. Вот только рот, сказал я критически, гм... При таких огромных глазах почему-то считаем, что ротик должен быть таким, что чайная ложка не пролезет, но здесь рот широк, как у жабы, губы толстые... Впрочем, достаточно толстые, чтобы привлечь внимание и заставить ощутить в этом некоторую красоту. Хотя если вспомнить, как менялись каноны красоты у нас — то фламандские коровы Рубенса, то чахоточная Нефертити, то крупногрудые телки Голливуда...

Через полчаса от оленя остались одни кости. Гендельсон сидел у костра, перевязанный чистыми тряпками, укутанный в теплое одеяло. Вид у него был смертельно усталый. Медленно темнело, а огонь, в солнечном свете почти невидимый, прозрачный, постепенно наливался золотом, оранжевостью, приобретал осязаемость и зримость.

Гендельсон заснул, не донеся очередной кусок мяса до рта. У меня хватило сил добраться до охапки веток, что здесь служит постелью, и дальше я отрубился, словно мне влу-

пили между ушей большой дубиной. По-моему, в эту ночь меня не трогала даже Лилит...

Очнулся от ощущения силы и свежести. Быстро повел глазами по сторонам: я внутри шатра, изнутри стены из шкур, сильно пахнет свежесрубленными ветками, древесным соком. Оба меча в ножнах, это явно леди Изильда постаралась подобрать ножны по размеру, молот прямо под рукой, кинжал на поясе. Тело подрагивает от жажды вскочить, кувыркнуться, подпрыгнуть, пройтись на ушах.

По ту сторону стены из шкур послышались шаги. Мои пальцы сомкнулись на рукояти молота. Полог откинулся, заглянул, не входя, эльф-лекарь. На удлиненном лице сдержанная улыбка.

— Как себя чувствуешь?

— Превосходно, — ответил я. — Даже слишком... Я не мог так отоспаться за одну ночь. Надо мной что, тоже поработали?

— Да, — ответил он серьезно. — Леди Изильда очень хотела, чтобы у вас остались о нас самые лучшие воспоминания.

Я повесил молот на пояс и вышел. Перед малым шалашом на камне сидел старик. Взгляд устремлен вдаль, а руки как будто сами по себе отрезали ломать хлеба, клали сверху масло. Масло на утреннем холоде стало твердым, он отрезал тонкие ломтики, похожие на свежие деревяшки, клал на хлеб и жевал, все так же бездумно глядя в сторону леса.

Щеки и подбородок покрыла густая злая щетина. Когда он жевал, под кожей ходили тугие желваки, и казалось, что еж устраивается на ночь.

Я спросил эльфа шепотом:

— Король?

— Он, — ответил эльф тоже шепотом. — Он почти не выходит... Я не знаю, переживем ли эту зиму?

— Мужайтесь, — сказал я и сам скривился от стандартных слов. — Мужайтесь. Все меняется. Придет победа и на вашу... сторону.

Из второго шатра вышел Гендельсон. Я едва не ахнул;

он исхудал, щеки висят, как тряпки, живот стал меньше втрое, руки уже как щепки. Кожа висит, как шкура шарпейя, можно завернуться, словно в одеяло. Он покосился на меня с неприязнью, растопырился, эльф и варвар начали облачать его в доспехи. Тень сострадания к нему сдуло, как комара ураганом. Ускоренная регенерация потребовала ускоренного расщепления жиров и углеводов, зато от кривоподтеков уже ни следа, от ран одни шрамы, он чувствует себя не хуже, чем я... а это значит, что щадить я его не буду. Как, если честно, не щадил и раньше.

Гендельсон, уже в доспехах, опустился перед Изильдой на одно колено. Правая рука в булатной рукавице со звоном ударила по панцирю с той стороны, где должно находиться сердце.

— Леди Изильда, клянусь!.. Если Господь позволит, то я, завершив дела, которые мне доверил мой король Зорра, явлюсь сюда и помогу вам восстановить ваши законные права на свой трон!..

Леди Изильда улыбнулась. По-моему, она слабо верила в его клятву, ибо человек предполагает, а его располагают. Взглянула на меня, я кивнул в ответ:

— Я ничего не обещаю... и ни в чем не клянусь. Но я тоже очень хочу вернуться и помочь вам.

Проводить нас вышел даже паладин, что, говорят, молился всю ночь. Именно его молитвы и заживили все наши раны, наполнили силой и бодростью. Сам он был несколько бледен, но в руках чувствовалась медвежья сила, и когда обнял Гендельсона, доспехи заскрипели.

Оставив за спиной благородную Изильду и ее людей, мы еще почти сутки пробирались в этом жутком лесу, словно шли в огромной темной пещере. Массивные стволы настолько близко один к другому, что не протиснусь бы никакой конь, мы сами еще те кони, едва прориаемся. Полянки попадаются очень редко, да и то не поляны, а жуткие ямы на месте корней упавшего лесного великана. От его ствола обычно почти ничего не оставалось, но вздыбленная стена уцелевших от гниения корней на-

висает тут же над ямой: корни намного крепче древесины ствола, гниют долго.

Я спросил в который раз:

— И даже король не знает?

— Даже король, — огрызнулся Гендельсон. Его подлечили, но он все равно тащился, как нагруженный выюками осел через болото. Железо на исхудавшем теле звякало, тренькало, бамкало и гремело. — Но вы, сэр Ричард, тоже всех расспрашивали?

После моих угроз он сменил высокомерие на подчеркнутую почтительность, в которую вкладывал оскорбительности больше, чем в прежнюю надменность урожденного и владетельного, обладателя белой кости и голубой крови.

— Я расспрашивал меньше, — ответил я зло. — Это ж все королевские или почти королевские особи! Это вы с ними из одного стада...

Он решил, что это комплимент, подобрел, ответил спокойнее, хотя все еще сварливо:

— Они живут в лесу. Что бы ни говорили о своих древних корнях, но подозреваю, что их предки тоже не покидали этого леса. Они ничего не знают об окружающем мире! Они не знают не только о Зорре, они вообще не слыхали о великой битве со Злом, что ведут все цивилизованные страны!.. Для них главный и единственный враг — узурпатор, который захватил их трон! Они говорят только о нем. Они могут думать только о нем. А вся их славная и великая летопись древнего рода — бесконечная драка с таким же лохматым соседом, который тоже никогда не выходил из леса... и даже не догадывается, что где-то еще есть мир, еще есть люди...

Я поглядывал на вельможу с удивлением. В жирном голое впервые звучала горечь. Он говорил настоящим человеческим голосом, говорил правильные слова... пока я не сообразил, что напыщенного петуха просто возмущает, что где-то существуют люди, что не знают и не восхищаются им, Гендельсоном, который в Зорре занимается поставками провианта для всей армии!

Лес оказался настолько диким, что звери смотрели на нас с удивлением и подпускали почти вплотную. Я не принадлежу к обществу защиты животных, а Гендельсон сам еще то животное: я трижды убивал молодых оленей, а он разделял их уже по моей тристано-изольдовской методике.

К концу второго дня после расставания с королем без трона, когда мы еле двигались, уже зеленые, отравленные гнилостными испарениями болот, мне почудился блеснувший свет. Это было словно свет в конце туннеля, я прошептал молитву, это так просто, когда поджилки трясутся, слова сами идут, прибавил шаг.

Свет дважды или трижды исчезал, но, когда я все же огибал деревья, он оказывался ближе. Наконец я в самом деле рассмотрел круглое отверстие. Это было как круглый иллюминатор: два могучих дерева по бокам, стволы уходят в землю, как пирамиды, а кроны тоже начинаются с мелких веток, свет показался настолько ярок, что я едва различил зеленую долину, мелкую извилистую речушку, очень далеко горная цепь, но между рекой и горами поднимается белокаменный город!

Он выглядит компактным, дома теснятся один к другому, все обнесено высокой стеной из белого камня, детали не рассмотреть, город далеко, но даже из такой дали пахнуло достатком, добротностью.

— Ну, — сказал я, — если и здесь не знают, где находится Зорр, где Кернель... то я уже просто не знаю!

Гендельсон ухватился за дерево. Лицо его было такого же цвета: серое с зеленью, ибо в трещинах уgnездился мох.

— Господь услышал наш молитвы...

— Да, — согласился я. — Хотя мог бы услышать и раньше.

— Не богохульствуйте, сэр Ричард!

— Да какое богохульство? Вы ж всю дорогу молились, чертей разгоняли.

Он сказал со стоном:

— А вы заметили, что за все время на нас не напал ни один дикий зверь?

— Да и домашние не нападали... Все ваши молитвы, сэр Гендельсон.

Уже наступал вечер, на землю пал ржавый свет. Небо стало киноварным, трава выглядит, как будто вся выгорела на солнце. Тучи в небе застыли, темные, недобрые. Земля дальше уходит вниз, мы вышли почти на вершину очень пологого холма. Далеко-далеко, почти на горизонте, белеет город, а слева на соседнем холме высится мрачный стаинный замок... Нет, развалины замка. Никто не станет жить в таких, не подновив разрушенную стену, не восстановив обе башни, от них одни огрызки...

Послышались голоса. Из-за пригорка показались блестящие шлемы, затем, головы. Мне почудилось, что идут викинги: все красноволосые, рыжебородые, с грубыми свирепыми лицами. У одного шлем с рогами, вылитый викинг, но другой, правда, в кожаной шапке, откуда выбиваются длинные рыжие лохмы, грязные и нечесаные.

Они постепенно выдвигались, поднимаясь на холм, один оказался впряжен в двухколесную тележку. Четверо помогают тащить, подталкивают, хватаются за колеса, а еще двое с оружием в руках идут по бокам и злобно посматривают по сторонам. Тяжело груженная тележка едва двигается, колеса глубоко проваливаются во влажную землю.

Глава 12

Я наконец сообразил, что мне показалось странным в этих людях. У них словно бы укоротили ноги вдвое, как и туловища. Да и руки тоже, в то время как в ширину все крупные мужчины в полной мужской силе. Один из стражей оглянулся, закричал. Все начали толкать тележку с утрупленной силой.

Гендельсон прошипел злобно:

— Гномы!.. Отродье дьявола!

В ржавом небе на фоне заходящего солнца появился силуэт с распахнутыми крыльями. Мне он показался стрижом, что в вечернем небе ловит комаров и мошек... Гномы

тоже увидели, сердито кричали друг на друга, толкались. Тележка увязала, скрипела. Солнечный луч упал на груз, там заблестела золотая посуда, кувшины с драгоценными камнями, верх драгоценного шлема с крупным рубином... и все это было засыпано золотыми монетами.

Стриж превратился в красного, как кровь, дракона. Он вырастал с каждой минутой, гномы пытались тащить тележку еще быстрее, до леса не больше сотни шагов, деревья-великаны укроют от настигающего хозяина сокровищ, ведь драконы, по слухам, стерегут драгоценности... но вожак закричал, и все разом бросили тележку, разбежались в стороны, в руках появилось оружие.

— Дурачье, — сказал Гендельсон злобно. — Дракон, это порождение дьявольской злобы, сейчас испепелит другое порождение дьявола... Как хорошо!

— Что хорошего? — буркнул я.

— Как что? — спросил Гендельсон высокомерно. — И у дьявола просчеты...

Если бы, подумал я тоскливо. Рука моя нашупала молот. Дракон снизился, растопырил крылья и пронесся в планирующем полете. Плотная стена воздуха сбила гномов с ног, только вожак в рогатом шлеме устоял, закричал предостерегающе:

— Берегись! Огнем...

Из распахнутой пасти вырвался столб оранжевого пламени. Он расширялся, терял оранжевость, в землю ударили уже широким красным факелом. Один из гномов не успел отбежать на своих коротеньких ножках, его охватил огонь. Он завизжал, к нему подбежали другие и принялись сбивать пламя. Один ринулся к тележке, ухватил горсть золотых монет и попытался сунуть в карман, но монеты вывалились из переполненных карманов.

— Вот так жадность губит, — сказал Гендельсон. — Жадность — один из смертных грехов!.. Они успели бы врассыпную... и к лесу... Но хотят утащить всю тележку!

— Да, — согласился я, — это им не удастся.

Дракон сделал боевой разворот, снизился настолько,

что теперь сможет ухватить когтями, понесся стремительно. Я понял, что он хочет ударить огнем по земле как можно ниже, тогда тот пойдет широкой полосой и захватит подлое ворье, как бы ни разбежались в стороны.

Гномы с криками расступались, но, отягощенные золотом в карманах и в сумках, двигались очень медленно. Я размахнулся, поймал взглядом голову дракона, изо всей силы метнул молот, шепнув: сокруши проклятый череп...

Дракон распахнул пасть. Струя огня ударила оттуда ужающее яркая, почти белая. Трава вспыхнула, огненная стена понеслась в мою сторону. Я отпрыгнул, упал, покатился. За спиной страшно затрещало. Деревья тряслись, пронзительно кричали птицы.

Дым выедал глаза, я вскочил на ноги, молот ударился в ладонь. Передняя стена деревьев ходила ходуном, а три дерева исчезли, зеленую массу накрыло красное трепыхающееся тело. По траве прыгали красные огоньки, быстро гасли. Гномы катились по земле, сбивали пламя. Тележка тоже горела, но вяло. Доска лопнула, на землю оранжевой струйкой посыпались золотые монеты.

Из леса выбрался трясущийся Гендельсон. Глаза вылезали из орбит, губы прыгали. Он закричал:

— Зачем?.. Сэр Ричард!

Вожак с огнем справился первым, хотя борода сгорела начисто, одежда в черных пятнах и зияющих дырах. Он бросился к тележке, не обращая внимания на вопящих соратников. Горящая доска вывалилась целиком, на землю падали золотые сосуды, блюда, украшения, подсвечники. Он вопил и старался все перехватить на лету. Соратники один за другим сбивали огонь и поднимались, жалкие, обгоревшие.

Гендельсон закричал:

— Сэр Ричард! Скорее сокрушите их своим нечестивым молотом!.. Скорее же!

Я вскинул руки:

— Эй, гномы!.. Кто-нибудь слышал об Атарке? Вожде большого клана гномов?

Они сгрудились в кучку вокруг тележки, выставив мечи, ножи. На свирепых рожах злость и ярость. Вожак переспросил густым голосом, будто из колодца:

— Зачем тебе Атарк?..

— Мне он не нужен, — ответил я, — но пара слов для него есть.

— Говори, — предложил вожак.

— А эти слова ему передадут?

— Могут передать, — ответил вожак настороженно. Его глаза не отрывались от молота в моей руке. — Хотя это и далеко...

— Тогда скажи, — велел я, — что Ричард Длинные Руки платит по счету. Понял?

Вожак покачал головой.

— Нет. Не понял. Глупые слова.

— Еще бы, — ответил я. — Вы-то платить не привыкли! Вам бы лучше своровать, слямзить. Но просто передайте ему... хотя бы за ту услугу, что я вам сделал.

Вожак спросил надменно:

— А что за услуга? Если этот пустячок... что вон в деревья уткнулся, так мы его бы и сами... Мы таких лупим стаями.

Гендельсон закричал издали, не решаясь приблизиться:

— Сэр Ричард! Да убей ты их всех!.. Убей!

Я кивнул в его сторону.

— Слышите?

Гномы переглянулись. Вожак сказал с прежней надменностью:

— Твой спутник еще не дрался с гномами. Если он хочет попробовать...

— В этом нет необходимости, — прервал я. — Так бе-решься передать эти слова? За ту услугу, что я вас просто... пощажу. И не заберу это золото. Не только вместе с телегой, но и не выпотрошу все ваши карманы. И сумки. И пояса. И в башмаках поищу... Думаю, лучше всего было бы бросить ваши тела в огонь. Когда все сгорит, можно будет собрать немало выплавленного золота среди пепла.

Вожак задумался, наконец сказал нехотя:

— Ладно, передам. Сэр Ричард Длинные Руки начинает отдавать долг.

— Вот и договорились, — сказал я, — теперь скажи, где мы находимся, и мы пойдем своей дорогой, а вы потащите краденое своей...

Один из гномов сказал с достоинством:

— Это не краденое!.. Это награбленное!

— Ох, простите, — ответил я. — Но я из тех стран, где за награбленное дают больше, чем за просто краденое. В смысле дают по голове палкой. Так что это за страна?

Вожак сказал сварливо:

— Угейл, как этого не знать?

Я оглянулся на Гендельсона. Тот выглядел потрясенным, а потом и вовсе в изнеможении опустился на землю. Гномы быстро собрали с земли золото, кое-как заделали щель и потащили тележку дальше к лесу. Мы видели, как они исчезли между деревьями.

Гендельсон сидел на земле, похожий на коровью лепешку. Я навис над ним, потребовал:

— Где этот Угейл?.. Куда нас занесло? На какой край света?

Он поднял бледное исхудавшее лицо.

— Почему вы их не убили, сэр Ричард?

— Зачем? — ответил я зло. — Они вам в суп плюнули? Или тоже пограбить захотелось?.. Вор у вора?.. Что за страна Угейл? Вы ответите, или мне придется вышибить это из вас?

Меня трясло от ярости, я ухватился за рукоять меча. Сейчас я рассеку эту тупую жирную рожу так, что разлетится на две половинки...

Гендельсон отшатнулся:

— Умоляю, сэр Ричард!.. Не о жизни прошу... надо в Кернель... там ждут!

В глазах была красная пелена гнева. Я с трудом попал мечом в ножны, повторил:

— Что за Угейл?

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, почему вы решили, что я знаю?

— Но это очень далеко от Зорра? Все-таки вы должны знать хотя бы десяток королевств поблизости?.. Ближайшую сотню соседей? — потребовал я.

Он кивнул, сказал дрожащим голосом:

— Вы угадали... Я, по долгу службы, как раз знаю все окрестные королевства. Но Угейла среди них нет.

— Нет?

Он вздохнул:

— Даже ничего похожего.

— Может быть, — сказал я, — какое-нибудь прежнее название?

Он снова покачал головой.

— Здесь нет прежних названий... Это на юге развалины древних городов, там могут помнить старые названия. Здесь же все было заселено недавно. Раньше людей здесь не было...

Наступило долгое тягостное молчание. Потом догадка ударила в череп, как падающий болид. Я хлопнул себя ладонью по лбу.

— Так это же людей не было!.. Но гномы — были!.. Эльфы — были. С чего мы решили, что гномы должны знать... тем более называть свою землю человеческим именем?

Он уставился на меня бараным взором, потом в свиных глазах чуть просветлело. Кивнул, с кряхтением поднялся.

— Да, это должно быть верно. Мы должны отыскать людей.

Его шатнуло, но устоял, сделал пару шагов, остановился, оглянулся. Я не шелохнулся, сказал саркастически:

— А кто вам сказал, что надо идти в ту сторону?

— Никто, — ответил он. — А вам кто-то сказал, что лучше стоять?

— Надо идти сюда, — сказал я и пошел в противоположную сторону.

Когда я оглянулся, он ковылял позади.

Мы держали направление на тот город, что увидели еще из леса. Мне, правда, хотелось заглянуть и в те руины, где поселился дракон и откуда гномы наворовали столько золота. Кроме золота, там наверняка много дивных вещей,

которые гномов просто не заинтересовали. Например, старинные книги. Все могло уцелеть, ведь дракон с виду материальный, дышащий огнем, а такими становятся, только прожив много сот лет. Так что неразграбленные развалины могут таить в себе немало тайн...

Но мы шли и шли всю ночь. Половинка луны с черного звездного неба озаряла весь мир волшебным призрачным светом. Гендельсон достал тонкие ломтики жареного мяса, мы ели на ходу и все заставляли свои опухшие ноги двигаться, жить, нести наши задницы дальше к городу, который теперь казался таким дивным, необычным, спасительным.

Гендельсон всю дорогу молчал, только на коротком привале сказал с отвращением:

— Вам придется отвечать перед инквизицией!

— Да я вроде бы уже ответил, — сказал я медленно.

— Да? — спросил он. — А за ваш странный союз с гномами?

— Почему союз?

— Я слышал! Вы отдаете какой-то долг какому-то вождю гномов!.. Вы служите ему! Что на это скажет святая церковь?

Я буркнул:

— Отдать долг — это еще не значит служить.

— Все равно, — заявил он с непреклонностью. — По возвращении в Зорр я расскажу все. Гномы... это не люди! Господь покарал их за какие-то грехи!

Я поморщился:

— Вообще-то я слышал другую историю. Ленивая Ева не успела искупать утром всех своих детей, и когда Господь шел по берегу реки, она некупаным велела спрятаться среди камней. Бог спросил ее ласково, все ли дети ее здесь, такие чистенькие, вымытые, с сияющими рожицами. Эта дура брякнула, что да, Господь, все здесь! «Да будет так», — сказал он и пошел себе дальше. Так и случилось, что остальных детей она больше не нашла, они стали прятаться от солнечного света, превратились в гномов...

Он едва не удавился куском мяса.

— Вы смеете... вы смеете утверждать, что эти мерзкие создания... тоже от Адамы и Евы?

— Да, — ответил я мирно. — Вообще-то смею думать... кстати, вы не пробовали? В смысле думать?.. Смею думать, что гномы возникли по той же причине, что и пони или африканские пигмеи: недостаток питания, железа, витамина А. В этом случае организм резко замедляет рост... Впрочем, сэр Гендельсон, мы еще не добрались даже до Кернеля, а вы уже закладываете меня перед инквизицией в Зорре! Торопитесь, однако...

Я махнул рукой и пошел, не ожидая, пока он кончит жевать. Но не продвинулся и на сотню шагов, как далеко в ночи вспыхнул огонь. Не костер, пламя разрастается, вот уже рвется в небо, уже стало ясно, что горит именно в том городе, к которому приближаемся.

Сердца застучали громче, нагнетая кровь в смертельно усталые тела. Мы задвигались быстрее. Да, в небо рвется багровое пламя. Я ощутил озноб, темная вода и пожар в ночи всегда пугают меня до дрожи. Ночь расступилась, ясно виден городок, обнесенный крепкой высокой стеной, главные ворота горят. Ворота и две башенки, защищающие врата, — огонь полыхает оранжевый, слепящий, выше переходит в красный, багровый, смешивается с клубами черного дыма и застилает половину звездного неба.

Несколько человек вяло атаковали крепко запертые ворота. Городок — не замок, его не обнесешь рвом и защитным валом. Только подъемный мост заморишься опускать и поднимать, его можно атаковать со всех сторон, но ворота, понятно, самое слабое место. Во-первых — из дерева, которое можно поджечь, во-вторых, ворота легче пробить тараном, чем толстую каменную стену...

— Вот он! — закричал Гендельсон.

Пронесся огромный красный дракон, налитый багровым огнем. Я успел рассмотреть длинную змеиную шею, горящие лютой злобой глаза. Крылья жуткие, натянутые на костяной каркас так туго, что просвечивают, словно пленка бычьего пузыря на окнах. Передние лапы на диво

огромные, совсем неrudиментарные, как у динозавров, а задние так и вовсе в толстой чешуе, с острыми блестящими когтями.

Дракон ударил струей огня в сторону ворот. Нападающие подались назад, но не разбежались, а когда улетел, с новой силой ринулись на штурм. Дракон, впрочем, на этот раз плюнул огнем совсем вяло, сделал широкий круг и улетел в сторону далеких гор. Я рассмотрел между иглами высокого гребня человека хокейных габаритов.

— Это владения сэра Нэша, — сказал Гендельсон возбужденно. — Видите флаг с гербом носорога, сжимающего копье? А Нэш — верный союзник Зорра!.. Теперь знаю, где мы...

Холодный ветер пронизал меня насквозь, словно дырявый мешок. В Зорре часто вспоминали не только про Кернель, крепость паладинов, но и то, что от огромного королевства Месонг уцелел клочок где-то в горах, куда поленились подняться идущие вперед и вперед войска Тьмы. Причем всякий раз это подавалось так, что тамошний барон Нэш сумел отстоять свой замок и свои владения даже в то время, как сам король не смог отстоять королевство.

Голос Гендельсона упал. Я посмотрел на него и понял, что ему очень не понравилось, где мы находимся. Тем не менее он вытащил меч и сказал своим бабьим голосом:

— Мы должны помочь сэру Нэшу защитить свой замок!

— Он защитит без нас, — ответил я. — Ворота... сейчас погасят. Вот льют воду!.. А нападает не больше двух десятков.

— Кто знает, сколько в замке осталось мужчин?

— В замке пусть ни одного, — отрезал я, — но сами горожане не дадут ворваться в их город!

Гендельсон, не слушая, я ведь не ровня ему, родовитому, чтобы вести беседы и споры на равных, с мечом в руке выскочил на открытое место и поковылял в сторону ворот. Со стен в нападающих стреляли из луков, бросали камни. Те укрывались щитами, выкрикивали обидное, со стен тоже кричали и ругались.

Нас не замечали долго, пока Гендельсон не добежал

настолько, что поравнялся с самым задним из нападающих. Тот мерно доставал стрелы из тулы за спиной, тщательно натягивал лук и стрелял в сторону замка. Гендельсон, запыхавшись, доковылял до него со спины, поднял меч обеими руками и ударил по голове.

Идиот, даже этого не мог сделать. То ли меч повернулся во вспотевших ладонях, то ли мохнатая шапка смягчила удар, но лезвие соскользнуло с головы и нанесло широкую рану вдоль спины. Стрелок закричал отчаянным визжающим голосом, повернулся и рухнул Гендельсону под ноги.

Со стены закричали восторженно. Стрелы и камни полетели чаще. Нападающие развернулись, я увидел недоумение и страх на их лицах. Увы, быстро поняли, что нас только двое, выхватили мечи и пошли на нас дружной толпой. На Гендельсона ринулся их вожак, громадный детина, весь в железе, толстый, как медведь, в одной руке щит размером с дверь от сарая, в другой палица, больше похожая на бревно коновязи.

Я поспешил сдернуть с пояса молот. Гигант налетел на Гендельсона, тот обреченно вскинул меч. Молот ударили гиганта в левый бок, я выставил ладонь, в темноте и этих чертовых сплохах пожара даже не вижу его полета. По пальцам звучно хрюснуло. Я взвыл, кое-как нацепил на крюк и уже с мечом в руке бросился к месту схватки.

Гендельсон все-таки ухитрился ударить гиганта. Тот рухнул на колени, Гендельсон с усилием снова вскинул меч, но гигант завалился набок. Остальные замедлили шаг, и тут я вылетел на освещенное место, злой, зубы оскалены, это я так изображаю берсерка, заорал страшным голосом:

— Где это человечье мясо?.. Всех сожру!.. Без соли!!!

Они бросились врассыпную, исчезли в ночи. Все еще вяло горящие ворота распахнулись, на конях вырвалось пятеро человек. Трое унеслись в ночь за убегающими, а двое остановились перед нами. Оба немолоды, в хороших доспехах, на шлемах плюмажи из перьев.

Один воин сказал почтительно:

— Спасибо вам, благородные рыцари... а я не сомневаюсь, что вы рыцари, за эту помошь!

Гендельсон сказал слабым голосом, он отдувался, по лицу текли мутные струйки:

— Пус... пус... тяки!.. вы легко отбились бы и так... Меня зовут Гендельсон из рода... уф-уф... а это... это вот...

Он обернулся в мою сторону. Я сделал шаг вперед, поклонился.

— Вот это — сэр Ричард. Просто сэр Ричард. Я рыцарем стал недавно, на такие подвиги, как вот сэр Гендельсон, сразивший этого великана, не претендую.

Рыцарь с плюмажем окинул меня придирчивым взглядом, смерил рост, оценил вес, но в зубы смотреть не стал, наверное, из врожденной деликатности.

— Прошу вас в замок. У вас, вижу, была нелегкая ночь.

— Да, — ответил Гендельсон, плечи передернулись, как в цыганочке. — Как здоровье благородного сэра Нэша?

Всадник поинтересовался:

— Вы с ним знакомы? Увы, он со своим отрядом отбыл в Зорр. Говорят, там у вас была жестокая битва?..

— Да, — ответил Гендельсон, — но сэра Нэша там не было.

— Он отбыл две недели тому, — объяснил всадник. — В Зорре, по слухам, осталось очень мало воинов. Пока наберется население, восстановится отряд, город уязвим. Сэр Нэш решил на это время побывать там с тремя сотнями своих лучших людей. Сказать по правде, он увел почти всех, способных держать в руках оружие. Даже новобранцев.

— Очень благородно с его стороны, — сказал Гендельсон. — Очень благородно!

В воротах суетился народ, на горячие створки плескали с размаха из бадей и ведер. Вода шипела и возгонялась белым паром, но от самого огня остались только синие струйки дыма. Да и вспыхнуло только потому, что дохнул дракон, а пламя дракона способно, по слухам, расплавить камень. Дерево из мореного дуба, отметил я машинально, простым огнем не поджечь.

Каменные башни почернели, от стен несло жаром. Нас проводили во двор, перед воротами широкое пространство, затем уочка вывела на площадь, а посредине — замок: массивный, суровый, без каких-либо излишеств, с повышенными стенами, отметинами от камней, бросаемых баллистами. Четыре башни по углам, две черные от копоти.

Всадник сказал с почтением:

— Сэр Нэш велел не подновлять. Пусть все горожане видят, с чего начиналось. И пусть видят также, что люди в замке вынесли куда больше лишений, чем иногда... достается горожанам.

Я покосился по сторонам. Дома выглядят не просто за-житочными. Скорее — праздничными, беспечными. К оборо-роне их тоже не приспосабливали, ибо народ сперва по-просту отсиживался в самом замке, а теперь защиту приня-ла на себя могучая каменная стена вокруг всего города.

Всадник вскинул рог, звонко протрубил. Решетка во-рот поднялась. Мы прошли через довольно узкий проход, два всадника проедут или одна телега, а во внутреннем дво-ре нас встретили с факелами в руках челядьины.

Всадник велел:

— Благородных рыцарей отвести в... лучше в Западную башню. Приставить к ним слуг. Пусть отдохнут, приведут себя в порядок.

Гендельсон сдержанно и с достоинством поклонился.

— Благодарю вас, сэр...

— Олверт. Сэр Олверт, — представился всадник. — Простите, не сделал этого сразу. Кастелян замка.

Меньше часа понадобилось, чтобы почиститься, а я, к негодованию Гендельсона, еще и помылся. Он зрел в этом некий сатанинский обряд, громко читал молитву и шупал нательный крест. Явился паж, совсем молодой бойкий пар-нишка в яркой одежде, пригласил в залы.

Внутри замок оказался намного богаче, чем снаружи. То ли для того, чтобы не возбуждать зависть горожан, то ли хозяева в самом деле уродились не кичливыми. Перед на-ми распахнули двери в главный зал. Гендельсон вошел,

ступая как располневшая статуя командора. Доспехи он оставил в предоставленной нам комнате, но все равно двигался враскорячу, а руки держал врастопырку, как борец сумо.

На той стороне у окна женщина в черном платье смотрела в сад. Заслышав наши шаги, медленно обернулась. Тяжелое бархатное платье едва не соскальзывало с обнаженных плеч. Глубокое декольте открыло очень полную крупную грудь, обе половинки молча боролись за место у выреза. У нее было бледное лицо, покрытое едва заметным загаром, огромные глаза, точеный нос и полные чувственные губы. Волосы, здоровые, блестящие, падают на плечи темным водопадом. Изящная бриллиантовая диадема придерживает пряди на лбу, а подобная ей бриллиантовая нить скрепляет платье от плеча до плеча.

В руках она держала крупный черный цветок, только в самой глубине поблескивали, как драгоценные камешки, крохотные тычинки.

Мы почтительно склонили головы. Гендельсон произнес галантно:

— Леди Кантина, мы счастливы быть гостями в вашем замке.

Слабая улыбка тронула ее полные чувственные губы. Взгляд был спокойным, полный достоинства, но теплый, ласковый, дружеский.

— Садитесь, дорогие друзья, — сказала она. — Вот на эту скамью, сейчас сюда придвинут стол. Сэр Олверт сообщил, что вы сразили вожака разбойников, это был знаменитый Шург. А моим людям удалось захватить бежавших... К сожалению, мой муж и повелитель отбыл в Зорр...

— Мы знаем, — сказал Гендельсон с сожалением в голосе, — мы бы поговорили с ним о старых добрых временах, когда вместе ездили на охоту... Это было пятнадцать лет тому, но для меня — как вчера!..

Молчаливый, но довольно улыбающийся слуга принес широкое блюдо с ломтями мелко порезанного холодного мяса. Мои ноздри уловили запах жареного, так что это хо-

лодное ассорти только для червячка, а для нас жарят на-
верняка целого оленя. Мы с Гендельсоном усиленно кор-
мили своих червячков, когда за моей спиной распахнулась
дверь, я сразу увидел впереди на стене осветившийся квад-
рат, где выросла гигантская тень, пахнуло свежим воздухом.

Леди Кантина сказала с осуждением:

— Леди Гильома, как можно!

Глава 13

Я обернулся с куском бараньей ноги в руке. В трех ша-
гах в гордой и даже чуточку надменной позе стояла моло-
дая девушка. Она рассматривала нас спокойно, слегка с вы-
зовом. Чистое хорошенъкое лицо, покрыто солнечным за-
гаром, каштановые волосы падают на кожаный колет, че-
рез плечо широкая перевязь. Колет заметно оттопыривается
в районе груди, но женственность не так бросается в глаза,
как ее беспечность и отвага, с которой она смотрит на двух
незнакомых мужчин.

Брови вопросительно подняты, руки уперты в бока,
подчеркивая удивительно тонкую талию. Там широкий ко-
жаный пояс, с одной стороны оттопыривается кинжал, ла-
донь другой руки сжимает рукоять узкого меча.

— Так это вы, — сказала она, обращаясь к Гендельсо-
ну, — сразили ужасного Шурга?..

Гендельсон встал, поклонился.

Она сказала с восторгом:

— Это просто здорово! С тех пор как папа уехал, этот
отвратительный человек постоянно приезжал к воротам и
вызывал наших мужчин на поединки. Мама запретила на-
шим воинам вступать с ним в схватки, ибо он сильнее трех
самых сильных мужчин...

— Леди Гильома, — сказала Кантина строже, — веди
себя как леди, а не как...

Она запнулась. Девушка одарила нас с Гендельсоном
озорной улыбкой, сказала легко:

— Пойду переоденусь, а то мне то нельзя, другое не по-
ложено, третье не принято... А потом я приду есть сладкое!

Это звучало как угроза, но леди Кантина не успела раскрыть рот для нового окрика, как леди Гильома удалилась дразнящей походкой, старательно двигая из стороны в сторону ягодицами. Но с ее узкими бедрами это выглядело комично, еще не женщина, подросток, что стремится поскорее стать женщиной, но тянеться к мальчишечным играм, обожает мечи, кинжалы и топоры, которые явно не в состоянии поднять.

— Ешь быстрее, — сказал я Гендельсону, — а то эта леди Гильома выглядит очень проворной... Если она такая и за столом...

Он нахмурился, заворчал, но леди Кантина понимающе одарила меня царственно-материнской улыбкой. Похоже, лорд Нэш иногда острил, а известно, что даже очень красивые женщины, как вот леди Кантина, могут при частом повторении научиться реагировать на шутки юмора.

Гендельсон, дабы перебить мою простолюдинную грусть, заговорил о высокой политике, о кознях императора Карла, потом перешли на тонкости королевского этикета, что претерпел такие разительные изменения, затем снова на политику.

Я вытер последним куском мяса остатки соуса. Если здесь еще не знают перца, то соусы весьма, даже весьма, ворту горит, ночью опять будут бабы по мне ерзать и по-всякому изгаяться.

— Нам хорошо известно, — слышался самодовольный голос толстого дурака, — что Владыки Тьмы готовятся к последнему наступлению на нашу страну. Но пали все пограничные королевства, прежде чем в остальных забеспокоились. Пали еще три королевства, прежде чем в остальных решили усилить охрану рубежей. Пало могучее королевство Гиксия, прежде чем в нашем начали строить оборонительные стены, собирать войско, снабжать его оружием, готовить к боям...

Я даже устал от пережевывания такого огромного количества мяса, осоловел, отупел, но сквозь сонную одурь пробивалось легкое раздражение. Весь этот бред насчет

наступления Тьмы на королевства Света и Добра уж очень знаком. Каждый день слышал по жвачнику о наступлении ислама на страны Запада. Дескать, невежество пытается уничтожить очаги культуры, причем себя называли не иначе как цивилизованными странами, а страны ислама — дикарями, бандитами, террористами, гадами.

— А вот и я, — раздалось за спиной.

Гендельсон обернулся, громко ахнул. У меня дыхание, признаюсь, сперло, как у вороны после комплимента ее перьям. Леди Гильома выглядела просто юной феей в этом строгом голубом платье.

Теперь мы сидели вчетвером, слуга подавал на стол сладкое, уносил обьееки. Мы вроде бы не голодные, а все равно нашли в себе силы и мужество очищать блюдо за блюдом. Леди Гильома сперва с восторгом смотрела только на Гендельсона, победителя страшного Шурга, потом я уловил, как ее взгляд все чаще задумчиво останавливается на мне. Сама она ела совсем мало, и, как и обещала, только сладкое, самое сладкое.

За столом шла милая и ни к чему не обязывающая болтовня, я начал зевать, мне можно, простолюдинность из меня прет, леди Кантина подозвала слугу и негромко спросила, готовы ли покой для гостей.

После ужина нас проводили едва ли не под руки в отведенные нам покой. На меня произвело впечатление, что поселили не в одну, размером с конюшню, а в небольшие уютные помещения, расположенные по соседству. Похоже, и в планировке комнат женское мнение учитывалось не в последнюю очередь.

Я сбросил сапоги, ноги радостно загудели, как телеграфные столбы в непогоду, разделся до пояса и опустился за стол. На столешнице, как и положено в комнате для мужчины, кувшин с вином, тянет оттуда кислым, большая глиняная кружка и головка сыра. Тело все еще не отошло от перехода по лесу. Можно себе представить, каково сейчас жирной... уже малость исхудавшей свинье с благородным происхождением. Я на миг ощущил мелкое злорадство, рас-

сердился на себя, и тут же перед глазами встало лицо леди Лавинии, так отчетливо, что я закрыл глаза и долго сидел так, в позе девушки с персиками.

Она там, в Зорре, а я за тридевять земель. В замке, который вижу первый раз, в гостях у людей, которых впервые... Сижу за столом, тоска, руки, как бревна, лежат на неструганой поверхности, стол кажется вросшим в пол. Глаза пощипывают, низкий потолок не видно из-за полос синего дыма, стены тоже исчезли, словно в тумане. Из-под ног тянет холодом, пол из плотно утоптанной глины. Я не удивился бы, если бы через щель в соседней комнате увидел корову с печальными глазами... но там не корова, а свинья с длинным хвостом благородных предков. Дверь плотная, массивная, но снизу щель, через которую плотными волнами накатываются плотные запахи теплого навоза, душистого сена и молока.

В стене простой грубый камин, оранжевые зубы с треском расщелкивают березовые поленья. Затопили к нашему приходу, воздух все еще сырой, нежилой. Камин прост, но не менее проста в дальнем углу постель: деревянное ложе, охапки сухой травы, едва прикрытые толстым и мохнатым, как гусеница, одеялом.

Я наконец перебрался от стола к постели, рухнул во весь рост. Руки за голову, мысленно пробежал по нашему путешествию. Самая хреновость в том, что черный ангел в самом деле оттеснил нас далеко на юг. Этот замок и городок слишком далеко от пути главного войска императора Карла, потому его не снесли по дороге, а от мелких отрядов Нэш успешно отбивался. Но сейчас, по слухам... да мы и сами видели, по всем дорогам двигаются конные армии, везут тяжелые катапульты, баллисты, всюду собирают монстров, чтобы обрушиться на города Севера всей мощью. Похоже, мы влипли в самую середину этого нашествия... Не это ли имел в виду дьявол, когда сообщил мне о своем хитроумном плане? Но какая моя в нем роль?

Дверь легонько скрипнула. Я скосил глаза. В щель легко скользнула, словно струйка красного дыма, женщина, за-

кутанская в ярко-красную шаль. Нет, это такой плащ, тяжелый, парадный, что-то в нем церемониальное, ритуальное... Концы ниспадают до пола, но я заметил выглядывающие из-под края плаща маленькие изящные босые ноги. До чего же любят переодеваться эти женщины, мелькнуло в голове. Сперва в костюме бывалой охотницы, к обеду вышла настоящей принцессой, а теперь то ли Кармен, то ли Сильва.

Не отрывая от меня взгляда, она медленно подняла руки к горлу. Тонкие аристократичные пальцы коснулись золотой застежки. Щелкнуло, плащ тяжелой волной рухнул к ее ногам. Она осталась ослепительно нагая, со снежно-белой кожей, нежная и чувственная.

Я смотрел на нее бараным взором. Мужчины, ессно, по всегдашней логике должны тут же предпринимать какие-то активные действия на предмет овладения, чтобы не подумали про них, что импотенты. Из-за этой закомплексованности наших кавказцев считают «горячими парнями», а тем всего лишь не хватает мужества отказаться. Несчастники вынужденно волочатся за каждой юбкой, а то ведь подумают, что недостаточно мужчины!

У меня этих комплексов нет, я на голых баб насмотрелся. У нас в общаге... гм, словом, даже стриптизы я видывал поинтереснее. А тут р-раз — и все. Мало. Без всякой возбуждающей игры. Не научились еще.

Она смотрела выжидающе. В крупных чистых глазах росло недоумение. Я привстал, сказал учтиво:

— Леди Гильома!.. Я уж подумал, что мне снится... Мне тут принесли целый кувшин вина. Видимо, у вас мужчины сильно пьют?

Она все еще стояла неподвижно. Я подвинулся на ложе, похлопал ладонью, приглашая сесть. Недоумение на ее лице медленно переходило в замешательство. Она покосилась на плащ, тот ярко-красной кляксой остался на полу, изображая пролитую кровь невинности или лишенную девственность, а я с самым дружелюбным видом протягивал ей кувшин.

— Можете из горла, — предложил я. — А то здесь толь-

ко один фужер. Даже не фужер — стакан... э-э, кружка, кружка! Как там, няня, где же кружка? Выпьем, будет сердцу веселей.

Она медленно сдвинулась с места. Взгляд неотрывно на моем лице, что за игру я затеял, медленно, но достаточно грациозно опустилась на край ложа. Ее спелые груди напряглись, алые ареолы налились красным. Глаза все так же не оставляют моего лица, но щеки заалели от ощущения близости к молодому мужчине.

— Кто вы? — спросила она. — Вы не простолюдин, которого недавно в рыцари...

— Почему? — переспросил я. — Гендельсон рассказал верно.

— Нет, — возразила она. — Я видела, как вы... насыщаетесь. Гендельсон ел, как... как все едят. У вас же получалось настолько красиво, грациозно, что я не поверю, что за вами не следили с колыбели десяток воспитателей, наставников. У вас каждое движение было отточено, вы ели... необыкновенно красиво!

Я пожал плечами.

— Что за ерунда? Я ел, как все едят.

— Да? — спросила она тихо, уже почти забыв о своей на-готе. — Где? В какой стране?.. Гендельсон только и сказал, что вас привезли из дальних стран... Но не сказал откуда...

Холод вошел в мою грудь, сердце сжалось. Я задержал дыхание, Гильома следила за мной с глубоким участием.

— Вы побледнели, — прошептала она, — вы изменились в лице, сэр Ричард. Значит, я права.

— Не будем этого касаться, — попросил я. — Я — сэр Ричард Длинные Руки. Состою на службе короля Шарлегайла... на добровольной основе. Я ничего от него не получил и не прошу, а служу лишь потому, что считаю его достойным королем. Больше ничего о себе сказать не могу.

— Не хотите?

— Не могу.

Она взяла кувшин обеими руками. Я наблюдал, как она грациозно поднесла его ко рту. Крупные груди приподня-

лись, смотрели на меня с вызовом и, хуже того, с обвинением. Я стиснул зубы, надо держаться. Она же ребенок, пологозрелый ребенок. А я... в этом мире повзросел очень быстро.

— Хорошо, — произнесла она, опуская кувшин. Губы ее блестели, окрашенные вином. — Хорошо быть мужчиной...

Я уловил намек, пожал в неловкости плечами.

— От мужчин требуется больше. Мужчин судят строже. Быть мужчиной... трудно.

— Но вам это удается, — обронила она.

Наши взгляды встретились. Снова намек, на этот раз я вопросительно вскинул бровь. Гильома слабо улыбнулась.

— После обеда я общалась с нашими воинами. Осмотрела и убитого Шерга. Никто почему-то не обратил внимания, что рана от меча совсем не смертельная. А убит он ударом чего-то очень тяжелого в бок... Ему сломало все ребра и расплющило сердце. Он умер раньше, чем Гендельсон обрушил ему на голову свой меч!

Я развел руками, сказать нечего, налил себе в кружку. Она не отводила взгляда, серьезные глаза наблюдали, как я беру кружку, подношу ко рту, как двигаются мои губы. Я чувствовал себя неловко, словно на экзамене по этикету, которого вообще-то не знаю.

— У вас на поясе молот, — произнесла она тихо. — Я тихонько осмотрела...

— Ну и что показала криминалистическая экспертиза?

Она не поняла, но догадалась по тону, ответила так же тихо, глаза ее не отрывались от моего лица:

— Я уже сказала, что Шерг был в железных доспехах. Его панцирь слева вмят в грудь с такой силой, что сломаны все ребра и расплющено сердце...

Я поморщился.

— Леди Гильома... Это все ваши домыслы. Никому они не нужны. Разбойник убит, это главное. Кто убил, не так уж и важно. Все видели, что Гендельсон отважно загородил ему дорогу и обрушил свой разящий меч. Что нужно еще? Пусть так и будет.

Она долго смотрела на меня, в глазах удивление сменилось чем-то другим, более сложным, а я не чтец по женским глазам.

— Но... почему?

— Потому, — ответил я. — Пусть будет так.

Она покачала головой:

— Впервые вижу мужчину, который отказывается от подвига.

— Да какой это подвиг, — сказал я невесело.

Ее глаза расширились, я запоздало понял, что красивая принцесса поняла меня не так, поняла по-своему. Я имел в виду, что веду более тяжелый бой, что для меня подвиг означает нечто большее, чем ударить большой палкой кого-то по голове, у нас только слово «подвижничество» еще понимают в правильном значении подвига, но она, похоже, решила, что я жру драконов на завтрак десятками.

Ее тело вздрогнуло, на бледных щеках румянец вспыхнул ярче, залил лоб, шею. Губы стали еще крупнее. Она прошептала с очаровательным смущением:

— Я сказала, что впервые вижу мужчину, который... на самом деле я вообще не видела мужчину наедине, ночью... Никто не видел меня обнаженной. Никто не трогал мое тело. Да если бы кто-то даже посмел протянуть руку...

Она часто задышала, в глазах блеснул гнев, а ладонь метнулась к тому месту на бедре, где в первое появление висел изящный кинжал.

Я вскинул ладонь.

— Не продолжайте, леди Гильома. Да не скажете ничего из того, о чем потом можно пожалеть.

Она сказала с вызовом:

— Я всегда отвечаю за свои слова!

— Да, конечно, — ответил я поспешно. — Но, леди Гильома... в моих краях не придается значение девственности... Гораздо важнее другая верность и чистота. Если женщина сохранила до замужества девственность, а потом предает мужа направо и налево, разве это лучше?

Ее глаза засияли, как звезды. Она подалась ко мне

всем телом, едва не касаясь горячей грудью, потом, спохватившись, что истолкую иначе, чуточку отпрянула, но глаза ее впились в мое лицо.

— Сэр Ричард, — сказала она взволнованно. — Из ваших слов выходит, что в вашей стране женщины идут с мужчинами бок о бок? И воюют вместе?..

— Это правда, — ответил я. — Мир жесток.

Она воскликнула:

— Так это же счастье!.. Как вы не понимаете?.. Не сидеть, как дура у окна, не ждать, когда приедет некто и увезет тебя, как овцу, в свое поместье. Где только и останется служить чистопородной овцой, что ежегодно рожает наследников!

Я молча протянул ей кувшин. Она поняла, взяла обеими руками. Я смотрел, как она подносит к губам, грациозно и красиво, делает глоток...

— Спасибо, — сказала она. Ее руки поставили кувшин на столик. — Спасибо вам, сэр Ричард.

— За что?

— С вами удивительно. Я даже забыла, что я нагая.

— Подать плащ? — спросил я.

Она покачала головой.

— Я сейчас уйду, спасибо, не вставайте. Просто с вами очень хорошо общаться. Но вы правду сказали, что в вашей стране вовсе не требуется хранить девственность?

Я кивнул.

— Правду. У нас не спрашивают женщину, с кем и когда была, занималась ли любовью. У всех к замужеству накапливается опыт и в этой области... девственниц среди невест не бывает. Как и среди мужчин... Однако мне самому очень хочется быть верным своей женшине не только сердцем и мыслями, но и телом... Конечно, она не узнает, где я и с кем... но я же буду знать? Я хочу быть ей верен во всем...

Голос мой дрогнул. Глаза зашипали, боюсь, там даже засияло. До слез далеко... или недалеко?.. но зашипело, а Гильома смотрела с глубокой симпатией.

— Сэр Ричард, — прошептала она из самой глубины сердца, — как я ей завидую...

Я не поднимал головы, только краем глаза видел, как она подобрала плащ, скользнула к дверям. Там едва слышно скрипнуло.

Я бросился на ложе, запруда в глазах прорвалась. Я заплакал, но слезы мои были светлые, а в плаче я сам не чувствовал горечи.

Утром я готов был ехать, плечо уже не ноет, а царапины заживут быстро. После обильного, ведь кормят мужчин, завтрака леди Кантина пригласила нас осмотреть замок, подсказать, что надо укрепить, где расположить оставшуюся горстку воинов. Обход крохотного замка занял едва ли полчаса, и тогда она вывела нас в город, его тоже нужно защищать силами замка. Мы поднялись по узкой каменной лестнице на городскую стену. Широкая, двое воинов могут разойтись, из массивных гранитных глыб, может долго выдерживать удары катапульт. Леди Кантина так гордилась этой стеной, особенно ее толщиной, что я напомнил себе, чтобы ни в коем случае как-нибудь ненароком не брякнуть про Китайскую стену, это убьет здешних строителей.

— А вот оттуда берем лес, — рассказывала она и показывала белой красивой рукой с изящными тонкими пальцами. — Прекрасный строевой лес, на редкость чистый... что удивительно, ибо вон за теми холмами начинается Гибкий лес, где даже птицы не вьют гнезда, звери туда не заходят, а любой путник, случайно попавший туда, исчезает без следа...

— Хищные звери? — спросил Гендельсон грозно. — Исчадия ада, нечисть?

Она покачала головой, глаза были грустные.

— Кто знает?.. Но мой муж посыпал туда трижды людей. Всякий раз все больше числом... Когда не вернулся третий отряд, а это были самые отважные, он велел объявить всем, что то место гиблое, и его стали называть Гибким лесом... Но пусть у вас не складывается впечатление, что у нас тут одна жуткая нечисть! Чаще здесь даже нечисть милая и светлая... Я говорю об эльфах. Здесь обитают удиви-

тельные эльфы: крохотные, как бабочки, легкие, сказочно прекрасные...

Гендельсон смолчал, только хмурился, я сказал дипломатично:

— Осмотрим стену с внутренней стороны?

Гендельсон подал даме руку, помог спуститься по вышербленным каменным ступенькам. Мы неспешно двинулись вдоль массивной каменной кладки, от которой несет надежностью, стойкостью людей, что сумели все это возвести и укрепить без всяких кранов и цементов. Я нетерпеливо посматривал на поднимающееся солнце. Самое время попросить благородную леди одолжить нам пару лошаденок, хоть самых захудальных, под честное слово богатого Гендельсона, что обязательно вернем. Леди Кантина, как мне показалось, все не решалась что-то спросить, наконец обратилась к Гендельсону, как более солидному и знатному из нас:

— Благородный сэр Гендельсон, вы... как вы сказали, покинули Зорр неделю тому?

— Да, — ответил Гендельсон. — Увы, даже меньше. Всего суток трое тому. Или четверо.

Он насторожился, я отвел глаза, потом приотстал, но все же услышал ее слова:

— Странно, что вы не видели его приезд... Все-таки прибытие трехсот воинов не остается незамеченным.

Гендельсон закашлялся, что-то мямлил о трудностях пути, о недавнем ливне, что размыл дороги и, возможно, снес единственный мост через реку, но я понимал, что ту речку можно переплыть или даже перейти вброд, а если он выехал из этих ворот две недели тому, то давно должен был быть в Зорре. Речи о предательстве не могло быть, так что скорее всего сэр Нэш пал в жестокой, но неравной битве с отступающими от Зорра войсками Карла.

Лишь по незаметным черточкам я догадывался, что леди Кантина скорбит о случившемся, но внешне она держалась по-прежнему царственно, величаво, на губах время от времени появлялась милостивая улыбка. Ее приветствова-

ли горожане, она легким наклоном головы отвечала жителям, но вид ее был строг, и все вспоминали о своих неоконченных делах.

Мы вышли к южной части стены, здесь несколько полуразрушенных домов, а так место пустое, никто нам не встретился.

— Сэр Нэш, — сказала она, — переселил жителей на восточную сторону, а здесь намеревался выстроить новые просторные дома... Теперь даже не знаю, что...

Я увидел боковым зрением тень, что упала на каменные плиты. Тень имела четкие очертания, какие не бывают у облаков. Я вздернул голову. Над городской стеной появилась огромная красная голова размером с сорокаведерную бочку. В полуоткрытой пасти блестели длинные острые зубы. Это был тот вчерашний дракон. У меня мелькнула мысль, что, если он сейчас дохнет огнем, он изжарит нас всех троих...

Гендельсон закричал и выхватил меч. Леди Кантина прижалась к стене. Глаза ее были испуганными, но лицо оставалось мертвенно-спокойным, ведь она с мужчинами. Дракон увидел нас, шея начала удлиняться, огромная голова потянулась к Гендельсону и женщине. Гендельсон закрыл ее своим телом, закричал тонко и пронзительно, ткнул перед собой мечом. Леди Кантина вскрикнула и закрыла глаза. Ее ноги подломились, она начала оседать по стене.

В тот же момент молот из моей ладони выметнулся с огромной скоростью, ударили в голову чудовища сбоку. Послышался жуткий треск костей. Чудовищные челюсти сомкнулись на мече, Гендельсон едва успел отдернуть руку. Потом голова поднялась вверх, стена дрогнула. По ту сторону рухнуло тяжелое тело, а сверху еще и, судя по звукам, падали сломанные его весом каменные зубы.

Я, весь дрожа, держал молот, прислушивался. Леди Кантина привстала, бросилась к Гендельсону. Он обнял ее одной рукой, гладил по голове, другой рукой держал обломок меча. Капюшон упал с ее головы, его ладонь прижимала ее пышные роскошные волосы, но они упрямо рвались на свободу.

На той стороне глухо бухнуло. Из-за каменного забора взметнулось яркое оранжевое пламя, донесся запах горящего камня. С той стороны слышался сдавленный рев, больше похожий на хрип, земля пару раз дрогнула, затем все стихло.

— Я посмотрю! — крикнул я.

Двадцать шагов обратно вдоль стены, бегом взбежал по каменным ступеням, мир сразу стал широк, ноги пронесли по узкому гребню. Огромная красная туша скорчилась у стены. Бока сдуваются и раздуваются, дракон то ли спит, то ли отдыхает.

Снизу со двора крикнул Гендельсон:

— Ну что там?

— Похоже, что... — ответил я, — да он... додыхает!

— Господи, спасибо Тебе!.. В самом деле?

Под головой дракона растеклась огромная лужа. Я свесил голову, придерживаясь за каменный зубец. Стена черная, снизу в лицо пахнуло сухим горячим воздухом. Похоже, в предсмертной судороге дракон выдохнул огонь прямо в основание стены.

— Додыхает, — ответил я уже увереннее. — Ваш меч, сэр Гендельсон, поразил его прямо в мозг!

Глава 14

Остаток дня город ликовал. Этот дракон, оказывается, после отбытия сэра Нэша с отрядом нападал каждую ночь. Раньше отгоняли дружной стрельбой из луков, особенно дракон избегал огромных механических стрел, те длиной с рыцарские копья, пробивают его толстую кожу. Дракон ревел и, не слушая понуканий наездника, улетал. Сейчас же две недели подряд носился вдоль стен, пытался поджечь ворота или дома.

Наездника нашли под драконом. Его расплющило, как лягушку. Гендельсон был героем, леди Кантина смотрела на него влюбленными глазами, а Гильома поглядывала на меня укоризненно. Надолго исчезла, я уже забеспокоился, что снова ринется отыскивать следы моего молота.

Нас просто не отпустили в этот день, какой праздник без главных героев, пировали остаток дня и всю ночь. Три десятка мужчин усердно разделяли дракона. Огромные куски мяса бегом несли в город, там жарили, пекли, тушили, варили. Каждый считал своим долгом поесть драконьего мяса, будет чем хвастаться перед внуками. Потом дорубились до драконьей печени, что вызвало взрыв ликования. Наконец тяжелыми топорами вскрыли грудную клетку и открыли огромное сердце. Сердце дракона пусть не такая вкусная вещь, как печень, зато куда более ценная для хвастовства — стоит только сказать, что ел сердце дракона, и тебе в любой таверне нальют вина и сбегутся слушать, как это было.

Когда настала ночь, костры разожгли вокруг гигантской, наполовину разделанной туши. Теперь уже ясно, что никакие разбойные отряды не посмеют приблизиться к городу, где убивают таких драконов. Мужчины, запыхавшись и падая от усталости, вырубали костяные щиты со спины и боков, пригодятся в хозяйстве, лекари старательно отпиливали когти, срезали волосы с ушей, а управляющий все прикидывал, как отделить драконью голову и отвезти в замок, где ею украсят главный зал.

Я приблизился к Гендельсону, сказал негромко:

— Леди Кантина к вам благоволит... Вы ведь герой. Самое время выцыганить двух коней. Нам лучше смыться рано утром. Если не убежим, эти гостеприимные люди заставят праздновать пару недель кряду!

Он оглянулся на ликование, сказал рассеянно:

— Да-да, леди Кантина... Очаровательная женщина. Благородная, изысканные манеры, старинная кровь... Конечно же, она не откажет нам в двух конях... А почему в двух? Разве не лучше еще два в запас? Я слышал...

— Конечно, лучше, — сказал я. — Если леди, конечно, не поскупится...

Он отшатнулся, лицо стало еще более высокомерным, а из неприятного — отвратительным.

— Не забывайтесь, — произнес он ледяным голосом, — она — леди!

— Да я что, — пробормотал я, — я человек простой, таких лядей не очень-то... Я забочусь, чтобы как можно быстрее выполнить повеление Его Величества. Если вы о нем, конечно, еще не забыли.

Он посмотрел на меня, как вмороженная в глыбу айсберга свинья смотрела бы на апельсин.

— Рано утром, — изрек он, — выступаем.

— Отлично, — вырвалось у меня. — Вы верный слуга короля и Отечества!.. Куда за вами зайди утром?

Он ответил все тем же неприятным голосом:

— Мы, как вы помните, спим в соседних комнатах.

— Простите, — пробормотал я, — простите... мне показалось... гм...

Его голос стал еще неприятнее:

— Вам многое что кажется. Мерещится, чудится. Советую вам на ночь прочесть трижды «Верую» и подумать, что Христос принял муки вовсе не за то, чтобы мы влачили жизни, аки скоты безмозглые!

Он задрал рыло еще выше и удалился, а я, как ни странно, ощущал себя несколько пристыженным. Самую малость, но мораль в этом мире на такой высоте, что даже такая свинья может щелкнуть меня по носу.

Утренний туман был таким плотным, что я с трудом различал ногти на вытянутой руке. Но Гендельсон, хмурый и раздраженный, уверил конюхов, что с восходом солнца от тумана, не иначе как посланного дьяволом, не останется и следа. С грустными леди Кантиной и юной Гильомой попрощались еще в замке, ворота распахнулись, кони пронесли по прямой улице к городским вратам.

Пока сонные стражи сообразили, что мы уезжаем в такую рань, пока распахнули врата, я обнаружил, что вижу не только острые конские уши, но и впереди на два-три шага. Кони шли медленно, прислушиваясь и принюхиваясь, как собаки, я видел, как нервно вздрагивают красиво вырезанные ноздри. Леди Кантине коней подарила породи-

стых, аристократических, надо будет при случае предложить Гендельсону поменяться со своим конем местами, ибо у такого коня наверняка родословная длиннее.

Гендельсон снова в доспехах, отгородился от всего мира, как улитка раковиной. Едет подобный чугунной тумбе, к которой швартуют корабли, неподвижный и нешевелящийся, но мне почудилось, что там внутри, под железной скорлупой, он задумчив, даже печален. Я время от времени ловил в узкой прорези забрала свиных глазок, но делал вид, что не замечаю. На этот раз у Гендельсона шлем с поднимающимся забралом, а прежний, цельнокованый, похожий на перевернутое ведро, сильно помятый еще при первом падении, оставили оружейнику. Подо мной конь молодой и сильный, ему самому нравится нестись вскачь, а мне нравится сидеть на спине того, кому нравится нестись вскачь. Даже ножны у меня за спиной настоящие, покрытые узором, леди Гильома принесла в подарок.

Гендельсон пару раз оглянулся на удаляющийся замок. Тот красиво и гордо возвышается над городом, как могучий орел, озирая свои владения. Мне почудилось, что под толстой железной скорлупой прозвучал могучий вздох. Через некоторое время вздох повторился. Потом еще и еще. Я скосил глаза. Вельможа уже забыл о необходимости держать спину прямой, горбился, вздыхал, его раскачивало на ходу, а забрало поднял, ветер освежает его красную харю.

— Держитесь крепче, милорд, — предостерег я. — Если конь вдруг пойдет вскачь, вы гэннетесь, как мешок с... овсом, скажем понятнее.

— Не гэ... — ответил он угрюмо. — Вы за собой следите, сэр Ричард!

— Я ночью спал, — огрызнулся я. — Почти как младенец. А у вас, как понимаю, была оч-ч-чень трудная ночь.

Он огрызнулся:

— Да, у меня была трудная ночь!.. Но вовсе не потому, что вы, сэр Ричард, подумали!.. Вам, простолюдинам, не понять морали благородного сословия!

Я сказал холодновато:

— Сэр Гендельсон, я рыцарь.

Он брезгливо отмахнулся, словно сбросил с одежды прилипшую к ней грязь.

— Возведенный!.. А благородство воспитывается с детства. С того самого возраста, когда ребенок еще лежит по-перек кроватки. И — один.

Я погасил злость, все-таки этот дурак не начал распространяться о благородной крови, а сослался на воспитание. Это, конечно, к истине чуть ближе.

— Но вы провели ночь вместе, — сказал я уличающе.

— Да, — ответил он, — да! Но мы не делили ложе. Мы говорили... мы говорили!.. Да, леди Кантина, если быть откровенным... а я не знаю, что заставляет меня откровенничать с человеком низкого происхождения... леди Кантина уговаривала меня оставаться в замке... до тех пор, пока не вернется благородный сэр Нэш.

Я буркнул:

— А есть шансы, что вернется?

— Боюсь, — ответил он с горечью, — таких шансов нет.

— Но тогда...

Он покачал головой.

— Я не мог принять это предложение. Более того, предваряя ваше отвратительное любопытство, столь своеобразное людям низкого происхождения, скажу сразу, что леди готова была разделить со мной постель без всяких условий!.. Да, эта благородная и возвышенная женщина прониклась ко мне чувствами... да, чувствами!..

Я не мог смотреть даже в его бегающие в прорези шлема глазки, почудилось, что это железное ведро на голове начинает накаляться.

— Она очень хороша, — сказал я с неловкостью, что удивила меня самого. — У нее роскошное тело... очень благородное, и, словом, она вся изысканная...

— Да, — сказал он почти резко, — тем труднее мне было отказаться!

Мы долгое время ехали молча. Наши кони обнюхивались, мой пытался куснуть чалого за ухо, тот в ответ хватал зубами за гриву. Наконец я спросил негромко:

— А зачем было отказываться?

Он сказал с горечью:

— Не понимаете...

— Не понимаю, — согласился я.

— И никогда не поймете, — сказал он с убежденностью.

— Может быть, — снова согласился я. — Некоторые вещи понять очень трудно, другие вовсе не понять. Но все же почему?

Он снова ехал долго молча. Свиная морда посветлела, стала почти человечьей. В маленьких заплывших глазах пропало умиление, а губы сложились трубочкой, будто собирался засююкать.

— У меня дома жена, — ответил он.

Я пожал плечами.

— Ну и что?.. Она не узнает.

— Я ее люблю, — ответил он высокомерно.

Туман постепенно редел, а когда миновали лесок и выехали на простор, воздух был уже чист и прозрачен. Я вертел головой, поинтересовался:

— А дорогу верно указали?

— Отсюда до старого дуба, — ответил он, — это вот там, отсюда видно крону, видите? Его еще зовут Дедом... А от него уже протоптанная дорога. Но когда спустимся в долину, придется лесами. По стране идут малые отряды войск Карла.

— Почему малые?

Он хмыкнул.

— Понятно же... Прокормиться легче.

Я скривился, опять у него все упирается в экономику, он тоже попал не в свой век. Конь подо мной уловил мое настроение, пошел вперед рысью.

На изогнутом, как старуха с большой поясницей, деревце сидела тощая нахоленная ворона. Мы подъехали, она покосилась злым глазом, отступила по ветке. Внизу наполовину ушел в топкую землю круглый металлический щит. Рядом оскаленный череп в рогатом шлеме, с другой стороны деревца — сломанный меч. Обломок зазубрен настолько, что деревце проще спилить, чем рубить. Меч показался

простым, но шлем украшен затейливой чеканкой. Щит тоже не простой, над ним поработали умелые оружейники.

— Щит паладина, — сказал Гендельсон печально.

— Я другое вижу, — буркнул я. — В этих краях нет недостатка в железе.

Гендельсон удивился:

— Железе?

— Ну да, — объяснил я. — Раньше, как щас помню, железо добывали с трудом! В болотах. Каждый кусочек ценили, пускали в переплавку. Вот так бросить... расточительство. Наверное, тот, который убил, сразу же от ран кончился... А потом его, видимо, вороны унесли. Крупные такие вороны...

Гендельсон посмотрел на меня с жалостью.

— Вы из таких бедных земель? — спросил он.

— Ну, — промямлил я, — не совсем чтоб уж очень, хоть дефолты, кризисы... А почему бедных?

— Так кто же станет собирать сломанные доспехи? — удивился он. — Меч сломан, шлем разрублен, щит надкоготь... Но даже если бы все цело, каждый сеньор снабжает свой отряд собственным оружием! С эмблемой этого сеньора на щитах.

— А-а, — сказал я ошарашенно, — вообще-то да, как мне это в голову не пришло...

Некоторое время ехали в молчании, каждый думает о своем, я посматривал на дерево, которое нам указали для ориентира, как вдруг кони наши разом испуганно захрапели. Под Гендельсоном встал как вкопанный, а мой так и вовсе хотел было попятиться. Перед нами вспыхнуло красное облако, рассеялось в один миг, оставив женщину в кумачовой одежде. Ее пурпурные, как кровь, волосы незримый ветер разевал во все стороны, словно струи били синзу. Лицо бледное, чистое, на месте глаз большие темные впадины. Я старался рассмотреть глаза, но все лицо женщины казалось подернуто дымкой, как и ее фигура. Даже в волосах не различал отдельных прядей, а только красное пламя, раздуваемое ветром.

Она протянула мне рукоятью вверх, острием вниз совершенно черный меч. Прямой, длинный, ширина лезвия в два пальца, ничем не примечательный, кроме странного цвета. Да еще рукоять, хоть и обычная рифленая, но удивительно красного цвета, будто раскалена.

Но женщина держит его свободно. Я сказал, ибо молчать неловко:

— Красивый меч... Хорошая работа. Особенно это сочетание красного с черным!.. У кузнеца великолепный вкус.

Женщина сказала негромко:

— Это непростой меч. Он может сослужить тебе важную службу. Но ты должен взять на себя один обет...

Я спросил настороженно:

— Что за обет?

— Поклянись, что выполнишь...

Я покачал головой.

— Я очень не хотел бы давать опрометчивых обещаний...

— Поклянись, — повторила она, будто не слышала меня.

— Понимаете, — сказал я раздельно, — я такой чудак, что все же стараюсь выполнять свои обещания... даже если даю сгоряча. Потому я крайне осторожен, поймите меня! Увы, я не хозяин своего слова, а раб...

Она прямо посмотрела мне в глаза, я содрогнулся.

— Ты говоришь, — произнесла она медленно, — не порыцарски... Даже простые мужчины так не говорят... Кто ты?

— Мыслящий тростник, — ответил я, — птица без перьев... и с плоскими ногами... животное, что жарит свою пищу... а также умеющее смеяться... побочный продукт любви... муха в бутылке... приговоренный быть свободным... есть дробь... душа, обремененная трупом... тот, кого располагают... и кто звучит горько...

Она рывком протянула мне меч:

— Он твой!

Я машинально взял меч, раскрыл рот для вопроса, но женщина исчезла, словно выключили свет. Меч заметно оттягивал руку, я держал его по-дурацки в вытянутой руке. Конь фыркнул и переступил с ноги на ногу. Я опомнился,

опустил лезвием на ладонь другой руки. По черному лезвию пробежали синеватые искры. Слегка покачал лезвием из стороны в сторону, искры превратились в хвостатые звезды, что врывались из-за края в эту узкую звездную ночь и пропадали за другим краем.

Пальцы лежали на рукояти так, словно умелые ортопеды сделали слепок с моей ладони, а потом уже по ней выточили эту странную красную рукоять. Странную тем, что она не окрашена пурпуром, это сам металл раскален до красна, однако пальцы не обжигает.

Гендельсон вскрикнул:

— Несчастный! Ты зачем взял?

Он торопливо забормотал молитву, выхватил из-за пазухи крест и пустил коня вокруг меня по кругу, притоптывая и время от времени возвышая голос. Я узнавал только знакомые слова всяких там «Домини», «Езус» и еще врубился в «Аминь». Меч в моих руках не кажется тяжелым, я обалдело рассматривал, не решаясь даже повернуть, проверяя на удобность.

— Но... он... оно дало... Я не успел... не успел откаться.

— Несчастный, — повторил Гендельсон. В голосе вельможи звучало искреннее сострадание оставшегося на берегу, который смотрит, как его слугу черти утаскивают к котлу с кипящей смолой. — Нельзя было брать! Нельзя!.. Взяв этот сатанинский меч, вы взяли на себя и какие-то обязательства...

— Какие?

— Вы даже не узнали! Что за безрассудство, что за... Сэр Ричард, в некоторые редкие времена вы иногда казались мне почти разумным человеком. Даже для рыцаря. Но сейчас...

Я повертел меч, признался с досадой:

— Да, сгупил...

В прошлый раз я получил в дар зеленый меч, который для себя называл Травяным. Гендельсон морщился и считал, что это оскорбление для меча, его можно бы звать по меньшей мере Изумрудным или Разящим Изумруды. То-

гда я попросту старый выщербленный меч сунул в мешок, а зеленый пристроил за спиной, но сейчас вот этот черный, я его сразу окрестил Ночным... какой оставить?

Поколебался, Травяной оставил за спиной, а Ночной перевязал тряпками и тоже сунул в мешок. Надо не забыть в ближайшем городке подобрать ножны.

Понятно, почему могучий дуб зовут Дедом. Ствол по-перек себя шире: метров десять в поперечнике и столько же от земли до первых веток. Каждая с толстое бревно, торчат во все стороны почти горизонтально, тенью укрыто на сотни шагов в любую сторону.

Весь искореженный, в чудовищных наплывах, выступах, с трещинами, коричневая кора как нельзя больше походит на старческую кожу. На уровне земли дупло, можно принять за скорбно приоткрытый рот либо уголками вниз, глаза — толстые выпуклые шары под еще более могучими надбровными выступами, даже радужная оболочка видна, хоть тоже серая с коричневым. Нос могучим наплывом нависает над толстыми губами, по лицу скорбные старческие морщины, особенно глубокие на лбу, но и щеки в морщинах, а подбородком сидит глубоко в земле.

Из-под корней чистейший родничок, я пожалел, что встретили такое чудо здесь, недалеко от замка, зато, когда придет время ночлега, окажемся либо среди болота, либо на каменном плато без капли воды.

От Деда, как и было обещано, повела хорошая утоптанная дорога. Правда, все ниже и ниже, иногда наклон становился таким крутым, что кони приседали и съезжали на крупах. Судя по всему, нас забросило на высокогорье, но, чтобы добраться до Кернеля, что тоже в горах, придется пройти через немалых размеров долину Варт Генц.

Дорога постепенно выровнялась и хотя все еще вела вниз, но теперь уже медленно и печально. По бокам долгое время упливали за спину березы, потом пошли просто деревья: огромные, толстые, с покрученными ветвями, в наростах, покрытых огромными, мрачного вида черными грибами.

Воздух стал влажный, я начал дышать ртом. Конь подо

мной всхрапывал, на узде повисли клочья желтой пены. Мокрая пленка покрыла лицо, конские копыта перестали стучать по утоптанной тропке, дальше пошел сперва слой старых гниющих листьев, затем толстый ковер темного мха, почти черного с коричневым. Тропка исчезла, мы угадывали ее только по просвету между деревьями, лесные звери держатся древних путей, а загораживающие им дорогу молодые деревца ломают и втаптывают в землю.

Деревья живописно покрученные, изломанные, с вывернутыми в суставах ветвями. Ствол почти каждого дерева покрывает толстый зеленый мох, что к земле переходит в темно-зеленый и черный, с ветвей свисает светло-зелеными космами, похожими на гниющие водоросли.

Часто встречались полусгнившие пни, заселенные крупными красноголовыми муравьями. Грибы растут целыми стаями, крупные, раздутые, от них неприятный гниющий запах. Несмотря на лето, деревья часто с желтыми или красными листьями. Иногда мы встречали целые участки деревьев с голыми ветвями, но не мертвые, чувствовалось, что нечто ужасное заставило сбросить листья.

Тягостное ощущение становилось все отчетливее. Я чувствовал, что начинаю горбиться, оглядываюсь на каждый шорох, треск. Ладонь то и дело прыгает к мечу, а потом я вообще оставил пальцы на рукояти. Стало чуть легче, но сгущались странные сумерки, дышать становилось все труднее.

Неожиданно и совершенно бесшумно наперерез выбежал, переваливаясь с боку на бок, крупный... я бы назвал его вараном или крокодилом, очень уж не хочется произносить слово «динозавр», все это давно вымерло, но это явно динозавр: размером с крупного добра, даже с сенбернара, только голова чуть ли не лошадь, а когда распахнул пасть, кони задрожали и попятились.

Гендельсон опустил копье, я услышал его яростный вопль, стук копыт. Дракон опешил, глаза выпучились, как у глубоководной рыбы. Пасть распахнулась так, словно морда разломилась надвое. Он прыгнул вперед, острие копья прошло мимо, а дракон с жутким ревом вонзил зубы в лошадиную грудь.

Конь завизжал, взвился на дыбы и с силой ударил обоими копытами в череп дракону. Я услышал хруст. Зубы дракона соскользнули, он опрокинулся на спину. Конь в ярости прыгнул на него подобно хищному зверю. Гендельсона трясло, как на родео, а конь прыгал, топтал, бил острыми тяжелыми подковами в незащищенное брюхо дракона.

Я спрыгнул на землю с мечом в руке. Гендельсон наконец выронил бесполезное копье, долго тащил из ножен меч, сопел, кряхтел, едва не свалился. Когда в его руке оказался обнаженный меч, дракон уже распластался, похожий на расплющенную гигантскую лягушку. Под ним расплылась бледно-розовая лужа, кровь и слизь стекали в ямки, выбитые конскими копытами.

Гендельсон пытался удержать коня, а тот все прыгал и вбивал мертвого дракона в землю. Под копытами трещали кости, лопалась кожа, не такая уж и прочная, даже покрытая чешуей. Сложеные на спине, как у летучей мыши, крылья безвольно раздвинулись, копыта разъяренного коня пробивали в них огромные дыры.

Я повесил молот обратно на пояс. Дракон лежит на спине, пузо белое, как у рыбы, нежное, спичкой можно проткнуть. Сейчас он как нельзя больше напоминал варана, растоптанного взбешенным верблюдом.

— Хороший у вас конь, — проронил я сухо.

Гендельсон ответил хрипло, его все еще трясло:

— Да... но и у вас... хорош...

Видел бы ты моего Черного Вихря, подумал я. Ах да, видел, но ты еще не знаешь, что это за конь... Без всякой связи внезапно представил счастливое лицо Лавинии, ее развеивающиеся волосы... Ну, конечно, это я поднял ее к себе на седло, и мы мчимся навстречу утренней заре... или закату, какая разница, все равно красиво, счастливо...

Конь Гендельсона долго не мог успокоиться, хрюпал, дергался. Рана на груди легкая, но красные капли щедро выступили из десятка мелких ранок, стекают по ногам. Конь раздувал ноздри и пытался отпрыгнуть от своей же крови.

Дальше я поехал впереди. Дорога все еще постепенно понижается, в то же время как справа и слева, я чувство-

вал, уже поднимаются холмы, если не настоящие горы. В лесу постепенно темнело. Я начал поглядывать на небо, но солнце по-прежнему почти в зените, только кроны смыкаются плотнее. Толстые покореженные стволы деревьев выравниваются, будто мы переезжаем из отдыхающего леса в строевой, что навытяжку перед своим главным дубом, королем леса.

Деревья сдвигались, лошади начали пробираться, обдирая бока. Ноги приходилось закидывать на седло. Быстро темнело, несмотря на ясный день, кроны полностью закрыли небо.

Тропка пошла вниз. Сперва мы двигались с легкостью, потом наклон стал таким, что кони почти садились на круп. Гендельсон ехал в трех шагах сзади, но он первый закричал в страхе:

— Стой!.. Остановись!

В двух шагах от дерева к дереву все пространство впереди оказалось перегороженным сетью из серых грязных бечевок. Паутина уходила метров на пять в высоту, направо и налево, я даже не видел, где заканчивается, но тут послышался шорох, паутина затряслась...

Сверху быстро опускался огромный паук, размером с конскую голову, мохнатый, с крупными и блестящими, как агаты, глазами на спине, понятно, ложными, ибо паукам, плетущим сети, глаза вообще без надобности.

Паук остановился чуть выше конских ушей, замер в нерешительности. Зацепившись шестью лапами, двумя осторожно щупал воздух. Вообще-то этот паук не совсем простой паук, мог и развитьrudиментарное зрение...

Гендельсон громко и взахлеб, чуть не плача, читал молитву. Руки его тряслись, губы дрожали, глаза вылезали из орбит, по лицу текли мутные струйки пота.

Я с досадой оглянулся на Гендельсона. Этот дуралей в разговоре с Беольдром как-то выступил против лука, мол, не рыцарское это дело, а я, еще больший дурак, решил с собой лук не брать, мол, да, не рыцарское оружие. Правда, стрелять, честно говоря, не умею. Хотя, конечно, в паука с двух шагов, пожалуй, попал бы. Вот в такого.

Пальцы наткнулись на рукоять ножа. Я осторожно потащил из ножен, паук все так же щупал воздух. Возможно, как-то регистрировал колебания, как улавливает подрагивания своей паутины.

— Держитесь в стороне, — предупредил я.

— Что вы собираетесь делать? — вскрикнул Гендельсон.

— Подстричь ему ногти, — огрызнулся я.

Конь, повинуясь стременам и узде, очень неохотно сделал шаг вперед. Я заставил его повернуться боком. Лучше бы, конечно, с земли, но паук высоковато. Если и достану, то придется встать прямо под пауком, а кто знает, что у него за кровь, вдруг да ядовитая. К тому же может в предсмертной судороге вонзиться зубищами, то бишь холицерами, а в железах может оказаться яд, что впрыскивается вместе с укусом.

Глава 15

Паук все еще нюхал пальцами воздух. Я поводил острием кинжала перед ним. Оставалось жуткое ощущение, что он следит за каждым моим движением всеми восемью глазами, следит остро и осмысленно.

— Сэр Ричард! — вскричал за спиной блеющий голос. — Сэр Ричард!

— Что случилось?.. Живот прихватило? Воспользуйтесь пучком травы!

— Сэр Ричард, — прокричал он с безопасного расстояния. — Пауки все ядовиты!

— Для мух, — ответил я.

В последний момент заколебался, куда же лучше воткнуть длинное узкое лезвие, ведь паук — не человек, у него двигательные центры...

Лезвие блеснуло в воздухе. Я тут же отдернул нож, заставил коня податься в сторону. Паук некоторое время еще держался на паутине, потом темным комком свалился на землю. Длинные лапы сгибались и разгибались, наконец медленно сплелись в тугой предсмертный узел.

Я покрутил головой в поисках палки. Вообще-то на

земле их полно; но я не кубанский казак, чтобы доставать оттэдова, да еще зубами, отломил прямо с дерева. Мертвое тело оказалось тяжелее, палка гнулась и трещала, наконец с усилием закатил в чащу. Гендельсон смотрел на меня остановившимися глазами.

— Сэр Ричард! — сказал он с великим почтением. — Вы... убили паука!

— Только никому не рассказывайте! — предупредил я.

— Почему?

— А что за подвиг — убить паука?

— Но... такого огромного! Это наверняка паук-людоед.

Я буркнул:

— Насчет огромности скоро забудут, будут показывать пальцем и смеяться: вот тот герой, что паука убил!

Он сказал непреклонно:

— Скорее сделают паука размером с коня. Но, сэр Ричард, смею предупредить, что все равно придется возвращаться... по этому чертовому склону. Там не пройти.

Паутина в самом деле через пару деревьев оказалась прикреплена к каменной стене. Та уходила дальше в темноту.

Я спрыгнул с коня, Гендельсон поспешил перехватил повод. Я подошел к паутине вплотную, Гендельсон закричал поспешно:

— Сэр Ричард, только не прикасайтесь!.. Только не прикасайтесь!

Я осторожно потрогал пальцем, наметился ножом над серой бечевкой, что называется, если не изменяет память, опорной нитью.

— Сэр Ричард! — завизжал Гендельсон. — Если прилипнете, то никакие силы... ни Божьи, ни адовы — уже не спасут вас!

— А какого хрена я стану прилипать? — осведомился я.

Нити под остро заточенным лезвием лопались легко, с тонким звенящим звуком. Гендельсон что-то кричал сзади, но потом, когда образовалась дыра, через которую смог бы пролезть человек, изумленно умолк.

Я на всякий случай срезал все опорные нити с одной стороны, паутина без сил опала. Я зацепил остатки на зем-

ле толстой палкой и с усилием отшвырнул, как намокшую рыбакскую сеть, вместе с палкой к левой скале.

— Все, можно ехать.

Мы проехали почти милю, прежде чем потрясенный Гендельсон сумел выдавить:

— Сэр Ричард... но... как?

— Вы о чем? — спросил я.

— Как вы... паука? Паутину?

— Да ерунда, — ответил я. — Я не арахнолог, но уж основы биологии-то всякий знает! Нити ни у одного паука не бывают липкие полностью. На такой подвиг ни у одного паука клея в заднице не хватит!.. Если бы вы присмотрелись, сэр Гендельсон... в смысле если бы изволили посмотреть с высоты своего баронского величия на этого простонародного паука... вообще — дикого, простоватого, сиволапого даже, то вы бы могли заметить, если бы изволили, вон там на нитях налепленные блестящие шарики... То и есть самое оно — клей. Между каплями можно щит положить!.. Вот я и резал нить именно там. А нить совсем простая... Правда, она в сто тысяч раз прочнее любой стали, но это если на растягивание, — на одной такой нити можно подвесить рыцарский замок... однако, как видите, натянутую легко перехватить простым ножом. Как с тетивой для лука: на ней можно бы повесить вашу милость прямо в доспехах, еще и язык вы бы красиво так высунули набок, а тетиве хоть бы что... Но перехватить ее можно, когда натянута туго, хоть ногтем.

Боюсь, он ничего не понял, да и я щедро метал бисер, но Гендельсон не совсем уж полный идиот, на ближайших привалах будет присматриваться к паутинам, даже самым крохотным, чтобы заметить эти липкие комочки. Надо же, такое открытие: сами по себе нити паутины совсем не липкие!

— Я... этого... — выдавил он с великим трудом, — не знал...

— Это просто, — буркнул я. — На самом деле паук сам бы прилип, если бы вляпался в такую капельку! Все очень просто, дон Педро...

Он смотрел на меня с великим изумлением. Даже не

среагировал, что я его назвал какой-то педрой. Я толкнул коня, побуждая идти быстрее, но я и на расстоянии чувствовал на себе его изумленный взгляд.

И все же воздух наконец очень медленно, нехотя, но свежел. Мне чудилась в нем повышенная влажность, даже взвешенная водяная пыль. Деревья разошлись в стороны, распахнулся простор, я услышал тяжелый грозный гул.

Мы спустились к реке, в сотне шагов выше по течению перегораживает плотина. Вода падает с высоты Ниагарского водопада. Да и в ширину сверкающая полоса воды потрясает воображение. В первую очередь, конечно, размерами: подъехали к левому краю, а правый чуть ли не на другом континенте. Середина слегка опущена, там ровным зеркальным потоком идет вода, ускоряясь, смешиваясь на лету, а падает в бездну уже белым потоком, на лету нахватав воздуха и заключив его в пузырьки.

Но чем дольше я всматривался, тем больше чувствовал странное беспокойство. Примерно такая же плотина в моем школьном учебнике, где ДнепроГЭС. Нет, эта побольше, но форма здесь та же, словно ее долго и тщательно рассчитывали инженеры, очень точно определив и напор воды, и крепость скал, и прочность материала, из которого создана такая удивительная плотина...

Наверх ведут широкие ступени, легко взобраться на коне, а там наверняка на ту сторону реки есть широкий, как Китайская стена, проход по гребню плотины. Я посмотрел с великой завистью, в груди кольнуло, здесь тайна, но нам переть вдоль реки по этому берегу, а потом вовсе придется уйти в сторону. Вернее, это река вот там уходит...

В лесу раздался далекий треск. Мы некоторое время ехали молча, прислушиваясь. Треск повторился, а верхушки деревьев впереди мелко-мелко вздрагивали. Снова донесся треск, на этот раз я уловил вроде бы рычание, если рычание может быть таким низким, словно рыкнул асфальтовый каток.

Гендельсон хватался за меч, выпячивал грудь. Я проехал еще чуть, деревья трясутся сильнее, а рык превратился в рев, низкий и злобный. В ответ прогремел настоящий

львиный рык. Ветер пахнул в нашу сторону, кони затряслась, глаза навыкате, я уловил запах крупных зверей.

— Сэр Гендельсон, — сказал я, — вам, как главе похода и признанному полководцу, надлежит бдить здесь. А я, как менее ценная единица, схожу посмотрю. Если меня и сожрут, разве это потеря? А вот вы...

Я бросил ему поводья жестом русского барина, спрыгнул и, пригибаясь за кустами, побежал вперед. Рев и рычание слышались все громче. Наконец деревья раздвинулись, на широкой поляне, уже утоптанной до блеска, дрались огромный лев, ну просто пещерный, и горилла. Горилла, правда, поменьше Кинг-Конга, но чудовищно толстая, прямо второй Гендельсон. Она старалась лупить льва длинными толстыми лапами, а лев отпрыгивал, выбирал позицию, заходил то справа, то слева.

Бок льва в кровавых полосах, но шерсть на бедре гориллы покраснела и висит мокрыми сосульками. Кровь капает редко, но на поляне набрызгано немало. Лев улучил момент, прыгнул, горилла пыталась на лету ухватить и прижать к груди, это было бы костедробильное объятие, но лев, делая вид, что вцепится в глотку, просто ударил когтистой лапой по плечу гориллы и откатился в сторону.

Горилла оскорбленно взревела. Плечо почти сразу стало красным, острые как бритвы когти разодрали кожу, но вряд ли повредили лапу.

Я наблюдал долго, с удовольствием. Сзади захрустели кусты, подошел, пригибаясь, Гендельсон. Выглянул, перекрестился.

— Матерь Божья!.. Откуда такие страшилища?.. Надеюсь, благородный лев порвет эту отвратительную обезьяну, которую сотворил дьявол, когда пытался повторить то, что совершил Господь... Что скажете, сэр Ричард?

Я ответил со вздохом:

— Что сказать? Просто хорошо.

— Хорошо? — изумился Гендельсон. — Что же здесь такого хорошего?

— Не одни мы деремся. Хоть еще кто-то, кроме нас.

Гендельсон фыркнул, подумал, предположил:

— Но тогда мы львы, да?

В этот момент горилла саданула кулаком льва в самую середину его красивого черепа, увенчанного настоящей львиной гривой.

— Хотя, — уточнил Гендельсон торопливо, — эта бого-мерзкая обезьяна все же к человеку ближе...

— Да, — поддакнул я, — а если бы это была свинья, то...

Он посмотрел с великим подозрением. С поляны раздался жуткий рев, лев обозленно бросился в атаку. Горилла хватала его передними лапами и давила.

— Свинья? — переспросил Гендельсон.

— Да. Я знаю страну, где человеку с больным сердцем могут его вырезать, а свиное поставить. Человек поднимается, живет, воюет. Обезьяне не годится — слабое. Как и львиное, кстати. Лев двадцать часов в сутки спит, иначе его сердце не выдержит.

Я посмотрел на драку, там все еще на равных, а такие битвы гигантов могут продолжаться сутками, начал потихоньку лягаться, пусть эти гладиаторы выясняют дальше, кто из них хозяин леса. Пока не придет медведь.

Гендельсон отполз следом, сказал с отвращением:

— Богомерзко!.. Да, богомерзко. Теперь я понимаю, почему на Востоке свинину не едят.

— Почему? — спросил я заинтересованно.

— Почему?

— Ну да, — сказал я. — Всегда хотелось понять, почему именно свинину нельзя есть, а всякую гадость — можно?

Мы вернулись к коням. Гендельсон с огромным усилием взобрался в седло, устал, раскраснелся и уже с высоты жеребца сказал высокомерно:

— Сэр Ричард, вы совсем дурак. Это не оскорбление, не надо хвататься за меч, это факт. Вы сами только что сказали, что только сердце свиньи подходит человеку.

Я содрогнулся:

— Боже сохрани!.. Я знаю... слышал то есть, что наш ближайший родственник — это обезьяна, а не свинья.

Снова послышался треск, но вскоре все затихло. Нечто некоторое время кралось по ту сторону кустов, но потом

решило, что с рыцарем связываться не стоит, долго выковыривать из доспехов. Я прислушался к затихающему вдали шороху.

— Мы не встретили войск князя Тьмы... уже это здорово. Честно говоря, мне ожидалось...

Я замолчал, так как сам не мог выразить словами того, что ожидал. Во всяком случае, я практически не мог сказать, что земли, по которым едем, захвачены Тьмой. Люди все так же трудятся, страдают, дерутся за трон, а в промежутках — едят, пьют, веселятся. Разве что веселятся больше, чем в Зорре, да священников не видно на каждом шагу. Как, впрочем, и костелов.

Конечно, глупо ждать, что везде будут войска Тьмы. Разве что в самых крупных городах есть небольшие гарнизоны да на дорогах могли бы встретить его силы, но больших дорог мы избегаем, а на тропки да проселочные дороги большие отряды сами не забредут...

— Мне тоже, — проворчал Гендельсон и с многозначительным видом бросил ладонь на рукоять громадного меча, — похоже, нам мало что будет рассказать...

— Он поперхнулся, начал натягивать повод коня, но так неумело, что конь заржал обиженно, жалуясь на прижатую удилами губу, привстал на задние копыта и красиво постучал передними по невидимому противнику. Наконец Гендельсон начал поворачивать коня, но я уже догнал их, увидел и понял, из-за чего Гендельсон остановился.

Навстречу по лесной тропке шли крепкие вооруженные люди. Назвать их солдатами Карла трудно, все одеты кто во что горазд, вольные такие умельцы, которые идут с войсками Карла ради возможности убивать и грабить.

Идиот, подумал я. Их же видно издали, надо было подать коня в сторону. Пусть идут, нам не с руки драться...

Нас заметили, вожак остановился, остальные подтянулись, встали во всю ширину тропинки. Вожак смотрел оценивающе, смерил взглядом меня, моего коня, Гендельсона и особенно его дорогие, покрытые позолотой доспехи.

Я сказал громко:

— Ребята, нам нечего с вами делить!

Вожак засмеялся:

— А ваших коней? А доспехи? А золото, зашитое в седлах?

Гендельсон сказал надменно:

— Убирайтесь, чернь, пока целы. Иначе мы велим вас повесить здесь же на деревьях!

Вожак огляделся:

— Велите? Кому?

— Он не то сказал, — бросил я тем же примирительным голосом. — Ребята, вам лучше поискать добычу попроще. Нас двое крепких мужчин, рыцарей. Это крестьян легко грабить, но не рыцарей.

— Это мы сейчас узнаем, — бросил вожак.

Бросать молот поздно, я выхватил меч, который Зеленый, вожак тут же прикрылся щитом и прыгнул вперед. Я ударили без всяких трюков, меч разрубил щит и рассек голову вожака до нижней челюсти. Я дернул застрявший меч, меня ударили сбоку в голову. В черепе загудело, еще два удара принял щит, я развернулся и ударили снова. И снова. И снова. Меч рубил прекрасно, а я помнил, что с моим ростом и силой я могу пробить любую защиту такого вот разбойничка с деревянным щитом. Когда передо мной осталась только один, он посмотрел в мое лицо, отступил и бросился в чащу.

Я повернул коня, за спиной все еще крик, ругань. Трое разбойников сбили Гендельсона с коня и лупили по нему палицами, топорами, тыкали копьями. Он катался по земле и верещал, как недорезанная свинья, наконец застрял между двумя тонкими березками. Меч лежал в трех шагах в траве.

— Держитесь, сэр! — проговорил я и с неспешностью послал в их сторону коня.

Разбойники увидели меня с поднятым мечом, заорали и бросились врассыпную. Гендельсон хрюпел, едва шевелился. Не скажу, что я возликовал, видя этого борова вымазанным в грязи, но и жалости не испытал ну ни капли.

— Надеюсь, вы целы, сэр Гендельсон, — сказал я. — Ведь ваши доспехи ковали лучшие оружейники Зорра?

Он со стоном приподнялся, сел. Дрожащие пальцы

приподняли забрало. Лицо красное, на губах кровь. Но не рана, как я понял с сожалением, просто разбиты губы. На правой половине щеки медленно расплывается громадный кровоподтек.

У меня возникло нехорошее, но зато сильное подозрение. И чем дольше я смотрел на Гендельсона, тем быстрее мое подозрение переплавлялось в уверенность.

— И сколько вы поразили врагов? — спросил я. — Своим родовым мечом?.. Острым как бритва?

Он прохрипел:

— Они напали... так внезапно...

— А улитки как шуганут! — сказал я ему в тон. — Что случилось, сэр Гендельсон? Вы что, совсем не умеете драться?.. Давайте только честно.

Он кое-как выпрямился в положении сидя, ответил с достоинством:

— Почему, умею... Просто, может быть, не так хорошо, как некоторые из лучших рыцарей Зорра... Ладно, я многим уступаю, ну и что?.. Моя забота была — кормить армию!.. Как вы знаете, я снабжал все войска Зорра, все отряды, где бы они ни были, — едой, одеждой, доспехами, оружием...

Конь подо мной гарцевал, очень довольный, с презрением смотрел на Гендельсона сверху вниз, фыркнул при виде опозоренного таким седоком коня барона.

— Откуда я знаю ваши успехи на ниве кормления армии? — ответил я с презрением. — Думаете, весь Зорр говорит о ваших богатствах? О вашем положении близ короля?..

Он ухватился за березку, с трудом поднялся. Скривился, его шатнуло, но устоял. Я смотрел в упор, он старательно отводил взор, наконец сказал зло:

— Какого черта? Я хорошо справлялся со своими обязанностями!

— Идиот, — прорычал я. — Сэр Гендельсон, возвращаю вам это словечко с процентами. Как же вы решились на такое... такое приключение?

— Я не сказал «идиот», — возразил он. — Я сказал, что вы, сэр Ричард...

— Круглый дурак, — досказал я. — Да, я самый круглый дурак на свете, что еду с таким... такой...

Он вытер кровь с лица, с ужасом посмотрел на свои покрасневшие пальцы. Руки сразу задрожали, он заговорил быстро, торопливо, уже без той баронской надменности, что постоянно прет из всех дыр:

— Сэр Ричард! Вспомните, что нам велел король!.. Нужно всего лишь достичь Кернеля! Нам было обещано, что нас та нечистая сила донесет прямо к самой крепости... если не в саму крепость!.. нам не придется даже драться, ибо нас скроет проклятая волшба и священная молитва... даже не знаю, как они могли бы ужиться... Вот и не ужились, вот мы и наказаны за свое слабодушие...

— Идиот, — повторил я, но мысль мелькнула, что этот царедворец не такой уж и идиот. За простенькое поручение сумел бы отгрести немало почестей, наград. О нем бы пошла слава, как о герое, что спас Кернель. — Зачем вам понадобилось вылезать из своей интендантской норы?

— Понадобилось, — ответил он коротко.

Лицо его помрачнело, он подобрался, глаза блеснули раздраженно. Я смолчал, у всех тайны, обеты, клятвы, без таких атрибутов этот мир потеряет половину прелестей.

Я проследил, как он всползает на седло, это выглядело так, как если бы невидимые и довольно слабые руки затаскивали на коня мешок с мокрым бельем. Наконец он ухитрился взобраться с пятой или шестой попытки, причем конь, помогая ему, едва не ложился, как верблюд, только бы эта каракатица в железе оказалась наверху.

Лес остался позади, земля становилась все суще. Часто попадались крупные круглые камни размером с упитанного барана, гладкие и блестящие. Гендельсон часто крестился, рот не закрывается, я скоро буду от его молитв вздрагивать во сне и наяву. И наверняка все запомню на уровне спинного мозга, как продвинутый думер.

Часто начали встречаться целые скалы. Торчат из ровной каменистой земли очень высокие, на вершине огромные глыбы, словно шляпки грибов. Я такие объезжал по дуге, а Гендельсон бесстрашно пер везде прямо да еще и на

меня посматривает свысока, урод. Мол, все в руках Божьих, без повеления Господа ни один волос не упадет, ни один листок не рухнет с дерева и не прибьет дистрофика... Уроды, Богу больше делать нечего, чем следить за каждым листиком!

Потом справа и слева настоящие скалы, даже каменные стены, а мы ехали по некоему подобию ущелья, хотя настоящих гор пока нет и близко. Я с любопытством рассматривал эти уцелевшие образования из камня, причудливо выветрившиеся, в продольных полосах, с выступающими длинными карнизами, это значит, какой-нибудь миллион лет откладывались ракки с особо прочными скелетиками или панцирями...

Конский топот прогремел вдали, как барабанная дробь. Гендельсон метнул руку к мечу, но посмотрел в мою сторону и вместо мечемахания забормотал молитву. Из расщелины в паре сотен метров впереди выметнулся на покрытом белой попоной коне всадник в белом плаще, с белым щитом и белым блестящим топором. Только цельнокованый шлем на нем оранжевого цвета, да герб на белом как снег щите выдавлен тоже оранжевым, хотя и очень слабо, почти белый.

Конь ронял пену, неся тяжелым галопом. Я ощутил, что под плащом у рыцаря явно нехилые доспехи, иначе конь скакал бы легче. Через пару мгновений из той же расщелины начали выметываться, будто ими выстреливали, всадники на резвых конях, но тоже с попонами, с такими же щитами, разве что шлемы у всех разные: круглые, как яйцо конические, двое вообще без шлемов, только с широкими металлическими кольцами вокруг лба.

Их было пятеро, они явно догоняли всадника. Гендельсон всхрапнул, выхватил меч и пустил коня наперерез преследователям.

— Куда? — крикнул я.

— Надо помочь! — прокричал он, не оборачиваясь.

— Кому? — крикнул я, но Гендельсон не ответил.

Понятно, по рыцарской логике надо помогать тому, кто в меньшинстве. Но я однажды уже помог примерно

так, до сих пор кровь заливает лицо, когда вспомню, как я остановил толпу, что гналась за вором и убийцей, а я молотил языком про презумпцию невиновности и дал мерзавцу ускользнуть, аки щуке из рук старика у моря.

Всадник пронесся мимо Гендельсона, что-то ему крикнув, потом начал осаживать коня. Ругаясь, я пустил коня шагом. Гендельсон с мечом в руке загородил дорогу погоне. Выглядел он, если вот так со стороны, очень внушительно: огромный, закованный в железо рыцарь, забрало опущено, в руке зловеще поблескивает на солнце лезвие огромного меча. Всадники торопливо натягивали поводья, оглядывались по сторонам, искали еще людей, хотя бы заставившихся стрелков с натянутыми луками.

Один закричал страшным голосом:

— Несчастный! Ты знаешь, кого защищаешь?

Вот-вот, подумал я угрюмо. Может быть, это Синяя Борода пытается скрыться от наказания. Или маркиз де Сад спасает шкуру.

Гендельсон ответил надменно, сам Ланселот бы поаплодировал такому апломбу:

— Кто в меньшинстве — тот прав!

Угадал, подумал я невольно. По крайней мере верно, что большинство — всегда не право. Иначе откуда у нас такое гребаное правительство, такая политика...

Гендельсон выглядел огромным и страшным. Всадники, похоже, заколебались, но их вожак закричал лютым голосом:

— Сейчас ты увидишь, кто прав!

Остальные уже выстроились в линию рядом с ним. Все разом пустили коней. За это время преследуемый всадник развернул усталого коня и послал его к Гендельсону. Он поравнялся с ним в момент, когда все пятеро набросились на них обоих. Загремели щиты, я слышал лязг железа, злые крики, ржание коней. Мой дурак, что подо мной, заспешил к месту схватки, не желается ему смотреть с галерки, близорукий, что ли, я не стал удерживать, сорвал молот, начал высматривать цель.

Гендельсон размахивал мечом отчаянно, орал, на него набросились четверо, он зашатался под градом ударов,

щит его разлетелся на щепки, рукоять меча выскоцила из вялой ладони. Сам Гендельсон наклонился на конскую шею и медленно сполз под конские копыта. Всадники обрадованно закричали, но их оставалось четверо, ибо пятый, вступивший в поединок с беглецом, откинулся на конский круп, из рассеченного шлема струей хлестала кровь, заливая лицо.

Я метнул молот, глухо звякнуло, поймал и метнул снова. На этот раз поймал почти сразу, а третий раз бросать уже поздно, мы сшиблись, я рубил мечом, закрывался щитом, всадник в белом что-то выкрикивал и рубил, затем мы встретились лицом к лицу, а все пятеро уже корчились и стонали на земле. Впрочем, это корчился и стонал за всех Гендельсон, из догоняльщиков только один пытался уползти, и всадник наклонился с седла и хладнокровно ткнул острием меча, словно острогой, в незащищенную шею.

Гендельсон с огромным трудом встал на колени, тут же упал на бок. Всадник поднял обе руки, сдавил ладонями шлем и осторожно снял. Мы увидели немолодое лицо, покрытое крупными каплями пота. Рот жадно хватал воздух, глаза белые от боли и усталости.

— Вы очень вовремя, — сказал он хриплым голосом. — Мой конь устал... а я уже ранен в бок. У вас в долгу конт Гугландер, рыцарь Астерлейма, владетель Куруйла и поместий Нижних Долин.

— Вы поступали мудро, — ответил я вежливо. — Сражаться одному против пятерых гибельно. Кстати, мое имя Ричард, а прозвище — Длинные Руки. Я ничейный рыцарь, увы.

— Я бы сразился, — возразил Гугландер. — Лучше красивая гибель в бою, чем позорное бегство... Но я должен доставить важное послание своему сюзерену! А долг перед сюзереном выше личного долга. Даже выше личных амбиций, хотя молодым это понять трудно.

— Я молод, сэр Гугландер, — ответил я с вежливым поклоном, — но у меня были мудрые немолодые наставники.

Он понимающее улыбнулся. Гендельсон наконец поднялся, сел. Я спросил безжалостно:

— Я вижу, ран на вас нет, сэр Гендельсон, но доспехи вам помяли... Сэр Гендельсон, позвольте вам представить благородного рыцаря Гуглантера, а также рыцаря Астерлейма, владетеля Куруйла и поместий Нижних Стран.

— Долин, — поправил сэр Гуглантер вежливо, — Нижней Страной никто сейчас не владеет, увы...

Он посматривал то на меня, то на Гендельсона, чувствуя, что между нами пробежала кошка размером с откормленного слона, но смолчал, только поклонился.

— Сэр Гендельсон, — представился Гендельсон. — Барон Гендельсон из рода Снургов, владетель Гильцунга и Акерна. Мы всего лишь выполнили свой долг, сэр Гуглантер. Вы бы поступили так же на нашем месте.

— Да, конечно, — ответил Гуглантер поспешно. Он перевел нерешительный взгляд с меня на Гендельсона и обратно. — Мне надо спешить, доблестные сэры... Но если вас это заинтересует, то мой сюзерен будет счастлив принять вас в своем замке!.. Вы сможете отдохнуть от странствия, развлечься, уладить себя музыкой и танцами...

Гендельсон сказал торопливо:

— Я не танцую.

— Там станцуют другие, — ответил сэр Гуглантер без улыбки.

Гендельсон покосился на меня, я еще не успел раскрыть рот, как он сказал громко:

— Мы благодарим за любезное приглашение и... принимаем его с благодарностью!

Глава 16

Тучи закрыли солнце, а потом и все небо, там погромыхивало. Мы ехали в ряд, сэр Гуглантер посредине, мы с Гендельсоном осторожно расспрашивали его о событиях в королевстве, в этом даже Гендельсон сумел держаться тихо, не выбалтывая во все стороны, кто мы, куда и зачем едем, однако и сэр Гуглантер держался удивительно осторожно.

Уже на западе тучи слабо налились темно-кровавым

огнем. Солнце садится, скалы расступились, на возвышенности показался замок... очень странный, как я бы сказал. Достаточно просторный массивный дом из крупных каменных глыб, похожий на церковь с множеством пристроек. Все это сцеплено воедино настолько органично, что смотрится как единое здание. Либо по всем королевствам замки строят по единому проекту, либо целесообразность диктует везде одни и те же условия, из-за чего все замки для меня на одно лицо. Но одна деталь сразу привлекла внимание...

Могучее здание-башня, широченное, как церковь, круглое по сечению; с привычной крышей конусом, на шпиле трепещется флагшток, а сбоку на большой высоте, почти на уровне крыши, выступает балконом круглая башенка, миниатюрная, из таких же серых каменных глыб. Я не архитектор, но я понимаю, почему балконы в московских домах не делают огромными выступающими лоджиями. Одно дело, если к перилам будет подходить тургеневская девушка и томно смотреть на мир широко раскрытыми глазами, но где гарантия, что запасливые москвичи не устроят на балконах склады с картошкой, не натаскают туда всякого хлама? Никакие несущие балки не выдержат...

Так вот тот балкончик явно потяжелее любого московского балкона. На порядок, если не больше. Это же не балкон, а целая башня. Каким образом удерживается, что там за материалы — не представляю. Даже если там в днище впарены балки от железнодорожного моста, то башенка должна своим весом, как рычагом, разломить верхушку основного здания и рухнуть во внутренний двор.

— Сэр Ричард, — сказал Гендельсон. — Вы что-то рассматриваете с таким напряжением.

— Да так...

— У вас такое странное лицо...

— Что делать, другого у меня нет.

Туча лопнула как раз в том месте, где опускалось солнце, на землю пал странный трепещущий свет, будто рядом полыхал гигантский пожар. Красным стало поле, по которому мы едем, красное небо, в воздухе запахло огнем и кровью. Я потянул носом, в самом деле пахнет гарью, от крас-

нога света зашумело в ушах, кровь начала пульсировать в висках чаще.

Гугландер радостно вскрикнул. Через все поле в нашу сторону несся на темно-золотом коне всадник в золотых доспехах. Забрало поднято, я видел молодое яростное лицо, в опущенной руке сурово блестал меч, тоже золотой.

Гугландер вскинул обе руки. Всадник начал придерживать коня, я присматривался к ним ревниво: нечасто вижу людей, что выше меня ростом, да и конь явно крупнее даже Черного Вихря...

Мы остановили коней, Гугландер выехал вперед, сказал звучным торжественным голосом:

— Ваше Величество!.. Позвольте представить сэра Гендельсона и сэра Ричарда, что пришли ко мне на помощь в очень опасный, надо признаться, для меня момент... Еще бы минута промедления, и зарги сумели бы догнать меня и отобрать все...

Всадник в золотых доспехах вскинул руку.

— Довольно! — сказал он резко. — Они пришли тебе на помощь, этого достаточно. Прошу вас, дорогие друзья, посетить мой замок, отдохнуть столько, сколько вам понадобится. Пользуйтесь всем моим гостеприимством и гостеприимством всех обитателей замка... Вы — мои гости, гости короля Абеляра.

Гендельсон и я склонили головы. Благодарим то есть, но я краем глаза присматривал за Гендельсоном. Он странно напрягся, даже побледнел чуть, на Абеляра посматривает с подозрением и опаской, хотя улыбается и благодарит, благодарит, ну прямо Фамусов, спина ж от поклонов не переломится.

Но я и сам, если честно, тревожился неизвестно почему, когда смотрел на Абеляра. Как-то уж очень не вяжется густой сильный голос очень уверенного в себе человека с внешностью удалого бойца...

На воротах нас уже ждали, решетка поднялась кверху, когда мы были еще за сотню метров. Нет ни рва, ни вала, а значит, нет и подъемного моста. Хотя стражи ворот в таких доспехах, что в Зорре рыцари позавидуют, копья у всех оди-

наковые, ножны мечей разрисованы очень искусно, а рукояти мечей отливают серебром и золотом.

Странный замок, мелькнуло у меня в голове. Ну да теперь пятиться поздно... А вот быть настороже не помешает.

Во дворе у нас взяли коней, оружие осталось при нас, но когда нам отвели большую просторную комнату для отдыха и ночлега, Гендельсон первым стащил с себя доспехи. От него несло крепким потом. Думаю, если побрызгать им на каменные плиты, пойдет дым, а на мраморе останутся язвы. А раз от Гендельсона, то безобразнейшие...

К моему удивлению, здесь не только бочки с водой, это, как оказалось, для простолюдинов, а нечто вроде миквы прямо возле нашей комнаты. Можно после сна смыть с себя не только грязь, но и остатки нечистого сна, ведь сон — шестидесятая часть смерти. Гендельсон устал так, что у него не осталось сил даже бурчать, а повод для бурчалости он бы нашел, уж знаю.

Я все же разделяя и малость поплескался. Милая, крепкая в кости девушка рабоче-крестьянского типа принесла широкое полотенце, поинтересовалась, не потерять ли мне спину и пятки. Я взглянул на конский скребок в ее руках, содрогнулся, спросил искательно, нет ли хотя бы мыла, про шампуни уж молчу... Она не знала, что такое мыло, но вопрос поняла, объяснила, что мягкой глиной пользуются только господа, но не от жадности, а ее очень мало, остальные же трутся при необходимости шершавой корой, грубым полотном...

— Тогда пятки, — разрешил я. — Только не щекочи...

Это было приятно, хоть она все-таки щекотала, нечаянно или намеренно, заглянул парнишка, сообщил, что стол уже накрыт, благородных гостей ожидают к ужину.

Гендельсона привели к дверям зала почти под руки. Он худеет с каждым днем, я с некоторой долей жалости вспомнил, что сам помирал первые дни в тяжелых рыцарских доспехах и снимал их при каждом удобном случае. Гендельсон не снимает, а с его предыдущим сидячим образом жизни интенданта сейчас для него каждая минута — сплошной кошмар...

— Крепитесь, сэр Гендельсон, — сказал я торжественно, — сейчас наступает битва, в который вы явно сильнее всех рыцарей Зорра!

— Что за битва? — спросил он тупо.

— С ужасным вепрем, — сказал я еще торжественнее, — который наводил ужас... правда, сейчас он уже хорошо прожарен, натыкан чесноком, луком, всякими пряностями, но все-таки вепрь?.. Да и кроме вепря, я думаю, будут всякие звери...

Он фыркнул, негодуяще отвернулся. Двери перед нами распахнули, из зала хлынул яркий свет. Пахнуло чистотой и свежестью, как будто вошел в квартиру после евроремонта. Зал средних размеров, хорошо освещен, медные светильники красивой чеканки — в виде драконьих голов, дивных цветков и грифоны пастей торчат из стен через каждые два шага, свет яркий, праздничный. Посреди зала большой стол персон так это на двенадцать, добродушные, тщательно сделанные и отделанные стулья с высокими спинками.

С другой стороны зала распахнулась дверь, вошел Абеляр. Без доспехов он выглядит совсем юношей, в плечах широк, а в поясе узок, могучая грудь и плоский живот, чистое лицо. Улыбнулся широко, зубы один к одному, сказал сочувствуяще:

— Вижу на ваших лицах недоумение... Понимаю, на что направлено, потому скажу сразу, не дожидаюсь вопросов. Да, заранее простите, а то вы из вашей деликатности не решитесь сразу, будете терзаться всякими думами...

Гендельсон сказал учтиво:

— Ну что вы, сэр Абеляр, как вы можете подумать...

Но в голосе его звучало замешательство, а в глазах стоял вопрос.

Абеляр хохотнул:

— Ну да, не продал ли я душу дьяволу за молодость?.. Нет, мои друзья... позвольте вас называть так. Просто издавна род наш наделен странной особенностью, но я благословляю ее: мы остаемся молодыми до самой смерти... Мне шестьдесят семь лет, скоро Господь призовет меня на свой суд. Увы, вечная жизнь никому не дана... расплатой за

молодость будет лишь то, что умирать в молодом теле, наверное, очень тягостно... Ну, не будем о грустном! Я ответил на ваш невысказанный вопрос, а теперь посмотрим, что приготовили наши умельцы на кухне...

На лице Гендельсона простило сильнейшее облегчение. Абеляр посмеивался, он сел во главе стола, нам указал на места рядом. На блюдах уже разложены ломти холодного мяса: копченого, вяленого, жареного, сущеного, как и десяток видов рыбы, овощи, зелень, это все для того, чтобы разжечь аппетит перед главными блюдами, горячим, но мы с Гендельсоном накинулись и на эту холодную закуску так, словно это последнее, что увидим до самого Кернеля.

В комнату вбежала молодая женщина. Я ее сперва принял за подростка: среднего роста, сложение — тоже, но быстрая, гибкая, железо на голых плечах, короткий плащ развеивается сзади, как крылья. Обнажена до пояса, если не считать ремень перевязи через плечо. Длинные темные волосы трепались за спиной, но, подбежав к нам, тряхнула головой, и длинная прядь прикрыла левую грудь. Другая осталась обнаженной, дивной формы, потому я, уставившись, если честно, не сразу рассмотрел, что девушка держит в руке. Да, в правой — меч, ржавый по самую рукоять, но в левой...

Я икнул и отложил нож и двузубую вилку. В левой руке красотка цепко держала за густые длинные волосы человеческую голову. С нее все еще срывались темные капли, на полу от двери цепочка черных выпуклых пятен, похожих на бегущих за нею жуков.

Голова принадлежала крупному, судя по размерам, мужчине. Глаза распахнуты в злобном крике, рост оскален. Я зябко повел плечами. Зубы как у волка, нос расплющен, старые шрамы исполосовали лицо, уши остроконечные, волосатые...

— Отец! — вскрикнула она ликующе. — Я все-таки выследила фон Тарога!.. Когда он увидел, что я без отряда, он бросился на меня, вот тогда я и...

Абеляр старался смотреть хмуро, но в глазах была тщательно упрятанная отцовская гордость.

— Ну и как?

Девушка засмеялась:

— И тогда он убил меня... ха-ха!

Ее глаза шарили по мне и Гендельсону, стараясь понять, почему мы не в восторге, не прыгаем, не кричим лицующе, что она герой, убила самого фон Тарога.

Абеляр повернулся к нам:

— Что скажете, дорогие гости?

— Она сильно рисковала, — ответил Гендельсон, он старался не смотреть на ее сиськи, теперь и вторая высунула острый красный кончик сквозь густые пряди, — такой огромный мужчина...

Абеляр взглянул с ожиданием на меня, я ответил нехотя:

— Это не совсем то, что я хотел бы видеть за столом.

Девушка негодующе фыркнула, глаза потемнели. Она приподняла голову на уровень моих глаз, и, хотя нас разделял стол, мне показалось, что она хочет швырнуть ее мне в лицо. Я положил вилку и выпрямился, если бросит, то успею перехватить или уклониться.

Абеляр сказал строго:

— Шершела!.. Быстро мыться и переодеться! Если успеешь, можешь присоединиться к нам.

Она исчезла, только воздух пошел за нею смерчем да хлопнули двери. Абеляр покачал головой, глаза гордые, но и встревоженные.

— Она молода, — объяснил он. — Еще не относится к жизни так трепетно, как я, которому осталось не больше трех лет. Да-да, никто из рода Абеляров, а у нас хранятся записи о двухстах только прямых моих потомках, не жил больше семидесяти. Правда, три четверти погибли в битвах, но все же... А она целыми сутками носится по лесам, по горам, плавает как рыба, на бегу ловит зайцев, догоняет оленей... Одно меня только тревожит: чтобы не попала вот так с разбегу в паутину, ибо эти страшные твари плетут свои сети все ближе к нашим угодьям. Вчера только ехал по хорошо протоптанной тропе, а сегодня гляжу — перекрыта паутиной!.. Если идти ночью, не заметишь. А днем можно с разбегу ненароком...

Гендельсон посматривал на меня, я молчал и ел, наконец Гендельсон не утерпел, сказал победно:

— Да это же так просто!.. Вот сэр Ричард убил по дороге огромаднейшего паука, размером с быка... посмевшего за городить нам прямой путь. Убил простым ножом!.. А потом тем же ножом порезал богомерзкую паутину, отбросил ее во тьму, дабы не застила и другим благочестивым воинам Христа смиленно двигаться по своим богоугодным делам.

— Здорово, — раздалось за нашими спинами.

Шершела была уже в сравнительно пристойном костюме. Дивно, как это она успела переодеться так быстро. На волосах блестят капельки воды, но наверняка на бегу просто зачерпнула ладонью, чтобы строгий отец не придирился. Вряд ли эта юная леди мылась хоть раз за последнюю неделю, от нее несет зеленью, сеном, муравьиными кучами, птичьими гнездами... но только не мылом, то бишь мягкой глиной.

— Садись, — буркнул Абеляр, — но не перебивай взрослых. Сэр Гендельсон, как это возможно?

— О, это очень просто, — сказал Гендельсон победно и подробно пересказал все, что я тогда ему выдал по арахнологии. Паук вырос уже до мамонта, но дурак не понимает, что это заметно и меня дискредитирует еще больше. — Как видите...

Глаза Шершелы горели восторгом, но опытный Абеляр все еще покачивал головой в сомнении.

— Все-таки ножом... гм... Видимо, у вас там пауков много, у вас немалый опыт. Но если все верно, то мы быстро очистим наши леса от этих ужасных созданий. И от паутин, в которой гибнут и люди, и скот. Я сам завтра же с утра поеду... Спасибо, вы просто неоценимые гости! Может быть, подскажете, как управляться нам и с драконами?

Гендельсон сказал небрежно:

— Да мы по дороге прибили несколько штук, но... это что, для вас трудно?

Абеляр посмотрел на меня, я сказал с неохотой:

— В наших учебниках такого не было.

Он удивился:

— Ваши наставники учили справляться с пауками, а про драконов даже не упомянули?

— Да, — ответил я сердито.

— Гнать таких наставников, — заявил он твердо. — Они только и умеют, что вино таскать из хозяйствских подвалов да служанок тискать...

— Это да, — согласился я. — На такое они мастера... Правда, про драконов, может, потому и не распространялись, что преподавали весь класс земноводных разом? Ну, лягушки, тритоны, протеи, змеи, ящерицы, динозавры...

Он поинтересовался:

— А что такое динозавры?

Я отмахнулся.

— Да это такие ящерицы, что ходили на задних ногах. Ростом вон с ту скалу! Одному такому динозавру все наши кони на один кутний зуб... А дракон — на два.

Я оборвал объяснение, потому что вокруг меня воцарилась тишина. Абеляр, Шершела, даже Гендельсон опустили ножи и вилки, смотрели на меня в гробовом молчании.

Абеляр сказал ровным голосом:

— Дорогой сэр Ричард, вы наверняка пришли из страны героев!

Гендельсон скривился, Шершела смотрела горящими от восторга глазами. Я уже видел в них, как она поутру ринется истреблять пауков, из-за которых не может носиться сломя голову, чтобы не влететь, как муха, в паутину.

Я смолчал, ибо брякнуть, что динозавры жили за триста миллионов лет до появления человека — это вляпаться в еще более трудные объяснения. Во всяком случае, я не говорил, что рубил направо и налево тиранозавров-рексов. А что они думают — это их личное дело.

Я ел молча, старательно вспоминал школьный курс биологии, отрывки из фильмов, мультиков, даже анекдоты, ибо умный черпает знания отовсюду, а дураку хоть из какого дорогого дерева кол на голове теши... Драконы — это большие ящерицы. Ящерицы с крыльями. Если я ничего не путаю, то ящерицы замечают только то, что двигается. Положи перед жабой или ящерицей комара или муху,

не заметят. А вот пролетающую мимо на любой скорости схватят.

Они слушали очень внимательно, я старался излагать в доступных им понятиях. Рассказал о насекомых, что научились при виде ящериц моментально переворачиваться на спину и сплетать лапки, прикидываясь мертвыми. О медведях, что прикинувшись дохлым человека обнюхивают и двигают себе дальше. Но больше делал упор на земноводных. В глазах Абеляра все больше появлялось понимания, а Шершела уже горела энтузиазмом, не может дождаться утра, дабы все проверить на своем опыте.

Когда мы заканчивали с ужином, пришел Гугландер. Он был уже в простой чистой сорочке, кожаные штаны и сапоги сменил на легкие, простые, удобные. Абеляр указал ему, где сесть, Гугландер церемонно поблагодарил, сел, а Шершела торопливо начала рассказывать ему на ухо, живо блестя глазами, способы убийства драконов, пауков и вообще всего, что движется, шевелится или даже прикидывается дохлым.

Чуть позже пришли еще члены семьи, подданные или служащие замка. Всем им находилось место за столом, пока все стулья не оказались занятыми. Были поданы сладости, фрукты, в зал тихохонько вошли музыканты и, стоя в очертленном для них месте, начали дудеть и насыщивать веселое.

Гендельсон клевал носом, отяжелевший, осоловевший так, что я уж опасался, не растечется ли он медузой по полу. Абеляр кивнул в его сторону, двое придворных с шуточками и ласковыми словами вытащили Гендельсона и, приговаривая насчет банинки, увели.

Абеляр кивнул ему вслед:

— Пусть герой отдыхает... Ему пришлось вынести больше, чем его юному спутнику. Не так ли, сэр?

— Да, конечно, — ответил я.

Он улыбнулся, мы поняли друг друга. Для меня убить паука — меньшая нагрузка, чем для Гендельсона нести на себе доспехи.

В зал вошли одна за другой пятеро молодых девушек, двинулись по кругу, часто-часто перебирая ступнями. Казалось, они плывут над полом. Музыканты заиграли гром-

че. За столом оживились, только Шершела фыркнула и начала рассматривать девушек с нескрываемым презрением.

Девушки, танцуя, сбросили платки и шарфы. Танцы стали раскованнее, эротичнее. Я уже догадывался, в каком направлении пойдет хореография, хотя и дивился нравам. Хотя, конечно, если учесть, что здесь никто не упомянул Христа, не крестится, даже за столом никто не прочел благодарственную, то, возможно, здесь нравы не слишком, не слишком...

Танцовщицы поочередно сбросили платья. Мне стало чуточку смешно, танцуют и двигаются, как передовые доярки, депутаты Госдумы. Но за столом смотрят жадно, даже женщины, а Абеляр в полном восторге повернулся ко мне, кивнул на танцующих девушек.

— Ну как? Где-нибудь что-то подобное видели?

Я пожал плечами. Самодовольство ничье не нравится, и, хотя его восторг понятен, я все же не удержался, брякнул:

— Так плохо?.. Нигде.

Его глаза сузились, потом вспыхнули гневом.

— Сэр Ричард... Вы где-то видели лучше?

— Конечно, — ответил я. — В нашем стриптиз-баре, если бы девушки вот так двигались, как сонные мухи, их бы уже... эх... что объяснить!.. Конечно же, наши танцуют и раздеваются куда лучше.

Абеляр кипел и задыхался от ярости. Я думал, что его хватил удар. Неслышино появился человек в остроконечной шляпе, плащ разрисован звездами, ну, это у них униформа, как у спецназовцев пятна, присмотрелся ко мне, подвигал ладонями и сказал негромко:

— Повелитель... он говорит правду.

Абеляр взревел:

— Как?.. Как он может говорить правду?.. Нигде нет таких прелестных танцовщиц!

Маг поклонился.

— Повелитель, я не говорю, что где-то есть лучше. Я только говорю, что гость говорит правду. Он действительно видел женщин, что танцуют и раздеваются лучше... Ты же знаешь, я могу отличать, кто говорит правду, а кто врет.

Абеляр задержал дыхание, я думал, взорвется, настолько его раздуло, лицо стало багровым, теперь он в самом деле тянулся на все шестьдесят, но дыхание вырвалось из легких, грудь опустилась, Абеляр взглянул на меня уже без вражды.

— Ладно... Обидно, я полагал, что придумал такие танцы первым. С другой стороны, это значит, что ничего необычного в этом нет, верно?.. А как церковь на это смотрит?

— Церковь? — переспросил я. — Какая церковь?.. Ах да, церковь... Ну, больше ей не на что смотреть?.. Может быть, в своих монастырях устраивают и круче, не знаю. Я хочу сказать, что я не ригорист. Я в эти земли приехал совсем недавно, а в моих краях церковь... несколько иная.

Абеляр слушал с большим вниманием, спросил жадно:

— А какая?

Я подумал, порылся в памяти, ответил честно:

— А никакая. Она делает вид, что ее вовсе нет. Жмется к стенке, чтобы ее никто не задавил. А задавить может всякий, у нас церковь что-то вроде ме-е-е-лкой такой серой мышки! Ее даже кошки не трогают, знают, что она уже не просто пресная, у нее вкус будет, как у мокрой тряпки.

Абеляр смотрел на меня с великим изумлением. Гости притихли, даже от танцовщиц отвлеклись, посматривали то на меня, то на короля Абеляра. Шершела шумно вздохнула...

— У вас дивное королевство, — сказал наконец Абеляр. — Я даже не знаю, хорошо ли, чтобы так унижать церковь... У нас она сильна! Даже чересчур. Настолько сильна, что возникает понятное желание как-то урезать ей крылья, подпилить клюв и остричь когти...

Я кивнул.

— Не надо объяснять, я все заметил. У вас она как раз урезана.

— Да, — ответил Абеляр. — Но, повторяю, я не знаю, хорошо ли это... Первое желание у всякого человека — урезать, но первое желание редко бывает верным. Я все больше раздумываю, все больше прихожу в смятение... Хорошо ли это, что у вас церковь... вот так? Счастливы в вашем королевстве?

Я развел руками.

— Ваше Величество, это слишком сложный вопрос.

Могу сказать только, что мы очень сильны. Вы даже не представляете, насколько сильны... но одновременно в той же мере мы и несчастны. Мы ненавидим и на каждом шагу предаем друг друга. Мы предаем любимых, они предают нас. Мы предаем правителей, они нас и друг друга, и все мы прекрасно понимаем, что верность... верность осталась только вот в ваших королевствах. Я не знаю, было бы лучше, если бы церковь говорила во весь голос?.. Но то, что церковь измельчилась и прогнила, мне не нравится. Не нравится, как не нравится всякий спившийся человек, прогнившая структура, дом, мост...

За столом царило ошарашенное молчание. Танцовщицы уже развязывали пояски, а голые сиськи под музыку ходят из стороны в сторону. Я поднялся, развел руками:

— Ваше Величество, прошу разрешения откланяться. Я устал, мне утром в путь. А вам не хочу портить впечатление от танцев...

Абеляр посмотрел исподлобья, лицо мрачное, сделал разрешающий знак пальцами, словно медленно отряхнул с них воду.

— Отдыхайте, сэр Ричард. Честно говоря, я не ждал от вас таких речей... Вы ведь так молоды! Но меня, уже старика, заставили снова ворочать жернова мыслей. Иногда даже в обратную сторону...

Я еще раз поклонился, развел руками, мол, виноват, заставил думать короля, у которого все хорошо и который должен только развлекаться, вышел из-за стола, а потом совсем тихонько — из зала.

Глава 17

Меня никто не провожал, все щелкают хлебалами на танцовщиц. Там дошло до самого пикантного места, даже стражи у дверей жадно подглядывают в щелочку. Я побрел в комнату, что наверняка уже содрогается от храпа Гендельсона. Широкий коридор хорошо и ярко освещен, ни-

каких тебе загадочных теней, стены украшены портретами в массивных рамках, вроде бы даже позолоченных...

Я свернулся в свой коридор, ноги сами по себе замедлили шаг. Шагах в пяти женщина прислонилась головой к колонне, обняв ее одной рукой, смотрит на меня внимательно, без заигрываний. Золотистые волосы гладко зачесаны, открывая чистый высокий лоб. Умное строгое лицо, внимательные глаза, гордо приподнятые скулы. На ней строгое черное платье, правда, открытое на груди так, что оба полушария наружу полностью, я хорошо видел розовые ореолы и красные ниппели, но дальше платье опускается плотно, даже плечи закрыты, более того — рукава до середины кисти, без намеков на пышные манжеты.

Я шагнул еще и еще, убедился, что платье плотное, толстое, кожаное и что одето на голое тело. Опускается почти до щиколоток, у платья спереди разрез... не широкий, а как раз достаточный. Разрез начинается от низа живота, там такие же золотистые волосики, как и на голове, дальше полы черного платья опускаются почти вертикально. Ноги в таких же черных сапогах, что достигают колен.

Да, сказал я себе, как хорошо, что Гендельсон свалился еще за столом. Он бы не понял этого... ну, смены открытых эрогенных зон. Не самой смены, а закон моды гласит, что нельзя до бесконечности делать вырез на платье или же укорачивать, нужно в самый критический момент вернуться к закрытости до самого горла, зато укоротить подол... или же в случае с и без того коротким платьем, когда уже дальше некуда, — сделать подол до пола, зато вывалить на всеобщее обозрение ранее закрытые сиськи...

А здесь, похоже, перепробовали много раз то и другое, изощрялись в простом и сложном, и сейчас вот такое... гм... совсем уж на ценителя.

— Здравствуйте, — сказал я очень вежливо. — Не превращайте меня в лягушку, ладно?.. Я здесь человек новый, вы меня не обижайте. Но приласкать можете, я особенно так уж отбиваться не буду.

Она слегка улыбнулась: мол, шутку юмора поняла, оценила.

— У нас здесь есть кому вас приласкать, — ответила она мягким чарующим голосом, — но лично я, дорогой сэр, сейчас жду совсем не вас, уж простите... Как же я могла знать, что появится такой великолепный рыцарь?

— Вот чем и плохо, — сказал я, — когда расписание забиваешь на недели, а то и месяцы вперед. Увы, мне...

Хотел пройти мимо, но она сказала великосветским тоном:

— Но я могу вставить вас в расписание на завтра... У нас намечается втроем, но почему бы не присоединиться и четвертому?

— Это будет здорово, — ответил я с жаром. — Оттянемся по полной! Благодарю.

И пошел себе дальше, довольный по самые, что у нее все расписано по часам и щелочки для меня сегодня не найдется, а с утра меня уже черти... пусть ангелы, унесут в направлении... да, в направлении. Хрен его знает, кто она такая. В мое время появился такой жуткий термин, которого не знал даже мой отец, тем более не мог предположить дед, — безопасный секс. А самый безопасный — это ни с кем ни связываться. Ложиться спать одному, вопреки запретам Библии и Корана. Да и то подсказывает мне что-то со стороны спинного мозга, что однажды придет, приползет или прилетит ко мне нечто с летучемышьями крыльями... эдакое нечто, бросится на шею и рявкнет басом: здравствуй, папочка!.. А помнишь, ты мою маму во сне мял самым непотребным образом?

И все-таки в черепе засело нечто тревожащее. Уж очень этот замок не походит на другие замки. Не только на замок в Зорре, тот вообще уникален, но даже на замок леди Кантини. Вернее, не сам замок, он как раз обычен, а обитатели. Ощущение такое, что здесь уж очень продвинулись в части поп-культуры. Компьютеры еще не изобрели, даже порох не выдумали, а про эрогенные зоны и свободу нравов знают...

Задумавшись, я уловил крепкий запах, что выползал из-под двери, мимо которой тащил свое отяжелевшее за ужином пузо. Притормозил, дверь крепкая, могучая, разрисована страшными знаками. Сердце радостно стукнуло.

Вот тот шанс, к которому стремился: поговорить с магами южных стран! И хоть тут не самый юг, только преддверие, но все же...

Массивная створка подалась нехотя, медленно, но без жуткого скрипа. В лицо пахнул приятный пряный запах. Комната просторная, но захламлена так, что напоминает лавку коллекционера старинных вещей, который тащит в свое гнездо все старинное и редкое, как сорока собирает все, что блестит.

Маг спиной ко мне склонился над большим чугунным горшком, что-то деловито размешивает. Оттуда вкусный пар. Я пошел на цыпочках вокруг, рассматривая прежде всего мага. Толстенький, на мага похож мало, даже борода хоть и седая, но слишком короткая, легкомысленная. Мне почудилось, что, если бы традиции позволяли, он бы и ее сбрил к чертовой матери. Плащ на плечах черный, расшищенный хвостатыми звездами, каббалистическими знаками. Некоторые показались странно знакомыми, но я не решил-ся даже себе высказать предположения, слишком уж невероятное полезло в тесный череп.

На голове красная шапка, теплая, закрывающая уши, очень функциональная, если предположить, что не шатается по дорогам, а проводит время в помещении за опытами, а тут сквозит из всех щелей, тянет сыростью от стен, да и под дверью щель...

Я кашлянул, маг подпрыгнул и оглянулся. Глаза дикие, одной рукой схватился за сердце.

— Великий Гедр!.. Как вы вошли?

— Было открыто, — объяснил я. — Я постучал, но вы так заняты...

Он смотрел на меня все еще дикими глазами. Сказал рассерженно:

— Вы что же, не видели на звери знаки?

— Я не умею читать, — признался я и добавил: — Магические руны.

— Какие руны! — вскрикнул он. — Там нарисованы знаки... Вообще знаки.

— У меня нет чутья прекрасного, — объяснил я. — Поэтому меня высокое искусство не трогает.

— Что?

— На меня магия не действует, — сообщил я с некоторым смущением. — Такой уж я урод... Или мутант, не знаю. А зашел потому, что у меня всегда к магам куча вопросов.

Он перевел дух, снял наконец руку с левой половинки груди. Колючие глаза смерили меня с головы до ног.

— Ладно, — буркнул он. — Присядьте. Я закончу... потом, может быть, отвечу. Хотя, предупреждаю, у меня нет на это желания.

Я присел на массивный сундук, смотрел, как маг тщательно размешивает варево, время от времени сверяется с записями в пугающей толщиной книге, иногда даже зачерпывает и пробует, кривится, снова добавляет кореня, травы...

Я спросил, не вытерпев:

— Что за зелье будет, отгоняющее драконов?

Он покачал головой.

— Тогда противовампирье?

Он снова покачал головой.

— Философский камень? — спросил я. — Верно?

Он усмехнулся, мотнул головой.

— Тогда что? — спросил я.

— Суп, — ответил он коротко.

— Суп? — спросил я. — Суп?.. Простой суп?

— Почему простой, — возразил он с некоторой обидой в голосе. — Простой в деревне варят. Даже нашему королю подают простой... А я варю необыкновенный!..

— А что в нем необыкновенного?

— Вкус, — объяснил он с достоинством. — Великолепный вкус!.. Дивный, ароматный. Только я могу приготовить такой суп.

Я все еще не понимал, спросил:

— Но... зачем?

— Просто люблю варить суп, — объяснил он. — Разве не приятно сварить самому? Своими руками?.. Эх, юноша, не понимаешь...

Я пробормотал, стараясь перестроиться побыстрее:

— Ну почему же... Все есть яд и все есть лекарство. Мы стоим из того, что едим. Так что, возможно, у вас это во все не причуда. Вы готовите необыкновенный суп уже не первый год?

Он сказал гордо:

— С тех времен, как здесь вырос лес!

— Значит, вы состоите из того, что сами готовите. Наше мясо... и даже кости обновляются полностью за жизнь много раз. Мясо — каждые три месяца, кости — каждые два года...

Он не удивился, кивнул.

— Я сам чувствую, что я не таков, каким сюда пришел. Я умею намного больше. Возможно, как раз благодаря этому супу.

Он без улыбки посмотрел на меня, но в глазах был смех. Я рассмеялся, развел руками:

— Вы меня побили... Вообще, я смотрю, вам здесь неплохо. Не приходится прятаться, как в христианских странах...

— А здесь христианская страна, — возразил он. — По крайней мере никто не называл иначе. Да, там дальше на юге даже церкви разрушают, кресты ломают, священников и монахов вешают, содрав с живых кожу... Но здесь как раз пограничье. Не в смысле столкновения с темными силами, а в том, что церковь здесь как-то стихла и пропала, хотя никто ее вроде бы не рушил, а маги перестали прятаться. За что, кстати, великий поклон нынешнему королю Абеляру. Не скажу, что я великий маг, но я давно занимаюсь магией, мне это нравится.

Я поерзal, сказал торопливо:

— Я вижу, вам не терпится меня вытурить, но скажите: на юге... магия сильна?.. Намного сильнее, чем здесь?

Он вздохнул, развел руками.

— Что я могу сказать? Да, там магия сильнее. Там больше уцелело после древних катастроф, а здесь моря кипели, горы рассыпались в пыль, горел сам воздух. Но... что я скажу еще? При всей любви к магии... мы все-таки люди. А человек должен останавливаться у какой-то грани. Там, на юге, как

я слышал, чтобы овладеть искусством великой магии, надо пройти какие-то зверские ритуалы. Не то убить и расчленить ребенка и выпить его кровь, не то надругаться над какими-то святынями... И хотя это даст великую мощь и многие на это идут, но я, наверное, слишком стар или слишком много впитал из христианской морали... Словом, юноша, если так уж хочется увидеть магов неслыханной мощи, не сравненной силы, то тебе надо углубиться в южные страны. Но в то же время... что, если душа у человека все-таки... есть?

Я поднялся, поклонился.

— Спасибо, отец. Спасибо, что говорили со мной так серьезно. Я буду думать.

Он отвернулся и занялся супом. Я пробрался к двери. Коридор послушно отвел меня к нашей комнатке. Гендельсон, я как в воду смотрел, лежит на спине, черная в слабом свете пасть распахнута во всю ивановскую, сапог влезет, воздух сотрясается от мощного храпа, ходит волнами, отражается от стен ясно видимыми сгустками.

Я разделся, поставил сапоги рядышком. В зарешеченное окно холодно смотрит сверкающий диск луны. Верхушка дерева подрагивает, хотя соседнее не шевелится, полный штиль. Заинтересовавшись, я прильнул лбом к холодному металлу решетки.

Внизу сад, окно на уровне второго этажа, только и видно, что дерево иногда вздрагивает, а еще из-под раскинутых ветвей вроде бы доносится шорох. Вроде бы, потому что улавливаю его только в промежутки между взрывами храпа. Я выворачивал морду и так, и эдак, стараясь рассмотреть, что же там происходит.

Под деревом что-то ворочается и сдержанно сопит. Лунный свет не проникает через крону, я сумел только понять, что дерево — яблоня и некий ворюга, судя по всему, попросту срывает спелые яблоки с нижних веток... нет, уже добрался до средних. Глаза быстро привыкали к слабому рассеянному свету, но я все не мог вычленить человеческую фигуру среди веток, что под весом тяжелых яблок опустились почти до земли.

Хотя мне по фигу, яблоки так яблоки, дворовые мальчишки везде одинаковы, хотел отодвинуться и топать спать, как вдруг слабый лунный свет выхватил отвратительную костлявую кисть руки, крючковатые пальцы. Тут же все исчезло, только ветвь вздрогнула, во тьме послышалось довольно чавканье. Храп за спиной все заглушил, но когда Гендельсон набирал в грудь воздуха для новой песни, я услышал чавканье довольно отчетливо.

Мои пальцы невольно пошарили по пустому поясу. Ветви двигались, лунный свет снова выхватил костлявые пальцы. Сама рука, как мне показалось, высовывается из широкого серого рукава. Серого с пятнами, как десантный костюм спецназовца. Листва в слабом лунном свете тоже серого цвета, так что и рука, должно быть, тоже зеленая...

Я задержал дыхание. Всю фигуру вора не вижу целиком, но это... не человек. На землю пал призрачный цвет, это луна вышла из-за тучи, все стало видно ярко и четко. Под деревом небольшой дракон в защитном окрасе садового вора, размером с подростка, встав на задние лапы, ворует яблоки. Одной передней лапой пригнул большую ветку, одновременно держится, чтобы не упасть, другой тянется за яблоками. За спиной топорщатся сложенные крылья, похожие в темноте на большой туристический рюкзак.

— Вот гад, — сказал я. — Мамой Конька-Горбунка прикидываешься? А вдруг там какие-нибудь молодильные яблоки? Недаром же этот Абеляр все еще как огурчик прямо с грядки...

Хотел пугнуть, потом мысль пришла круче, я схватил молот и выбежал в коридор. За все время встретил только двух стражей, да и то лишь у боковой двери, что ведет в сад. Один сразу ухватился за меч, увидя боевой молот в моей руке, второй спросил настороженно:

— Что-то случилось?

— Дракон жрет яблоки прямо у меня под окном! — выпалил я. — Пойдемте его поймаем!

Страж покачал головой:

— Мы не можем покидать пост.

А второй буркнул:

— Этот дракон уже полсада объел. Если все еще там, сразу бейте.

— Нет, — сказал первый саркастически. — Надо поймать, судить и повесить!

Дверь распахнулась в ночь, я выскользнул тихонько, затаился. Воздух холодный, насыщенный запахами спелых яблок. Страж, возможно, не острил: в Средние века в самом деле часто гремели судебные процессы против свиней, коров, а то и мышей или саранчи. Им назначались наказания, предписывалось в течение двадцати четырех часов покинуть пределы королевств или графств... словом, веселое было время. Впрочем, почему было? Я в этом веселом времени по самые... да, по самые. И как выбраться, пока не знаю. Разве что в южных краях подскажут...

Глаза привыкли, я различал деревья и даже мелкие веточки отчетливо. Деревья скользили мимо меня беззвучно, растворялись в ночи или вообще в небытии. Иногда я чувствовал себя солипсистом, впереди расступались залитые лунным светом густые кусты, плотные, как щетина, приходилось обходить, я вообще обогнул сад, так что этот ворюга не убежит, ему же все равно нужна полоса пусть даже для короткого разбега, не бывает драконов вертикального взлета...

Я затаивался, прислушивался, подбирался все ближе и ближе. Уже стала видна за деревьями серая стена замка, вон мое окно, а если присмотреться, то и моя бледная морда с глупо вытаращенными глазами вот прижалась с той стороны к прутьям, значит — дерево вот оно... ага, вот следы когтей на земле, мелкие царапины на стволе...

Чувствуя сильнейшее разочарование, я присел под деревом. Судя по всему, с драконами здесь повезло. Кроме гигантских чудовищ, что носятся под облаками и могут плеваться огнем, в дремучих лесах сохранилось что-то вроде динозавриков, хотя и весьма злобных, а здесь так и вообще мелочь, что-то вроде захудалого птеродактиля, но что за птеродактиль, ворующий яблоки?

Я хотел было приподняться, пора спать, но по дорожке между деревьями скользнула тень. Кто-то пробирается из замка в глубину сада. Фигура пересекла освещенный лу-

ной участок, у меня заклинило дыхание. Я видел ее только в спину, прекрасную обнаженную женскую фигурку, но в мозгу сразу замелькали картинки, примеряя, сравнивая, сопоставляя.

Женщина шла пугливо, зябко сдвигала плечи, обнаженная и тем самым предельно беззащитная фигурка. Когда в страхе обернулась на хруст под своей же ногой веточки, я увидел огромные пуглиевые глаза, что распахнулись в испуге. Она удержалась от вскрика, только еще испуганнее втянула голову в плечи. Роскошные черные волосы, все в мелких кудряшках, красивой пышной волной падают на обнаженную спину.

Несмотря на ночь, когда все кошки серы, ее лицо казалось подсвеченено красноватым огнем, губы ярко-красные, крупные, но не распухшие, а красиво и четко очерчены. И вся она казалась красиво очерченной, выточенной, как шахматная фигурка. Даже грудь ее казалась прекрасной, хотя от тяжести заметно теряла форму идеальной чаши, уже не девичья, а зрелой красивой женщины...

Гендельсон уже крестился бы и шептал молитвы, он всегда знает, что делать, я же застыл с распахнутым ртом, провожал ее, заметно обалдев, ибо не узнать Шершелу, дочь короля, трудновато даже мне, не очень-то присматривающегося к чересчур уверенным в себе женщинам.

Она медленно удалялась, пугливо отодвигаясь от каждой ветки, как от хищно протянутой руки. Сказать, что она лунатик, сейчас не решился бы, лунатикам все по фигу, им страх неведом, потому и по карнисам могут ходить наравне с котами, а эта всего боится...

Ее фигурка исчезла, и тогда я сам, как завороженный, пошел за нею следом, пригибаясь и приседая за кустами. К счастью, она не оглядывалась, ее больше страшило, что впереди. Не попасться бы, мелькнула суматошная мысль, как Хоме Бруту, на котором подобная красотка ездила все ночь в буквальном смысле.

Сад закончился быстро, Абеляр явно не любитель роз, дальше невысокая ограда из камня, вся в трещинах и с выпавшими глыбами. Мне не пришлось даже перелезать,

протиснулся вслед за Шершелой в щель, разве что пузо малость поцарапал.

Холодок пробежал по коже, словно я тоже шел голым. Дальше деревья, только уже не фруктовые, между ними холмики, неприятные такие холмики, слишком уж... Я нервно сглотнул, спросил себя: какого черта прусь, оно мне надо, голых баб не видел, что ли, с нею ж явно что-то не в порядке, а в нашей жизни боишься даже тех, кто вроде бы в порядке, хрен знает, что они завтра выкинут, женщины — страшная непредсказуемая сила... Есть только два способа управлять женщинами, но никто их не знает.

Я остановился, дальше не пойду, надо потихоньку возвращаться. Но Шершела сделала пару шагов и тоже замерла в неподвижности. Перед нею горбился залитый лунным светом могильный холмик, очень крупный, надо сказать. Массивная мраморная плита не поверху, как принято здесь, а стоймя. Свет падает с той стороны, я смутно видел значки и буквы на этой, теневой стороне, но прочесть не удавалось.

Шершела наконец сдвинулась, обошла вокруг, потом еще раз, уже увереннее. Остановилась, руки вскинула, фигурка стала еще изящнее, точеная такая статуэтка из белого мрамора. За ее спиной луна сияла непривычно белым светом, огромная, страшная, с недобрными серыми пятнами окалины. Я как-то привык, что если луна огромная, то обязательно желтая или даже красная, а если белая — то мелкая. Но эта и крупная, и белая. У меня дрогнуло сердце, а душа что-то пробормотала в оправдание трусливое и полезла прятаться под стельку сапога.

Шершела начала бормотать нечто. Я сжался, по спине заходили волнами мурашки. Через пару минут земля ощущимо дрогнула. Мне почудилось, что в глубине проснулся и заворочался огромный зверь. Шершела словно бы побледнела, ее плечи зябко передернулись, но она даже возвысила голос, читала свое заклятие торжественно и гневно.

В середине продолговатого земляного холма, впятеро большего обычной могилы, в самой середине начал расти холмик, как если бы наружу старался выбраться огромный

крот. В двух шагах появился второй такой холм. Комья земли рассыпались, наружу поднялись две огромные руки.

Я отступил, поспешно начал шупать рукоять молота. Каждая рука толще моего бедра, а ведь руки высунулись только до локтей, да и на таком расстоянии друг от друга, что не трудно прикинуть ширину спрятанных под землей плеч...

Шершела вскрикнула тонким голосом, руки угрожающие сжались в кулаки. Это было бы героически, если бы не так страшно. Я нянчил молот, сердце колотится, как будто с горы несется камень. Шершела прокричала снова, кулаки разжались, но пальцы остались скрюченными. За ее спиной луна медленно уходила за тучку, на землю пала тень.

Гигантские руки, что торчали из могильного холма, сделали попытку выдвинуться еще, но Шершела сказала несколько слов, руки застыли. Огромные пальцы очень медленно сжались в кулаки.

— Последний раз спрашиваю, — прокричала Шершела, — достанешь ли ты мне напиток Зухры?.. Если нет, буду приходить каждую ночь!.. Ты не будешь знать покоя. Я достану тебя всюду!

Кулаки оставались плотно сжатыми. Они не двигались, но мне почудилось, что если бы это было в их власти, то Шершела увидела бы лишь нехитрую комбинацию из трех пальцев. Кажется, Шершела это тоже ощущала, вздохнула, плечи ее опустились.

— Ладно, — сказала она рассерженно, — возвращайся в свою нору. Но завтра я приду!

Голос ее был грозным, как она считала, но я уловил страх и отчаяние. Плечи ее опустились, она побрела обратно, уже не тугая молния, как вначале, а маленькая и печальная.

Я тащился следом, а когда между деревьев показалась стена замка, я догнал тихонько:

— Чудесная ночь, не правда ли?

Она подпрыгнула, обернулась в ужасе. Я улыбнулся как можно дружелюбнее, развел руками, показывая пустые ладони.

— Леди Шершела, это я, ваш гость. А утром уеду. И ничего не увижу, как и щас ничего не зрел обоими глазами.

Она вздрагивала в страхе, зубы лязгали, нижняя челюсть тряслась. Вспомнила, что нагая, безуспешно закрывала грудь обеими руками.

— Как вы... как вы могли?

— Да все просто, — ответил я. — А что это за напиток Зухры?.. Вечная молодость? Бессмертие?.. Красота?

Она тряхнула головой, в глазах все еще был страх, но она выпрямилась и сказала с остатками гордости:

— Это не ваше дело. Если не знаете, что такое напиток Зухры... то вам и знать не стоит. Вы что-то от меня хотите?

— Только ответ, — сказал я. — Но если мой вопрос чем-то неприятен, то не отвечайте. А я умолкаю.

Мы прошли еще чуть, она избегала моего взгляда, а когда достигли замка, нагнулась легко, на худой спине ясно приступил хребтик с множеством позвонков, вытащила из кустов широкий длинный плащ. Я взял его из ее рук, подержал, чтобы она воткнула свои тонкие руки в просторные рукава. Она молча и даже с некоторой надменностью приняла эту услугу, хотя, похоже, ей это в диковинку.

— Прощайте, — сказала она уже мягче. — Надеюсь, вы не станете рассказывать, что видели.

— Да никогда в жизни, — ответил я искренне. — Мало ли я чудес видел!.. Но молчу же.

— Прощайте, — повторила она. Через пару шагов в стене показалась незаметная металлическая дверь. Шершела толкнула ее, дверь отворилась бесшумно. Я заметил на петлях блестящие капли масла. На прощание она ухитрилась выдавить в мою сторону слабую улыбку.

Я растянул рот до ушей: мол, все в порядке.

Могучий храп услышал еще в коридоре, а когда распахнул дверь, меня едва не отшвырнуло звуковым ударом. Я кое-как вломился в комнату, даже разделся, но перед тем как лечь, пнул ногой знатного вельможу и в его лице десяток именитых предков, посоветовал строго:

— Сэр Гендельсон, вы храпите. А в раскрытый рот заползут змеи, жабы, тритоны, протеи и анаконды, где и разведут потомство. Советую перевернуться на бок.

Глаза его от ужаса выпучились, он перевернулся не то

что на бок, вообще уткнулся рылом в подушку. Я некоторое время лежал сам на спине, в окне начало светлеть. Черт, уже рассвет...

С этой мыслью я заснул, снова привиделась та самая лесная фея, проснулся сразу же, в груди кольнула вина перед Лавинией, и напрасно твердил себе, что человек над снами не волен, но чувство стыда оставалось долго. Гендельсон снова перевернулся на спину и начал было храпеть, но я растолкал безжалостно.

— Сэр Гендельсон, труба зовет!

Он распахнул глаза:

— Труба?

— Не слышите?

Он привстал, сел.

— Где труба?

Я поднял палец кверху.

— Не слышите? — спросил я строго. — Там, наверху?..

Оттуда же трубят, даже я слышу!

Он подхватился, глаза круглые.

— У вас видение?.. О, это послание небес... Знамение! Как есть знамение!

— Седлайте коней, — посоветовал я. — Видите, даже небеса нас торопят. А им сверху виднее, где войска Карла. Может быть, если они где-то застрянут, мы еще успеем?

Часть 11

Глава 18

Коней оседлали без нас, знают, что уезжаем. Меня даже удивило такое всеобщее знание и такая заботливость, чтобы мы уехали как можно раньше. Когда вышли во двор, там суетилось с десяток челяднцев, наполняли наши седельные сумы провизией.

Шершела сидела у парапета, ладони на каменных перилах, подбородок опустила на руки. Взгляд ее был задумчивым и мечтательным. На той стороне ее взгляда проплывали, послушные ее воле, далекие леса, холмы, едва видные отсюда домики и аккуратно расчерченные квадратики полей.

Она пытливо посмотрела на меня, но я ответил взглядом девственника, который даже не догадывается, что она может хоть когда-то сбрасывать одежду. И что занимается черной-пречерной магией.

Мы взбрались на седла, я подобрал поводья. Шершела наконец скосилась с парапета, Гендельсон снял шлем и, держа его на локте левой руки, галантно поклонился.

— Леди Шершела...

— Сэр Гендельсон, — ответила она голосом королевской дочки, — я желаю вам и вашему спутнику доброй дороги и славных подвигов!

Он довольно улыбнулся, что она замечает только его, а в мою сторону даже не смотрит, но она сказала мне негромко:

— А вам, сэр Ричард, я желаю, чтобы вам не приходилось искать зелье Зухры.

Я не удержался:

— А что это?

Она снова смолчала, ответил с довольным смешком Гендельсон:

— По легендам, Зухра, отчаявшись завоевать любовь Тахира, сумела составить такое вино, что всякий, кто его отведает, влюбляется в того, кто его поднесет.

Она смолчала снова, а я спросил:

— А что, получилось? Я уверен, что обязательно какая-то гадость случится. Либо кто-нибудь толкнет под локоть и собака все выпьет, либо еще что-нибудь...

— Неважно, — сказал Гендельсон жирным голосом. —

Главное, что напиток от неразделенной любви существует...

— А любовь может быть только неразделенной, — возразил я ему просто автоматически, ненавижу этот жирный бархатный голос. Слышал бы он свой храп. — Если она разделена, должно быть изменено ее имя.

Я поклонился Шершеле, ворота перед нами распахнули, там зеленый мир и прямая, хорошо утоптанная дорога. Копыта застучали часто и четко, застоявшиеся кони пошли хорошей бодрой рысью. Некоторое время я чувствовал между лопаток недоумевающий взгляд Шершели. Кажется, я нечаянно сморозил что-то глубокомысленное, но сам пока не пойму, что именно. Мудрости потому и считаются мудростями, что все как червяк в тумане, вроде бы есть, а смысл ускользает.

Одна ясно: бедная дочь короля явно отчаянно нуждается в этом напитке Зухры, если сама вынуждена голой бегать за ним на кладбище.

Дождя, как я помню, ночью не было, но на траве такая обильная роса, словно оставшиеся после проливного ливня капли. Воздух чист и пронзительно свеж. Кони прут хорошо, самим нравится быстрый бег, Гендельсон удивил меня поднятым забралом. Он сам, видимо, не просто трусил, но и считал себя в-наглухо застегнутых доспехах и в шлеме с опущенным забралом более мужественным и красивым. Возможно, раньше он просто больше старался произвести на меня впечатление.

Мы двигались по тропкам, если они шли на юг. Когда дорогу преграждал лес и вставала проблема: обходить или бросать коней и пробираться пешком, — все же находили звериные тропки, пробирались по косогорам, помогали коням перебираться через завалы. Лес когда-то да кончился, и мы мчались на конях вольно и быстро.

Эти края выглядят более населенными, чем те северные, откуда везли моши Тертуллиана. Из леса мы наблюдали распаханные поля, на лугах пасутся тучные стада. На прудах и озерах под охраной детишек плавают несметные стада гусей и уток. Несколько раз мы слышали впереди стук топоров, видели падающие деревья.

Гендельсон дуром пер прямо, я заставлял обходить опасные места. Гендельсон пыжился, он-де не трус, а если будем обходить каждого сопливого простолюдина, то к Кернелю придет только к зиме. Мои челюсти сжимались, как и кулаки. Похоже, Гендельсон понимал по моим глазам, что еще слово, и он проглотит эти слова вместе с зубами.

Нам и так везло, это я понимал, все-таки идем по землям, занятым противником. Идем не скрываясь. Гендельсону не хватает ума молчать. Даже Абеляр, если на то пошло, противник. На его землях мы не встретили церкви, при нем нет ни духовника, ни монаха-летописца, во всем замке мы не встретили ни одного человека в черной сутане. А вот мага я встречал, но Гендельсону говорить об этом не стоит. Возможно, Абеляр уже сообщил... или маг по его указанию доложил императору Карлу о двух подозрительных рыцарях...

Сейчас мы по широкой дуге, прячась за деревьями, миновали крупное село. Гендельсон бурчал, я с облегчением вздохнул, когда село осталось позади, конские копыта застучали по старой дороге, где, похоже, давно никто не ездит...

— Ведьма! — вскрикнул Гендельсон.

Далеко впереди холм, на холме высокий черный столб, а на заостренной вершине столба что-то вроде конского черепа. Под столбом крохотная скорчившаяся фигурка. Я напряг зрение, да, это женщина. И, конечно же, как здесь говорят, — обнаженная... То есть голая.

— Ну у тебя и глаза! — сказал я с завистью. — В снайперы бы..

— При чем тут глаза, — возразил он, не поняв, кем я его обозвал. — Видно же, что это ведьму вывели за пределы града и приковали...

— Даже приковали?

Кони шли рысью, я перевел в галоп, потом снова на рысь. Женщина обернулась на стук копыт. Да, обнаженная, ни браслетов, ни ожерелья, что у них тоже как одежда, тело нежное, развитое, сочное, хотя явно молода, очень молода, видно по безукоризненной коже. На шее блестит на солнце широкий металлический обруч, а другим концом цепь крепится к столбу.

Гендельсон сразу же вытащил крест и стал громко молиться за спасение заблудшей души, за милость к ней Господа. Я соскочил, занемевшие ноги подогнулись. Я невольно ухватился за седло. Конь презрительно фыркнул. Женщина наблюдала за нами испуганными глазами. Она не поднялась, только изогнулась в нашу сторону. Крупные тяжелые груди смотрели прямо на нас, я видел по тугой идеальной форме, что еще никто не мял их в безжалостных объятиях.

— Не бойся нас, — сказал я успокаивающе. — Сейчас посмотрим, что можно сделать...

Она прошептала торопливо:

— Помогите мне, убейте!..

— Что же это за помощь? — удивился я.

— Он же меня сожрет живой, — вскрикнула она тонким детским голосом. — Он меня будет есть... отрывать руки... ноги...

Слезы брызнули двумя прозрачными струйками. Теперь я видел, что это только испуганный ребенок, уже созревший, но еще ребенок. Цепь показалась чересчур тяжелой, на такую швартовать бы крейсера, а не испуганных женщин.

Гендельсон повернулся ко мне голову, не опуская сложенных у груди рук.

— Сэр Ричард, уж не собираетесь ли освобождать ведьму?

— На ней не написано, что ведьма, — огрызнулся я. —

К тому же, думаю, перепуганные жители просто откупаются от какого-то зверя. Явно девственница, а это самый расходный материал... Используется только раз, да и то для жертвоприношений.

— Для жертвоприношений? — воскликнул он. — Так это же сатанинское действие! Гнусное язычество! Идолопоклонство!

— Во-во, — сказал я, — потому и надо...

Я не договорил, в небе показался крупный дракон. Он быстро снижался, мы видели странно загнутые крылья, как изломанные, блестящие когти, огромную пасть. Я отшвырнул меч и торопливо сорвал с пояса молот, но швырнуть не успел. Дракон пошел над самой землей, выставил лапы, изогнул крылья, их надуло, как паруса. Его несло по земле к нам, как песчаные сани.

— Ну что, сэр Гендельсон, — спросил я, — как поступим?

Сказал и устыдился, ибо эта каракатица сползла с коня и, обнажив меч, встала перед женщиной, загораживая ее своим обвисшим телом, правда, упакованным в железную скорлупу.

— Если это ведьма, — сказал он жирным и одновременном твердым, как сало на морозе, голосом, — то ее должна судить святая инквизиция. И предать милосердной смерти... без пролития крови. Но если ее поставили сюда, чтобы насытить исчадия ада...

— Тихо, — прервал я. — Лучше, сэр Гендельсон, отойдите во-о-он туда.

— Зачем? — спросил он подозрительно.

— Затем, — гаркнул я, — что из-за тебя, дурака, дракон и женщину сомнит!.. А она отстраниться почему-то не сумеет!

Он поспешно отбежал, очень вовремя, ибо дракон уже выполз на холм и спешил к добыче. Выпуклые немигающие глаза уставились на женщину. Ужасающая пасть распахнулась, обнажив по три ряда острых зубов. Женщина в страхе закричала.

Чудовище не успело закрыть пасть, молот влетел внутрь, тут же пасть захлопнулась, будто ящерица поймала муху. Я замер, но опомнился и выхватил меч, дракон полз в мою сторону. Гендельсон воинственно закричал и побежал с поднятым мечом прямо на дракона. Дракон все замедлял движение, передние лапы начали подгибаться.

На шее вздулся волдырь, разросся, лопнул. Молот понесся в мою сторону, облепленный какой-то дрянью, уже и не молот, а половая тряпка. Я выставил ладонь, по ней ударило, как местным наркозом по интимному месту, липкой от слизи рукоятью. Ладонь и пальцы зашипало. Гендельсон дико орал и старательно рубил дракона по голове. Глаза дракона угасли. Он сделал слабое движение поймать меч скачущего перед ним человечка, промахнулся.

Передние лапы подломились, он ткнулся мордой в землю. Задние лапы, до которых еще не дошел сигнал о смерти мозга, сделали пару шагов. Спина чудовища выгнулась горбом, костяные щитки на ней затрещали, а гребень распетушился, как веер.

Он постоял так, как червяк-палочник. Гендельсон на конец устал бить железкой по голове, а дракона зашатало, словно не мог выбрать, на какой бок падать мягше. Я сорвал пучок травы, надо же почистить рукоять...

Внезапно дракона качнуло вперед. Я уже потом понял, что он просто падал, падал, как рушится башенный кран. Я с воплем швырнул молот, отпрыгнул в сторону. Меня ударило жестким, тяжелым, отшвырнуло, покатило. По дороге саданулся мордой о камень, губы обожгло. Провел языком, там горячее и соленое. За спиной грохот, рев, земля пару раз вздрогнула. Дракон колотился по земле, как курица, которой отрубили голову.

Голова чудовища в самом деле разворочена, в затылке огромная дыра. Я поднялся с молотом в руке, не знаю, как и удержал такую липкую рукоять. На нем налипло с полпути слизи, что, наверное, мозги или ганглии, если дракон не принадлежит к хордовым. Крылатый земноводный в последней судороге так трепыхнулся совсем не куриными крылья-

ями, что меня, как дистрофика, едва не унесло ветром в сторону Кернеля.

Девушка уже перестала визжать, и хотя рот открыт, но уже в великом изумлении. Она задергалась, перехватив мой взгляд, закричала:

— Сэр рыцарь, сэр рыцарь!.. Второй господин, что такой храбрый... он там, под этим чудищем!

— Может, там его и оставить? — пробормотал я.

Ноги Гендельсона торчали с другой стороны. Я постучал рукоятью молота по его коленной чашечке, прислушался. Нога слабо дернулась.

— Сэр Гендельсон, — позвал я. — Вы как насчет того, чтобы вылезти?.. Нам надо ехать.

Нога снова слабо дернулась. Я опять постучал, сперва по чашечке, потом по колену, отряхивая комья слизи, потом тщательно вытер рукоять о край роскошнейшего плаща. Перехватил поудобнее, вытер и железо.

Из-под дракона раздался придушенный голос:

— Сэр Ричард... помогите... мне выбраться....

— Но как? — осведомился я.

— Не знаю... придумайте...

— Вытащить вас не могу, — объяснил я, — дракон еще толще, чем вы... не в обиду вам это сказано, ибо я понимаю, что дородность и величавость — великое дело. Остается только разрубить эту корову с крыльями на части... Сам я это не осилю, придется созывать народ из окрестных деревень... Эй, девушка, тебя как звать?

— Дафния, мой господин!

— Дафния, деревня здесь далеко?

— Нет, мой господин! — закричала она. — Сегодня же можно созвать людей. Этого дракона можно будет разделать всего за неделю!

— Слышите, сэр Гендельсон, — сказал я, нарочито подчеркнув почтительнейшее «сэр». — Всего неделю вам подождать... Это недолго. Ведь лежать — не сидеть...

Он простонал:

— Я столько не выживу... И перестаньте меня стучать по ногам! Что вы делаете?

— Оставляю следы героического боя, — ответил я. — Что-то весьма однообразно это... Дракон летит, раскрывая пасть, я ему молот в зубы. Уже в который раз. С другой стороны, зачем отказываться от работающего приема?

Гендельсона я тащил двумя конями, да и сам упирался так, что задние ноги тряслись. Дафния смотрела полными сострадания глазами. Она оставалась как Барбос на цепи, но ей это даже шло, а Гендельсон, шутки шутками, но задохнется, если мордой в грязь. Я совсем не против, чтобы дракон устроил ему красивую гибель, но мордой в грязи, при моем явном попустительстве, это, пожалуй, чересчур...

За Гендельсоном оставалась канава, где можно было бы разместить часть нефтепровода. Когда он, мужественно и благородно постанывая, начал снимать шлем, я сказал с чувством:

— И что за оружейник ковал вам такие прочные доспехи?

И, не дожидаясь ответа, поспешил к голому Барбосу на цепи. Она следила за мной большими испуганными глазами. В нашем мире, где и феодалы вынуждены есть всякую дрянь, простолюдины вечно недоедают, почти все они худые и жилистые, как мужчины, так и женщины, а эта просто чудо какая юная пышечка, пончик, нежная, сочная, уже созревшая, но еще...

— Тебе сколько лет? — спросил я.

— Четырнадцать, господин.

— Всего-то?.. Неужели акселерация началась еще тогда?..

Я отошел, примерился, легонько ударил молотом по широкому кольцу. На металле не осталось даже пятнышка. Ударил сильнее, Дафния вздрогивала, поглядывала на меня глазами, полными отчаянной надежды. Сейчас она уже вспомнила, что голая перед двумя мужчинами, пыталась закрываться пухлыми детскими ладонями, но такие мощные сиськи не закроешь, и снизу еще по-детски все голо, без шерсти...

— Ни фига, — сказал я. — Придется рискнуть. Надеюсь... черт, хреново я изучал геометрию.

Гендельсон, постанывая и сильно хромая, доковылял, как же, без его вельможных советов я прям щас сгину или

уроню молот себе на ногу. Я отошел на пять шагов, взвесил молот в ладони. Гендельсон сказал встревоженно:

— Сэр Ричард, если вы задумали то, что... что я боюсь даже выговорить...

— Малышка, — сказал я девушке, — следи за столбом. Если будет падать в твою сторону, беги на другую. У тебя длинная цепь...

Молот вылетел с привычным хлопаньем рукояти по воздуху. Гендельсон зажмурился. Железная голова молота ударила в камень с сухим треском. Брызнули камешки, столб качнулся, начал заваливаться. Дафния в ужасе метнулась в сторону, я заорал:

— Стой, дура!.. Падает мимо!

Столб грохнулся, как огромное дерево. Земля подпрыгнула, конь расставил все четыре и посмотрел на меня с вопросом: еще будет? Дафния зябко вздрагивала, цепь все так же соединяла ее со столбом. Теперь Дафния обеими руками натянула цепь, будто надеялась ее порвать. Фигура ее напряглась, цветущая, абсолютно здоровая и крепенькая. Из рано созревающих подростков, что цветут особенно пышно, ярко, у них раньше всех одногодков выпячиваются выпуклости, выступают женские округлости, а пышные бедра наводят на греческие мысли даже стойких аскетов. Таких надо не дракону отдавать, а пускать на размножение. А то поотдавали таких драконам, а теперь одни хиляки да панки...

Огрызок столба все еще торчит из земли, как гнилой зуб. Кольцо отзывалось глухим недовольным звоном. Я снова постучал снизу, переходя по кругу. Кольцо нехотя начало сдвигаться выше. Еще пару ударов, оно слетело, я подхватил и сунул девушке в руки.

— Держи! У тебя есть куда идти?

Она вздрагивала, косилась то на огромную тушу дракона, то на двух крупных мужчин так близко, часто-часто кивала.

— У меня есть родители, — сказала она. — Есть даже жених.

— Что же он не пытался тебя освободить? — спросил я.

Ее глаза расширились в изумлении.

— Как можно, ваша милость!.. Он сам и приковывал меня, он в нашем городе лучший кузнец. Так приказали старейшины.

Я окинул ее оценивающим взглядом.

— Мдя... Хорош у тебя жених. Что же с тобой делать?.. Сэр Гендельсон, возьмете ее к себе на седло?

Гендельсон вздрогнул, едва не упал с коня.

— Я?

— Вы, милорд. А что, боитесь, что спихнет?

— Сэр Ричард, но как можно... А если она в самом деле ведьма?

— Вот и проверим, насколько вы правоверный воин Христа, — сказал я сурово. — Устоите — значит, вы стойкий воин, я так и расскажу в инквизиции, куда вы побежите с доносом. Нет — значит, с вами нельзя идти в разведку... в смысле на благородные подвиги... Не трусьте, благородный сэр: Довезем до ближайшего села, с нее собьют этот ошейник. А там она свободна.

Он вспыхнул, протянул ей руку, стараясь не смотреть на ее обнаженную фигуру. Девушка робко подняла руку, он перехватил ее за кисть и с такой силой дернул к себе, что она тут же оказалась вниз лицом прямо перед ним на коне, поперек луки седла. Встревоженный конь быстро переступил, сделал шаг, и Гендельсон, чтобы удержать сползающую на ту сторону девушку, поспешил опустить руку.

Я видел, как его растопыренная пятерня прижала ее пышный вздернутый зад, такой белоснежный и нежный, особенно пикантный под его железной перчаткой. Гендельсон вскрикнул, отдернул было руку, словно металл начал плавиться, но девушка снова стала сползать с коня, и он опять с силой прижал ее пятерней к седлу.

Лицо его было как у грешника, с которого живьем сдирают кожу. Я злорадно хохотнул, сказал успокаивающее:

— Пусть пересядет к вам, дорогой барон, за спину. Меньше соблазнов.

Он застонал сквозь зубы, когда девушка начала перебираться к нему за спину, наваливаясь на него сперва спе-

реди, цепляясь за плечи и шлемастую голову, накрывая грудью лицо, я даже видел, как красные соски мазнули его по губам, она вскрикивала от страха, а конь тоже не стоял на месте, переступал с ноги на ногу, помогая им удерживать равновесие.

Наконец она села позади, обхватила его руками за пояс таким чистым целомудренным жестом, что я умилился: ребенок, чистый ребенок.

Порывшись в седельном мешке, я выудил плащ, бросил ей.

— Накинь на себя. Не стоит на людях показывать свои прелести, передерутся. Да и нас зарежут, чтобы завладеть тобой.

Она слабо улыбнулась, показывая, что оценила шутку, но в каждой шутке есть доля шутки, эту малышку не зря определили в жертву: кого боятся, тому отдают лучшее.

Кони уже успокоились, шли ровным шагом, переговаривались на своем конячьем языке о драке с драконом, перемывали нам кости, злословили, мол, как себя дураки вели, а надо было правильно вот так и вот так, я уехал вперед, высматривая дорогу.

Обычно Гендельсон совсем не возражал, чтобы ехать позади, это как раз нормально для вельможи посыпать вперед всякую челядь, дабы искали для него короткий путь, удобные броды, а на постоянный двор неслись сломя голову и заказывали еду, постель и девок для сутрева постели, но сейчас догнал меня почти сразу, поинтересовался крайне напряженным голосом:

— Вы уверены, что деревня поблизости?

— Не уверен, — ответил я. — Но вы можете спросить у дамы, что у вас за спиной.

Он буркнул:

— Какая она дама... Но вроде бы деревня поблизости...

— Это ее родная деревня, — объяснил я.

— Но разве нам не она нужна? Вернуть этого ребенка родителям...

Я поинтересовался ядовито:

— А если снова ее в жертву? Тут еще те родители... Да и жених просто прелест!

— Но дракон, Божьими молитвами, убит, — сказал он нерешительно.

— А засуха?.. — ответил я сердито и невольно пощупал на поясе свою увесистую Божью молитву. — Или, напротив, проливные дожди?.. Прилет саранчи?

Он возразил строго:

— И засуху, и прилет саранчи Господь посыпает нам, как испытание. Мы должны все принимать со смирением, не роптать, а трудиться больше и лучше. И ни в коем случае не пытаться откупиться, как делают эти погрязшие в невежестве дикие люди, заблудшие души... Откупиться от демона, порождения ада!

— Бог далеко, — ответил я. — А демон вот он. Бог не защищил их, когда дракон пожирал целые стада, обрекал деревню на голод. Вот и пытаются как могут...

Он сказал, возвысив голос:

— Наш Господь своего сына послал на крест, на мучительную смерть! Сказал тем самым, что Христос искупает все грехи и что этой великой жертвой он закрывает всю историю человеческих жертв!.. Отныне никто и нигде не имеет права приносить человека в жертву. Христос был последней жертвой!.. Но это невинное дитя, тут вы, к сожалению и моему стойкому удивлению, в чем-то и как-то краем несколько правы. Нельзя возвращать этого ребенка в родную деревню. У слабых и нестойких будет велик соблазн принести ее в жертву снова... уже по другому поводу. Лучше оставим ее в ближайшем городе, поручив заботу о ней чистой благочестивой женщине, набожной и опрятной...

— Аминь, — сказал я. — Но пусть едет на вашем коне, сэр Гендельсон. Нет, я ничего не имею в виду, просто у вас конь получше моего.

Но, прозрев, я начал посматривать на девчушку уже без прежней ласковости. Она не виновата в случившемся, но нам, если честно, и так слишком долго везло. Избегая деревень и городов, мы избегали опасности, но сейчас са-

ми идем навстречу немалому риску. В городке вполне могут быть отряды Тьмы.

К счастью, Господь, по мнению Гендельсона, не стал испытывать нашу волю и стойкость в долгом путешествии втроем. Ведь ночевка в душной летней ночи с голой женщиной, такой аппетитной и лакомой, могла бы стать серьезным испытанием наших стойкостей и добродетелей. Я уже представил, как она, голая... ну, пусть не голая, а в моем плаще, начинает помогать с костром. Встает на четвереньки и старательно раздувает огонь, плащ обязательно соскользнет...

Уже часа через три-четыре непрерывной езды, когда я начал подумывать о привале, небо окрасилось в кровавый цвет, багровый шар быстро опускался за лес, в мозгу чередой проносились скабрезные картинки на предмет ночевки, но как раз вдали показался небольшой городок. Он был огорожен высоким частоколом из добротных бревен, что говорило либо о нехватке камня, либо о молодости самого городка.

— Успеем до темноты? — спросил я Гендельсона.
 — Должны успеть, — ответил он замученным голосом.
 — Если коню тяжело, — сказал я заботливо, — то переночуем здесь, а уже утром...
 — Нет, — отрезал он, словно уже горел в аду. — Нет! Мы поедем туда, даже если будет полночь.

Глава 19

К воротам вела свежеутоптанная дорога, по обе стороны пасутся коровы, овцы, козы, а чуть дальше чернеют распаханные на зиму пашни. Типичный город тех времен, по нашим понятиям не совсем город, ибо жители выходят работать сюда, на поля, по другую сторону стен. Здесь пашут и сеют, пасут скот, заготавливают бревна, шарят по окрестным лесам в поисках грибов, ягод, орехов, каштанов, птичьих гнезд...

Но ворота массивные, из цельных бревен. Правда, распахнуты настежь, сверху широкий навес для лучников, де-

сятка два поместится, а это немалая сила, по бокам башенки, куда стражи могут укрыться в дождь или выногу.

Мы проехали под низкой аркой, мне пришлось склонить голову. Дома стоят вплотную, земля утоптана до твердости камня. Все пространство освещено. Как огромной круглой луной, так и оранжевым светом из окон. Масла в светильники не жалеют, подумал я. Вот свет от восковых свечей, их тоже немало. Город не спит, хотя уже за полночь.

Я в который раз напомнил Гендельсону, что мы двигаемся по занятой противником территории. Потому здесь ни коем случае нельзя орать молитвы, а лучше их шептать про себя, нательный крест лучше спрятать, все равно он никуда не денется, а вынимать и показывать его всем — это свойственно лишь дураку-вельможе, но недостойно благородного рыцаря.

Однако едва только въехали в город, он тут же грубо зарвал одному из прохожих:

— Эй, морда!.. Здесь есть постоянный двор?

Прохожий остановился, с интересом оглядел закованного в железо человека. Сплюнул его коню под ноги, подумал, ответил неспешно:

— Есть... Как не быть? У нас хороший город.

И ушел: Гендельсон вскинул, пустил коня вперед, ладонь начала искать плеть. Я перехватил его за руку.

— Эй, милорд!.. Вы в чужом городе!

— И что? — прорычал он злобно. — Простолюдины всегда и везде должны... да, должны!

Я сказал с нажимом:

— Да? Пусть только в моих владениях чужой барон посмеет обидеть моего простолюдина!... Ему придется пройти остаток дней калекой. Чтобы все знали и видели.

Он посмотрел на меня, его рык перешел в ворчание. Наши кони шли рядом, горожане уступали дорогу, но без робости. У многих из-за плеч выглядывали рукояти мечей, луки и стрелы, на поясах кинжалы, ножи.

Неожиданно он сказал:

— А что, у вас есть простолюдины?

— Есть, — ответил я. — Могу добавить, что я их всех не знаю в лица. Кто-то из них может быть и здесь...

Эта идея пришла неожиданно. В самом деле, мог бы кто-то из моих ганслегерных владений приехать сюда, продавать, скажем... ну, что-то продавать, обменивать шило на мыло?

— Тогда, — сказал Гендельсон с отвращением, — вы кого-то из рыцарей... ограбили? Лишили рыцарских привилегий?

— Не болтайте, — посоветовал я. Добавил многозначительно: — Да не болтаемы будете.

Гендельсон умолк, хотя вздымал грудь и бросал на меня грозные и высокомерные взгляды. Этот городок разительно отличался от Зорра и даже от владений Нэша пестротой и каким-то подчеркнутым весельем. Что-то типа: гуляй, Вася, все одно помрем. Во всех окнах свет, это ж сколько свечей надо зажечь, неужто завтра уже зажигать не надеются, на улицах полно пьяных, а крепко вооруженные всадники нам встречались на каждом шагу, и никто не собирался уступать дороги. Я всякий раз дергал коня Гендельсона за повод, по мне так дорогу уступает тот, кто умнее, и мне плевать, что обо мне подумает высунувшийся из окна мордастый лавочник... как и тот лавочник, коня которого сейчас держу за повод.

Все дома, как я с удивлением заметил, не просто четыре стены и крыша. Строили с выдумкой, размахом, состязались в затейливости. Общегородского архитектора нет, полная свобода застройки, барокко на рококе, коринфский стиль на корбюзном, дорический вперемешку с авангардным, нет церкви, что назвала бы все это поползновениями от дьявола, запретила и указала бы пылающим факелом единственно верный путь...

Когда мы добрались до постоянного двора, на темно-синем зловещем небе уже поднималась луна. Страшно вырисовывалась черная громада массивного здания. На обоих этажах светятся окна, неприятно светятся, чересчур багрово. Конечно, здесь масляные светильники, а то и вовсе фа-

келы, но чувство опасности усилилось, когда мы подъехали к гостеприимно распахнутой двери.

Изнутри на улицу падал все тот же красноватый свет. Наши кони все замедляли шаг, я подъехал к самому входу, натянул повод. Впервые встречаю постоянный двор, где вот так гостеприимно распахнуты двери прямо в саму харчевню. Обычно распахнуты ворота во двор, да и то не ночью, как сейчас, так что сперва оставляешь коней либо у коновязи, либо отдаешь в конюшню, а сам под надзором многих глаз пешком идешь к дверям, распахиваешь их, еще не зная, что встретишь... и потому держишься... смирненько.

Мы оставили коней у коновязи, слуги бегом принесли мешки с ячменем. Я подвязал их к мордам, мордам коней, не слуг, каждый насыщается по своему табелю о рангах и привилегиях.

Дафния соскочила на землю, железный обруч спрятала под плащ. Там же держала и руки. Гендельсон слез медленно, словно его разбил радикулит. Из харчевного зала потекли запахи жареного мяса, рыбы, кислого вина, крепкого пота и горящего масла из множества светильников. В зале за десятком широких столов пьют и веселятся мужчины, хотя я сразу заметил и троих женщин. Полуголые, вульгарные, накрашенные ярко и широко, их роль понятна, хотя одна из них показалась мне именно той хищницей, что умеет прыгать на голову, рубить, душить и вообще делать самое непотребное в этом патриархальном мире.

Гендельсон и Дафния вошли следом. Я выбрал свободный стол, бросил на середину столешницы золотую монету. Хозяин слготнул голодную слону, глаза его не отрывались от желтого кружка.

— Самого лучшего, — велел я коротко.

Хозяин угодливо поклонился.

— Сейчас будет. А вина?

— Тоже лучшего, — бросил я. — Кстати, видишь эту девушку?

Он повернул голову, Дафния застенчиво улыбнулась.

— Да, что с нею?

— Она потеряла родителей, — сказал я. — Ей некуда идти. Если отыщешь ей место... или сам возьмешь, я добавлю еще две монеты. Такие же.

Гендельсон недовольно хрюкнул. Хозяин оглядел Дафнию снова, уже с головы до ног. Она краснела и отводила взор.

— Я вижу, — проворчал он, — когда вижу хорошую девушку. Она не такая, как вот те... Хорошо, я возьму ее подавать на стол, мыть посуду. Спать будет в общей людской, у меня там пять человек. Если это устроит...

— Устроит, — сказал я и бросил на стол три монеты. — Бери. На одну больше за то, что решил быстро... и правильно. Она тебе расскажет, что с ней приключилось. Словом, теперь она на твоем попечении.

Он вскинул руку, к нему подбежал молодой бойкий парень.

— Все лучшее — на этот стол, — сказал хозяин. Он повернулся к Дафнии. — Полагаю, тебе не стоит сидеть за столом с этими господами. Красивая женщина, если она бедна, должна быть вдвойне осмотрительна, ибо ее красота будет соблазнять другого, а если она бедна, то соблазнить ее саму. Так что отправляйся сразу на кухню. Там тебя и покормят... и сразу можешь приступить к работе.

Я покачал головой.

— Не видишь, она в моем плаще? И босая? Дафния, иди с ним, расскажи все, что случилось.

Мы проводили их взглядами. Гендельсон с облегчением перевел дух.

— Вот мы и пристроили одну заблудшую душу. Нам это зачтется на Страшном суде.

— Это было нетрудно, — заметил я. — А что нетрудно, то недорого. За такие большие грехи не скостят.

— Да, — согласился он важным голосом. — Ее пристроить было нетрудно. Она красивая, а красота есть открытое рекомендательное письмо, заранее располагающее в свою пользу.

— Красота... — повторил я. — Красивой быть хорошо... но опасно.

— Да, — согласился он. — Но это в диких землях.

— А в христианских, — сказал я елейным голосом, — красивых сжигают, ибо... ведьмы.

Он нахмурился, тяжелые брови нависли как грозовые тучи. В глазах промелькнули огоньки и погасли.

— Есть христианская красота, — изрек он наконец голосом прокурора. — А есть — нечестивая. Нехристианская. Вот ее надо на костер.

— За что?

— За то, — отрезал он. — За то самое!

— Ну вот теперь понятно, — сказал я.

На стол таскали жареное мясо, рыбу, сыр, хозяин сам принес кувшин вина, сообщив, что это лучшее в городе, поставил перед нами два медных кубка, удалился. На остальных столах, к удовольствию Гендельсона, миски были глиняные, как и кружки.

Я ел молча, поглядывал по сторонам. Никто уже не обращал на нас внимания, все ели, пили, хвастались, затевали ссоры. Правда, я все-таки обратил внимание на худого жилистого человека, что неспешно отхлебывал из глиняной кружки, потом словно невзначай повернулся к нам спиной, так можно наблюдать за нами краешком глаза, я увидел красное обожженное лицо.

Он сидел к нам спиной за соседним столом, но по тому, как напряженно держался и отвечал невпопад своему со-бутыльнику, я ощущал, что он очень внимательно слушает наши разговоры. Да и ухо, как жерло граммофона, направлено в нашу сторону. А если учесть, что у Гендельсона «Божья Матерь» и «Пресвятая Богородица» звучат через слово, то мы, похоже, выглядим как два негра в рязанском пивном баре.

На этом жилистом коричневый плащ, волосы падают на лоб, нависая над глазами так, что я видел только блеск глаз, а черная густая борода начинается прямо от глаз, опускается на грудь, укрывая лицо так, что я не назвал бы его с уверенностью ни квадратнорожим, ни лошадомордым, ни утинорылым, ни даже монголоидным батыром — только роскошная неухоженная борода, неопрятная, во-

бравшая в себя пыль и запах дорог. Но если от глаз начинается густая черная борода, то где тогда место обожженому лицу?

Я хотел поинтересоваться у Гендельсона, как тот его находит, но вовремя прикусил язык. Дафния пару раз мелькнула в окошке кухни. Я сделал вид, что заинтересовался, пошел посмотреть, по дороге перехватил хозяйствского сына.

— Эй, погоди!

Он с готовностью остановился, живой и бойкий парнишка с хитрыми рыночными глазами.

— Чего изволите?

— О, — сказал я, — я такого наизволяю, что лучше не надо. Ты лучше скажи, кто вон тот бородатый? У него вид заправского путешественника.

Парнишка быстро огляделся.

— А, этот... Отец говорит, что он у нас каждый год. По разу, всегда в одно и то же время. Странно, сейчас он второй раз за этот месяц.

— А кто он, не знаешь?

Он посерезнел, подобрался, ответил очень осторожно:

— Отец говорит, что неприлично расспрашивать людей, если они сами не рассказывают. А мама говорит, что и небезопасно.

— Верно говорят родители, — сказал я со вздохом. — Почему у всех родители как родители, а у меня какие-то... ух, ладно. Наша комната готова?

— Сейчас ее убирают, ваша милость. Моют, чистят. Отец сказал, что у нас редко бывают такие знатные гости.

— Как долго будут готовить?

— Не успеете закончить кувшин, который начали!

— Хорошо, — проворчал я. — Тогда еще один кувшин к нам в комнату. Кто знает, сколько мы пробудем.

Я вернулся к столу. Гендельсон заканчивал обгладывать какое-то животное, подозрительно напоминающее полуметрового варана.

— Ну что там? — поинтересовался он с набитым ртом.

— Чистят, моют, скребут, — ответил я лаконично.

Вино оказалось легкое, с приятным вкусом. Я осушил

одну чашу, Гендельсон икнул, вытер рот рукавом, рыло благородное, осталось только пятак отрастить побольше...

— Ладно, — заявил он, поднимаясь, — я пойду потороплю.

— Попробуйте вина, — предложил я.

— Уже попробовал, — сообщил он. — Вино я всегда пробую сразу. Отменное, хоть и дыра, дыра... Я велел один кувшин принести в нашу комнату.

Я смолчал, что велел то же самое. Неужели хоть в чем-то наши вкусы совпадают? Если совпадают, стоит задуматься: не пересмотреть ли?

Он уволокся, ступая враскорячку, словно татаромонгол после взятия Рязани. Я проводил его злым взглядом, идти спать сразу расхотелось, налил полную чашу, но не успел взять в руку, рядом послышался спокойный и слегка насмешливый голос:

— Разрешите присесть к вашему столу?

Он стоял по ту сторону, в поношенном выгоревшем плаще, черные волосы падают на плечи, остроносое вытянутое лицо, быстрые проницательные глаза. Лицо загорелое, обветренное, в глазах вопрос.

Я сделал приглашающий жест:

— Да садитесь же... Сами знаете, что приглашу.

Он сел напротив, тонкие губы раздвинулись в сдержанной улыбке.

— Дело не в этом. Мы... и не только я, связаны очень многими ограничениями, о которых многие из вас забыли. Мы не можем даже войти в ваш дом без вашего приглашения, а не то чтобы вломиться и чинить непотребства! А здесь, в публичном месте, я не могу, при всей своей власти, без вашего позволения присесть к вам за стол.

Я покачал головой.

— Хотите сказать, что вы — джентльмен?

Он воскликнул обрадованно:

— Прекрасное определение!.. Очень точное.

Я буркнул:

— Знали бы это бедные идиоты... а то такие страсти о вас выдумывают.

— Вот именно, — воскликнул он живо, — выдумывают!.. Самое малое из этих выдумок, что я живых младенцев ем!.. Да посудите, с чего я стану есть младенцев?.. Ну что это мне даст? А вот сделать все эти земли свободными... принести всюду цивилизацию, книгопечатание, научить грамоте даже последнего ребенка из простолюдинов, отменить все сословные различия... я не слишком уж далеко зашел? Вы что-то не выглядите испуганным...

— А я не испуган, — ответил я мирно. — Я говорил... или не говорил?.. у нас все это уже растет и дает цветочки. Нет, уже плоды, плоды... И еще какие плоды.

Хозяин принес еще кувшин с вином и новый кубок. В моем собеседнике сразу угадывается человек очень значительный. Очень.

Я отпил глоток, поинтересовался:

— В этом мире у вас есть имя?.. А то как-то неловко...

— Зовите меня Самаэлем, — предложил он.

— Вот так прямо? — удивился я. — Но не слишком ли это вызывающе...

Он отмахнулся:

— Здесь такое смешение имен! Кто вспомнит, что именно Самаэль подбил Адама и Еву на грехопадение?..

— За что Бог, — сказал я в тон, — оторвал шесть из бывших у него двенадцати крыльев... Больно было?

Он засмеялся:

— Это иносказание. Для доступности простолюдинам. Это лишь означает, что меня из мира Брия оттеснили в мир Иецира. Он считается более низким духовным миром, но это смотря с какой стороны поглядеть. Есть и определенные преимущества... Вы знаете, о чем я говорю, верно?

— В нижнем мире больше свободы, — предположил я. — Верно?

Он хлопнул ладонью по столу.

— Честно говоря, я не думал, что поймете! Да, все верно: чем опускаешься ниже, тем свободы, которой я так жажду, больше. И чем духовный мир выше, тем больше в нем мешающих всесторонне развиваться ограничений. Нет,

это так здорово, что вы все понимаете! А я, увы, одинок. Меня не понимают даже ближайшие соратники. Не видят дальше собственного носа. Они понимают свободу лишь как возможность безнаказанно задирать подол служанкам, грабить беззащитных крестьян, а то и напасть на соседа, зарезать исподтишка, а потом поиметь его жену, дочерей и даже прислугу... Ладно, это я так, жалуюсь. А как вам здесь?.. Обживаешься? Как я понял, там у вас более совершенный и удобный для жизни мир.

— Для существования, — поправил я.

— А есть разница?

— Между жизнью и существованием?

Он расхохотался.

— Я понимаю так: если жизнь в бедности, то существование, если в богатстве — жизнь. Разве не так?

— У нас тоже очень многие так думают, — ответил я уклончиво.

— Как много?

— Да почти все, — ответил я честно.

Он довольно потер руки.

— Да, у вас я победил!..

— Но все-таки, — добавил я тихо, — не все.

— Разве у вас решает не большинство? Я ведь это ставлю своей далекой целью!

— Считайте, — сказал я, — что эта цель осуществилась. Свободы у людей столько, что захлебываются, как будто стоят по шею в дерьме. И решает все действительно большинство. Но наше большинство выбирает из готовых вариантов, так как само давно уже не мыслит.

Он спросил озабоченно:

— Готовые варианты? Но ведь они вправе выбрать то, что лучше?

— Они выбирают то, что слаже, — сказал я.

— Но... это же их право!

— Да, — сказал я, — это их право. Увы...

Он осушил одним долгим глотком кубок, налил еще. Глаза заблестели, спросил живо:

— А вам здесь не тяжко?

Я огляделся. Конечно, я чувствую полнейшее превосходство над людьми, что не знают пальмтопов и Инета, но не хочется соглашаться с дьяволом даже в мелочах. Даже не потому, что дьявол, я бы и ангела возразил. Не люблю, когда подсказывают ответ.

— Это, — сказал я, — как на сборах... Ну, на пару месяцев отрывают от работы или службы — и в лагерь. На переобучение. Прибыло новое оружие, поменялась тактика, то да се... Сухой паек, спиши в палатке, а то и вовсе на земле, положив седло... тьфу, кулак под голову. Все усталые, голодные, без удобств. Но знаем — временно. Надо! Надо быть готовым к защите Родины и Сталина. Или Родины и демократии.

Он покачал головой.

— Временно? Ну-ну.

Я сразу ощетинился.

— Да, временно. Как только отыщу способ вернуться, меня здесь ничто не удержит! Или у вас есть способы?

— Я всегда был за свободу воли, — сказал он весело. — Это мой краеугольный камень. Кстати, это едва ли не единственное, в чем мы сходимся с Той Стороной. У вас полнейшая свобода. Везде и во всем.

— Да? — спросил я. — Кстати, как ваше пари с Той Стороной?

Он засмеялся.

— Успешно. Вы будете весьма удивлены... вернувшись в Зорр.

Я насторожился.

— А что с ним?

— Сейчас?

— Да и сейчас тоже!

— Сейчас к Зорру уже стягиваются огромные стаи летучих мышей.

Холодок прополз по моей спине. Этот гад замыслил какую-то очень большую подлянку. Но как бы я ни был умен и все такое, мне не тягаться с этим гением интриг. Ничего нет позорного в этом признании, ведь уступлю же я на

ринге Майклу Тайсону, на сцене — Бритни, а за рулем — Шумахеру?

Я только и нашелся, что сказать неуклюже:

— Не рано ли?

Он поднялся, развел руками.

— Вы сами все увидите. И признаете, что я прав. Наша чаша весов перевешивает очень сильно, это заметно... Ну а сейчас, прошу меня извинить, у меня неотложные дела...

В дверь харчевни громко постучали. Все повернули голову в ту сторону, я тоже невольно бросил взгляд туда, только один взгляд, но когда хотел посмотреть на моего гостя, на стуле было пусто.

Глава 20

Комната нам отвели небольшую, но в самом деле уже чистую, вымытую с душистыми травами, высокобленную, и явно женская рука расставила по углам и на подоконнике медные узкогорлые кувшины. Постоялый двор рассчитан на путешествующих мужчин: комнаты маленькие, но в каждой по два узких ложа. Вернее, одно можно назвать ложем, второе просто лавка, да и первое, если честно, тоже широкая лавка, разве что прикрыта матрасом с сеном.

Я лег на ту, что поуже, Гендельсон покривился, покорчил рожу, лег, долго устраивался, сопел, ругался, с его достоинством и в таком свинарнике, он-де в королевских покоях не раз ночевал, а его спальне могут императоры завидовать... Он загасил светильник, но и в полной тьме еще долго бурчал и негодовал.

В черепе роились, сталкиваясь, как черепахи панцирями, неуклюжие мысли. Чем больше ломаю голову над этой борьбой Света и Тьмы, Добра и Зла, как мы это называем, или же, если точнее, — Бога и Сатаны, тем больше они кажутся мне подобны таким парам, как Христос и Павел, Томас Мор и Сталин... Действительно, Христос выдвинул прекрасные идеи, а Павел на их основе создал христианство и саму церковь, Томас Мор размечтался о светлом мире коммунизма, а Сталин создал могучий СССР... Точно так

же Бог создал мир, но все, что видим из продуктов цивилизации, — это усилия Самаэля, он же Сатан, Сатана и все прочие имена, что позже то ли он сам взял, как мы берем ники, то ли ему прицепили.

Да, изгнанным из рая пришлось самим добывать себе пищу. Для этого сперва освоили сбор съедобных корешков, потом — охоту, затем земледелие и, наконец, — современное землепашество. Попутно научились добывать металлы, создали науку и технику, запустили в космос спутники, протянули нити Интернета. На этом фоне деятельность Бога совсем не видна, ее можно иногда заметить разве что в искусстве, да и то совсем уж мелкие крапинки. Вообще же работа Бога над обтесыванием наших душ совершенно не видна... простому человеку.

Да, ощущение такое, что Бог, подобно Томасу Мору, уже не вмешивается в однажды созданный им мир. Сатана и его слуги активны, как коммивояжеры, как реклама тампаксов с крыльышками, а Бог загадочно молчит...

Я рассеянно поскреб ногтями потную грудь, помыться бы, пощупал левую сторону груди. Вообще-то Бог вдохнул в нас душу, а это обязывает нас самим противиться козням Сатаны. После того остроумного, просто гениального хода, я говорю о вдыхании души в человека, тяжесть борьбы перекладывается на наши плечи. Вот здесь, в сердце, душа. Правда, иногда убегает в пятки, из-за чего Ахиллес и погиб, так что душа может находиться, как понятно, везде, только не может покинуть телесную оболочку... Кто-то сказал, что человек — это душа, обремененная трупом. Увы, не трупом. А если трупом, то этот труп имеет право голоса намного большее, чем сама душа... Нет, я, конечно, не собираюсь отдавать право решающего голоса своей душе, мало ли что от меня потребует, но все же побурчать можно? Побурчать, покритиковать недостаток в нашем обществе духовности, культуры, одухотворенности. Посетовать на засилье мещанства, низкопробности сериалов, тупейших конкурсов, футбола... а в это время, лежа на диване, жрать пиво с солеными орешками, держать за вымя раскованную соседку из квартиры напротив и смотреть телевизор...

Гендельсон все ворчал, ложе жестковато, что за постоянный двор, так у них благородное сословие остановливаться перестанет...

Я слушал, слушал, наконец сказал ровным нехорошим голосом:

— Не понимаю...

Из темноты тут же пришло:

— Чего, сэр Ричард?

— Какого чер... простите, с какой стати вы поперлись в это... не ваше дело?

Он поперхнулся, я чувствовал, как он, сбитый с прямой линии, торопливо ищет новый тон, но, похоже, не отыскал, пробормотал:

— Дело защиты Зорра и всего христианского мира — дело каждого...

— Не надо лозунгов. Вы поняли, что я спрашиваю. И не надо увиливать, Гендельсон. Я уже вижу, что вы есть за воин.

Я нарочито опустил «сэр», это было оскорблением, мне надоело играть в эту нелепую игру простолюдина перед вельможей. Он повертелся на ложе, оно поскрипывало под его все еще грузным телом.

Я услышал глухое бормотание.

— У меня были причины.

— Какие? — спросил я. — Вы же не воин. Давайте честно, сейчас темно, можно не прятать глазки. Вы не воин, повторяю! Вы хороши были... вероятно хороши, в... ну, подвзке провианта для войска. Возможно, нет, не знаю. Но вы не умеете держать в руках меч! Вы сидите на коне, как беременная деревенская баба!.. Вы абсолютно не умеете драться!..

После долгого молчания, я уже думал, что не ответит, донесся какой-то изломанный, сдавленный голос:

— Вы не поверите, но мне это было нужно.

— Зачем? — спросил я. — Зачем?.. Чтобы нацепить еще и перья героя?.. Так у вас и так все есть: богатство, земли, высокий титул...

Он снова долго молчал, когда заговорил, голос был странный, совсем не похожий на голос прежнего Гендель-

сона. В нем звучали тоска, боль, предчувствие близкой беды, большой беды.

— Я не говорил, что у меня там осталась жена?

— Да, что-то промелькнуло, — ответил я. — Хотя это смехотворный довод, чтобы отказаться разделить ложе с блистательной леди... как ее, вдовой... похоже, что вдовой, барона Нэша.

В темноте заскрипели доски, послышался глухой стук, словно он уронил на пол руку.

— Вы считаете его смехотворным? Для всех?

— Да, — ответил я, — конечно... Для...

Я оборвал себя на полуслове. Сам я отказался разделить ложе с прекрасной и юной леди... как ее, черт, вечно забываю имена, в том же замке. Причина та же — женщина... Правда, у меня не просто жена, для моего века это все религиозно-ритуальная хрень, у меня гораздо выше — Любимая. Единственная. Самая Прекрасная и Чистая.

Он выждал, но я молчал, и тогда он заговорил сам:

— У меня прекрасная жена. Мы поженились давно... Это был брак, предопределенный нашими родителями, но он оказался на диво удачным и... прочным. Мы не поженились, а нас поженили... потому я несколько недель не входил в нашу общую спальню. Отец дознался, разгневался, грозил страшными караами, обещал лишить наследства и, что хуже, титула. Мать каждый день плакала... И тогда я, готовый потерять и наследование, и титул, и вообще все-все, но не поступиться... внял слезам матери. Я вошел в нашу спальню и утром вышел из нее, к радости родителей.

Я сказал с интересом:

— Поздравляю. Вы держались долго, это говорит о вашей чести и... честно говоря, не ожидал такого благородства!

В темноте хмыкнуло, он сказал тем же голосом:

— Но никто из них не знал, что между нами лежал обнаженный меч!

После паузы я сказал ошарашенно:

— Ого!.. Не ожидал, простите.

— Так мы спали, — сказал голос в темноте, — больше

месяца... За это время мы сдружились, подолгу вели беседы. Так, обо всем. У моей жены оказался острый живой ум. С нею интересно общаться. Это не привычные придворные дуры, что умеют только строить глазки и показывать обнаженные плечики. Мне нравилось пересказывать все, что я вычитал в старых книгах, что узнал от наставников, от странствующих мудрецов, пророков, лекарей... Она слушала с жадностью, требовала еще и еще. Постепенно и днем мы стали вместе посещать сад, ездить в деревни на сбор подати. Даже охотились и помогали знахарям собирать лечебные травы... Родители ликовали, видя, что мы не расстаемся даже днем. Радовались, что она ходит за мною, как любопытный щенок, а я не свожу глаз с нее, куда бы она ни пошла... Меч в постели мешал нам все больше и больше. Я не решался его убрать, ибо ее дружбой гордился и ценил выше постели, но однажды, даже не знаю, как это случилось, только и помню, что была душная грозовая ночь, моя рука как бы сама по себе потянулась к рукояти меча...

Он умолк. Я подождал, спросил нетерпеливо:

— И что дальше?

Он вздохнул, возвращаясь из своей роскошнейшей спальни в эту вонючую и тесную каморку.

— Мои пальцы наткнулись на ее руку! Она как раз коснулась рукояти... мы замерли, биение наших сердец слышно было по всему замку, в лесу проснулись птицы... Потом мы вместе столкнули эту железку на пол.

Я покрутил головой, но в темноте это не видно, сказал с завистью:

— Романтично... Я даже не знал, что могут быть такие красивые истории. Везде только кровь, грязь, ругань...

Он сказал твердо:

— Ей было пятнадцать, когда ее отдали замуж. Теперь ей двадцать пять. Это значит, что мы прожили десять лет... и за все десять лет я не сказал ей грубого слова, не упрекнул, никогда ничем не обидел... Да что там обидел! Я лучше себе руку отрублю, хотя ужасно боюсь любой боли, чем посмею обидеть ее хоть самой малостью!

Мы снова долго молчали, наконец я опомнился от очарования такой дивной историей, сказал практически:

— Но... зачем? Зачем сейчас? Как я понял, она больше ценила ваши познания в древней истории, чем воинские подвиги? Это понятно, героев в замке много, а умных... или хотя бы знающих... Словом, даже успешный рейд в Кернель не доставил бы славы и любви больше?

После паузы Гендельсон заговорил снова, но теперь в его голосе я услышал тщательно скрываемую боль и тревогу:

— Это правда...

— Тогда почему?

Голос в темноте прозвучал хриплый, словно чья-то рука держала Гендельсона за горло:

— В последнее время я заметил, что моя жена начала грустить... Может быть, грустить — не то слово, но у меня сердце разрывалось, когда в ее бесконечно дорогих глазах появляется тревога. Я не знал, что делать... а она с каждым днем становилась все печальнее. Я видел, что она похудела от внутренних страданий, и моя душа страдала, словно в адском огне.

— Почему? — спросил я. — Может быть, что-то связанное с религией?

— Не знаю, — ответил он тоскливо. — Но она отдалась от меня, отдалась... Сердце мое было полно горечи. Я удвоил внимание и заботу, но это словно бы причиняло ей страданий еще больше. Она по ночам стала плакать... когда полагала, что я не слышу. Не хотела меня огорчать, ибо меня любит по-прежнему... надеюсь. Я тоже извелся, ибо видел, что теряю ее, теряю... Даже супружеские обязанности стали для нее то тягостью, то она отдавалась им с таким неистовством, словно пытаясь что-то искупить... или... нет, не знаю, говорить не стану. И вот, когда вдруг стало известно о внезапном ранении доблестного сэра Ланселота, я понял, что это мой шанс...

Я помолчал, спросил осторожно:

— Шанс на что?..

В темноте послышался горький смех.

— Не знаю. Просто я словно бы услышал в темноте негромкий, но ясный голос... Мол, иди!.. Иди, и тебе воздастся. Я не знаю, чей это был голос — дьявола или ангела, но я был в смятении, я был в отчаянии, и я... ухватился за этот шанс. Я пришел к королю и сказал, что я отвезу талисман в Кернель.

— Король вот так взял и согласился?

— Я уговаривал долго. Наставлял. Ссыпался на заслуги своих отцов. Прислал к королю моих влиятельных родственников. Наконец они убедили короля, что я хочу возродить славу некогда знатного подвигами рода... Не мог же я сказать правду! Хотя, мне показалось, королева что-то заподозрила. Она всегда хорошо относилась к моей жене и ко мне, явно заметила, что с нею что-то происходит... А сам я решил, что этот поход что-то решит. Даже если я погибну... то узел будет развязан. Если вернусь — что-то изменится. К лучшему или худшему, но изменится обязательно. Но эта болезненная неопределенность — оборвется.

Я слушал вполуха, перед глазами встало бесконечно милое лицо Лавинии. Я любовался им, мысленно целовал эти глаза, ресницы, щеки, находил ее полные полураскрытые губы...

Внезапный космический холод пронизал меня с головы до ног. Я еще не понял, что со мной случилось, но из груди вырвалось:

— Как... как ее зовут?

— Мою жену?.. Лавиния... Леди Лавиния. А что, вы ее встречали?..

Железные пальцы стиснули мое горло. Я задыхался, с огромным трудом сделал вдох, закашлялся, с трудом восстановил дыхание. Гендельсон что-то спросил снова, я ответил спло:

— Да... Видел как-то...

— Не правда ли, она не такая, как все остальные?.. Хоть что вы можете понять... вы женщин цените по размерам бюста и ширине бедер!

Я вцепился в ложе обеими руками, ибо чудовищные

силы швыряли меня, как щепку в бушующем океане. Как в тумане, я сказал совсем тихо:

— Да... после этого похода... все изменится...

После паузы донесся его голос:

— Уже засыпаете, сэр Ричард?.. Ладно, спите. Завтра нелегкий день.

Остаток ночи я не спал. Во мне сшибались бури, мне неподвластные, снова и снова трепали, поднимали к небесам и швыряли в холодную бездну. Сердце останавливалось, я задыхался, ненавидел Гендельсона, пальцы тянулись то к рукояти меча, то к молоту. В сладком видении мой молот сто тысяч раз расплющивал его жирную харю, как жабу на дороге.

Лицо покрылось липкой пленкой. Я жадно хватал широко раскрытым ртом воздух, сердце колотилось, как горошина в сухом стручке. Гендельсон не оборвал храп, когда я встал, толкнул дверь и вывалился в коридор. Из окна виден залитый лунным светом сад, провалы между деревьями кажутся открытым космосом. Я жадно растопырил грудь, воздух хлынул таким водопадом, что я закашлялся.

В саду на дереве словно бы висит золотой плод... Я проторглаза, но все верно: на голой ветке дерева в самом деле блестит золотом, только не под веткой, а на самой ветке. Там сидит, как сидела бы ворона, золотой дракончик. Из окна падает свет, освещает дерево, и дракон на темном небе выглядит как сверкающий слиток золота. Я сперва принял его за ящерицу золотистого цвета, но прилетел ветерок, ветка качнулась, и дракон, чтобы удержаться, распахнул крылья — блистающие золотом, красиво изогнутые, ни один дизайнер так не загнет красиво и функционально...

Дракончик распахнул пасть, блеснули мелкие зубы. Вытянув шею, следил за чем-то незримым для меня, дернулся, челюсти щелкнули. Я смотрел, как он жует, страшно довольный, что поймал жука, даже не покидая ветки, внезапно мелькнула мысль, показавшаяся сперва дикой. А почему, собственно, это не работа дизайнера? Выводим же мы новые породы собак, чуть ли не каждый месяц появ-

ляется что-то новое. Одни собаки за сто килограммов и ростом с теленка, другие помещаются в бокале... А драконы всегда дразнили воображение. Как только разгадали ген, так и началось конструирование новых видов... На человека, возможно, были запреты, а с животными наверняка позабавлялись...

Я высыпался из окна, позвал:

— Цып-цып-цып!.. Кис-кис-кис!.. Как тебя... хрюхрю?.. Иди сюда, я тебе дам что-нибудь повкуснее.

Дракончик посмотрел на меня, как смотрит человек, повернув голову ко мне, хотя выступающие сверху, как у породистой лягушки, глаза позволяли ему наблюдать за мною из любой позиции.

— Иди сюда, — сказал я торопливо. — Иди! Я тебя не гавкну.

Я вытянул руку и потер большим пальцем о передний и указательный, как обычно маним наивных до дурости щенков. Дракончик вытянул шею и внимательно следил за моей рукой. Я сделал умильную морду, засююкал, стал подманивать старательнее.

Дракончик соскочил с ветки и спланировал на другую, ко мне поближе. Я засмотрелся на сказочные золотые крылья, прекраснейшие, дивные, даже черная тоска отступила, я таращил глаза и даже забыл сююкать. Дракончик недоверчиво осматривал мою руку.

Я увидел, что он понял обман, уже напряг задние лапы для прыжка и присел, моя рука выстрелила вперед, я едва не вывалился из окна, пытаясь схватить, но дракончик красиво и мощно взлетел вверх, как подброшенный катапультой. Зашелестели ветки, он блеснул на темном небе и пропал, как золотая звезда.

Сердце билось учащенно. Я стоял у окна, осматривал сад, как вдруг услышал дикий крик. Страшный, нечеловеческий. Стены пронеслись мимо, мелькнули распахнутые двери, я едва не снес плечом косяк, влетел в комнату... и у самой кровь застыла в жилах.

В комнате горел светильник. Гендельсон на спине у

стены, глаза выпучены, а на нем сидит огромная черная тень, обеими руками ухватив его за горло. Фигура явно женская, волосы развеиваются по незримому ветру, профиль как у Афродиты, стан тонкий, а бедра, которыми накрыла чресла Гендельсона, широкие и округлые, как мешки с песком. Я схватил взором все в кратчайший миг, а рука уже сама сорвала верный молот.

Я замахнулся и... застыл. Тень душит Гендельсона, он уже перестал кричать, хрипит, глаза навыкате. Но я мог бы не услышать, мог спать очень крепко, без задних ног, как бревно, как вообще не знаю кто... словом, мог же не проснуться? А если еще и хрюплю, то вовсе не услышал бы за собственным храпом даже землетрясения...

Рука как будто сама по себе начала заносить молот для броска. Ну, взмолился я, если не можешь не вмешаться, ведь уже прибежал, понимаю, сейчас торчать столбом неловко, то хотя бы не торопись, не торопись, не спеши, рыцари должны двигаться красиво и величаво... Тень сдавит это жирное горло еще разок, язык вывалится, и никаких сложностей с новым замужеством Лавинии не будет. Король тут же даст согласие, овдовевшая женщина благородного происхождения нуждается в защите...

Воздух затрещал, рукоять исчезла из моей ладони. В следующий миг послышался тяжелый удар в стену. На каменных глыбах возникла сеть трещин, будто на тонкий лед упал камень.

Я успел подставить ладонь, рукоять впечаталась с чмоканьем, ей как будто нравится вот такое панибратское хлопанье. Тень глухо захочотала. Гендельсон уже не хрипит, слышу надсадный сап, глаза закатываются под веки, лицо из багрового стало синюшным.

— Эй, — закричал я, — что за тварь!

Молот дрожал в ладони, готовый со всей дури снова в стену, еще два-три удара — и разнесет ее на глыбы, там будет огромная дыра, а мне такое на фиг в холодную ночь...

Руки Гендельсона пытались ухватить тень. Пальцы сжи-

мали воздух, руки бессильно падали. Он уронил их в стороны, и больше они не двигались.

Я сделал шаг ближе. Тень, всего лишь тень, ее видно отчетливо на стене. Сквозь нее проступают каменные глыбы, трещины и выступы.

— Сэр Гендельсон, — сказал я. — Это всего лишь тень!.. Она не может вас душить!

Тень захотала, а лицо Гендельсона уже посинело. Глаза начали закатываться.

— Ее нет! — заорал я. — Закрой глаза!.. Закрой глаза, дурак!..

Он сумел опустить веки, но тень продолжала сжимать его горло. Я заорал:

— Все, Гендельсон, она ушла!.. Лежи, не открывай глаза, приходи в себя. Пощупай горло, ничего ли не сломал...

Его руки дрогнули, приподнялись. На этот раз, с закрытыми глазами, он не пытался ухватить ее за руки, а пугливо пощупал горло. Его пальцы свободно проходили через темные ладони.

Тень взыала, Гендельсон вздрогнул, сделал усилие, чтобы приподняться. Я сказал, ненавидя себя:

— Главное, свои свинячьи глаза не открывай!.. А там хоть бобиком катайся...

Тень наконец убрала руки. Я вздрогнул, она повернулась ко мне, все еще плоская, видимая только на стене, но теперь я смотрел на нее не в профиль, чувствовал на себе исполненный злобы тяжелый нечеловеческий взгляд.

— Ты, — раздался глухой, но явно женский голос, — ты... чужак... ты осмеливаешься?

— Осмеливаюсь, — подтвердил я.

— Ты осмеливаешься на...

— Ага, — согласился я, не дослушав. — И на это. И даже на то, что скажешь позже. Человек — это звучит... Поняла? Это звучит, дура.

Я шагнул к светильнику и одним махом загасил его. В полной черноте мелькнула паническая мысль: а не свалил ли дурака, ведь теперь это же все — тень...

В темноте послышался дрожащий голос Гендельсона:

— Сэр Ричард, что вы сделали? Что вы сделали? Почему темно...

— Глазки лопнули, — сказал я зло. — От натути.

— Сэр...

Я перевел дух.

— А на фига снова зажег светильник? Тень бывает только при свете. Чем ночь темней, тем ярче звезды... и все такое. Ладно, досыпайте, благородный сэр. В следующий раз деритесь молча, поняли, сэр?.. Вы мне всю музыку звезд испортили... И драконов бы я наловил, может быть, с десяток.

Я чувствовал на спине его недоумевающий взгляд. Надо бы лечь спать, но я вышел в коридор настолько злой, что даже треснулся лбом о низкую балку и не обратил внимания. В голове звон, перед глазами завертелись спиральные галактики и рассыпались на сотни сверхновых.

Дурак. Дурак!.. Дурак. Вот оно, решение, само лезло в руки. Это так просто.

Сердце не стучало, а тяжело бухало изнутри по ребрам. Жар распирал череп, я бесцельно постоял в коридоре, снизу пьяные крики, тянет жирной едой и вином, самое время напиться, забыться и все такое, но я не наркоманю даже в таком, у меня всегда ясный и трезвый разум, который говорит, что я никогда не жил ясным и трезвым разумом, вообще не жил разумом, а только спинным мозгом, гениталиями, какими-то смутными и неопределенными чувствами... Вот сейчас живу тем, что называют сердцем, хотя сам же знаю, что сердце — это такая мышца, что перекачивает кровь, гоняя ее по малому и большим кругам, как коней на ипподроме, снабжает организм кислородом...

Мимо меня проплывали стены, лица. Я на миг опомнился внизу в зале, когда пил среди веселых и беспечных, им завтра с караваном через опасный лес, потом через перевал, и неизвестно, пройдут ли они, или же по ним пройдут, потому надо пить и веселиться, пока живы...

Как вырванное из мглы воспоминание, когда увидел, как женщина вошла в свою комнатку, сбросила платок, и

полумрак исчез, помещение вспыхнуло теплым золотистым светом. Затаив дыхание, я наблюдал, как она повела плечами, платье соскользнуло на пол, а она, оставшись на гой, принялась расчесывать волосы. Свет от них становился все сильнее, вскоре они целиком исчезли в огне, а она, наклонив голову, все водила невидимым мне гребешком, по волосам проходила новая волна света, и в комнате становилось все светлее и светлее..

Я вжался в угол, свет уже слепил привыкшие к темноте глаза. Волосы слегка потрескивали, я отчетливо видел ее грудь, мягкий живот с выступающими валиками, красивые упругие бедра. Спина не то чтобы тонула в полутьме, от стен шел отраженный свет, но спина казалась темно-багровой, почти черной, как и вздернутые ягодицы, икры и голени.

Вообще она вся выглядела ожившей статуей из золота, на которую падает такой же золотой свет от костра. Я наконец сообразил, что подсматриваю, а это гнусненько, сколько бы нас ни приучали, что хоть подсматривать в замочную скважину неприлично, зато интересно, а значит — можно.

В конце концов потащился обратно, уже понимая, что если сегодня хорошо, то завтра с утра почему-то будет трещать голова. Меня кто-то догнал, сунул в руки кувшин с недопитым вином. Ах да, это ж я угощал всех, такая у меня широкая натура. Нетрудно быть широким, когда золотишко достается на халяву. Только и того, что пройтись по дороге с амулетом в руке...

И все-таки я ухитрился не то промахнуться дверью, не то меня самого с хохотом гуляки подтолкнули к чужой, но я ввалился в комнату, очень похожую на ту, где остался Гендельсон. Гендельсона здесь нет, но не пойдет же он глушить себя вином, как глушу я, значит, это не та комната...

Маленькая хрупкая женщина стояла у окна ко мне спиной. На стук двери испуганно обернулась. Она была мертвевцки синяя, от кончиков длинных ушей до пальцев ног, только волосы оставались снежно-белые, похожие на иней,

но странным образом эта синюшность в такую душную ночь действовала как глоток свежего воздуха.

Я остановился, за спиной захлопнулась дверь. Женщина начала открывать рот, не то для пронзительного вопля, не то хотела позвать стражу, неужели путешествует одна, я торопливо вскинул руки.

— Погодите, леди!.. Я всего лишь спьяну промахнулся дверью. А меня не поправили... Я сейчас ухожу.

Она остановилась, уже набрав воздуха под самую заязку, крик был бы еще тот, выглядит в такой позе набратости воздуха жутко эротично, но для меня сейчас все так выглядит, уже опыт есть, сейчас я как раз самый что ни на есть свободный человек и могу трахать все, что движется, без позорящих свободного человека религиозных или расовых ограничений, различий, пола, возраста, оседлости, имущественного ценза или принадлежности к иному биологическому виду или даже классу.

Я примирительно улыбнулся, сделал шаг назад. Ее тело заметно расслабилось, она даже выдавила улыбку. Глаза ее были огромные, зеленые, не просто приподнятые к вискам, а с наклоном почти под сорок пять градусов, длинный тонкий нос переходит в верхнюю губу, хотя по краям оставались отверстия с аккуратно закрытыми кожистыми клапанами.

— У вас неприятности, — произнесла она с сочувствием. — Вам очень плохо... но верьте, все невзгоды пройдут...

Я сказал с кривой улыбкой:

— Нет невзгод, а есть одна беда: ее любви лишиться на всегда... Еще раз простите за вторжение.

Она сделала шаг от окна в мою сторону, шаг доверия, ибо я нависал над нею почти на голову. Меня раскачивало, я пьяными глазами косился на ее высокую грудь, единственную на всем теле покрытую тонкими шелковыми волосами. Тоже синими. Вся кожа везде, где открыто взору, гладкая, как синий алебастр, но грудь — исключение, которое я не знал, как истолковать. Странно, чувствовал быстро нарастающее возбуждение. Все эти голые сиськи, крупные и горячие, мягкие и тугие, — не то чтобы осточер-

тели, но как-то приелись, что ли, стали привычными, а вот эти... да еще наверняка такие холодненькие...

Она протянула руку, я ощущил холодное, как у лягушки, прикосновение, чуть не застонал от удовольствия.

— Черт, какая прелесть!.. Простите еще раз. Вы... удивительны!

— А вы... вы печальны...

— Если бы только печален!

Чтобы не брякнуть лишнее и тем более не сделать, я отступил, задом толкнул дверь и вывалился в коридор. В голове шумело, перед глазами мелькали всякие гадкие сценки. Пришла мысль, что если бы я того, действовал, то можно бы оттянуться с нею на пару, она ж такая непугливая, сразу поняла, что мне хреново. Я еще Шекспира вовремя ввернул, самого чуть слеза не прошибла, а уж она бы вовсе утешала меня всю ночь...

Застонал, какая же я гадостная скотина, откуда из меня лезет все это... свободное и вольное, раскрепощенное, до чего же во мне тонкая пленка запретов, рвется от двух-трех кубков вина в желудке! Может быть, еще в гортани. А вот тебе, дорогой Самаэль, хрен тебе в задницу. Не наблюдаю в коридоре, хоть уже тошнит, не полезу ко всем встречным бабам, не заору удалую песню, ибо уже полночь, а люди и не-люди спят, вообще щас пойду как по струнке к своей комнате, чтобы никто даже не подумал, что я вдрызг, в стельку и ноги враскоряку.

Воздух в комнате ходил от храпа тугими волнами. Я рухнул на постель не раздеваясь, и сразу же все завертелось, закрутилось, ложе начало приподниматься, пытаясь меня сбросить на пол. Я уцепился за края, сказал себе твердо, а вот не дамся...

Глава 21

Проснулся на полу. Голова раскалывалась от боли, Гендельсон уже сидел на своей лавке и натягивал сапоги.. Я попробовал встать, перекосило от боли. На его морде заметил вроде бы злорадство, спросил зло:

— А вы, сэр Гендельсон... что, не напиваетесь, как свинья, на которую, кстати о птичках, очень похожи?

Он вскинул бровь, осведомился с оскорбительной вежливостью:

— Почему о птичках?

— По кочану, — ответил я. — Что, стыдно признаться? Ломает?

Он пожал плечами.

— Раньше было стыдно... что не напиваюсь на пирах. И вообще, по любому поводу и без повода, как у нас принято. Даже врал, что, мол, вчера перепил, сегодня голова болит, потому не буду... Но сейчас у меня такое положение при дворе, что мне не надо прикидываться, сэр Ричард! Да, я не любитель вина. Да, я не любитель пьяных драк. Да, я плохо владею мечом... можно сказать, совсем некудыши... но у меня прекрасная библиотека, у меня много хороших верных друзей и, главное, у меня самая лучшая в мире жена! И пусть кто-то попробует сказать, что живет лучше!

Я встал, ухватился за стену, мир закачался, а желудок начал карабкаться, цепляясь за ребра, как за ступеньки лестницы, повыше к горлу.

— Не скажут, — прошептал я. — По крайней мере я уж точно не скажу...

Он проводил меня насмешливым взором, я вывалился в коридор, за спиной хлопнула дверь, слышались тяжелые шаркающие шаги.

— Да уж, сейчас точно не скажете... Но что будет, когда голова перестанет трещать?

— Тогда затрещит сердце, — ответил я.

На дворе в глаза ударило солнце. Слуга с сочувствием смотрел на мою опухшую харю. Вывел коней, сказал, подавая повод:

— С седла не брякнетесь, ваша милость? Может быть, лучше отложить выступление на сутки?

— Лежать — не сидеть, — сказал я. — Но что делать, труба зовет...

Появился Гендельсон, посмотрел насмешливо, залез на коня, а потом уже со стуком опустил забрало. Массив-

ная железная статуя, но все-таки там под железом что-то сообразило, что выглядит смешновато, все-таки не поле турнира и тем более не поле сражалища, снова поднял железную решетку.

— Хорошо сказано, — одобрил он звучным басом. — Труба зовет на подвиги!

Господи, подумал я с отвращением. Только бы этот дурак не потащил из ножен меч и не начал помахивать в воздухе, изображая героя.

Гендельсон с усилием вытащил из ножен меч, вскинул гордо остирем к небу. Солнце заблистало на лезвии, рассыпалось на тысячи блестящих искорок. Он помахал им над головой, приосаниваясь и показывая удаль и рыцарскую доблесть.

Слуга приторочил сзади к седлу два мешка с провизией, а Гендельсон тут же совсем не героически перепроверил, пересчитал, сказывается его профессия. Мы попрощались с хозяином и особенно с Дафнией. Я сказал хозяину многозначительно, что буду возвращаться этой дорогой и поинтересуюсь, не обижал ли бедную девушки. Он спокойно выдержал мой испытующий взгляд.

— Заезжайте, — сказал он. — Если не выйдет замуж, то будет еще здесь.

— А выйдет замуж, выгонишь?

— Нет, но мужья часто требуют, чтобы готовила только им дома.

Гендельсон, которому тоже надо обязательно показать, кто из нас двоих старше, многозначительно погрозил хозяину пальцем, и мы пустили коней шагом. После ночного разговора Гендельсон старался без нужды не встречаться со мной взглядом, сам не заговаривал, но держался тем не менее с прежней бундючностью, вперял перед собой такой тяжелый взор, что горизонт подрагивал и заметно прогибался.

— Вот видите, — сказал я, — нормальные хорошие люди. И хозяин с его семьей, и гости. Мы ж ни с кем не подрались даже!.. А ведь это ж земли, где воцарилось Зло. Где Тьма кругом, ни зги добра...

Он буркнул, не поворачивая головы:

— Зло принимает разные обличья.

— Да? А что мы видели на этом дворе злого?

Он подумал, ответил с прежней неприязнью, разве что не повышал тона, помнил, что он обнажился и наши роли несколько изменились:

— Все.

— Все? Это слишком много. Иначе не будет заметно Добра.

Он сказал негромко:

— Я видел, сэр Ричард, как вы фыркали, когда я... ну, с мечом. Но ведь надо же простому люду показывать пример доблести и мужества?

— Надо, — согласился я кротко.

В голове стучали молотки, я перебирал в памяти все, что сохранилось, но там всплывали такие куски, что я со-драгался: наяву ли стрясануло аль у меня крыша поехала? И как я держался? К счастью, если абсолютное большинство при пьянке развязывается, то я как раз завязываюсь. И чем больше приходится выпить, тем старательнее слежу, чтобы не обос... не опозориться. А когда вообще уже полный перебор, вообще молчу, как инозвездные цивилизации. Так что не надо, что я по пьяни натворил то-то и то-то. Брехня, по пьяни я вообще зайчик.

Дорога привела к неширокой речке. Кони пошли вдоль воды шагом, сами присматриваясь, выбирая брод. Далеко впереди молодая девушка вошла в воду по колено, тоже намереваясь перебраться на ту сторону. Нас она не видела, сосредоточенно всматривалась в темную воду.

Кони шли по мокрому песку, копыта увязали, но ступали бесшумно. Девушка медленно двинулась вперед, нащупывая путь. Дно понижалось, и, соответственно, она поднимала подол все выше и выше. Я засмотрелся, ее ноги открываясь постепенно, как в дразнящем стриптизе. Когда поднялись до уровня икр, я напомнил себе, что в этом веке еще не изобрели нижнее белье, о женских трусах слыхом не слыхивали...

Черт, с середины реки дно начало повышаться, девуш-

ка быстро выбиралась на берег, так же постепенно опуская платье. Разочарованный, я подумал тускло, что Бог мог бы выкопать речку и поглубже или же могли бы пройти дожди в верховьях, чтобы уровень поднялся... рассмеялся, ибо столько видел совсем голых баб, но голых — это не совсем то...

Правда, возможно, голость тех баб как раз и служит некоторой защитной реакцией... Я не успел додумать, девушка была уже у берега, правда, там пришлось преодолеть яму, где снова приподняла платье, на этот раз приоткрыв сверкающие ягодицы... вода справа от нее забурлила, девушка вскрикнула, выронила края платья, руки взметнулись над головой, и она исчезла под водой.

Потрясенные, мы смотрели на кровавый водоворот, что возник там, по течению поплыли красные струи, но тут же вода стала чистой и спокойной. Я видел, как утаскивают антилоп крокодилы, но тогда вода бурлит долго, на поверхность выныривает то рогатая голова, то копыта, то крокодилий хвост или спинной гребень, а здесь как будто ее утащило и смололо в гигантской мясорубке, даже крови выплеснулось едва-едва...

Гендельсон перекрестился:

— Господи, прими душу ее с миром. Даже если она язычница, прими!.. Они все здесь живут, не зная Твоего спасительного учения...

Я чувствовал себя так, словно тоже вот-вот перекрещусь или перекрещу то место, отгоняя страшного зверя. Посмотрел на Гендельсона, лицо опалило жаром. Дурак же, ничтожество, надутый петух, но все-таки прежде всего подумал о той несчастной, просит принять ее по-доброму, хоть она и чужая, а я сразу о своей шкуре, о своей драгоценной жизни, трус несчастный...

Впрочем, сказал себе в оправдание, я в самом деле знаю чу намного больше. К тому же мне, а не ему приходится думать, где переправиться на ту сторону.

Мост мы отыскали ниже по течению. Выгнутый крутой аркой, без опор, из тяжелых каменных глыб, он красивой

дугой соединял оба берега — удивительно простое и гениальное сооружение, когда вытесанные в форме клина глыбы распирают все остальные, заклинивая их, не давая рухнуть в воду.

Гендельсон забормотал молитву, полез за нательным крестом. Мост старинный, это видно издали, а вот так, вблизи, он, на мой взгляд, чересчур красивый, изысканный, вычурный. Как будто строила его бригада, в составе которой были Леонардо да Винчи, Кулибин, Ломоносов, Рафаэль и Пракситель. Но речка-то тыфу, не сегодня завтра пересохнет, на таких бывают только простые деревянные мостики, дощатые...

Конские копыта со звоном опустились на первые плиты. Гендельсон поехал первым, выказывая мужество, но молитву все-таки бормотал громко, а в руке был крест. По обе стороны тщательно уложенных каменных плит массивный добродушный барьер, изукрашен затейливой резьбой. Тщательно и любовно украшен, но как-то не смотрится он здесь, ему бы в королевском парке, а еще лучше — в императорском.

Громкое бормотание осточертело, мы съехали уже по мосту вниз, каменное чудо осталось далеко позади, а этот набожный вельможа все бормочет, крестится. Плюет через левое плечо, ловит в воздухе крохотных чертиков...

— А розовых слонов не видать? — осведомился я раздраженно.

— Каких слонов?

— Крупных, — сказал я. — Чем вам мост не угодил? На нем табличка, что его строил дьявол?

Гендельсон ответил с достоинством:

— Этот мост, сразу видно, построен еще до пришествия Христа.

— Ну и что?

— Его строили нехристианские руки, непонятно?

— Не христианские, — возразил я, — еще не значит, что нехристи..!.. Иоанн Креститель тоже был до Христа, как и Моисей или Александр Македонский. Или те же Адам и Ева... Ну и что?

— Церковь не отрицает построенного нехристианами, — сказал он объясняюще, — но предписывает относиться с осторожностью. Да, с осторожностью! Тогда еще не знали света учения Христа, жили в грехе, творили греховное наряду с негреховным, не ведая разницы...

К обеду кони приморились. Я присмотрел удобное местечко: раскидистый дуб, что выдвинулся почти на сотню шагов вперед от плотной стены леса, ничто не подкрается незамеченным, крохотный родничок выбивается из-под корней дерева и тут же теряется в густой траве...

Гендельсон сполз с коня и не пошевелил пальцем, чтобы собрать хворост и помочь разжечь костер. Я посмотрел на его землистое лицо, напомнил себе, что я в доспехах тоже чувствовал себя несладко. Можно сказать, повезло, что Терентон настоял на своем. Пока что я все железо таскал бы, как дурак, зазря, а я из того мира, где за каждое шевеление пальцем требуют зарплату, а за шевеление двумя пальцами — еще и премию...

Мне не сиделось, понятное томление изнутри разъедало грудь, я не мог встречаться взглядом с человеком, который на моем пути к Лавинии, не мог сидеть рядом, не мог вести вот так у костра беседы. Когда на конях, так просто перебрасываешься репликами, ветер свистит в ушах, грохот копыт, над головой проносятся птицы, а в траве мелькают спины то привычных зайцев, то что-то странное и пугающее, у костра же мир сужается до пределов освещенности пляшущими языками пламени, а в таком мире мне с Гендельсоном тесно, очень тесно.

— Присмотрите за конями, — сказал я суховато, — благородный сэр.

Он вспыхнул, надулся, некоторое время сверлил меня злым взглядом, но, увы, здесь не его замок, а я не его крепостной, проворчал, стараясь держать голос руководящим:

— Не уходите далеко.

— Ничего не случится.

— В лесу, — изрек он, — может быть опасно. А вы один, без меня...

Дурак, так вошел в роль, что уже забыл, как весь недавно раскрылся. Разболтал же, что и драться не умеет, и что не пьет, и что охоту не любит, но на людях имидж держит могучерыцарский, сверкает глазами, раздувает щеки и грозно сопит, что должно означать быстро приходящего в ярость человека, признак благородного сословия.

— Да, — ответил я, — да.

Усталости в теле нет, при таком раскладе нет сил просто лежать и смотреть в небо. Лучше брести между деревьями, делая вид, что намечаю маршрут. До Кернеля неизвестно сколько дней, но это дней, а если ехать сутками, то вдвое меньше. Правда, даже мы не сумеем сутками трястись в седлах, а уж коням так и вовсе нужен отдых.

Я с тоской вспомнил своего шургезового коня. Вот на том бы за один день...

Над головой наступила тишина, из-за ближайших деревьев отчетливо донесся скрип. Я взял молот, скрип доносится издалека, потихоньку обогнул деревья. По лесной тропке усталый конь тащит тяжело нагруженную тележку. Правда, только тugo увязанный хворост, зато целая гора, верхушкой цепляет за ветви. На облучке дремлет лохматый мужик, скорченный, похожий на гнома, но все же не гном, весь в жуткой бороде, грязный, в лохмотьях. Рядом с ним сидит, прижавшись, и честно спит мальчишка, худой и бледный настолько, что явно подкидыши из каких-нибудь герцогов или графьев.

Я присел за деревьями, тележка протащилась мимо. Правое колесо виляет настолько, что я невольно вспомнил хрестоматийное: доедет ли до Таганрога...

Когда они скрылись за поворотом тропки и деревья надежно отгородили их, я вышел на тропку и пошел уже свободнее, молот повесил на пояс. И... почти лоб в лоб столкнулся с женщиной, что несла в подоле кучу грибов. Она ахнула, ротик начал открываться для крика, я сказал быстро:

— Зачем? Они все равно не успеют...

Ее пальцы дрожали, но грибы не выронила. Рот закрыла, сообразила, что не только не успеют, но что они могут

против такого здоровяка, у которого и меч, и кинжал, и молот.

— Что, — прошептала она, — что вы... хотите?.. ладно, я все сделаю...

Я засмотрелся на ее удивительное лицо: удлиненное, как у козы, с длинными козьими ушами, покрытыми шерстью, глаза раскосые, без зрачков, но заполненные удивительной синевой. Пышные волосы собирались в прическу, падали на плечи и на спину, но по их форме я сообразил, что они там и растут прямо со спины, однако спереди кожа ее оставалась чистой, нежной.

— Да мне-то совсем пустяк надо, — сказал я.

— Я все сделаю, — сказала она тихо и украдкой взглянула в ту сторону, куда уехала тележка с хворостом.

На ней было нечто вроде туго облегающего фартука из тончайшей кожи, одетого прямо на голое тело. Руки ее мешали мне любоваться ее нежной чистой кожей, тугими шарами грудей, что выступали и поверх нагрудника, и по краям. Когда фартук сдвинулся, я увидел на миг одну ее грудь целиком, нежную, как будто выточенную из мрамора, но колыхнулась она приглашающе, словно целлофановый пакет, наполненный густым горячим молоком повышенной жирности.

Фартук заканчивается на пару ладоней выше колена, но снизу по бокам широкие разрезы до пояса, я рассмотрел прекрасной формы ноги. Правда, шерсти, на взгляд горожанина, многовато, но шерсть нежная, золотистая, шелковая.

— Гм, — сказал я, — ну тогда расскажи, куда ведет эта дорога? Есть ли там какие города и села?.. Кто в них правит, какие порядки?

Она смотрела на меня, широко открыв рот. Зубы ее оказались ровными, чистыми, хотя и крупноватыми, а на месте клыков обычные резцы, как у зайцев.

— Господин, — произнесла она все еще тихим покорным голосом, — откуда я могу знать?.. Мы не покидаем леса!.. Да и сюда никто не заходит, боятся...

Она заколебалась, я спросил:

— Вас боятся?

Ее выразительные глаза стали печальными, она судорожно кивнула.

— А чего вас боятся?

Она покачала головой.

— Сразу видно, что вы из дальних земель...

— Ладно, — ответил я, — уже догадываюсь, что на мне это написано крупными буквами. Ты знаешь, что такое буквы?.. А ближайшее село по этой тропке далеко?

Ее руки едва не отпустили подол, где все еще держала грибы, явно хотела показать рукой.

— Нет, к вечеру будете там. Там живут просто... люди. Обыкновенные. Но нас боятся, тут уж ничего не поделаешь.

Я сказал успокаивающее:

— Ладно, мутантик, не горюй. Все наладится. Не все боятся. Ты очень хорошенъкая. Иди, догоняй свою родню.

Она заколебалась, я отступил на обочину, давая ей дорогу, но все равно она обошла меня до дуге, царапая плечо и локоть о ветки. Уже удалившись на десяток шагов, обернулась, крикнула:

— Спасибо!

— За что? — спросил я.

— Что говорили со мной, — крикнула она и ускорила шаг.

Я тряхнул головой, тропка двинулась навстречу, за каждый деревом открывались тайные и явные проходы в темный лес, в черные дыры, где кусты, буреломы, гниющие пни — все переплетено блестящей паутиной.

Дальше простило небольшое лесное озеро, вода темная, загадочная. Я пошел по краю, стоячая вода кажется застывшей смолой, а широкие мясистые листья кувшинок, что на одинаковом расстоянии друг от друга, выглядят красвой аппликацией. Как украшение на торте, белеют сказочно чистые и целомудренные лилии. Вода темная, таинственная. С дерева сорвался желтый лист, медленно опускался, плавно раскачиваясь в воздухе, словно лодочка невидимых качелей.

Озеро загибалось по кругой дуге, я шел по самой кромке воды. Дорогу перегородило упавшее дерево, я прикинулся, в какую сторону проще обойти: если справа, то придется по колено в воду, если слева, то шагов тридцать через колючие заросли, выругался и начал осторожно обходить по воде. Прозрачность чисто вымытого стекла уступила место коричневой мутни из-под моих сапог, я придерживался за корни дерева, обходил и не зря держался, ибо впереди оказалась яма, внезапно ухнула по пояс.

Охнулся, но тут же нога нашупала край ямы. Я уже оперся и собирался толчком поднять себя из воды, как вдруг нечто холодное прижалось ко мне со спины. Мои пальцы не метнулись к рукояти меча лишь потому, что сразу ощущил женское прикосновение. И хотя это нечто холодное, как рыба из Баренцева моря, но руки точно женские, я-то их не знаю, такие холодные бывают после душа, а уж зимой, после игры в снежки, так и вовсе...

Женщина высунулась из воды по пояс. С длинных рыжих волос стекает вода, прилипли к ее голове и плечам. Крупные капли усеяли все тело, оно стало похожим на покрытое волдырями после ожога. Мне она показалась чесноком худенькой, субтильной, не женщина, а подросток, хотя грудь развита вполне, вполне, а живот, несмотря на худобу и выпирающие по бокам ребра, украшен тонким слоем нежного жира... что, несомненно, служит дополнительной теплоизоляцией, запасом калорий и буфером, что защитит будущего ребенка от травм.

— Ну как вода? — спросил я. — Не холодная?

Вокруг нас вода стала неприятно коричневого цвета, это я взбаламутил сапожищами. Теперь может подобраться любая гадость и хватануть зубами за причинное место. Или даже за задницу, все равно... и задница у меня не железная, а мозоли там еще не стали костяным панцирем, как у Бернарда и прочих героев.

Она смотрела на меня большими зелеными глазами. При моих словах они распахнулись и стали огромными, как сейлормуны. Бледный ротик приоткрылся в великом изумлении.

— Рыцарь, — прошептала она едва слышно, ее голос был похож на шелест травы. — Ты... почему не кричишь в страхе?.. Почему не бежишь?

— Ха, — ответил я. — Конечно, вода мутная, страшно, а вдруг пиявки, но на мне штаны крепкие, кожаные, а тебя укусят за попку... Или не укусят?

— Здесь пиявок нет, — ответила она растерянно.

— Фу, — сказал я, — отлегло. Поверишь, не так боюсь всяких там драконов, как пиявок. А ты че в воде сидишь?

Она все еще смотрела на меня растерянными глазами. Протянула руки снова, я не противился, она обхватила меня вокруг пояса, прижалась, ее красивую грудь расплющило. Я погладил по мокрой голове с прилипшими волосами, потом, не зная, что делать дальше, вспомнил красноармейца Гусева и почесал ее за ухом.

— Мы здесь живем, — ответила она тихо.

— Мы?

— Да...

Я окинул взглядом озеро.

— Вам не тесно?.. Чтобы прокормиться на такой территории, надо бы ареал побольше. Разве что вы от сбора дикой рыбы перешли к ее разведению. Так, конечно, можно прокормить больше народу на единицу площади...

Она слушала с удивлением, потом сказала тихо:

— Это озеро соединяется с другими... У нас есть подземные тунNELи. А через систему шлюзов у нас есть даже выход в гадкие отвратительные воды... большие воды... где вода ужасно соленая и разъедает кожу, разрушает внутренности...

— Ага, — сказал я, — море. Кстати, рыбка, там все-таки живут ундины, наяды и прочие русалки. Как-то приспособились и к соленой воде. Слушай, мне тут стоять как-то неловко. Ты сможешь выйти на сушу?

Она покачала головой, глаза стали отчаянными. Муть в воде за это время наполовину осела, осталась только мелкая взвесь, но эта будет опускаться еще сутки.

— Ах ты ж, Ихтиандрина, — сказал я с жалостью, — за-

несло же вас... Я бы этого Кусто за такую пропаганду прибил бы, не отходя от кассы... И много вас сюда переселилось?.. Впрочем, что ты знаешь о делах, что случились тысячи лет тому назад... Еще каких-нибудь пару миллионов лет, и вообще одельфинитесь.

Она запрокинула лицо, всматривалась в меня снизу вверх. В лице появилась отчаянная решимость.

— Рыцарь, — сказала она, — ты... сможешь меня поцеловать?

— А почему нет? — ответил я. — Целовал же я курящих женщин, а это куда противнее, чем целовать рыбу.

Она вытянула губы трубочкой и закрыла глаза. Я осторожно прикоснулся к ним, на удивление теплым, мягким, податливым. Оторвался с неохотой, ибо на обед снова было жареное мясо, а это нехорошо разогревает кровь... вообще-то хорошо, но в походе ни к чему.

Не открывая глаз, она прошептала:

— Еще...

— Э-э, — сказал я предостерегающе, — тебе сколько лет?.. Я вообще-то не слишком придерживаюсь писанных людьми законов, но и нарушать их не хочу... чересчур.

Она сказала непонимающе:

— Лет?.. Я не знаю, что это... Но я уже готова стать матерью.

Я отшатнулся:

— Не-е-ет, только не это!.. Я не собираюсь перескакивать через ступеньки.

— Ступеньки?

— Ну, чтобы решиться с рыбой, сперва... словом, тебе это знать не нужно. Девушка, у нас тоже, конечно, имя спрашивают потом, когда отышатся, но все-таки в воде... слишком романтично. Я еще понимаю, на обеденном столе или на рояле, но...

Она прижалась ко мне крепче.

— Я не поняла ни единого слова, — прошептала она жарким шепотом, — но я чувствую, что ты можешь меня спасти...

Я промямлил:

— Вообще-то я спаси... тьфу, спасатель, но я больше извлекатель... из пещер, замков... А при чем тут спасение? Тебя что, из воды вытащить?

— Да... нет-нет, не так!.. Легенды гласят, что если сольется воедино кровь человека сухи и кровь женщины вод, то женщина сможет покидать воду... Это все знают, но еще не нашлось такого мужчины, чтобы не убежал с криком... Иногда женщины хватали и затаскивали кого-нибудь из неосторожных в воду, но...

— Понятно, — прервал я, — это должно быть добровольным. А ты правда не рыба?

— Да нет же!

— Понимаешь, лапочка, — сказал я, — понимаешь... у меня есть женщина, которую я очень люблю. И никто в мире, понимаешь...

— Так то любовь, — прервала она. — А здесь совсем другое.

Она прижималась ко мне все крепче.

— Да, — сказал я, — да, ты не рыба.

Гендельсон сидел возле костра обнаженный до пояса, доспехи неопрятной грудой громоздятся рядом. Казалось, еще один болван, только железный, сидит, понурившись, опустив голову на грудь. Тело знатного вельможи напоминало хорошо отваренную стерлядь, на плечах красные канавки от доспехов, груди отвисают так, что не помешал бы лифчик. Белый живот, дряблый и в морщинках, а складки, одна другой мощнее, накатываются друг на друга, как барханы в знойной пустыне.

От костра шел сильный приятный запах жареного мяса. На камнях и на прутиках я заметил коричневые ломти. Гендельсон кивнул, лицо оставалось кислым.

— Я разогрел, кое-что подогрел заново... В той таверне готовят не очень-то...

— Там готовят с кровью, — возразил я. — Везде свои рецепты... Но если у вас религиозные запреты...

Он поморщился:

— Еще скажите, запрет есть свинину...

Мясо поддавалось на зубах, словно хорошо прожаренные бифштексы. Гендельсон наблюдал за мной искоса.

— Что-то удалось обнаружить?

— Да так... там дальше по тропе еще деревня. Это все, что узнал.

Он спросил после паузы:

— Как?

— Да так, — повторил я, — встретил в лесу кое-кого...

Он торопливо перекрестился. У меня трещало за ушами, но я услышал слова молитвы. Наконец Гендельсон спросил подозрительно:

— Это была нечисть?

Я проглотил кус, вытер губы, подумал и потянулся за другим.

— Как сказать... Или как посмотреть. Если смотреть строго, то в нечисть придется записать очень многих. В том числе и нас... или вы считаете себя абсолютно чистым? Тогда это гордыня, первый смертный грех... или не первый, но все равно смертный, верно? С другой стороны, если быть чересчур снисходительным, то и самого дьявола можно оправдать... верно? Словом, я стараюсь держаться где-то посередине. Пусть не очень золотой, но все же, все же... Что-то ни рыба ни мясо. И вот с этой середины, эти... встреченные не были нечистью...

Гендельсон выслушал, перекрестился, сказал мрачно:

— Судя по вашему тону, сэр Ричард, они не были и людьми. И что же вы с ними... как общались?

Я на миг оторвался от жареного мяса, посмотрел на него поверх куска.

— Да как, известно... Спасал их души.

Он смотрел с недоверием.

— Души?

— А что?

— У них нет душ, сэр Ричард!

— У всех есть, — возразил я. — Только разные. Вот Салтыков нашел, что даже у лягушки есть душа. Только махонькая и не бессмертная.

— Ну и как, — поинтересовался он ядовито, не втягиваясь в богословский спор, — спасли?

Я подумал, возвел очи горе, развел руками.

— Надеюсь. По крайней мере указал дорогу.

— Представляю, — сказал он еще ядовитее, — что за дорога. Прямее в ад бывает?

Я поднялся.

— Сэр Гендельсон, мы так до вечера прокоротаем день. А мне тоже есть к кому вернуться в Зорр!

Он с кряхтеньем поднялся, уже не такой уродливо толстый, а просто располневший на сытных хлебах мужик, и без того склонный к полноте.

— Да, — сказал он. — Нам обоим есть к кому вернуться. Так поспешим же выполнить приказ короля!

Глава 22

За этим лесом небольшая долина, странная земля с оплавленными, словно воск, камнями, ни одного стебелька. Я инстинктивно погнал коня вскачь к темнеющему на той стороне лесу. Гендельсон не понял, что за страх меня гонит, но я все понукал коня, не люблю таких выжженных полян. И не просто выжженных, ибо пепел — лучшее удобрение, после пожара место зарастает вдвое гуще, но это странная выжженность, когда пепел унесло ветрами, а на спекшуюся от страшных температур уже нанесло с метр земли. Уже не только трава, кусты и деревья выросли бы...

Лес приблизился, высокий и мрачный. Изнутри пахнуло гнилью, плесенью, болотом. Гендельсону передался мой страх, ибо он заподозрил, что я больше знаю про эту выжженную долину, чем говорю, у самих деревьев даже обогнал, понуждая коня пойти по едва заметной тропке...

Конь захрипел, отпрянул. Я рассмотрел, что это не тропка, просто просвет между стволами. Гендельсон орал и хлестал коня, но тот хрюпел, дико вращал глазами и не решался войти в лес. Огромные деревья выглядят болеющими — слишком много мха, слизи, бледных водорослей на

ветках. Пугающие зеленые полотнища опускаются до самой земли. Второй ряд деревьев лишь смутно просматривается сквозь серый нездоровы туман, а дальше вообще колышутся бледно-серые волны.

— Мы должны пройти, — сказал я, и перед глазами встало призрачное лицо Лавинии, я обещал вернуться, она ждет. — Мы пройдем. Кернель — за этим лесом!

Мой конь с огромной неохотой бочком приблизился к ближайшим деревьям. Я соскочил на землю, ладонями закрыл ему глаза и шептал ласковые успокаивающие слова в ухо, понуждая идти вперед. Через десятка два шагов я убрал руки и вскочил в седло. Конь дрожал в страхе, оглядывался, но и сзади такой же лес.

— Сэр Гендельсон! — прокричал я. — Вы остаетесь?.. Ладно, я пошел один. С вашего позволения, конечно!

Я в самом деле слегка пришпорил коня, хотя сейчас я и без полагающихся рыцарю шпор, конь нехотя сделал шаг. Сзади раздался отчаянный крик, в нем уже не осталось и следа от баронской заносчивости:

— Погодите!.. Я иду, иду!

Конь подо мной охотно остановился, но дрожал, ибо ветви до земли, придется проламываться, корни вылезли на поверхность, казалось, все: крупные, мелкие и великанские, похожие на чудовищных морских змей. Из тумана вынырнула конская морда, сперва призрачная, налилась резкостью, показался закованный в железо всадник.

— Вы что же, — спросил Гендельсон с тревогой, — в самом деле...

— Да пошутил, — ответил я кисло, врать очень не хотелось, — пошутил.

— Странные у вас шутки, сэр Ричард, — сказал он все еще колеблющимся голосом. — Мой конь, знаете ли, испугался... или рассердился, я его причуды еще не освоил.

Страшно двигаться через туман, но такие гигантские деревья не могут стоять тесно, мы все же продирались через паутину веток и длинных нитей мха, обычно сухого и ломкого, но сейчас в тумане заметно отсыревшего. Мне

казалось, что едем через болото, а по лицу то и дело шлепают болотные растения.

Туман только впереди и сзади, а по бокам кажется странно темным. Силуэты деревьев постепенно таяли, мы слышали скрип раскачивающихся стволов, хотя ветер не чувствуется. На землю то и дело обрушивались тяжелые сучья, похожие на бумеранги. Иногда падала целая лесина, способная пришибить всадника вместе с конем.

Гендельсон бормотал молитвы. Я настолько привык, что либо молится, либо хватается за крест, что удивился бы, если бы это в железе на что-то новое посмотрело без своего обычного: изыди, сатана!

Деревья иногда сдвигались настолько тесно, что в который раз поднимали ноги на седло. Кони продирались, обдирая бока. Но иногда, гораздо чаще, налипала зеленая слизь, облепляла стремена. Я на ходу брезгливо сковыривал палочкой либо стирал рукавицей. Земля под ногами укрыта толстым слоем черных перепрелых листьев, конские ноги погружались иной раз до колен в это месиво. Я сжимался от гадливости, а если бы пришлось самому вот так пешком?

Ни птиц, ни зверей, ни даже в траве ничто не шелохнулось, пока двигались через страшное место. Но через час я все-таки услышал щебет птиц, деревья потеряли на стволах слизь. Пошел обычный толстый мох, хоть и со всех сторон, затем и мох остался только с северной стороны. На деревьях замелькали рыжие хвосты белок, дважды дорогу пересекали деловитые ежи.

Деревья уже не стоят тесно, сквозь просвет в кронах мы видели красное солнце, что нехотя двигается к закату. По небу разлегся красный тревожный закат. В ту же сторону, что и мы, двигались под облаками огромные черные птицы, а за ними целые тучи мелких. Доносилось резкое карканье, мои ноздри уловили характерный смрад падальщиков.

— Стервятники, — заметил Гендельсон мрачно.

— Полагаете, Кернель уже пал?

Он стиснул челюсти, под истончившимся салом пропустили четкие рифленые желваки. Глаза смотрели зло.

— Не знаю, — ответил он сдержанно. — Но мы должны поспешить.

— Кони уже падают.

— В ближайшем селении можно бы сменить...

Он умолк, только косил недовольным глазом. Я буркнул:

— Вот так просто и сменить?

— Ну, — сказал он с неудовольствием, — если доплатить...

Я сдержал злобную ухмылку. Вельможе такого ранга без толпы слуг и толстого мешочка с золотом на поясе — как без рук. И хотя у меня еще пара золотых монет в поясе и пара в седле, на ближайшей тропке я слез и пошел пешком, держа амулет в вытянутой руке. Гендельсон ехал впереди, не желал смотреть на нечестивое занятие.

Не больше двухсот шагов я сделал, держа конский по-вод в одной руке, амулет в другой, как земля впереди зашевелилась. Выглядело так, будто крупный жучок стремительно прорывает норку на поверхность. Я выронил повод, из земли вылетело блестящее, я ловко поймал на лету и весело крикнул Гендельсону в спину:

— Один есть!.. Либо везет, либо на юге земли богаче!

— Богатство не в золоте, — ответил он напыщенно.

— Вы намерены раздать свои сундуки бедным, — спросил я, — и уйти в монастырь?

Он высокомерно смолчал. Ехал впереди все такой же массивный, неподвижный, отгороженный молитвой, святостью, запретами. Мне можно бы и в седло, но на всякий случай прошел еще не так уж и далеко, но за это время поймал еще две монеты. Все три круглые, но разного размера и формы, от вытянутого эллипса до пирамиды с сильно закругленными краями. Я рассматривал их уже в седле, сравнивал с теми, что вез в поясе. Эти, что нашел сейчас, выглядят более древними, что ли. И хотя я не знаток в нумизматике, для меня и Древний Рим, и Древний Египет — древность одинаковая, но голову наотрез, что найденные на юге монеты все же бородатее северных...

— Теперь поменяем, — сказал я. — Как полагаете, сэр Гендельсон?

Он буркнул:

— За одну золотую монету лучше купить коней, чем до-плачивать за обмен. Меньше раскрытых ртов, подозрений.

Прав, конечно, подумал я. Меньше подозрений — лучше. И так удивительно, что за нами нет погони, нет даже драконов, что выслеживают сверху и бьют напалмовыми бомбами. И никто не устраивает зasad, уже зная, кто идет, что везет, чем можно поживиться самим, а что из добычи надо отдать пославшему сюда хозяину.

— А как же с нечестивостью? — поинтересовался я. — Конь, купленный на нечестивые деньги... чист ли?

— Приму покаяние, — ответил он зло. — Эпитимию, любое наказание... Церковь зря не наказывает!

— А Бруно? — спросил я. — Впрочем, говорят, его сожгли за шпионаж... Ладно, это не мое дело.

Гендельсон холодно молчал, глаза рыскали по сторонам. Тропинка отыскалась нескоро, но дальше мы ехали и высматривали, куда приведет, а если пересечется с более утоптанной или пошире, чтобы вовремя сменить курс.

Тропка узкая, двигались не просто по одному, но и на расстоянии друг от друга. Никому не нравится, когда отведенная в сторону ветка едущим впереди с силой бьет тебя по глазам. Или просто хлещет по морде. Я ехал, погруженный в свои мысли, даже не сразу сообразил, что Гендельсон разговаривает и уже ругается вовсе не со мной.

Очнулся, поднял глаза, а на Гендельсона уже бросились, ломая кусты, несколько человек в темных одеждах. Меня тоже заметили, но, к счастью, не обратили внимания: Гендельсон дороден, в дорогих рыцарских доспехах, остатки пышного плюмажа на шлеме, а я в самом деле тяну на роль слуги...

Молот вырвался из моей руки, как управляемая ракета. Я поймал, швырнул второй раз, третий, и тут они наконец сообразили, кто здесь главный, а кто лишь яркая приманка для ловли идиотов, заорали и бросились на меня все разом.

Я выхватил меч с черным лезвием. Они набросились с дикой яростью, просто безумной, настоящие берсерки, я дрогнул, морды у всех звериные, заросшие густой шерстью. Меч мой пошел криво, у налетевшего на меня пер-

вым всего лишь снесло половину щита. Второй был менее удачлив, я срубил ему меч у самого основания и поразил через шлем. Третий отпрыгнул, это спасло ему жизнь, зато самый первый отшвырнул разрубленный щит и бросился на меня с мечом в обеих руках. Конь заучено повернулся так удачно, молодец, разбирается, что я раскроил несчастного до середины груди. Третий отпрыгнул, глаза влезали из орбит, затем повернулся и головой вперед прыгнул в кусты, словно с бортика бассейна в воду.

Конь хрюпал и все старался стукнуть копытом раненого в голову. Конь Гендельсона стоял над хозяином, тот уже сидел и пытался поймать дрожащими руками болтающуюся над его головой уздечку. Конь заботливо обнюхивал человека, ткнулся в его лицо мягкими бархатными губами, и Гендельсон, не удержавшись, повалился на спину.

Я подъехал ближе, поинтересовался:

— Как самочувствие?

Гендельсон снова с усилием сел. Рука зацепилась за уздечку, конь отступил на шагок, и Гендельсона подняло, как раскладное бревно. Он был весь в грязи и комьях влажной земли, налипших листьях, даже с прицепившимся лоскутом мха на месте плюмажа.

— Слава Господу, — буркнул он. — Их нечестивое оружие не смогло прорубить доспехи, освященные в святой церкви...

— Прорубить не смогли, — заметил я, — но помяли. Вот вмятина, вон... А как вы сами, сэр Гендельсон?

— Кости вроде бы целы, — ответил он. — Ссадины заживут.

Он сделал шаг, пошатнулся. Руки взмахнули, как бронированные крылья, но устоял. Я смотрел, как он переворачивает убитых. Лицо барона стало совсем мрачным и неприятным.

— Не хочу говорить гадости, — сказал он, — но таких заргов мы еще не видели. Вот эти двое, понятно, из Мезины. Их еще зовут касогами. Этот вот из Шумеша. Но посмотрите на этих!

Трое касогов, оказывается, вот кого резал Редедя... или

резали Редедю, не помню, лежат в сторонке. У одного разрублена голова вместе со шлемом, у второго глубокая рана, что почти разделила его пополам, третьему я разрубил голову до нижней челюсти. Эти трое даже на мой взгляд не совсем касоги. Или не те касоги, какими я уже привыклагать касогами.

Выше ростом, в темной одежде, у всех на шлемах, криевых мечах и щитах странные гербы и эмблемы. Даже мне показались странными, ни с чем не ассоциирующимися. Кроме роста, отличаются длиной рук, а лица у них вытянутые, с выступающими вперед челюстями.

— Это новые, — сказал Гендельсон угрюмо. — И они мне очень не нравятся.

— Мне еще больше, — признался я.

Он быстро взглянул на меня.

— Почему?

— Униформа, — ответил я. — Они все... одинаковые. Даже одежда.

Он осмотрел их снова, пожал плечами.

— Ну, одежды пошить нетрудно... Но вы правы, это под силу только большому и богатому королевству. Чтобы заказ на шитье одежды был размещен сразу в сотнях мастерских. Как и в сотнях оружейных. Но еще дивнее, что они и по росту одинаковы...

Я вспомнил, что в прошлом веке русская армия формировалась по такому принципу: самых рослых — в гренадеры, самых легких — в уланы, ребят покрепче — в гусары, а мускулистых середнячков — в кирасиры. И коней поставляли: буланых — гусарам, вороных — в лейб-гвардию, гнедых — в кирасирские полки...

— Это уже не сборные отряды, — согласился я. — Это... но почему неведомое могучее королевство не двинуло всю армию?

— Может быть, просто прощупывают пути?

Широкая тень закрыла его на краткий миг, отчего Гендельсон показался мне вырезанным из темного камня, пронеслась через поляну. Я успел увидеть, как по багровому небу пронеслась, закрывая луну, огромная черная тень.

Был ли это дракон или что-то иное, я не рассмотрел, но животный страх вогнал адреналин во все клетки, я напрягся так, что еще чуть — и взорвусь, как граната.

Гендельсон поднял к небу помертвевшее лицо.

— Что это было?

— Неважно, — ответил я грубо, — но теперь нас заметили.

Он побледнел еще больше.

— Нам только погони недоставало! Господи, спаси и сохрани.

Я мог бы ему рассказать немало анекдотов про тех, кто уповаёт на Бога, и какую крупную фигу Господь подносит им под нос, но мне по фигу антирелигиозная пропаганда, как и религиозная, я повернул коня мордой в сторону тропинки.

— Едем?

Он поколебался, глаза смотрят настороженно.

— Вы что же, так и не пошарите по их карманам?

— Ах да, — ответил я. — Пошарьте там по их карманам... А то мне слезать с коня влом.

Он посмотрел на убитых, перевел взгляд на меня. Лицо стало злым и высокомерным.

— Это не приличествует барону, — ответил он с надменностью в голосе. — Если даже вы отказались...

— Даже я, — ответил я зло. — Представьте себе, даже такое ничтожество, как я, отказался! Надо же такое представить?..

Я тронул повод, конь понес по тропке. Она делала круговые повороты, один раз даже раздвоилась, но я пришпорил, гнал рысью, галопом. Уже решил было, что оторвался от этого надменного дурака, но за спиной прозвучал настигающий топот.

— Сэр Ричард! Сэр Ричард!

Голос был срывающийся, взволнованный. Я с великой неохотой перевел коня на шаг. Гендельсон догнал, сказал раздраженно:

— Мой конь серьезно сбил ноги. Если во весь опор, то до ближайшей деревни придется пешком.

— Ищу место для ночлега, — соврал я.

Красивый могуче-картинный дуб оттеснил остальные деревья, перед нами открылась и начала приближаться небольшая, отвоеванная им полянка. Остальные, как статисты в хоре, стоят вокруг плотной стеной на почтительном расстоянии. Исполинские ветви дуб раскинул широко, вольно, почти параллельно земле. Крона в форме атомного взрыва, подобную роскошь не могут позволить себе деревья в тесных кучах.

Я развел огонь, дело челяди, а Гендельсон, как благородный, расседлевал коней, тщательно обтирая их потные тела сухой тряпкой, да не простудятся те, от кого зависят наши шкуры, осматривал копыта. Я раздул огонек и теперь разглядывал темную полосу на серой потрескавшейся коре. За все путешествие впервые вижу следы других людей. Кто-то развел однажды слишком большой огонь рядом со стволом.

Осмотрев коней, отпустил пастись, предварительно стреножив, Гендельсон доставал из мешка еду. Если в Зорре снабжал провиантом всю армию, то сейчас армия несколько сократилась. До двух человек, если его считать тоже в составе армии. Тем проще ему готовить, разогревать и вообще следить, чтобы наши мешки не слишком уж пустели.

Он разогревал, что-то рассказывал благочестивым тоном, то ли о видениях, то ли о приметах. Я старался не смотреть на его рожу. Пока продираемся через лес, чем-то занят, да и смотрю вперед, но вот у костра только и маячит его толстое каракатинное тело, свет костра играет на его лоснящейся роже. Исхудал, но чтобы его выхудить как следует, до нормального человека, его надо на полгода отправить на зимовку без запасов.

Я стоял и смотрел в темноту. Гендельсон спросил в спину:

— Что там, волки?

— Нет, — ответил я. Подумал, сказал: — А ведь в самом деле... за все время не встретили ни единого волка! И медведей... Ну, медведь не так страшен, они стаями не ходят, а вот если волчья стая попадется... боюсь и представить!

Гендельсон зябко передернул плечами.

— Да, здесь ваш молот не поможет. Налетит с полсотни таких демонов, раздерут мигом!.. Думаю, это мои молитвы нас защищают. У меня вот здесь ладанка, благочестивые монахи зашили в ней щепотку с могилы святого Петра в Святой земле...

— Это которого по его просьбе распяли вверх ногами, — поинтересовался я, — чтобы он не был распят подобно Христу?

— Вниз головой, а не вверх ногами, — сердито поправил он. — А что?

— Да так, — ответил я. — Только мне казалось, что он был похоронен не в Святой земле, сиречь старом Иерусалиме, а где-то в окрестностях Рима...

Он нахмурился, пальцы нервно щупали крохотный мешочек на груди рядом с крупным золотым крестом. Мне почудилось, что совсем близко от нас двигаются огоньки. С той стороны движение воздуха донесло нечто вроде эха голосов. Я опустил пальцы на молот. Холодная рукоять приятно охлаждает разогретые пальцы. Деревья стоят неподвижно, ни одна ветка не шелохнется. Очень негромко слышались голоса, тонкие и почти неслышные, но, как я ощущал инстинктивно, удаляются.

Невольно сделал шаг в ту сторону. Гендельсон сказал настороженно:

— Что случилось?

— Вы слышали пение?

— Нечестивое, — отрезал он.

— Но слышали?

— Да, ну и что?

— Я, пожалуй, взгляну...

— Вы с ума сошли, — воскликнул он. — Ночь — время сатанинских действий. Ночь — время ведьм и нечисти.

— На меня не действует магия, — обронил я скромно. — Это о чем-то говорит?

Он фыркнул:

— О чем хорошем это может говорить?

— Например, что я ну просто святость с головы до ног...

— Скорее, приспешник дьявола, — возразил он. — На змею яд не действует!

Я сделал еще шаг, нога переступила трепещущую границу между светом и тьмой. Некоторое время стоял так, враскорячку, как коммунист в рыночном обществе, Гендельсон что-то бубнил о Деве Марии, это меня подтолкнуло в спину.

Глаза быстро отвыкали от яркого света костра и приносили к рассеянному свету звезд и призрачным лучам ночного солнца упырей, ведьм и нечисти, как говорит Гендельсон. Темные деревья, оказывается, совсем не темные, а залиты серебристым светом. Там, где тень, верно, чернота чернее бездны неба, но если наступать только на освещенное, двигаешься как по ухоженному парку...

Справа деревья расступились, блеснула ровная гладь воды. Серебристая дорожка бежит через все лесное озеро, волн нет, дорожка у того берега шириной в ладонь, у этого — с причал для пароходов. Я на всякий случай сделал несколько шагов в ту сторону, нет, пения здесь не слышно, хотел вернуться, как вдруг над серединой озера появилась фигура в темном плаще. Она зависла над самой водой, почти касаясь ступнями, и медленно поманила меня к себе.

Женщина, молодая женщина, да к тому же не голая, голым я уже не доверяю ни на грош, а целомудренно укутанная в темный плащ, который вообще-то, похоже, синий. Озеро даже не озеро, а так, озерко, с виду совсем мелкое. Но я уже говорил, что не очень-то доверяю воде, если не абсолютно прозрачная, а эта черная как смола, а листья кувшинок белеют смутно, как западни.

Хрен знает, мелькнула мысль, какие там гады на дне. Одни пиявки чего стоят. Правда, меня ни разу не кусали, но я про них читал, теперь вздрагиваю при одном упоминании. Да там вообще может оказаться трясина. И хотя утонуть в трясине или зыбучих песках может только последний лох, но и перемазаться в грязи вот так по собственной воле может только американский спецназовец.

Я покачал головой. Женщина повторила манящий жест. Возможно, может левитировать только над этим местом, а оно за тысячи лет ушло под землю, а сверху образовалось это озеро.

— Нет, — сказал я наконец. — Нет! Женщины вообще злого... временами.

Она приблизилась чуть-чуть. Было ощущение, что преодолевает какую-то преграду. Если так, то с чего решила, что я прорву эту преграду? А что меня может шарахнуть током, не подумала?

— Сожалею, — сказал я тверже, — но у меня этот... обет, во!.. Или иди сюда сама, или жди более храброго. Без обетов.

И без комплексов, добавил я про себя. Что делать, вот как женщины смертельно страшатся мышей и пауков, так я страшусь опустить ногу в заросшее илом болото. Кроме того, возможно, у нее этот жест магический, исполненный силы. Она же не знает, что я такой вот урод, до меня магические флюиды не доходят, а попросту говоря, сквозь мою толстую кожу тонкости магии не действуют.

— Извините, — сказал я и попятился, — как-нибудь в другой раз. Днем. И сапоги болотные надену, чтобы по самые. До свидания!

«Немая, наверное», — мелькнула мысль. Бедняжка, здесь еще не знают языка жестов. Это у нас знает всякий и каждый. Не все, правда, но самые основные может показать любой мальчишка...

Отступая, я наконец укрылся за деревьями, перевел дух. Сзади в ночи горит огонь, даже осветило лицо Гендельсона. Не так уж я далеко и отошел от костра, а уже приключение... Надо возвращаться, я ведь не человек приключений. Я человек, который избегает приключений.

Оглянулся еще раз. Гендельсон как раз подбросил в огонь хворосту, пламя осветило его толстое лицо, широкий нос. Во мне полыхнул гнев, эта свинья смеет трогать тело Лавинии! Она принадлежит ему, сейчас страдает, ибо волей тупых родителей-самодуров повенчана без ее согласия...

Нет, мелькнула злая мысль. Если сейчас вернусь к ко-

стру, я затею ссору. А то и спровоцирую на схватку. Воин он никудышный, но честь заставит взять меч. И тогда я убью. Убью, как собаку. Убью легко и просто, убью с наслаждением. Убью так, чтобы кровь хлестала, как из разрубленной кабаньей туши.

Дыхание вырывалось из меня, как у дракона пламя, глотку жгло, а ногти впились в ладони. Я дышал часто, хрипло, сердце колотится, мышцы напряжены, я уже в схватке, уже убиваю, расчленяю, рассекаю на части...

Ноги едва сдвинулись с места, когда я повернулся и заставил себя двинуться по прямой от костра.

Волшебный лунный свет заливал деревья, ветки выглядели изогнутыми умелым дизайнером. Засмотревшись, я едва не наступил на молодую женщину, что прескокойно спала под могучим дубом. Вокруг блестят выпуклыми боками крупные желуди.

Она проснулась от моих шагов, я видел, как натянула одеяло из шкуры на грудь, но не жестом стыдливости, а чтобы не давать мне счастья лицезреть ее крупные сочные холмы. Брови сдвинулись, красиво и грозно изломанные, в глазах полыхнул огонек гнева. Лицо у нее широкоскулое, но аристократическое, с тонким, красиво вырезанным носом и дивной формы губами, сейчас капризно вздернутыми.

Я засмотрелся на волосы, принял их сперва за наброшенную на голову шкуру длинношерстной овцы, что ниспадает на спину. Одеяло точно такого же цвета и с такой же шерстью. В ее глазах начала разгораться ярость, я выставил перед собой ладони и поспешил отступить.

— Простите, я не хотел вас побеспокоить!.. Я обойду, обойду это место. Я же не знал, что здесь уже занято...

Похоже, она готова была сменить гнев на милость, но я не стал дожидаться, хрен знает в чем будет ее милость, а я только начал гордиться своей стойкостью, воздержанием, целомудренностью даже. Чего стоило отказаться от контакта с рыбой! Ну, не рыбой, конечно, просто приятно думать, что чуть было не переплюнул всех продвинутых и раскованных.

Попятился, обошел за деревьями эту крохотную поляну, и тут до моего слуха снова донеслось прежнее монотонное пение.

Дальше открытое пространство, деревья вдалеке, как черная высокая ограда. Под падающим с неба серебром блестит, как под дождем, часовня из черного камня. Гранит или мрамор, хрен разберет, но вид у нее пугающе свеженький. Но откуда среди леса часовня?

Я вздрогнул, притаился за кустом. За часовней в клубах ночного тумана могилы с каменными крестами. Из тумана выходят черные фигуры, к часовне двигаются медленно, торжественно, словно плывут по воздуху. Кто-то громко читал молитву. Желтые огоньки свечей едва заметно колышутся от движения воздуха.

Внезапно в часовне вспыхнул яркий желтый свет. Мне он показался чересчур ярким и ровным, костер разгорался бы постепенно, а если факел, то от него свет не такой сильный, да и багровости бы побольше, а этот почти солнечный...

Ладонь на молоте вспотела, а железнная болванка накалилась от моего жара. В голове грохот от суматошных мыслей: если там кресты, то это захоронение христиан. С виду очень свежее. И молитва вроде бы молитва, а не... правда, я слышал, что бывают молитвы наоборот, слова произносятся от конца к началу, чтобы вернуть мир к Началу и переграть партию заново.

Фигуры в монашеских одеяниях обошли часовню трижды, там свет вспыхнул ярче, монахи запели все разом и как-то странно быстро, словно через стены, втянулись в часовню. Свет вскоре погас, в часовне стало темно и тихо.

Уже не скрываясь, я поднялся, молот наконец потащился на место. Издали на темном звездном небе рассмотрел могучее дерево, костер, склонившуюся фигуру. Гендельсон, несмотря на усталость, еще не спал. Подпрыгнул, когда я неожиданно вышел из темноты, но его рука метнулась не к мечу, а к сердцу.

— Ну что вы так подкрадываетесь?

— Я топал, как подкованный носорог, — буркнул я.

— А что такое носорог?

— Такой большой зверь, — ответил я рассеянно. — Живет далеко на юге. На крайнем юге...

Гендельсон посматривал на меня почему-то опасливо и как-то странно, а я сел и машинально подбрасывал в огонь веточки. В черепе винегрет из разноречивых идей, идиотских предположений, гипотез. Поленья с сухим треском медленно распадаются на крупные угли рубинового цвета. От них идет хороший сухой жар, мысли начинают упорядочиваться, сейчас я все наконец пойму...

В темноте послышались шаги. Гендельсон услышал, охнулся, его пальцы наконец метнулись к рукояти меча. Из ночи что-то двигается в нашу сторону. Нет, кто-то, а не что-то, шаги явно человеческие. Я вытащил меч, потом подумал и взял молот. Это хоть и похоже на выстрел из гранатомета, но по мне в夜里 лучше перебдеть, чем недобдеть.

Глава 23

Темные тучи на миг посветлели, в разрыв проглянула луна. В нашу сторону медленно шагал высокий мужчина. Одежда на нем истлела, висит лохмотьями, но смертельно-бледное изможденное лицо уцелело, если, конечно, это мертвяк. Он держал на руках молодую женщину в ночной рубашке. Одной поддерживал под колени, другой под спину, так что пальцы доставали ее груди. Кончики вжимались при каждом шаге, там пружинило, сама грудь призывающе колыхалась. Значит, еще не окоченела, трупное окоченение, как я помнил откуда-то, начинается через пару часов. Или раньше.

Я опустил молот. Пока у этого заняты руки, хрен он опасен. Да и вообще никто с женщиной на руках не опасен, он сам обычно жертва.

Мужчина замедлил шаг. На смертельно бледном лице остро выступают скулы, ярко выделяются угольно-черные косматые брови. Идут от уха толстой дугой, смыкаются над переносицей. Мне показалось, что на щеках какие-то по-

лосы. Мужчина медленно поднял тяжелые бледные веки, полосы пропали. Я понял, что это ресницы. По спине пропал озноб, ибо в этом ночном мире, когда есть только переходящие одна в другую белые и черные краски, глаза у него ярко-красные, как включенные габариты машины.

Он мгновение изучал нас, а я его. Когда он начал раскрывать рот, я вздрогнул: клыки как у лесного кабана, а нижние зубы, напротив, — желтые, сточенные. По коже прошел холодок от ледяного замогильного голоса:

— Вот... Она невинна...

Гендельсон отпрянул, одной рукой торопливо и мелко-мелко крестился, другой вытащил крест и загораживался им, словно башенным щитом. Мужчина в его сторону не повел даже глазом. Глядя мне в лицо, повелительным жестом протянул женщину. Я, как дурак, машинально взял. Живая, озябла, но спит, как медведица в январе. В моих руках мягкое податливое тело, едва-едва прикрытое ночной рубашкой... черт, это же не рубашка, а саван. Ее тело перетекает в моих руках, как теплое молоко в большом целлофановом пакете.

— Ну и что? — спросил я.

— Она... — выговорил мужчина с трудом, — не должна, страдать...

Гендельсон прокричал:

— Изыди, сатана!.. Изыди, отродье!.. Господом нашим заклинаю... мощами Господними... тьфу, мощами святых и апостолов повелеваю изыднуть туда, откуда...

Я спросил, все еще держа ее на руках:

— Где ты ее выкопал?

— Я... — проговорил мужчина все тем же мертвым голосом, мне показалось, что он не слышит и не видит нас, а если и видит, то как смутные тени, — я... выполнил... Огонь и ад... но я должен был...

Он отступил, я раскрыл рот, чтобы расспросить, что за девица и куда ее деть, но тьма поглотила его, словно растворила клочок тумана. Гендельсон перестал бормотать, сказал с облегчением:

— Это я его отогнал святыми молитвами! Жаль, не было святой воды... от него бы только смрадный дух...

— Нам только смрада не хватало, — ответил я. — А так ушел и ушел... Черт, а куда вот это?

Гендельсон смотрел на спящую женщину то со страхом, то с видом Христа Спасителя, и в эти мгновения мои руки с бабой тянулись к нему: на, разбирайся сам.

— Надеюсь, — сказал он наконец с некоторым сомнением в голосе, — это невинная агница.

Я опустил женщину возле костра. Если ее выкопали, а в Средние века часто по ошибке хоронили живых, то тело промерзло бы или хотя бы застыло, хоть тут и не зона вечной мерзлоты, а она вроде бы не совсем мамонт.

— Но какого черта, — пробормотал я. — И... зачем?

Гендельсон сказал сурово:

— Сэр Ричард, этим надо гордиться.

— Чем?

— Что выпало именно вам.

— Да чем гордиться? — возразил я злобно. — Ехали бы и ехали по своему делу. Нам вообще-то надо не ехать, а не-стись сломя голову! А так... на фига она мне? Куда везти, в чьи руки пристраивать? Почему этот дурак, что выкопался из могилки, уверен, что я тут же брошу все и кинусь пристраивать эту девицу? А может, она коммунистка? Или хуже того — демократка?

Гендельсон переспросил с недоумением:

— Почему? Как это почему? А как же иначе?.. Ведь мы — мужчины.

— Ну?

— А она — женщина, — растолковал он, как идиоту.

Женщина все еще не двигалась, лежала, как снулая рыба на берегу после отлива. Я присел, потрогал ей на шее место, где артерия. Под пальцами слабо чувствовались едва слышимые толчки.

— Цела, — сказал я с облегчением.

— Откуда вы это знаете?

— А вампы всегда кусают за яремную жилу, — объяснял я. — Вот тут...

Он отшатнулся от моих пальцев.

— На мне не показывайте!

— Почему?

— Нехорошо, — ответил он сердито. — Примета такая!.. А почему он ее не тронул? Не успел?

— На это много времени не надо, — ответил я задумчиво. — Он же там мог с нею сделать что угодно. Может быть, что-то и сделал, но кровь не пил, это точно... Черт, недаром же на этом наживаются фабриканты всякой косметики...

Он спросил непонимающее:

— На чем?

— На красивую женщину, — сказал я, — даже злой пес не гавкнет. Красота — страшная сила!.. Красота если и не спасет мир, но по крайней мере может служить некоторой защитой. А если еще усилить ее надлежащей косметикой, дезодорантами, духами, татуашью, макияжем — то станет средством нападения.

Но, глядя на женщину, я признал, что настоящая красота не нуждается в дополнительных украшениях. Как раз больше красит ее отсутствие украшений. Красота — это обещание счастья, я уже чувствовал, как у меня теплеет в груди. Бывают столь совершенные виды красоты, что люди, тронутые ими, ограничиваются тем, что только говорят о них и любуются ими. Лишите мир красоты, и вы лишите его половины нравственности, половины его правил. Даже вампир не смог причинить ей вреда, вынес к нам навстречу, рискуя своей шкурой.

Гендельсон постоянно крестился, шептал молитвы, хватался за крест на шее, наконец сказал с мукой в голосе:

— Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины!

— Да ладно вам, — сказал я. — Что, наш Господь — последний лох? Если создал такую красоту, то зазря? Вы не слышали, что красота спасет мир?.. А мы ей поможем в благородном деле спасения, чтобы уроды не погубили его раньше.

Гендельсон снял с плеч плащ и укрыл ее, заботливо подткнув со спины, приподнял ей ноги и заправил плащ, чтобы прижимала босыми ступнями. Я бросил остатки хвороста в огонь, лег с подветренной, как предполагал, стороны, но не угадаешь, полное затишье. Гендельсон тоже лег, зябко ежился, кривился. Багровые отблески играли на его лице, делая морщины резче и глубже.

Языки пламени иногда вырывали из тьмы стволы деревьев. Всякий раз казалось, что чуточку сместились в сторону, придвинулись или, напротив, отступили на шагок. Стали слышны шорохи, потрескивание, даже далекие голоса зверей. Или не зверей, но явно голоса — протяжные, зовущие, тоскливые, похожие на завывания в адском огне грешников.

Гендельсон забормотал молитвы. В руке блеснул золотой крест, я услышал звучное чмоканье, это называется приложиться, хотя в моем мире это слово приобрело совсем другое значение. А здесь просто говорят, что такой-то приложился, и не надо уточнять, что именно к кресту, а не к бутылке.

Глаза иногда вылавливали в темноте двигающиеся тени, силуэты, фигуры. Однажды почти на грани освещенного круга прошла молодая красивая женщина, конечно же, обнаженная и, конечно же, с грудью а-ля Лара Крофт... нет, как у Дрюны, у той вообще как два тарана, а рядом с женщиной двигалась огромная безобразная тварь. Если предыдущие красотки дефилировали с тиграми и леопёrdами, то у этой вообще тварь сплошь из рогов, шипов, наростов, выступов, костищных гребней, бронированных плит.

— Ну почему, — вздохнул я, — они все с этими чудовищами?

— Чтоб оттенить свою красоту? — предположил Гендельсон.

— Рядом с таким зверюгой эта мордашка выглядит вполне пристойно, — сказал я и осекся. Посмотрел на Гендельсона дикими глазами. — Вы что, тоже видели женщину?

Он ответил сварливо:

— Не женщину!.. Не женщину, сэр Ричард.

— А... что?

— Сатанинское видение, призванное... да-да, призванное или вызванное из адских глубин, дабы поколебать, сорвать...

— Но в виде голой бабы, — спросил я торопливо, — с вот такой задницей? И еще она вот так двигала половинками, раскачивала бедрами...

Он взмолился:

— Только не живописуйте! Вы тем самым усиливаете мощь дьявола, распаляя свою и без того уже... плоть. Держитесь, сэр Ричард!

Я умолк, но сердце колотится бешено, теперь уже не заснуть. Если и Гендельсон видел то же самое, то это не глюки, не видения, которые привыкший к упорядочиванию мозг формирует из смутных теней. Двое разных людей не могут в одном плывущем по небу облаке увидеть одно и то же.

И все-таки на рассвете я ухитрился не заснуть, а проснуться. Как отрубился, не помню, может быть, этот храп с той стороны костра, эта туша аж содрогается, выпуская из себя то мощный рев взлетающего истребителя, то мокрое бульканье уходящего вглубь «Титаника».

Женщина лежит в той же позе, но я увидел ее испуганные глаза, что следили за каждым моим движением. Я улыбнулся ей как можно дружелюбнее.

— Доброе утро! Как спалось?

Она прошептала тихим испуганным голосом:

— Утро доброе... Спасибо, но мне снились кошмары...

Или я и сейчас сплю?

— Меня зовут Ричард Длинные Руки, — сказал я. — Это вот сэр Гендельсон, очень богатый и владетельный вельможа. Мы едем по своим делам, никого не трогаем, драк избегаем. А кто их не избегает с такими вот овечками, тех уже устали закапывать. Так оставляем. На расклев. А вы, леди...

— Альдина, — сказала она. — леди Альдина. Я ничего не понимаю... Я, помню, очень хотела спать, едва добралась до своих покоев, тут же заснула. Подозреваю, что мне подмешали нечто в питье... Но как я оказалась здесь? Вы меня выкрали сонную?

Я промямлил:

— Не совсем так, леди Альдина. Мы сейчас перекусим, чем Бог послал... вы как с Богом, в ладах?.. А с каким из них? Ладно-ладно, а потом довезем до ближайшей деревни, откуда уже ножками-ножками. Или на телеге, если там отыщется.

Она наконец решилась привстать, села, грациозно опираясь красивой тонкой аристократической рукой о землю. На меня смотрела недоверчиво.

— Звучит так, словно вы отбили меня у каких-то неведомых разбойников, что похитили прямо из спальни... а теперь даже не желаете воспользоваться гостеприимством нашего благородного дома?

— Мы очень спешим, — объяснил я. Оглянулся в раздражении. — Сэр Гендельсон, поднимайтесь!.. Вы у нас интендант или где?.. Благородная леди Альдина изволит откушать...

Гендельсон дернулся, всхрапнул напоследок. Тяжелые веки, еще больше набрякшие за ночь, начали медленно подниматься. Но когда увидел леди Альдину, глаза распахнулись, как двери храма на праздник Совлачения. А спасенная наконец обратила внимание на свой наряд, смотрела сперва с недоумением, потом бледные щеки стали совсем желтыми.

— Почему... почему на мне это?

— Ну, — сказал я осторожно, — наверное, мода поменялась... Стало принято ложиться спать вот в таком по-какое... Вот сюда бы еще рюшечки добавить, и в самый раз можно на конкурс!..

— Рюшечки? — переспросила она с ужасом. — Но это же... это же саван!

— А почему на саване нельзя рюшечки? — удивился я. — Вы женщина, а не понимаете необходимости рюшечек, выточек, аппликаций, стразов, фестончиков, сюсялек, тютишек, всевозможных имиджушек?

— Да, но... — сказала она нерешительно, — я ложилась не... в этом. И не... здесь.

— Это ничего, — утешил я, — у меня тоже бывало, что

на другой день ничего не помнишь: где, сколько, с кем, когда, а что потом и почему утром так болит голова. Главное, что сейчас уже все позади. Вы вернетесь к себе и разберетесь, кто над вами так пошутил.

Гендельсон так старательно прислушивался к нашей беседе, что едва не сжег последние ломтики мяса, а хлебные лепешки все-таки подгорели. Леди Альдина приняла лепешку с некоторой брезгливостью, едва не выронила на ногу, лепешка не только по твердости поспорит с гранитом, но и весит, как валун.

— А вы, — сказала она, — ну... словом, я слышала много историй, как некие грабители откапывали могилу, куда падру суток тому захоронили молодую женщину с множеством украшений на ней, а она, оказывается, просто заснула...

Она запнулась. Гендельсон засопел, я сказал сочувствуяще:

— Вы мужественная женщина, леди Альдина. Видимо, мужчины в вашем королевстве не очень, если вам приходится проявлять такую удивительную стойкость духа. Нет, мы не грабители, уверяю вас.

— Это к тому, — перебила она, — что хотя на мне почём-то нет никаких украшений, а я не снимаю на ночь кольца, серьги, браслеты... но за меня можно получить выкуп.

— Мы не грабители, — повторил я, — хотя вот тот, что жарит лепешки, конечно, похож, признаю. Кушайте, вам еще можно мучное. Если вы узнаете этот лес, подскажите, в какую сторону ехать, чтобы вас быстрее... ну, передать на руки родителям. Или просто доставить в те места, откуда добежите сами.

Она даже не посмотрела по сторонам, голос стал чуточку гендельсонистее:

— Вы допускаете мысль, что порядочная и целомудренная девушка знает окрестные леса?

Гендельсон посмотрел на меня с укоризной, покачал головой. Мне почудилось, что покрутил бы пальцем у виска, если бы знал этот жест.

Деревья заскользили в стороны, понеслись за наши

спины с ревностью, словно это они выспались и позавтракали. Леди Альдина сидела за спиной Гендельсона, ему больше доверяла: постарше, в нем чувствуется баронскость, порода, а от меня можно ждать всего, от изнасилования и до продажи в рабство. Или то и другое, хотя, конечно, здесь за девственницу дают гораздо больше.

По ручью приехали в деревушку, Гендельсон умело отобрал двух крепких коней, сторговался, наших измученных и со сбитыми ногами сплавили за четверть цены. На леди Альдину произвело впечатление, с каким равнодушiem я доставал золотые монеты, ведь даже баронистый Гендельсон торговался и бранился, как торговка рыбой. Трижды расходились, бегали друг за другом, били по плечам, наконец ударили по рукам, и вот они, наши кони.

Леди Альдина деревню не узнала, она ж затворница и вообще девственница, но зато ее признали крестьяне, что возят в замок мясо, рыбу, зерно. Смотрели с ужасом, крестились, что значило — уже знают о ее кончине. Я дал золотую монету кузнецу, он как раз проверял коней, кивнул на бледную девушку:

— Сумеешь доставить в замок?

— К обеду будет там, — заверил он. — Спасибо, ваша милость! Честно говоря, мы бы и так отвезли, она... хорошая госпожа, добрая, но с вашей щедрости на руках отнесем!

Леди Альдина смотрела на меня широко распахнутыми глазами. Руки по-прежнему держала на груди, ибо у саванов характерный покрой: вырез до самого низа живота, что понятно — иначе не натянуть на закоченевшего покойника, но мне почудилось по ее лицу, что она в эту минуту готова отпустить ворот, а то и рвануть за края в стороны.

— Благородные сэры, — произнесла она тихо, — вы так и не заедете в наш замок?.. Призательность моих убитых горем родителей не будет знать границ!.. Да и моя... тоже.

Последние слова она добавила совсем шепотом, но жаркий румянец все же залил ее щеки. Она смотрела умоляюще. Гендельсон заколебался, затем лицо потвердело, в гла-

зах появилась решимость. Он подобрал поводья коня и сказал звучным рыцарским голосом:

— Прощайте, леди Альдина!.. Нам надо спешить.

Дремучие леса остались позади, наши кони карабкались по голым склонам и косогорам. Земля изрыта оврагами, холмы теснятся, как стада овец, все чаще попадаются скалы, а то и каменистые возвышенности, кладбища рассыпавшихся от древности гор.

Я снова и снова вспоминал красотку, что из рук в руки передал мне вампир. Ладони иногда начинали чувствовать вес ее мягкого податливого тела, а пальцы сами по себе подрагивали, уже задирая ей подол, то бишь саван. Нет, не просто обилием голых бабс берет Самаэль. Остальных мужланов можно просто голыми бабсами и доступностью их тел, а нас двоих... вернее, меня, именно спасаемыми, спасенными. Ведь мы сразу герои, нас забросают цветами, как победителей чудовищ, спасителей, освободителей. А спасенная будет благодарна по гроб жизни и никогда не посмеет посмотреть на другого мужчину...

Не в этом ли приманка с крючком для героя?

Некоторое время я поворачивал эту идею так и эдак, наконец решил, что справлюсь. Самаэль как-то упустил, что меня ждет Лавиния. А это такой весомый фактор, что я ради своей непорочности пожертвовал спасением или выволакиванием целого народа из болот и озер обратно на сушу.

На вершине холма мы остановились перевести дух. В лицо дул холодный ветер, в темном небе холодно поблескивают осколки мирового льда. Пора развести костер и перевести дух, но я все смотрел вперед, надеясь пройти передnochlegom еще хотя бы милю.

Там, на горизонте, вспыхивают зловещие багровые огни. Иногда я смутно видел лиловый отблеск, что уходит в небо и растворяется. Если мы не сбились с дороги, то там лежит Кернель.

На второй день после леди Альдины прямую дорогу преградило коричневое болото. Вода мутная, словно только что по ней прошли тысячи ног и подняли со дна ил, но

широкие листья кувшинок застыли, как приклеенные. На них греются под скучными лучами солнца лягушки... если это лягушки, слишком уж толстые, безглазые, но с высокими гребнями на спинах, как у злых рыб.

Пучками торчат покрытые слизью тростники. Значит, болото неглубокое, но я всегда с содроганием захожу в воду, если не вижу дна. Болото тянется направо и налево, тягается в плотном тумане. Впереди тоже туман, я с тоской думал, что будет, если там в тумане тростники исчезнут. Это означает только глыбы, что еще хуже и даже хуже.

— За этими болотами прямой путь к Кернелю, — сказал Гендельсон тихо. — Там каменистая равнина, удивительная равнина, словно вымощенная огромными плитами...

— Вы там бывали, сэр?

— Нет, но я много читал: — Он перехватил мой взгляд, сказал почти виновато: — Я вообще люблю читать и... читаю много. Там узкая долина, хотя и очень ровная, на ней гремели все важнейшие битвы последних трехсот лет. Там все пропитано кровью, стаями летают призраки... Но, хотя это и лучшая из дорог... или, вернее, потому что это лучшая из дорог, она считается дорогой армий Карла.

— Но империя Карла далеко...

— Лучшая дорога принадлежит сильнейшему, — сказал он с горечью. — А сильнейший сейчас — Карл!.. И горе тому, кто попадется на его пути.

— Не плачьте, сэр, — бросил я. — О Зорр он уже обломал когти.

— Когти, но не зубы.

— А зубы вышибем мы, — пообещал я гордо.

Под ногой твердь расступилась, я ухнул с головой в трясину. К счастью, успел инстинктивно разбросать руки, пальцы ухватились за корни, вынырнул, но грязная вода стекает по лицу, одежда сразу промокла, а под рубашкой быстро-быстро извивается какая-то ополоумевшая от ужаса рыбешка. Или жабенок.

Волосы сзади прищемило, это Гендельсон, оказывает-

ся, тащит меня за шиворот. Я выплюнул изо рта сгусток слизи, что норовил пробраться в глотку, сказал хрипло:

— Сэр Гендельсон, спасибо, но вы сами не провалитесь... У вас еще та задница.

Он все же помог выбраться на твердое, здесь по колено, тогда лишь сказал сварливо:

— Что-то вы чересчур засматриваетесь на мою задницу. Но у меня есть не только она, сэр Ричард!

— Извините, сэр Гендельсон, — пробормотал я. — Я хотел сказать, что вы весь... можно сказать целиком... уф-уф!.. еще та... в смысле человек с весом.

— Да, — ответил он с вызовом, — я — человек с весом!

Через болото продирались весь день. Я уже жалел, что тащим за собой коней, без них бы шли втрое быстрее. Ночь застала на одном из островков, там три жалких болезненных деревца, жесткая болотная трава. Огонь развели скучный, только и надежды, что по болоту к нам не станут подбираться крупные звери. А если и станут, то по шлепанью и плеску издали услышим самых упорных, кто еще не утонул по дороге.

Доели мясо, Гендельсон ехидно напомнил, что пора бы подшибить что-то из такого, что можно в пищу. Я отомстил, сообщив, что употреблять можно абсолютно все, ибо съедобным или несъедобным делают только человеческие ритуалы, запреты, суеверия, дурость и тупость, выбирайте по своему ясновельможному вкусу.

— А как же тогда Господь Бог... — начал Гендельсон.

Он умолк, задрал голову. Я тоже вскинул взгляд на темное небо. На фоне звезд пронеслась черная тень. Было в ней что-то жуткое, более жуткое, чем если бы это летел дракон. Это летела, казалось, сама костлявая смерть с ее угловатыми, словно нарочито изломанными крыльями.

Мы застыли, Гендельсон укрылся за деревом. Черная тень прошла над самыми нашими головами. Сверху обрушился пронзительный крик, ужасный, режущий, взламывающий перепонки. Я прижал к ушам ладони.

Жуткая тень ушла в ту сторону, куда мы двигаемся все

дни, но я видел, как она сделала широкой разворот. На этот раз на ее спине отчетливо мелькнула фигурка согнувшегося навстречу ветру человека.

Я сказал торопливо:

- Он летит снова!.. Чтоб ни звука!
- Я не смогу, — простонал Гендельсон.
- Зажмите уши! — велел я злобно. — Коленями!

Он согнулся у самой земли, но лунный луч прорвался сквозь облака и упал на его скрюченную фигуру. Гендельсон вскрикнул и попытался заползти с другой стороны дерева. Крылатый зверь хрюпло каркнул, звук был металлический, абсолютно не животный. Я затаился в тени, ладонь вспотела на рукояти молота.

Зверь пролетел над Гендельсоном, наездник быстро метнул дротик. Я услышал сухой стук, дерево вздрогнуло. Я не поверил своим глазам, дротик пробил дерево насквозь на палец выше головы Гендельсона. Острие высунулось с другой стороны. Гендельсон вскрикнул и помчался, как заяц, на другую сторону островка. Зверь сделал быстрый и широкий разворот, помчался над самой землей. Клюв распахнулся, блеснули острые зубы. А наездник уже держал в руке второй дротик...

На этот раз не промахнется, мелькнуло в моей голове. Сейчас это препятствие на пути к Лавинии исчезнет с моей дороги... Не прерывая этой ликующей мысли, я метнул молот. Зверь распахнул пасть, наездник замахнулся, а молот ударил зверя сбоку в голову.

Их занесло, зверь со страшной силой ударился в деревья. Был треск, ломались стволы, зверь был тяжел и крепок, как танк. Шумно плеснула вода, и тут же сильный удар в воду, новый плеск, уже не падающие вершинки, а словно падение крупного метеорита.

Гендельсон отжался из грязи на дрожащих руках. Он весь был облеплен слизью, водорослями, от него пахло тиной и болотом. Я видел его широко раскрытые глаза, уже не свинячьи, похудел так, что глаза почти человечьи.

— Что... это упало в болото?

— Да, — ответил я угрюмо. Мои пальцы наконец повесили молот на пояс. — Упало.

Он подхватил меч и развернулся в сторону болота. На месте трех деревьев белеют расщепленные пни. Сами деревья медленно погружались и не могли погрузиться в болото. Луна снова спряталась, мы видели на месте падения только черную массу. Что-то ворочалось, трепыхалось. Но ги увязали в грязи, Гендельсон даже вошел в воду, вытягивал шею, всматривался.

— А всадник?.. Не выжил ли?

— Вряд ли, — ответил я с сомнением. — Его должно было расплескать о деревья... Или придавить тушей. Всегда столкновение было... весьма.

Он сказал с недоумением:

— Но как он... в темноте?

— Значит, есть и такая порода, — предположил я. — Помесь с совой. Нет, с летучей мышью. Хуже другое...

— Что может быть хуже?

— Он летел прямо сюда. По нашему следу. Как будто ему кто-то указал, куда мы пошли.

Даже при лунном свете было видно, как посерело лицо Гендельсона.

— Кто?

Я пожал плечами.

— А сейчас это важно? Что, вернемся и набьем морду? Надо идти дальше, другого ничего не остается.

Он пощупал на груди кожаный мешочек с талисманом. Лицо напряглось, черты заострились, он сказал хриплым голосом:

— Тогда нам стоит лечь спать. Он не смог вернуться и донести, где мы. А утром нам нужны будут силы. Не думаю, что это болото тянется до самого Кернеля!

Еще бы, подумал я. Кернель где-то высоко в горах. Даже в непроходимых горах. Но когда этот дракон с наездником не вернутся, их хозяин как раз и поймет, что они нарвались... И что мы в состоянии дать такому дракону отпор.

А в таких случаях посылают парней покрепче. Вот таких парней, с крыльями.

Глава 24

Самое правильное было бы бежать через болото весь остаток ночи, лучше не в сторону Кернеля, а вправо или влево, но нас настолько измучил дневной переход, что сбрали разбежавшихся коней, заново развели костер и свалились без сил. Ночью мне впервые не пригрезилась танцующая фея, зато снились окорока, карбонаты, шейки, хорошо прожаренный бифштекс. Проснулись, лязгая зубами, хотя костер ухитрился гореть всю ночь. Но утром здесь сурое, мрачное, земля холодная, а воздух промозглый, которым тяжело дышать. Серое болото, казалось, отражается и на небе: там тоже все серое, удушливое и тяжелое, как промокшая старая шкура.

Болото иногда прерывалось лугом, как нам казалось, Гендельсон тут же начинал благодарственную молитву, но короткий луг оказывался лишь отмелью в нескончаемом болоте. Дальше снова топкая грязь, редкие островки тростника, мохнатые высокие кочки, толстое одеяло мха, что угрожающе прогибается при каждом шаге. Я чувствовал, что именно под этим обманчивым ковром и таятся самые глубокие омыты, обходил их, старался двигаться, ориентируясь на пучки травы и тростника.

Голодные кони на ходу хватали жесткие стебли, жалобно ржали. Губы моего коня уже изрезаны, капает тягучая густая кровь.

Гнилой туман то сгущался, то рассеивался. В минуты просветления мы видели бесконечный затопленный мир, где пучки травы торчат из смрадной воды, как верхушки затопленных деревьев. Болото наложило свой отпечаток гниения на все, даже листья кувшинок здесь коричневые, с изъеденными краями.

Едва где-то показывалось что-то шевелящееся, я швырял туда молот. Гендельсон сперва радовался, потом усомнился: не пришибу ли невинную душу. Я хмуро поинтересовался, какая это невинная душа полезет в это болото и с какой целью.

Он возразил, что мы же лазаем, у меня не нашлось аргументов, да и рука устала, так что молот снова занял место на пояссе. Но все же даже при таком милосердии я трижды, если не больше, подшибал в тумане нечто крупное. Всякий раз огромное животное то ли находило в себе силы убежать, то ли тонуло, но я был счастлив, что даже не видел этих чудовищ. Воображение подсказывает, что в болоте звери должны быть отвратительнее, чем в лесу или горах.

Гнилая вода начала прерываться торфяниками, наконец сменилась ими полностью. Мы забрались в седла, проехали еще с полмили, я ощутил, как под кожу забирается гаденький страх. Впереди потянулись поля черной, расщекавшейся на ровные квадратики грязи. Многие ухитрились даже свернуться в трубочки, но сухая грязь везде, напоминая, что совсем недавно это то ли было дном, то ли здесь был огромный прилив, задержавшийся на годы.

Я оглянулся, за нами двигался серый сырой туман. Он уже закрыл болото, теперь надвигался грозный и пугающий. Но воздух стал заметно чище, я ощутил наконец, какой гадостью мы дышали в этом смрадном болоте.

Прекрасные холодные горы стали заметно ближе. Ка-залось, до них рукой подать, я уже различал глубокие трещины, нависающие уступы, яркий блеск чистого льда больно слепил глаза.

— Впереди Кернель, — повторил Гендельсон уже в который раз. — Мы его почти достигли!

— Почти, — ответил я, — но от «почти» до «достигли» огромная дистанция.

Он положил руку на рукоять меча, гордо выпрямился.

— Так чего же мы стоим?

Дурак, подумал я раздраженно, но пустил своего коня вперед осторожной рысью. Я не баба из придворной челяди, чтобы передо мной красоваться. Уж я-то вижу тебя насквозь, пустозвон. Побереги свои позы до того времени, когда вернешься. Даже не «когда», а «если»...

Вороны каркали злобно и торжествующе. Мы выехали на пригорок, я успел увидеть с полдюжины черных птиц,

дрались над ободранной тушей какого-то зверя. Гендельсон заорал диким голосом, конь ринулся вперед, как стрела. Я успел подумать насмешливо, что против ворон он как раз настоящий воин, сейчас все в страхе разлетятся перед его могучим рыцарским натиском, его оружием, его доблестью...

Вороны взлетели, с грозным хаем кружились над трупом, орали и ругались. Я видел, как в кусты ринулась пара мелких зверьков, похожих на крыс. Гендельсон торопливо слез, соскользнув пузом по конскому боку, а когда я подъехал, он уже стоял на коленях перед тем, что я сперва принял за освежеванную тушу зверя.

Человек был с содранной заживо кожей, распоротым животом. Его распяли, вбив в землю по колышку и привязав руки и ноги. На животе зияла страшная широкая рана, кишки вытащили наружу и вывалили на землю в пыль и грязь. Половина из них была изгрызена мелкими зубами.

Я слез, потоптался за спиной Гендельсона. Лицо человека было обезображенено, кожа в страшных волдырях от ожогов. В пустых глазницах запеклись коричневые струпья. Один глаз, как я понял, ему выжгли факелом, вон следы обугленного мяса, а второй глаз... второй только что выклевали вороны. Мучители оставили ему зрение, чтобы он видел, что его ждет.

Гендельсон громко и вдохновенно читал молитву. Внезапно, я не поверил себе, обугленные губы человека зашевелились, мы услышали хриплое:

— Люди...

Гендельсон воскликнул:

— Да-да, говори!.. Господь услышал тебя!

Господом прикидываешься, подумал я изумленно, потом сообразил, что это стандартная форма, присел на корточки, отмахнулся от мух. В отличие от злобно каркающих ворон, решивших наверняка, что мы сами принялись жрать добычу, мухи и при нас жадно облепляли покрытое сукровицей тело умирающего.

— Хорошо, — прошептал человек.

— Ты христианин? — спросил Гендельсон требовательно. — Если нет, то еще не поздно принять веру Христа, покаяться в грехах...

— Христианин, — ответил человек едва слышно, но, мне показалось, довольно равнодушно.

Я торопливо перерезал веревки, однако руки и ноги человека оставались в том же положении распятости. Гендельсон возликовал и начал бормотать молитву громче, стащил с шеи огромный золотой крест, любой поп позавидует, приложил к черным потрескавшимся губам умирающего.

Я услышал шепот:

— Я умираю... И я больше всего жалею, что не могу... не могу...

— Что? — спросил я жадно.

— ...не могу... увидеть...

Гендельсон сказал торжественно:

— Уверяю тебя, что еще сегодня ты узришь Царствие Господне! Ибо ты умер как христианин, приняв пытки и мученическую смерть...

Умирающий прошептал из последних сил:

— Да в жопу твое Царствие!.. Я не увижу больше Тронный Зал подземных королей...

Гендельсон отпрянул, оскорбленный, а я быстро спросил, насторожившись:

— А что это?

Гендельсон сказал шокированно:

— Сэр Ричард, дайте же ему спокойно умереть.

— Помолчите, — оборвал я. — Так что это за Тронный Зал?

— Сэр Ричард, — сказал Гендельсон. — Вы не понимаете... В последние минуты жизни человек должен о жизни... О вечной жизни, которая его ожидает!

— Он и думает, — отмахнулся я.

— Не мешайте ему! Он должен войти покаявшись...

Умирающий прошептал, уже в забытьи:

— Они бесконечны... они прекрасны, они дивны... они волшебны... Там негаснущий свет, там подземные озера и

дивные своды... Там волшебные колонны встают из пола, а навстречу, как зубы дракона, устремляются другие... дивной красоты...

— Где они? — спросил громко. — Где?

— Там только в одной стене, — срывалось с губ все быстрее, но тише и тише, я почти приложил ухо к его губам, — драгоценных камней больше, чем в иных королевствах во всех сундуках... Там дивные троны выточены просто из камня, там один зал переходит в другой, еще краше, а когда... когда поднимаешь взор, там ажурные переходы, там мостики, что идут из стены в стену... не иначе, как могучие колдуны ходят по ним и ходят сквозь стены... и везде широкие лестницы, что ведут еще ниже... еще глубже... там пещеры еще удивительнее... ибо они лучше сохранились со времен Древнего Народа...

Он говорил все горячечнее, у него начался предсмертный бред. Он уже не узнавал нас, не отвечал на вопросы. Гендельсон громко и торжественно читал молитву. Для заупокойной рано, наверное — провожальную. Или рекомендательную, в которой сообщалось о заслугах мученика за веру.

Я лично сомневался, что он умер именно за веру, но для Гендельсона было достаточно, что безымянный умер от руки Тьмы.

Лицо мученика перестало дергаться, тело вытянулось, ноги дважды сипнулись и застыли. Гендельсон заговорил громче, торжественнее. Я старательно укладывал в голове все, что тот сказал о подземных пещерах. Конечно, любой на моем месте тут же забыл бы о странном рассказе, просто бред умирающего, но я... я не любой.

В мои думы ворвался строгий голос:

— Сэр Ричард, надо бы похоронить этого человека...

Гендельсон смотрел на меня требовательно. Похоронить, да еще по-христиански, как он сейчас скажет, это копать могилу. А копать — это дело простолюдина. Или того, кто совсем недавно был простолюдином. Не унизится же до копательства сам потомок древнего рода? Влиятельнейший барон Гендельсон, владетель земель здесь и там?

— Этот человек, — сказал я, — мог быть огнепоклонником... и мы только оскорбим его веру, предав его земле... Или — мусульманином, а их вроде бы принято сжигать... или нет? Словом, имеем ли мы моральное право вмешиваться?

Гендельсон смотрел на меня с ужасом.

— Сэр Ричард!

— Да?

— Сэр Ричард... как вы можете?.. Он же сказал, что он христианин! Вы хотите сказать, что он мог сорвать на смертном одре?

Я посмотрел на него, на распостертое тело, над которым снова начали кружить мухи. Странная печаль вошла в грудь, там защемило, во рту появилась горечь.

— Да, — сказал я, — да, сэр Гендельсон, вы правы, а я свинья... Мы похороним его по-христиански.

Яму удалось отрыть не ахти какую глубокую, зато сверху навалили столько камней, что слон не разроет. Я отряхнул руки, ноги дрожали от усталости. Когда-нибудь, когда будет свободная минута, я обязательно доберусь до этих подземных городов. Это понятно, что в недрах, в пещерах лучше сохранилось все, что туда попало. На поверхности могут проноситься хоть тучи саранчи, хоть пыльные бури или атомные смерчи... вызванные то ли ударом кометы, то ли атомными войнами, но в пещерах все останется целым...

И там, возможно, я отыщу ответы на все вопросы.

Наши кони с разбегу вбежали в высокие камыши; пронеслись по ним, как лесные кабаны. Под ногами захлюпала вода, камыши разом кончились, кони выскочили на открытую воду.

На той стороне речушки к берегу торопливо плыла девушка. Черные как ночь волосы стелились по воде. Она красиво и быстро забрасывала руки вперед, двигаясь дикарской, но очень энергичной разновидностью кроля. Возле самого берега встала на ноги, и я понял, почему плыла, а не бежала: это у нашей стороны берег пологий, а с той — обрывистый, вода достигла ей до середины бедер, удивительно широких, крутых, снежно-белых. Мы увидели снеж-

но-белые ягодицы, похожие на горы сахара. В следующее мгновение она цапнула с берега меч, круто обернулась. Меч держала обеими руками, длинное острое лезвие направлено в нашу сторону.

На лице отразилась досада: за плеском и шумом воды она не могла рассчитать, насколько мы близко, и, чтобы не потерять драгоценные мгновения, схватила меч сразу, хотя успела бы выбраться на отвесный берег. Там прямо на берегу, ближе, чем на расстоянии вытянутой руки, торчит коряга, под ней щит, на растопыренных корнях висят металлический шлем, налокотники и поножи, металлические пластины на грудь и спину.

Крупная белая грудь бурно вздымалась от стремительного плавания. При каждом вздохе сиськи расходились в стороны, а при выдохе сдвигались и смотрели ярко-красными кружками на нас. Все тело удивительно белое, совершенно не знающее солнца, тело изнеженной женщины. Даже плечи покатые, аристократические, очень тонкий стан, непропорционально широкие пышные бедра.

Я постарался оторвать взгляд от треугольника внизу ее живота, придержал коня, что намеревался с ходу одолеть водную преграду и выскоочить на тот берег.

— Привет, — сказал я легко, — как вода, холодная?

Она ответила угрюмо:

— Подойди, узнаешь.

Вода все еще стекала по волосам, все тело блестело, искарилось в тысячах крохотных жемчужин. Я не видел на ее руках вздутых мускулов, но меч держит достаточно умело. А меч таких размеров непросто держать в таком вот положении, руки быстро устанут. Она смотрела на меня пристально, нимало не смущаясь своей наготы. Гендельсон сразу забормотал, что это ведьма, начал творить молитвы, ухватился одной рукой за меч, другой за крестик.

— Войду, — пообещал я, — но только чтобы потереть тебе спинку. Ладно, не сердись. Оденься, ветер холодный. А у тебя вид не крестьянки, а принцессы.

В ее глазах метнулось беспокойство. Быстро взглянула

на Гендельсона, сделала шагок назад и уперлась спиной в берег.

— А вы ударите в спину?

— Девушка, — сказал я, — ты нас обижаешь. По крайней мере вот этого, что читает молитвы. Я могу, верно, и со спины, но вот он мне не даст...

Ее глаза снова быстро перебежали с Гендельсона на меня и обратно. Меч начал опускаться, она быстро повернулась, уперлась обеими руками, не выпуская меча, о край берега. Вода зашумела, как при водопаде, срывааясь с ее тела. Сильным рывком она вздернула себя на берег, обернулась, оскаленная, злая, меч в обеих руках, готовая сражаться, дорого продать свою жизнь.... Я засмеялся и успокаивающе помахал рукой.

Гендельсон читал молитву еще громче, но глаза у него становились все обреченнее. Девушка быстро нацепила на себя доспехи, я даже не видел, чтобы она одевалась; обернулась в нашу сторону уже не такая злая. Я помахал ей рукой, мол, едем, пустил коня на ту сторону. Умница, он тоже все видел, но сделал другие выводы: разогнался по мелководью, а когда дно начало понижаться, он в два могучих прыжка одолел это место, с шумом выпрыгивающей касатки выметнулся из воды, зацепился всеми четырьмя за берег и, выпрыгнув, с шумом обвалил в воду огромную глыбу.

Гендельсон выбирался дольше, он был похож на тяжелый танк, форсирующий реку, но выбрался, вода текла из всех щелей доспехов, как из пробитого стрелами винного бурдюка.

Девушка наблюдала за нами с нескрываемой враждебностью. Я постарался улыбнуться ей пошире, человек со смайлом до ушей хоть и выглядит идиотом, но зато не опасным идиотом, а нам сейчас самое главное — внушить, что мы два вот таких безобидных зайчика.

— Привет! — сказал я еще раз. — Да, ты права, вода холодная. Как ты только не закоченела в такой... Это же лед, а не вода!

Она гордо и презрительно улыбнулась, но в глазах на-

стороженность тает, комплименты обезоруживают женщину почти так же быстро, как и мужчину.

— Кто вы? — спросила она. — Зарги?

— Нет, что ты, — сказал я. — Никакие не зарги, ты же видишь!

— Но вы едете со стороны заргов, — сообщила она. — Наши охотники видели целые отряды заргов. Они все идут на север.

Гендельсон порывался что-то сказать, я остановил его жестом.

— Меня зовут Ричард, — сказал я, — а это благородный и очень богатый сэр Гендельсон. Мы издалека, ты даже не знаешь, что он в самом деле богат и в самом деле очень знатен...

Гендельсон капризно хмурился, как может понравиться эта дикость, что на земле существуют страны, где о нем ничего не знают. Девушка как будто ощутила его справедливое недовольство, скользнула по нему быстрым взглядом.

— Ладно, — произнесла она. — Меня зовут Ирписта. Если вы не зарги... то можете остановиться на ночлег в нашем городе. Мы с заргами не воюем, даже дружим и торгуем, но все-таки в город разрешаем заходить только по двоетрое, да и то без оружия. Слишком уж они...

Она замялась, я сказал услужливо:

— Буйные. А вот мы как раз смирные. Садись к сэру Гендельсону, у него конь покрепче. Да и вообще он в этом деле уже почти профессионал. Так мы скорее доедем до города.

Гендельсон свирепо сверкнул на меня глазами. Ирписта подошла к его коню, Гендельсон вынужденно протянул ей руку. Она ухватилась и легко вспрыгнула на конский круп, Гендельсона обхватила обеими руками и прижалась всем телом. Он метнул на меня взгляд, способный испепелить заживо.

Я ответил невинным взором, что он уже набил руку на перевозке женщин, а у меня это мокре вдруг брякнется с коня, а это урон нашему престижу и, возможно, экспедиции.

Река изогнулась в очередной раз и с торжеством откры-

ла зрелище, что прятала до последнего момента. Городок выглядел светлым и чистым, словно кукольный, из детской сказки. Красные черепичные крыши под солнечными лучами вспыхнули пурпуром, горят, как будто покрыты рубинами, еще чуть — и восхищенный путешественник будет рассказывать в своих далеких северных странах о волшебном городе, над башенками трепещут веселые флаги, поворачиваются флюгеры в виде петушков, драконов, грифонов и прочих зверей.

Губы Гендельсона сразу скривились, но он перехватил мой строгий взор и удержался от молитвы, изгоняющей дьявола. День солнечный, воздух прогрелся, но сейчас солнце висит над далеким лесом, на мир пал чарующий пурпурный свет. Серый камень замка на эти минуты стал теплым, красного цвета с золотыми прослойками скрепляющего раствора. Я наклонил голову, проезжая под низким сводом, подковы звонко били о камень. Потом стук стал тише, эта часть двора посыпана золотой соломой, из-под копыт отбежали куры. Ребенок, кормивший крошками лепешки цыплят, рассмеялся мне беззубым ртом, хотел броситься к лошади, но молодая мамаша удержала за короткую рубашонку...

На меня она посмотрела застенчиво и одновременно заигрывающе. Из окон высовывались женские головки, мужчины выходили во двор, степенно приветствовали. Челядь бросала работу, сбегалась поглядеть на въезд в город двух рыцарей. Правда, я не очень тяну на рыцаря по одежке, но у меня достаточно рыцарские рост и плечи.

Ирписту приветствовали громкими криками. Похоже, она достаточно популярна. Для здешнего мира достаточно вызывающа, но многие мужчины мечтают именно о такой крутой амазонке, что не сидит у окошка, ожидая возвращения рыцаря, а вот так с ним плечом к плечу, заре навстречу.

Я спросил мальчишек на дороге:

— Постоялый двор у вас большой?

Они переглянулись, двое тут же застенчиво потупились и начали ковырять босыми ногами землю. Самый бойкий переспросил робко:

— Какой?

— У вас путешественники бывают?

— Бывают, — ответил он. — Только вчера выехали десятеро с рыцарем во главе...

— И где они остановились? Где жили?

— Рыцарь — у графа дель Верга, остальные на постоянном дворе...

— Ну вот, — укорил я, — а ты спрашиваешь, что такое постоянный двор....

За спиной Гендельсона засмеялась Ирписта, легко скочила на землю. Гендельсон с великим облегчением вздохнул, уселся не так окаменело.

— Дорогой Ричард, — сказала Ирписта весело, — мой племянник спросил, какой постоянный двор, а не что это такое. У нас их два. Оба считают себя лучшими. Так какой постоянный двор?

— Какой ближе, — сказал я. Спохватился, посмотрел на Гендельсона. — Правда, благородный барон может считать иначе...

Гендельсон буркнул:

— Конечно! Отправимся в тот, который лучшим считает благородная леди Ирписта.

Ирписта рассмеялась, польщенная, вытянула тонкую изящную руку:

— Вот по этой дороге прямо. Там сразу увидите вывеску «Черного Единорога».

Глава 25

Коней при нас расседлали и поставили в стойла, Гендельсон проследил, чтобы насыпали отборного овса и налили свежей воды, только после этого потащились в помещение харчевни сами. Гендельсон, к моему удивлению, ел вяло, он начал клевать носом уже после первой миски каши.

Спать еще рано, а просто отдохнуть среди бела дня — для меня синоним балдения и расслабливания, побывав бы гадив, так что Гендельсон потащился в комнату отды-

хать, а я вышел во двор и огляделся. Для Гендельсона, если честно, отдых необходим, он жив еще только потому, что его жировые запасы тают, как снег в марте, а сало поневоле начинает выполнять роль мышц. Я же хоть и устал, но как подумаю, что предстоит лежать в двух шагах от этого храпящего потного борова...

Справа от постоянного двора дорога на базарную площадь, слева — в сторону городского сада, хотя я бы не назвал садом эти три деревца, но там клумбы с цветами, широкие лавочки, пара мраморных статуй, «майское дерево», вокруг которого сейчас с воплями бегают трое ребятишек, держась за цветные веревки. На той стороне сада врыт массивный столб, возле него на цепи огромный медведь. Встает на задние лапы, ревет, кланяется, что-то просит. Перед ним небольшая смеющаяся толпа, кто-то сует булку, кто-то в испуге бросает камнем.

Но первое, что я увидел у входа в этот нехитрый сад, была молодая женщина. Белое нежное лицо тонуло в окружении пышных иссиня-черных волос, она сидела на каменном парапете, одну ногу поставив на камень, другой опираясь о землю. Такое же белое, нежное, как и лицо, тело, даже очень белое и очень нежное, не знавшее жгучих лучей солнца, едва-едва прикрыто тончайшей кисеей, что создает видимость одетости, но в то же время ничего не скрывает.

Да и сама эта кисея в виде очень открытого сарафана с разрезами по бокам до пояса... гм... У нее оказались удивительно широкие черные брови, крупные глаза с длинными черными ресницами, загнутыми и густыми, полные, красивой формы губы, очень красные, настолько-красные, что я не поверю, что не накрашены.

Крупные тяжелые груди лежат красиво и вольно, груди женщины, а не пятнадцатилетней девушки с ее вызывающе торчащими сиськами. Кисея не скрывает ни широких коричневых кругов, ни багровых кончиков, и чем больше я на нее смотрел, тем больше мною овладевало ощущение покоя. У таких женщин инстинкт заботиться, лечить, ухаживать, помогать, следить, чтобы у меня все было в порядке,

одежда починена, сам я накормлен и пострижен, уши почищены, спина почесана... и вообще, чтобы мне было во всем хорошо.

Я посмотрел на нее снова и понял, что мне с нею было бы хорошо во всем. А она в ответ посмотрела так, что я понял: стоит только протянуть руку, и она окажется со мной в постели. Нет, это я окажусь в ее постели, мягкой, широкой, удобной, подо мной будет перина из нежнейшего лебяжьего пуха, над нами нависнет полог из цветного шелка, спальня у нее тихая и затемненная, а сама женщина рядом — мягкая, теплая и очень спокойная...

— У меня есть любимая, — сказал я зачем-то. — Она для меня... все на свете.

Женщина спросила лукаво:

— Очень красивая?

Я развел руками.

— Н-не знаю. Для меня красивее всех на свете.

Она сказала с понимающей улыбкой:

— Кто выбирает между умом и красотой, должен взять красивую дамой своего сердца, а умную — женой.

Я снова развел руками, не зная, что сказать. Она встала, прозрачная кисея, собранная на полных бедрах в складки, соскользнула, укрыв ее почти до лодыжек.

— Пойдемте, сэр Ричард, — сказала она дружески. — Я не самая умная и не самая красивая, так что не напрашиваюсь ни в дамы сердца, ни в жены. Но я могу скрасить вам эту холодную ночь.

Я поклонился.

— Польщен... Честное слово, я чувствую себя полным идиотом, что отказываюсь... но у меня, увы, обет.

Она засмеялась:

— Но кто в вашей далекой стране увидит, что вы его нарушили?

— Я увижу, — ответил я.

Ноги медленно несли меня вдоль улицы, я вертел головой, давал дорогу проезжающим мимо телегам с товарами, улыбался девушкам, кланялся старикам. В чреслах горячо

и тяжело, я себя, конечно, победил, герой, но плоть бунтует, перед глазами то и дело мелькают картинки, там я такое проделываю с этой роскошной и податливой женщиной, что уже и двигаться трудно, а порой вовсе темнеет, как у лилипута в подобных случаях.

Такое обилие голых бабс, мелькнула мысль. И очень доступных. Неужели этим старается взять Самаэль, или же это отвлекающий маневр? Откуда ему знать, что в моем мире это давно уже не соблазн, а так... глоток теплой воды, порция дешевого мороженого, что на каждом углу... Но здесь, в этом мире, для простолюдина — даже если он барон! — эти свободы в самом деле значат много. Это огромное искушение, как ни крути. Да, огромное искушение принять эти простые правила общения.

А принять — это служить тому, кто принес эту свободу.

Я твердил эти суровые праведные и правильные слова, вколачивал их, как гвозди, в свой размягченный желаниями мозг, а там в ответ все упорнее мелькали сценки из видений святого Антония в пещере.

Мальчишки играли посреди улицы, я поймал одного за плечо:

— Эй, герой — истребитель драконов!.. Где у вас маг?

— Маг? — переспросил мальчишка. — Какой?

— А что, — поинтересовался я, — в вашем городе и магов двое?

— Нет, — ответил мальчишка с удивлением. — Нет, конечно!.. У нас их пятеро.

Я удивился:

— Живут же люди... Ладно, а где живет тот, что поближе?

— Да вон в том доме... Видите, крыша с побитой черепицей?

— Спасибо, — поблагодарил я и потрепал его по голове. — Вообще-то я мог бы и сам догадаться... У кого еще может быть побита черепица?

Деревянная калитка украшена устрашающего вида орнаментом, а ручка — в виде головы дракона с распахнутой пастью. Я нажал на нее с некоторой опаской, не брызнет

ли в ладонь струя огня, почему магу не пошутить и таким образом, все можно списать на эксцентричность ученого, но нигде ничего не лягнуло, ни грюкнуло, ни звякнуло.

Я понажимал еще, наконец просто толкнул дверь... и она распахнулась. В проеме видна дорожка, вымощенная мелкими булыжниками, по бокам цветы, там носятся бабочки и стрекозы. Я перешагнул порожек, закрыл за собой калитку, а когда повернулся к дому, оттуда навстречу быстро шел молодой подтянутый воин. Лицо его горело отвагой, в глазах жажда схватки, в правой руке легкий меч с длинным лезвием.

Я замер, быстро оглядывая его с головы до ног. Парень молодой, вооружен легко: в кожаных доспехах, только грудь защищена нашитыми металлическими бляхами, в правой, как уже сказал, легкий меч с длинным лезвием, на локте левой — деревянный щит. Голову закрывает металлическая шапка, острый конус сбросит лезвие чужого меча, на плечах металлические пластины — прародительницы современных погон, на поясе кинжал в простых ножнах, за плечом простой боевой лук, больше похожий на охотничий. Кожаная одежда опускается до середины бедер, дальше ноги ничем не защищены, кроме плотно обтягивающих бедра и голени по всей длине штанов из тонкой кожи да сапог, уже из кожи погрубее. Руки от плеч голые, только рукавицы закрывают кисть.

Он показался мне ладным, опытным воином, делающим ставку на скорость в бою, а не на танковую броню, как тяжеловооруженные рыцари. Ощущение такое, что в этом городе смешались юг и восток. Может быть, потому и такое обилие драконов. Все-таки эти твари хладнокровные, могут жить только в условиях горячего климата...

— Вот так теперь одеваются привратники? — спросил я.

Он замедлил шаг, быстро оглядел меня с головы до ног. Придирчивый взгляд зацепился за мой молот, несколько мгновений обследовал его придирчивым взором, а когда поднял глаза, в них было уважение.

— Я хотел уйти с героями, — ответил он наконец, — что

пошли брать Кернель. Говорят, там подвалы забиты золотом, там сундуки с сокровищами, а монахини все сплошь девственницы!.. Но меня не взяли. Теперь я с вечера и до утра хожу по улицам, слежу за порядком... А вы не ошиблись дверью?

— Если маг живет здесь, — ответил я, — то не ошибся.

Он поморщился:

— Здесь. Это мой дед. Идите по той лесенке наверх. К нему обычно ходят старухи да прыщавые юнцы, но чтоб явился вот такой герой...

— Они тоже карабкаются по этой лесенке?

— Нет, сюда он поднимается редко, когда ловит летучих мышей...

— Пойду помогу ловить, — сказал я. — А куда в этом городе еще идти? Сегодня приехал, завтра уеду. Хоть мышей половлю, и то дело.

Он кивнул, принимая, но не одобряя такое странное для половозрелого мужчины решение, снова указал на лесенку. Калитка за ним захлопнулась, послышались быстрые шаги вдоль улицы. Я миновал двор и начал подниматься по шатким ступенькам. Маг, судя по этим дощечкам, легок как перышко. Подо мной все скрипит, трещит, вот-вот рассыплется.

На вершине лестницы дверь, стучать не стал, все правильно, я ж умный, дверь подалась от первого толчка. В полутемной комнате на четвереньках ко мне задом молодая девушка. Перед ней в камине темно-багровые угли, девушка старательно раздувает их, даже из-за спины видны ее раздутые, как у лягушки в брачный период, щеки.

Из камина взлетают серые хлопья пепла, угли становятся пурпурными, еще чуть-чуть — и крохотные желтые язычки огня лизнут те щечки, что набросала поверх, но сейчас дует, красиво изогнувшись, даже не замечая, насколько ее поза эротична...

Болван, напомнил я себе строго. Сперва надо о Родине, а потом о себе. Она слегка повернулась, но я неподвижен, а она занята только углами, не замечает, я тихо залюбовал-

ся темно-лиловыми губами, кожа казалась излишне светлой, зато глаза выглядели чернее ночи. У девушки черная пышная копна волос, крупные локоны падают на лоб, на плечи, скользят за спину, и вся темная комната кажется продолжением ее волос. Краски в полутьме исчезли, оставив только лиловость.

Наконец угли сдались, оранжевые язычки охватили щепки. Она постояла перед огнем, все еще на четвереньках, красиво выгнув широкий и крутой зад. Огонь подсвечивал ее снизу, глубокие черные тени легли под глазами, и мне казалось, что они сверху и снизу окружены черными, как сажа, широкими дугами бровей. Но губы ее чуть раздвинуты в улыбке.

Она, конечно, не знала, что я наблюдаю за нею, но, повинуясь чисто женскому инстинкту, повернулась так, что линия ее высокой груди была особенно красиво подчеркнута на фоне огня, а изгиб в поясе заодно показал ее тонкую талию и, еще ярче, широкие бедра с сочным оттопыренным задом.

Она глубоко вздохнула, отчего ее крупные груди едва не выпрыгнули из глубокого декольте. В глазах блеснули, похоже, слезы от одиночества, я едва не заорал: да вот он я, вот, щас я тебя утешу!

Ага, щас, сказал я себе злобно и наступил сапогом на горло собственной песне. Песенник застонал, но все еще сопротивлялся, тужился, кровь его раздувала так, что перед глазами темнело, как ночью.

Я кашлянул, девушка подпрыгнула и быстро развернулась в мою сторону. Глаза широко распахнуты, на лице такой божественный испуг, что страстно захотелось схватить ее в объятия и утешать, утешать, утешать, всю ночь.

— Привет, леди, — сказал я. — Хозяин дома?

Она пролепетала:

— Я не леди... Меня зовут Одель, просто Одель...

— А меня просто Ричард, — сказал я. — Привет, Одель. Вообще-то я видел разных лядей, но ни одна и вполовину не такая хорошенькая.

Она слабо улыбнулась.

— Хозяин вот за этой дверью. Но он сейчас занят...

— Я не буду вламываться, — пообещал я. — Сперва постучу.

Из-под двери несло травами, настоями корешков, но также странные запахи химиков, последний раз слышал в школе на практических занятиях по химии. Я в самом деле постучал, выждал, постучал, толкнул дверь.

В просторной комнате, заставленной старыми вещами, маг склонился над кипящим котлом. Маг стар, весь в голубом, начиная от шляпы с обтрепанными краями и длинным острым верхом, заканчивая длинным плащом цвета голубого неба и такими же сапогами голубого цвета. Из-под плаща голубой камзол, но его до половины скрывает роскошная белая борода до пояса, там висят кожаные мешочки, талисманы. На плече мага сидит крупная откормленная летучая мышь.

Обеими руками маг помешивал в кotle длинным тонким посохом, с виду деревянным, но уж слишком тонок, чтобы быть деревянным, такой сломается через десяток шагов. На вершине искусно вделан светящийся шар размером с куриное яйцо. Резьба опускается от шара на ширину двух ладоней, дальше это странное дерево совершен-но гладкое, без царапин и отметин.

Я стоял неподвижно, маг оставил посох в кotle, всыпал туда порошок. В ответ взметнулся оранжевый огонь. Маг торопливо помовал обеими руками, бормотал. Огонь подсвечивал его снизу, лицо казалось жутким, нечеловеческим. Летучая мышь крепче всадила когти в плечо, ее оскаленную в страхе мордочку огонь подсвечивал под таким же углом, она казалась удивительно похожей на хозяина.

Я перевел взгляд на его лицо. Испуганное и в то же время торжественно-счастливое, а у мыши просто испуганное. Белые как сахар зубы блестят, растопыренные крылья просвечивает колдовским огнем, отчетливо проступают то-ненькие косточки, а кожа кажется тонкой желтой пленкой.

Потом очень медленно на лице мага начало проступать

выражение сильнейшего разочарования. Он опустился на табурет, откинулся на спинку. Взгляд его начал подниматься, я понял, что сейчас маг обнаружит чужака, со зла может в жабу превратить, кашлянул и сказал торопливо:

— Я только что вошел... привлеченный слухами о вашем великом умении... о великий маг!

Он сидел неподвижно, острые маленькие глазки бурали с такой интенсивностью, что я ощутил жжение.

— Кто такой? — спросил он раздраженным голосом. — Что потребовалось?

— Меня зовут Ричард, — представился я. — А нужно мне... нужно всего лишь узнать об этом мире побольше.

Его глаза удивленно расширились. Мышь открыла пасть и злобно зашипела.

— Всего лишь? — спросил маг недоверчиво. — Ни приворотного зелья, ни трав, отгоняющих троллей... ни корешка, что ломает замки и запоры?

Я отмахнулся:

— Да на фига все эти мелочи? Можно мне присесть?

Они с мышью смотрели, как я высыпал на край стола горстку золотых монет. Брови мага поднялись, некоторое время изучал монеты издали, затем потрогал их пальцем, подвигал. Мышь переступила лапами на плече, зашипела.

— Можно, — разрешил он. Пока я бережно освобождал краешек на заваленной книгами лавке, он снял шляпу и плащ, волосы оказались красиво-длинными и белоснежными, никакой лысины, непонятно, зачем все колдовские манипуляции проделывал в плаще и шляпе, вечер такой теплый.

Потревоженная мышь полетала по комнате, затем с размахом брякнулась ему на плечо. Маг перехватил мой удивленный взгляд, спросил с насмешкой:

— Что-то не так?

— Еще бы, — ответил я искренне. — Как она сидит? Ведь все нормальные мыши висят вниз головой...

Он нахмурился, разочарованный, буркнул:

— Пришлось обучить. А то болталась, как башмак, пе-

реброшенный через плечо... Да и с ненормальным магом должна быть и ненормальная мышь, как вы полагаете? Ладно, так что вас интересует... рыцарь? Ведь рыцарь, верно?

— Верно, — ответил я. — Но я странный рыцарь, как уже заметили, но промолчали.

Его глаза начали буравить меня еще интенсивнее. Во взгляде росло недоумение.

— Действительно, — проговорил он. — Таких я еще не встречал. Из дальних северных стран?.. Нет, тех жителей я знаю... Из крайнего юга?.. Оттуда-то с дальних гор, где сохранились...

Он замолчал в затруднении, я подхватил:

— Кто сохранился? Почему именно в горах?

Он развел руками.

— Горы — лучшая защита. На равнинах человек живет богаче, но страдает даже от нашествий саранчи или зайцев, а что уж говорить о войнах?

— Война добирается и в горы, — заметил я.

Он пренебрежительно отмахнулся.

— Какая война? Это не войны. Я говорю о Старых Войнах. Когда из берегов выходили не только моря, но океаны затапливали сушу, когда с неба неделями падал огненный дождь и выжигал все живое, будь это человек, зверь, муралей или трава. Когда горела сама земля... а у кого оказывалось очень глубокое подземелье и он спасался, то на поверхности находил только толстый слой пепла и оплавленные страшным жаром камни...

— Ого, — сказал я. — Тогда у горцев в самом деле шансов было больше. Да у всяких рудокопов... Жаль только, что среди рудокопов маловато светочей культуры и великих знаний. Или у вас наоборот?

Он горько усмехнулся.

— Это так, но горький смех в том, что уцелевшие рудокопы в самом деле стали светочами культуры и знаний для тех, кто начал населять землю заново. Рудокопы хотя бы видели издали сверкающие города, летающие повозки, слыхивали о действиях великих магов... Их речи записывали,

переписывали, распространяли. Потом в новых войнах все это гибло. Снова записывали уже рассказы тех, кто читал когда-то и что-то помнил, хоть и смутно... А потом, после новых войн, — уже рассказы тех, кто что-то слышал или читал тех, кто читал написанное ранее...

Он умолк, махнул рукой. Я спросил жадно:

— Но как же волшебные вещи? Их все еще находят...

— Если даже некоторые люди уцелели, — ответил он, — то что про вещи? Их уцелело больше. Они не мрут, по крайней мере, от голода. Но беда в том, что поголовье людей восстанавливается быстро, а вещей... увы, все меньше и меньше. Их ломают, уничтожают... чаще всего как раз те, кто старается сберечь или воспользоваться. Мы не знаем их назначение, а если и отыскиваем какие-то свойства, то обычно совсем не те, для которых они созданы.

Я с великим сочувствием смотрел в его мрачное изможденное лицо. Это же какая мука: для Кулибина держать в руках электронные часы, прекрасно понимать, что это и для чего, уметь ими пользоваться и... абсолютно не понимать принципа действия!

— Да, — сказал я, — да... Но разве нигде не сохранилось клочка Старого Мира? Хотя бы в бункерах? В смысле в очень глубоких подземельях? Ведь люди тех времен, прекрасно зная, что может случиться, могли под землей соорудить убежища!

Он посмотрел на меня с глубоким уважением. Потом на монеты, словно хотел за хорошую мысль вернуть мне хотя бы одну, но потом передумал.

— Среди народа ходят такие легенды, — сказал он на конец. — Даже иногда находятся очевидцы, что натыкались на дороги, что ведут в огромные подземные города.... Но всякий раз оказывалось, что все вранье, а придумывается, чтобы получить кружку эля или привлечь внимание гуляк в таверне. С другой стороны, таких слухов слишком много, так что какие-то основания есть... на самом деле, конечно, в горах иногда находят в пещерах то мечи и доспехи, что рубят все, даже камни, то странные механизмы, которые еще могли бы служить...

У меня сердце застучало чаще.

— Где эти механизмы?

— Понятно где... В северных землях святая церковь тут же все уничтожает, а в южных захватывает правитель и хранит под семью замками в своих подвалах, никого не допуская. Сам же бросает все дела и остаток жизни тратит, пытаясь разгадать секрет.

— И все бесполезно, — сказал я. — Все бесполезно...

Он уловил в моем голосе такую же горечь, что испытывал сам, глаза стали острыми.

— А зачем эти знания тебе, рыцарь?

— Потому что я пришел не с севера, — ответил я тихо. — И не с юга... А также не был на вашем востоке и западе...

Маг ахнул, задержал дыхание. Я встал, поклонился, мышь показала мне зубы, но уже не шипела. Маг не двигался, я добрался до выхода, толкнул дверь и пошел через ярко освещенную камином комнату. Одель с раскрасневшимися щеками подкладывала в огонь березовые поленья.

— Уже уходите? — спросила она.

Мне почудилось в ее голосе сожаление.

— Что у вас за странный камин, — сказал я. — У всех обычно внизу...

— У нас есть и внизу, — ответила она, — но господин маг постоянно мерзнет, ему надо, чтобы жарко было везде. У него застывает кровь. Если бы вы знали, сколько ему лет...

Последние слова произнесла шепотом, глаза округлились, на дверь в комнату мага поглядывала с испугом. Декольте стало еще ниже, или это от жары ее полные груди разбухли, уже вылезают наружу. Вся она выглядела таким лакомым пончиком, что я наступил на горло своему певцу обоими сапожищами, а девушке кивнул молча и ушел.

Глава 26

Гендельсон спал, лежа на спине. Могучий храп разносился по комнате, заставлял трепетать язычок светильника. Баронская пасть была широка, как труба подземной канализации. Я начал раздеваться, вспоминая встреченных в

этом городе женщин. Именно женщин, мужские лица проходили мимо, как стертые пятаки.

К тому же с мужчинами время от времени дрались, а с женщинами я всегда лажу. Среди мужчин половина уродов, но женщины все — красавицы. И почти все либо голые, либо полуголые, либо готовые тут же смиренно раздеться и выполнять все мои прихоти. Это, наверное, мечта здешнего среднего человека... Меня, понятно, этим не купишь, и вовсе не потому, что я вот так уж стоек, как скала, просто у нас это занятие более чем доступно, цена ему копейка, но дьявол этого не знает.

Что, в этом ловушка? Похоже, что все-таки в этом. Но под ложечкой неприятное чувство, гуляет сквознячок. Неприятный такой сквознячок... От дьявола можно ожидать и более серьезного и неожиданного хода. К примеру, полу-голые бабы только для того, чтобы я постоянно боролся с искушением и побеждал, побеждал, раздуваясь от гордыни, упиваясь своим благородством...

Лавка затрещала подо мной, я взял приготовленный башмак и швырнул в барона. Дело в том, что стоит мне заснуть, тогда хоть молотом по железу бей, не проснусь, но чтобы заснуть, мне нужно хотя бы минуту побыть в мире без этого дикого храпа...

Барон в испуге всхрапнул еще громче, ужаснее, очнулся. Я притворился спящим. Сон придет ко мне через пару минут, а барон все это время будет в страхе прислушиваться, осматриваться: кто же это напал, не слышно ли чужого дыхания за дверью.

Я уже почти засыпал, когда послышалось шлепанье босых ног. Потная ладонь легла на плечо, потрясла.

— Сэр Ричард! Сэр Ричард!

Я приоткрыл один глаз. Лицо барона бледно маячило в луче света из окна. Светильник, значит, ухитрился погасить по дороге ко мне.

— Что? — спросил я. — Что, вам пятки почесать?

— Сэр Ричард, — проговорил он быстро. — Наши кони измучены, но нам, кажется, повезло!.. Утром город поки-

дает один купец, у него четверо великолепнейших коней на продажу. Если хотим достичь Кернеля как можно быстрее, хорошо бы купить взамен этих...

Я проворчал:

— Тогда утром и купим... Ах, черт!

— Не поминайте его, — взмолился Гендельсон. — Не поминайте!

— А то придет?

— Любое упоминание усиливает его мощь! Лучше почаще упоминайте имя Господа, Девы Марии...

Я уже поднимался, злой и раздраженный. Магу выложил все золото, пижон несчастный. Мол, легко приходит, легко уходит.

— И что же? — сказал я раздраженно. — Вы хотите, чтобы я среди ночи пошел искать золотые клады?

Гендельсон пробормотал:

— Ну, если хотим как можно быстрее вернуться в Зорр...

Я сжал челюсти и стал натягивать башмаки. На свободной лавке чьи-то руки разложили две пары толстых носков из грубой козьей шерсти, две рубахи: полотняную и вязаную, да еще старую потертую книгу Священного Писания. Понятно, Гендельсон читает на ночь, а убрать не догадался или захрапел раньше.

— Это, — сказал я сухо и указал на книгу, — спрячьте. И никому в этих землях не показывайте! И то диво, что нас еще нигде ни в чем не заподозрили, не обыскали...

Он молча сопел, торопливо одевался. Я спросил с подозрением:

— А вы куда?

— Помогу искать монеты, — ответил он. — у вас руки будут заняты, сэр Ричард. А я буду прикрывать вас своим мечом.

При всей злости я не смог сдержаться от смеха.

— Сэр Гендельсон!.. Я кончусь от хохота. Лучше храните дальше. Когда размахиваете своим мечом, признаю — длинным и острым, я удивляюсь, как вы еще не обрубили себе ноги и даже голову.

Я бродил остаток ночи за городской стеной вдоль дороги. Гендельсон все-таки таскался за мной следом. Я не спорил, доставляет удовольствие смотреть, как бледнеет при виде амулета, шепчет очистительные молитвы. Урожай ноль, ни одной монеты, но когда я, злой и раздосадованный, возвращался к воротам напрямик, прямо среди пашни зашевелилась земля. В серых налипших комьях вылетел целый рой кусочков желтого металла. Я повесил амулет на цепочку, свойств магнита в нем нет, вместе с Гендельсоном ползали по вспаханной земле, луна вдобавок спряталась за облачко, искали почти на ощупь.

Гендельсон громко бормотал молитвы. Когда собрали до последней монеты, он объявил торжественно:

— Пресвятая Дева Мария позволила этой нечестивой вещи послужить доброму делу! Отныне у нас золота хватит, чтобы купить любой табун. И половину этого города в придачу.

— Зачем нам город, — ответил я, и тоска стиснула сердце, — у каждого из нас есть настоящее сокровище.

— Да, — ответил Гендельсон гордо. — Меня ждет моя милая жена Лавиния, а что еще надо рыцарю?

Моя ладонь сама по себе метнулась к рукояти молота, в череп ударила горячая волна. Я переждал приступ, перед глазами только красная пелена, сказал хрипло:

— Возвращаемся. Скоро рассвет!

Луна опускалась за горизонт, небо очень медленно начинало светлеть. Показалось высокое здание постоялого двора, Гендельсон предостерегающе дернул за рукав.

Впереди по ночной улице пробиралась хорошо и добродотно одетая женщина. Похоже, внимания старалась не привлекать, ибо держалась в тени, опускала голову. Голова то ли повязана плотным кожаным платком, то ли это капюшон такого покроя. Я успел мельком увидеть только мило-видное лицо, платок опускается справа и слева, укрывая шею и горло. На ней короткий плащ, вообще одета плотно, по-зимнему, а на широком кожаном поясе два ножа.

Гендельсон зашипел и указал взглядом на тень, что про-

бидалась следом, но по другой стороне улицы. Женщина время от времени оглядывалась, но преследователь успевал либо пригнуться за каменными выступами, либо скрыться в тени.

Я видел, как он достал из-за спины лук, вытащил из колчана стрелу. Гендельсон забеспокоился, я успокаивающее похлопал его по плечу. Не наше дело вмешиваться. Возможно, она шпионка, а он — доблестный контрразведчик, блюдет интересы страны.

— Сэр Ричард, он готовится выстрелить!...

— Тс-с-с-с!.. — сказал я. — Хрен он пробьет ее шубку, это не доспехи.

— А если в шею?

— Это еще попасть надо, — пробурчал я.

— Да, — согласился он, — шея у нее лебединая.

Мужчина дважды изготавливался для стрельбы, но женщина непрестанно двигалась, а под ним то рыхлая земля, то ли вовсе разлитое масло, он скользил, злился, наконец плонул на все предосторожности и почти догнал ее. Между ними оставалось не больше двадцати шагов, с этого расстояния...

Не помню, как это у меня получилось, но я сорвал с пояса молот и метнул. Видно, во мне что-то еще живет от той дури, что женщина якобы слабее, ее надо оберегать. И что в спину стрелять, ах-ах, нехорошо.

Молот ударил его в голову. Он рухнул без звука, женщина ничего не заметила, продолжала свое тайное путешествие. Я поймал молот, вытер окровавленную рукоять о плащ Гендельсона, это же по его настоянию испачкал, женщина прошла еще дом и юркнула в приоткрытую калитку.

— Знаете, сэр Гендельсон, — сказал я, — я вообще-то беру свои слова назад.

— Какие?

— Насчет женщин, что сидят дома. Теперь я вижу, что и здесь они не сидят, не сидят...

— Да ладно, — отмахнулся Гендельсон. — Я не помню, когда вы такое говорили. Но у нас в Зорре сидят. Это здесь,

где Тьма простерла свои черные крыла, женщины уже и не женщины!

— Или чересчур женщины, — пробормотал я. — Интересно, кого утром обнаружат... Вдруг это выслеживающий ее муж?

— Сэр Ричард, — сказал Гендельсон негодующе, — что вы о каких-то женщинах? Мы ведь идем покупать коней!

Я посмотрел на светлеющее небо, вздохнул.

— Да, самое время. Где этот конезаводчик?

— На постоялом дворе нашего конкурента. Но городок невелик, идти недалеко.

Посреди двора стояли тяжело груженные телеги. Коней выводили из конюшни, задом подавали их между растопыренных оглобель, дальше хомуты, шлея, сонный народ суетится бестолково, покрикивает без необходимости, Гендельсон вертел головой, отыскивая хозяина.

Из отдельной пристройки, высокой, каменной, вышла женщина, что сразу приковала мое внимание. На ней черный плащ из тончайшей ткани, капюшон наброшен на голову. Я успел увидеть прядь золотых волос, но тут же капюшон их скрыл, я видел только бледное лицо, очень красивое, аристократично безупречное, с большими, внимательно глядящими прямо в душу глазами. Я ощущил, что эта женщина одинока, ибо сразу видит насквозь каждого, а это нелегко как ей самой, так и трудно с остальными.

За нею черный конь, на диво стройный, элегантный, какой-то неестественно красивый, словно выточенный из темного дерева лучшими мастерами... Я не сразу уловил, что же еще не так, пока не заметил, что у коня из середины лба торчит рог, длинный острый рог, даже вроде бы закрученный по спирали, длиной почти с полметра, толстый у основания, а на кончике острый, как шило.

— Единорог? — прошептал я.

Гендельсон кивнул.

— Но... — прошептал я громче, — как же можно... у нее наряд вдовы!

— Это и есть вдова, — ответил он. — Черная Вдова.

Плечи мое передернулись, все знаем, что такое черная вдова, однако облик этой женщины совсем не вяжется с обликом убийцы мужчин после кointуса, я переспросил:

— А единорог тогда почему? Он же...

— Да, — ответил Гендельсон. — Но это же Черная Вдова!

— Ага, — пробормотал я, — Черная Вдова... ну и что?

— Вы не знаете, что такое Черная Вдова? — удивился он. — Из каких диких стран вы, милорд, уж простите за откровенность!.. Это же владетельная сеньора Маргарита, что была обещана принцу фон Дейлу. Обряд венчания совершили, но его тут же убили подосланные враги. Она жестоко отомстила, но с той поры не снимает вдовьего наряда. А ее единорог по-прежнему с нею, только теперь он стал черным.

— И что, она его продает?

Гендельсон бросился навстречу высокому худому человеку, тот шел через двор быстрыми шагами, к нему тут же метнулись слуги.

— Уважаемый Занзир, — почти пропел Гендельсон слащавым голосом, — я, как и обещался, явился на этот раз с деньгами!

Занзир оглядел меня исподлобья, явно чувствуя, что я не совсем слуга и что барон привел меня неспроста. Был он не просто высокий, а очень высокий, из-за чего сильно сутулился. Мне понравилось его выразительное лицо, веселое, с такой же веселой злостью в глазах. И в то же время он был весь серый, словно осыпанный пылью, даже лицо и волосы серые, хотя он еще был молод, а седина еще не тронула волосы. Одежда, обувь и плащ — тоже серые, а когда он заговорил, я уже не сомневался, что и голос будет серым, бесцветным.

— Достаточно ли будет тех денег?

— Назови цену, — потребовал Гендельсон.

Дальше был бесстыдный торг с обеих сторон, от которого оба, казалось, получали немалое удовольствие. Гендельсону бы жить в мое время, а я, стыдно признаться, чувствовал к их торгу нескрываемое презрение, будто и впрямь

рожденный в этом времени, да еще и в знатной богатой семье, где к деньгам учили относиться свысока.

Возвращались мы к своему постоянному двору на двух великолепнейших конях, а за нами шло еще по коню, куда погрузили необходимые в дороге припасы. Гендельсон остановился возле одной лавки, еще закрытой, на дверях огромный замок, постучал, не слезая с коня, потом все-таки слез, начал колотиться, словно пьяный в двери трансформаторной будки.

— Что там? — спросил я нетерпеливо.

— Здесь кое-что для дороги, — объяснил он. — Я еще вчера присмотрел...

Он оборвал себя на полуслове, глаза медленно стеклели. Щеки обрели желтый цвет, а нижняя челюсть отвисла. Опомнившись, Гендельсон подхватил ее с такой поспешностью, что зубы лязгнули, как стальной капкан на медведя.

Схватился руками за сердце, я уж подумал насчет кондравки, но Гендельсон выхватил крест и с такой силой прижал к груди, что металлический панцирь заскрежетал.

— Что случилось? — спросил я с тревогой. Мои пальцы уже привычно опустились на рукоять молота. Я огляделся. Нигде никакого чудовища, дракона, вампира, дьявола, чистое утро, уже поднимается солнце, свет такой ласковый для нас и губительный для вампиров, зеленая травка вдоль домов. Впереди показалась молодая девушка, идет вприпрыжку, донесся ее тоненький голосок, что-то напевает беззаботное. Солнце весело играет ее рыжими волосами цвета осенних листьев.

— Сатана! — прохрипел Гендельсон. — Сатана!

Я быстро огляделся.

— Где?

— Да вот же... вон там!

Сам он страшился посмотреть в ту сторону, зажмуривался, отворачивался, будто сам был сатаной, а ему предлагали посмотреть на святое распятие. Я снова посмотрел, стараясь видеть в очертаниях воздушных масс недобрые тела, уловить нечто иное помимо льющихся солнечных лучей...

— Да ни фига там нет.

— Есть, — прошептал он. — Да не туда смотрите, сэр Ричард! Вон там...

Девушка шла в нашу сторону, веселая и беспечная. По моде этого города, в плотной кофте с длинными рукавами до самых кистей, грудь целомудренно скрыта целиком, но животик голый, нежный, девичий, хотя уже с милыми складочками. Из них пара валиков по бокам, так и тянет взяться за них, а то и укусить...

Широкий кожаный пояс, шортики — так бы я это назвал, очень короткие шортики, до предела короткие, но все же шортики, а не прозрачные трусики. Длинные стройные ноги, очень красивые, не ноги фотомодели, в которых только отточенная красота математики, а девичьи ноги с полноватыми бедрами, мягкой плотью, что укрывает мышцы, очень милые ноги молодой женщины, на которые так приятно смотреть... да, очень приятно смотреть... а еще бы и ухватиться за них...

Гендельсон застонал, отвернулся. На лбу выступили мелкие капли пота. Глаза стали отчаянные. Губы задвигались, творя беззвучную молитву.

— Э-э, — сказал я ошарашенно, — ты ее считаешь ведьмой?

Он судорожно кивнул, забормотал громче. Девушка уже проходила мимо нас, но не обращая внимания. Я медленно подал коня ей наперерез, улыбаясь во весь рот, но она все же испугалась, вздрогнула. Песенка оборвалась.

— Не пугайся, — сказал я дружелюбно. — Мы ничего плохого не сделаем. Впрочем, и хорошего — тоже... Идем себе мимо. Скажи... ну, какую погоду старики обещали на сегодня? А то нам сейчас ехать целый день...

Она слабо улыбнулась, я сидел смирно, чтобы не пугать, она поняла, улыбнулась шире. Солнце светило ей в спину, копна рыжих волос сияет по краям, как будто вокруг ее головы возник сверкающий нимб. Часть искорок сумела прописнуться глубже, блистают оттуда, как крохотные алмазы.

Гендельсон забормотал молитву. Она прислушалась, сказала с приятной улыбкой:

— Мне эти заклятия незнакомы. Но я, кажется, поняла, что вы хотите...

Я окинул ее взглядом с головы до ног, пробормотал:

— Да это нетрудно... Но вы не обращайте внимания. Мы в целом хорошие.

— Не то, — ответила она тихо. — Ваш друг прав... он маг... он увидел меня иной, верно?

Гендельсон судорожно кивнул. В его руке был крепко зажат крест.

— Он прав, — повторила она. — А его магия чересчур сильна... Я сделаю, как вы хотите, — приму свой истинный облик. Но потом вы уберите крест, хорошо?

В ее глазах были боль, стыд и глубокая тоска. Не знаю почему, но я сказал:

— Он уберет. Сэр Гендельсон...

С великой неохотой он понес крест обратно к груди, и тут лицо юной девушки расплылось, затрепетало, словно ветерок нагнал внезапные волны на тихую воду. Тут же они медленно успокоились... Мы застыли, потрясенные. Перед нами стояла женщина лет пятидесяти. Или чуть старше. Гордое красивое лицо в мелких морщинах, небольшие мешки под глазами, морщинки на переносице, коричневая от солнца кожа. Шея в грубых морщинах, седые волосы гладко зачесаны назад. Красивое аристократическое лицо.

Я сказал охрипшим голосом:

— Но... зачем?

— Разве вам еще не понятно? — спросила она низким голосом зрелой женщины. — Ваши жены меня бы поняли сразу.

— Но зачем? — повторил я. — Вы — прекрасны! Именем сейчас — прекрасны.

Она перевела взгляд на Гендельсона. Тот молча поклонился. Она с удивлением смотрела то на него, то на меня, потом, спохватившись, сказала пару слов, лицо задрожало, через мгновение перед нами на ее месте возникла прежняя

юная красотка с шаловливыми глазами. Но сейчас в ее взгляде была неуверенность, даже страх.

Рука Гендельсона метнулась было к нательному кресту, но остановилась на полдороге. Женщина улыбнулась, руки у груди в жесте благодарности, пошла мимо, все убыстряя и убыстряя шаг.

Я чувствовал горечь утраты. С ее силой, умом и настойчивостью, что так ясно читаются в ее лице, могла бы стать Гипатией или Склодовской-Кюри, но все силы и талант употребила на... на что? Да, наверное, мужчинам это не понять.

— Странно, — сказал я с тоской, — странно...

— Что?

— Эта первая, что решилась показать свое лицо... Неужели они все... старые? И некрасивые?

— Уродливые! — воскликнул он.

— Уродливые, — согласился я.

— А вы что, не знали?

— Нет, — признался я.

Он оглядел меня с жалостью.

— Из далекой страны вы прибыли, сэр... Ведьмы перво-наперво, как только продают душу дьяволу, получают молодость и красоту. А уж потом осматриваются по сторонам и думают, как напакостить христианам еще...

Да уж, подумал я, достаточно и той пакости, что получена молодость. Ведь за молодость и красоту любая женщина почему-то готова продать свою душу дьяволу и служить ему дальше. В моем мире это означает, что косметика, подтяжки, шейпинг и всякие фитнесы полностью заслоняют собой всякие кюризмы. Самое большое, что такая женщина может, — это стать депутатом. Но для этого еще никому не требовалось ни ума, ни таланта, ни занятий искусством или наукой. А бронебойный аргумент, что продавшиеся дьяволу получают молодость, способен пошатнуть даже самых стойких в вере женщин.

— Понятно, — сказал я. — А вы заметили, что они все...

— Голые?

— И как вы это заметили? — спросил я язвительно. — Сэр Гендельсон, вы же всегда потупливаете глазки!

Он в самом деле потупил глаза. Голос его прозвучал сухо:

— Просто знаю. Мне смотреть на их бесстыжие прелести незачем. Когда они голые, то их сила растет, а вот наша...

Он со злостью сжал кулаки. Из-за двери послышался сонный голос:

— Ну кто там в такую рань?

— Какая рань? — прокричал Гендельсон. — Открывай, а то уйдем к другому торговцу!

Гендельсон в самом деле подобрал отличных коней. Мы мчались почти два часа, потом пересели на заводных и ехали быстрым шагом до полудня без остановок. Можно бы и дальше, но Гендельсон все-таки в доспехах, а этого и боевой слон долго не выдержит.

Дорога шла по плоскогорью, земля зеленая, но иногда встречались и горы. К счастью, не горные хребты, через которые пришлось бы перебираться, а просто, как говорится, отдельно стоящие горы. Одна показалась несколько странной, но когда мы приблизились, мурашки уже в который раз побежали по моей исцарапанной их когтистыми лапами спине. Трехглавая гора на самом деле не трехглавая, древние неведомые строители или архитекторы ухитрились обтесать целую гору, теперь на нас смотрит вздыбленный дракон, угловатые крылья растопырены, это они выглядят соседними горами поменьше.

Я смотрел с суеверным ужасом. Нас, людей двадцатого века, до сих пор удивляют и поражают египетские пирамиды, чудовищный Сфинкс, высеченный из целой горы, но эта гора... это сотня пирамид, это увеличенный в сто раз Сфинкс... к тому же его высекали не в плодородной долине Нила, откуда продукты подвезут со всех сторон на телегах, а в этом диком месте. Кому, зачем понадобилось? Что за дурь? Искусство или религиозное рвение?

Гендельсон смотрел с отвращением. Он, как правоверный талиб или ранний христианин, уничтожил бы этого гнусного идола, будь это в его власти.

— Я слышал о Великом Драконе, — сказал он резко. — Какой-то из магов произнес страшное заклинание, и дракон превратился в гору.

— Из магов? — переспросил я. — Тогда уж лучше называть его святым апостолом.

Гендельсон врубился не сразу, подумал, сказал с сомнением:

— Но это было давно...

— Да кто помнит даты? — возразил я. — В интересах торжества христианства мага лучше заменить на апостола. Зато сразу видна мощь христианского учения.

Гендельсон подумал, поколебался, потом вытащил крест из-за пазухи, поцеловал и сказал с чувством:

— Избави, Господь, меня от искушения солгать!.. Даже во имя славы Твоего Сына. Да будем мы правы по своей чистоте и праведности, а не по хитрости!.. А вы, сэр Ричард, по своей ли воле или по наущению дьявола, но... роль у вас гнусненькая.

Я хотел расхохотаться, но внезапный жар прокатился по лицу. В самом деле я, дурачясь и прикалываясь, брякнул не совсем, не совсем... В моем заскорузлом и циничном мире это норма, но здесь это в самом деле расценивается как подлость. Здесь народ чище и честнее... в целом они все, как дети. В своем мире, кстати о птичках, я бы тоже не сказал такое ребенку, детям принято говорить правду, к подлости и лживости мира приучаем постепенно...

— Простите, сэр Гендельсон, — проговорил я искренне. — Это у меня одна из моих дурацких шуточек. Только и всего! Примите мои самые искренние извинения.

Он пробормотал пару слов на латыни, приложился к кресту и ответил ровным голосом, не встречаясь со мной взглядом:

— Принимаю, ибо нам еще ехать. Но я буду знать, что в этих краях, где Зло сильно, кроме всех бед придется одолевать еще и искушения дьявола с собой рядом.

Я сказал примирительно:

— А что еще говорят про этого каменного дракона?..
Окаменил его, и все?

Гендельсон ответил все еще настороженно, ведь рядом с ним едет чуть ли не прямой слуга дьявола:

— Придет час, чары ослабеют... и Великий Дракон вернется к жизни! О, горе тогда настанет людям, ибо нет на свете героя, который сумеет остановить его снова!

Я кивнул.

— Все понятно, стандартный набор.

— Стандартный? — переспросил он невольно. — Набор?

— Да, — пояснил я. — Благочестивый христианский король Артур, о котором вы слыхали, спит в Авалоне и вот-вот проснется, Мгер Младший, это тоже такой христианский герой, почти святой, готов выйти из скалы... кстати, Илья Муромец с сотней богатырей тоже в скале ждет своего часа, а он еще какой христианин, все знают про луковые маковки церквей!.. христианнейшая королева Ядвига со своим войском спит под костелом и прислушивается к зову трубы, а еще пару тысяч христианских сверхбогатырей спят и видят, как проснутся, выйдут и пойдут крушить все, что не так, как в их родном стойбище... Если они все разом встанут... Так что, сэр Гендельсон, даже если этот Дракон и проснется, то тогда проснутся и эти крутые парни! Иначе в мире нет равновесия. Если раньше они и воевали друг против друга, то при виде Дракона объединятся и разнесут его на такие куски, что каждый унесет самый хилый из муравьев!

Он поглядывал на меня недоверчиво, ибо сейчас я сказал такое, что взвеселит сердце любого христианского воителя.

После длинной паузы, когда мы проехали почти милю, он проговорил задумчиво:

— Значит, час последней битвы со Злом еще не настал...

— А это, в свою очередь, значит, — добавил я, — что в мире не так уж и хреново.

Он подумал и сказал веско, буквально изрек, осталось только вырезать крупными буквами на скрижалях... знать бы только, что это такое:

— Что, в свою очередь, значит, что справимся и сами. Благодарим Тебя, Господи, за доверие!

Впереди показалась ровная насыпь, удивительная среди этих разнообразных холмов, нагромождений камней, возвышенностей и впадин. Еще удивительнее, что ~~прет~~ ровно, не обращая внимания на рельеф: где почва понижается — насыпь становится выше, массивнее.

Холмы громоздились один на другой и постепенно переходили в возвышенность. Удивительная насыпь, стремительно приближаясь, быстро сокращалась в размерах, затем словно бы исчезла... но нет, теперь уже не насыпь, а прорезанная среди холмов ложбина, удивительно ровная, будто просекли лазерным лучом.

Сдерживая сердцебиение, я все же не сдержался, вскрикнул, конь тут же ринулся в галоп. Насыпь приближалась, мне она показалась странной, в последний момент я сообразил, что из-под копыт не стук, а хруст, будто мчится конь по высохшим костям.

В ширину полоса странной дороги метров пять, по бокам до самого горизонта заросшие сорной травой канавы. Кюветы, вспомнил я. Под ногами хрустят мелкие морские ракушки. Гребешки, или как их там. Привозили откуда-то издалека... То ли ритуальное, то ли ракушки не размыть дождями, а сила сцепления их во сто крат выше, чем у гальки...

Гендельсон что-то кричал вдогонку, я пустил коня по насыпи. Странное чувство овладело мною, словно двигаясь вдоль железнодорожного полотна. Рассказывают, что когда инженеры спорили, как лучше проложить первую железнную дорогу из Санкт-Петербурга в Москву, то царь, раздраженный непонятными спорами специалистов, в которых он ни уха, ни рыла, взял линейку, приложил на карте одним концом к Петербургу, другим — к Москве и провел карандашом прямую линию. Вот, мол, все понятно, так и стройте. Так получилась самая прямая дорога в мире — через все болота, леса, холмы и низины. Только в од-

ном месте крохотный округлый выступ: там царь прижимал линейку пальцем, и карандаш его задел чуть-чуть.

Дорога уходит вперед, прямая как стрела. Отчетливо видно, что вот там низина, дорога поднимается, сохраняя прежнюю ровную линию, а еще дальше, где возвышенность, эта же дорога превращается в прорубленную долину. Полотно приподнято по-прежнему, а по бокам... да, куветы для отвода воды, чтобы не размывали полотно.

Сзади донесся крик, Гендельсон поравнялся на храпящем коне.

— Что случилось?.. Что на вас нашло?

Я спросил хриплым голосом:

— Что это?.. Что за дорога?..

— Она уходит на юг, — выкрикнул Гендельсон. — В царство темных колдунов!.. А нам нужно на восток. Это вон туда...

Я проехал еще чуть, начал придерживать коня, сердце бьется учащенно, но мы в самом деле должны в Кернель... взгляд зацепился за пробивающиеся между ракушками стебельки травы. Как-то странно пробивается, полосами, словно едем по спине зебры...

Гендельсон начал читать громко молитву, чтобы Господь защитил мою душу от дьяволов. Явно же меня что-то взяло и ведет, не сам же я с такими безумными глазами и волосами дыбом...

Конь с облегчением остановился, когда я натянул повод. Гендельсон оборвал молитву, я соскочил наземь, потом он забормотал громче. Я упал на колени, пощупал землю. Так и есть, эта вот коричневая смесь — труха от дерева. А дальше, на расстоянии короткого шага, — еще... Если пройти вперед и внимательно присматриваться...

Я вскрикнул, в одном месте торчит черный полуистлевший кусок дерева. Дрожащими пальцами коснулся дерева. Ощущение было таким, будто тронул истлевшее папье-маше. Тут же сломалось, рассыпалось, легло на землю черным пеплом. Эта шпала, хорошо просмоленная, пропи-

танская нужными растворами, продержалась дольше всех, успела сообщить нечто важное...

— Что здесь за земли? — спросил я не своим голосом. — Что здесь произошло?

Гендельсон добормотал молитву, потом лишь ответил злым голосом:

— Здесь когда-то были земли Черных Колдунов!.. Но благочестивые воины святейшей церкви сумели с помощью креста, святой воды и острых мечей опрокинуть мощь Нечистого. Колдунов изгнали из этих земель, здесь поселились благочестивые и благоверные люди, построили свои города, а все созданное колдунами было уничтожено, а сами они преданы огню на городских площадях... Но вот теперь снова пришли черные войска Карла! И снова все в руинах..

— И снова все в руинах, — пробормотал я горько. — Снова все в руинах...

— Сэр Ричард, о чём вы?

— Если бы не предали все огню, — сказал я с болью, — разве не носились бы здесь поезда на воздушной подушке?..

— Сэр Ричард?

— Да, это я...

— У вас бред? Наваждение?

Я слабо отмахнулся, в глазах защипало. Конь показался огромной темной громадой. Пока я взбирался на его спину, успел незаметно вытереть глаза, в седле выпрямился, посмотрел по сторонам, как подобает христианскому рыцарю: угрюмо и надменно.

— В Кернель!.. А по дороге расскажете про эти земли.

Глава 27

Знал Гендельсон не так уж и много, но это с моей-то жадностью, а на самом деле все-таки много для простого... пусть даже генерального провиантмейстера всего воинства Зорра. Земли, по которым едем, последние несколько сот

лет считались пограничными, переходили из рук в руки. Всякий раз новая власть задерживалась надолго. Черные Колдуны успевали построить свои дьявольские машины... это, видать, паровозы, а когда приходила власть святой церкви, то на месте языческих капищ отстраивали величественные церковные храмы, при виде которых сердце наполняется умилением, восторгом и энтузиазмом.

По дороге я сшиб молотом молодую козу, Гендельсон взял ее к себе на седло. Солнце уже опускалось к закату, лес впереди стал темным, страшноватым. Чуть левее небольшое озеро, у пологого берега плакучая ива, можно привязать коней, ибо в мешках достаточно овса...

Я разжег костёр, Гендельсон уже разделывает козу, поедим вволю, а я наскоро помылся в теплой прогретой воде, пока еще в прозрачной воде видно песчаное дно. С берега долетел запах горящей дре^жесины, Гендельсон запел что-то воинственное, немилосердно фальшивя...

Впервые запел, отметил я с удивлением. Не сломал его этот поход, а ведь полнейшее же ничтожество! И доспехи какие ташит...

В голове стучала кровь, я лег на спину и забросил руки за голову. Или совсем рухнулся, или же здесь до этой жизни была другая жизнь. Нет, жизнь та же, но другие цивилизации. Не такие, как древнеегипетская, римская или чертомлыцкая, а... это, конечно, дико, но если допустить такую возможность, что когда-то здесь уже существовала высокоразвитая техническая цивилизация, тогда все становится ясно и все лишние шары попадают в свои лунки.

Во мне все противится объяснять что-то магией или колдовством, но если допустить... только допустить, что была могущественная цивилизация, потом, ессно, от чего-то сгинула, то сразу объяснимы такие «магические» вещи, как железнодорожная колея или необъяснимо прочные сплавы. А что мне непонятно, как, к примеру, мой летающий молот, то это тоже объясняется научным и техниче-

ским сверхмогуществом погибшей сверхцивилизации, которого мне пока просто не понять.

Что случилось, уже не узнать: вряд ли войны, их мы любим предполагать в первую очередь. Думаю, при высочайшем уровне про войны речь уже не идет, но возникает множество других проблем и опасностей, которых не знает феодальное общество. К примеру, они не знают экологических катастроф, озоновых дыр, экспериментов с генетикой, что уже знакомо нам, а у сверхцивилизации таких опасных моментов будет в тысячи раз больше.

Итак, предположим... только предположим!.. что цивилизация такого типа была. Потом рухнула. Остатки населения должны были бороться за выживание, а закон прост: достаточно всего лишь двум поколениям осться неграмотным — и уже все человечество вернется в пещеры. Возможно, какие-то остатки грамотности уцелели, но много ли им это даст, если остановились и рассыпались в прах заводы, фабрики, лаборатории?

Конечно же, между полудикими племенами начались войны. Те остатки древней культуры, что находили в изобилии, были признаны магическими. Как и руины древних городов.

Небо потемнело, зажглись первые звезды. Луна, оказывается, уже давно на небе, только теперь ее бледный, едва заметный диск начал наливаться ярким светом. На ее фоне мелькнуло, словно пролетел гигантский упырь. Кстати, о зверье. Вряд ли сверхцивилизация выводила огнедышащих драконов, хотя кто их знает, но крохотных игриных дракончиков, размером с морских коньков, — наверняка. Они такие милые и забавные... А вот всякую дрянь, вроде монстров или гарпий, явно выводили в полуразрушенных автоклавах уже полудикие потомки. Возможно, инструкции еще сохранились, но мораль была не та... словом, когда и автоклавы были уничтожены, звери зажили своей жизнью. Некоторые остались стерильными, другие... страшно подумать, могут размножаться...

Ночью я летал во сне, с легкостью проходил сквозь стены, видел сверкающие города и слышал трубный глас, то ли архангела, то ли Вселенского Координатора Звездных Перемещений. А потом над миром поднялся чудовищный гриб ядерного взрыва... и хотя я знал, что это не ядерный взрыв, а нечто в сто тысяч раз страшнее, но сознание не в состоянии представить непредставимое, и потому я пал на землю, закрыл глаза и накрыл ладонями голову, хотя понимал, что взрыв выжжет даже землю на десяток метров в глубину...

Утро было холодное, я проснулся, весь дрожа. Гендельсон ухитрился встать еще раньше, раздувал костер. С ночи говорить не хотелось, да и Гендельсон странно молчалив, поглядывает с подозрением. Что-то насnilось в мой адрес, понятно.

Позавтракали наспех разогретым мясом. Кони сытые, в мешках пока что овса на пару суток. Мы поднялись, и тут Гендельсон ахнул. Я резко повернулся.

Из озера медленно поднялся острием вверх меч. Я неотрывно смотрел, как поднимается острое суженное лезвие, блестит на солнце добротной сталью, затем показалась рукоять. Держит ее женская рука, у мужчин не бывает таких тонких изящных пальцев. Да и вообще приятнее думать, что меч держит женщина. Значит, охотнее расстанется.

Гендельсон прошептал в великом возбуждении:

— Это шанс!.. Я слышал, что Озерный меч обладает невероятной силой!

Я смерил взглядом глубину, поежился.

— Знаете, сэр Гендельсон, — сказал я нерешительно, — я всегда боялся темной воды... И хотя сейчас вроде бы солнце, там мелко, видно песчаное дно, но хрен знает, какая там глубина на самом деле! Рука торчит из песка, что ли? Давайте так, вы берите этот меч...

Он отшатнулся:

— Почему я?

— А почему, — возразил я, — этот меч мне? У меня уже два волшебных... только я не знаю еще, в чем их волшебность. Да и третий, что нашел в руинах, подозреваю, тоже непрост. По крайней мере никто еще не сказал, что за металл, почему рубит другие мечи, как деревянные прутики? И кто и чем его самого так изуродовал?

Гендельсон в нерешительности посмотрел на Озерный меч, вздохнул.

— Меч такой дорог... но душа дороже.

— А моя?

Он отмахнулся с небрежностью.

— Что ваша? Вам все равно гореть в аду. За молот, за амулет, даже за то, что молитв не знаете. Так что грех взятия этого меча много не добавит. Но пригодиться в дороге он может...

Рука все еще держала меч. Я понимал, что если отойдем от озера на какое-то количество шагов, то меч опустится и будет пребывать у дна до тех пор, пока незримую лазерную линию не пересечет следующий путник. Возможно, она даже заранее выисматривает тех, кто высок ростом или широк в плечах. Или по каким-то еще параметрам. Скорее всего, так, иначе за столетия, а то и тысячи лет, уже все волшебные мечи расхватали бы. Не все же гендельсоны...

— Была не была, — сказал я решительно.

С шумом вошел в воду, меч все так же смотрит острием в небо. Рукоять длинная, женские пальцы занимают едва ли половину, хотя меч не двуручный, а так, полуторный.

Я осторожно взялся за свободное место на рукояти. Женские пальцы медленно разомкнулись, соскользнули с ленивой грацией. Я успел рассмотреть изящно закругленные ногти, безукоризненные, чистые, словно из дорогого пластика.

Рука ушла под воду, а я спросил запоздало:

— А... что за меч?.. За обладание?

По воде разошлись круги, вода снова стала ровной как стекло. Я постоял, как дурак, Гендельсон выглядит тоже не

лучше с отвисшей до земли челюстью. Наконец я выбрался на берег, меч в обеих руках, сказал угрюмо:

— Вот то, на что нас всегда ловят...

Гендельсон спросил осторожно:

— На что?

— На халяву, — ответил я раздраженно.

Меч был великолепен, просто немыслим в этом простом и грубом мире. Небесно-голубая сталь, узкое лезвие, чуть ли не ближе к шпаге, чем к широкому рыцарскому мечу, но все равно ощущение невероятной прочности, упругости, неимоверной мощи.

— Надо будет подобрать ножны, — проговорил наконец Гендельсон. — Хотя для такого меча заказать бы особые...

Я взвесил меч в руке, сделал пару выпадов, помахал, рассекая воздух. Гендельсон наблюдал с завистью в свиных глазах, что с потерей сала превращаются почти в человечьи.

— Интересно, — буркнул я, — почему все отдают мечи без ножен? Уже четыре, и всем подбираю ножны заново.

Застоявшиеся кони понесли резво. У меня за плечом все тот же красный меч. Озерный, как ни хочется испробовать его свойства, увязан в мешке вместе с другими. Гендельсон, заполучив хороших коней, даже опережает меня в стремлении достичь Кернель, спит в седле, ест в седле, а когда встречается крутой подъем — а они все чаще и чаще, — уже слезает на землю и тащит коней в поводу.

В полдень мы также спешились и тащили коней в гору, когда я поневоле остановился. Дыхание с хрипами вырывалось из груди, ноги подкашивались, но я все равно залюбовался: на высоком уступе всего в полусотне шагов стоит белый как снег единорог. К тому же не тонконогий изящный красавец с выгнутой шеей и безукоризненно вылепленной аристократической мордой, а могучий рыцарский конь, с широкой грудью, толстыми мускулистыми ногами и широкими копытами. Под белой алебастровой кожей с ленивой грацией двигаются широкие пласти мышц. А бе-

лый рог выглядит вдвое толще, чем у моего Черного Вихря, но по длине у моего, пожалуй, небольшая фора...

Гендельсон подошел, взрыхляя снег, как шагающий экскаватор, увидел, сказал хрипло:

— Вот это чудо... Пожалуй, он даже крупнее вашего коня, сэр Ричард.

— Вот уж фигушки, — ответил я уязвленно. — У меня вороной конь!..

— Ну и что?

— А, вы в конях не разбираетесь? Вороные — самые быстрые. И самые сильные, понятно.

Он фыркнул:

— В срединных землях?.. Здесь все не так, сэр Ричард. Здесь кони бывают такие... что уже и не кони вроде бы. Во всяком случае, не всякий решится назвать их конями.

Я посмотрел на единорога, потом на Гендельсона. Спросил с подозрением:

— А это не ля-ля? Откуда такие познания?

— Сэр Ричард, — ответил он с достоинством. — Я понимаю, что в мире, где даже короли не всегда умеют поставить свое имя и титул на важном договоре, простолюдины тем более не читают книг... Но мне повезло, я, как вам уже говорил, читал. Много. Все, что находилось в замке моего отца. А он отовсюду привозил все книги, которые удавалось купить или захватить силой.

Теперь уже сам Гендельсон удивительнее белого единорога. Все не могу поверить, что эта тупая жирная морда читала... даже любила читать книги. Какие милые поросенки бывают, когда маленькие! И какие вырастают свиньи... Не простые, титулованные. Приближенные и все такое... Но и насчет коней следует запомнить. Значит, кто-то либо экспериментировал с генетическим кодом лошадей, либо вообще играл с генокодами.

— Пошли дальше, — сказал я зло. — Господи, как хочется остановиться, везде полазить, все потрогать!.. Побы-

вать во всех руинах, поднимать камни. Вдруг там дивные вещи?.. Мимо каких чудес проходим, а...

Подъем перешел в плоскогорье, Гендельсон влез на коня и поехал впереди. Я тащился сзади, раздираемый жуткими сомнениями. В самом деле, ради спасения... или просто помохи осажденному Кернелю, где явно одни попы, хоть и с мечами, я прохожу мимо чудесных вещей, что остались от старого мира, где, возможно, компьютеры с булавочную головку, люди сильнее нынешних богов... и где я, возможно, отыскав какой-нибудь артефакт, стану по мочи равным богам!

У меня три магических меча, мелькнула мысль. И все на халяву!.. Правда, за каждый обещал что-то сделать, не в этом ли ловушка?.. За молот я обещал тоже кое-что гномам, но с теми все понятно, тот должок я постепенно выплачу. Но мечи?.. Не выглядит ли так, что любая халява — от дьявола? И, взяв магические мечи, я в конечном счете как бы служу хозяину всей магии — дьяволу? Нет, дьяволом он стал в христианской трепанации, а до этого его звали просто Самаэлем, и тогда он был не таким уж и враждебным человеку.

Если человек берет от кого-то дар, то тем самым молча обязуется ответить таким же по стоимости, так? Или хотя бы прекратить войну против дарящего... Иначе принимать дары нехорошо. Нечестно. Если принимаешь — то встаешь в ряды войска дьявола. Если принимаешь, но не встаешь, то поступаешь нечестно, неблагородно, а тем самым тоже оказываешься в стане дьявола.

Я посмотрел на свой мешок. Три меча в ножнах, только озерный в тряпках, рукояти отчетливо выпячиваются из-под грубой ткани. Красный меч, Черный меч, Голубой меч — если по цвету. Нет, Красный у меня за спиной, а в мешке таинственный меч с глубокими зазубринами, со следами огня... но когда я на привале бил этим мечом по валунам, на лезвии не оставалось и малейшего следа. Так же рубит и доспехи, как-то я искромсал на лапшу шлем и

панцирь одного из убитых, но на лезвии опять же ни единой новой щербинки.

Воздух становился все холоднее, мы забрались достаточно высоко. Настолько высоко, что, если честно, большую армию перебросить сюда непросто. Разве что как Суворов через Альпы, но он тогда за переход угробил половину армии и всю артиллерию. А шел он не по такой уж дикой дороге, еще раньше ее протоптали слоны Ганнибала, но тех карфагенский полководец сумел сохранить почти всех.

Остановились на короткий отдых, скормили коням остатки овса, сами доели сыр и хлеб. Если не встретим села или города, придется питаться только дичью. Правда, что делать с конями...

Мы сидели на упавшем дереве, костер разводить некогда, доедали хлеб. Гендельсон бережно собрал крошки в ладонь, забросил в рот. За последний день он опять исхудал, под доспехи пора подкладывать одеяло, а то и подушечки.

Я раскрыл рот, на языке ехидная шуточка на эту тему, но со стуком захлопнул. В паре сотен шагов из расщелины вышли темные фигуры. Мы услышали их тяжелое надсадное дыхание, негромкое позвякивание железа. Солнце за тяжелыми низкими тучами, но я различил десятка два крепких мужчин, все с топорами и щитами, почти все в железных шлемах. Доспехи из кожи, железные бляхи блестят хмуро и неприветливо. Бредут тяжело по колено в снегу, иногда проваливаются по пояс, слышу сдавленную ругань, ворчание, похожее на рык злобных зверей.

Двое прошли совсем близко, но настолько усталые, что не поднимали морд и не смотрели по сторонам. К счастью, ни один из наших коней не заржал, не фыркнул. Я рассмотрел вытянутые морды с непомерно массивными челюстями, широкие скулы, упрятанные в крохотные отверстия глаза. Один держал широкий жабий рот закрытым, я видел только два нижних клыка, что не поместились во рту и тор-

чали наружу, загибая верхнюю губу, второй шел с раскрытым ртом, словно ему заложило нос, шумно и часто дышал. Зубы показались мне лошадиными, попавшими ему по недосмотру, но среди лошадиных заметил и волчьи клыки, длинные и острые.

Когда они удалились, Гендельсон прошептал за моей спиной едва слышно:

— Стягиваются к Кернелю... Наверное, готовится большой штурм!

— А я думал, на охоту собрались, — буркнул я.

— На охоту берут другое оружие, — возразил Гендельсон серьезно.

— Скажите, пожалуйста, — удивился я с язвительностью в голосе. — Ладно, по коням.

— По коням, — согласился он, но выглядело это так, словно слуга доложил ему о готовности, а уж он, барон, принял решение. — Надо спешить!

Мы мчались как на пожар, но к вечеру этого же дня я уловил в воздухе теплые струи запахов конского и человеческого пота, навоза, горелого дерева, крови и жареного мяса.

Дорожка вела через лес, а когда посветлело, явный признак, что лес вот-вот закончится, мы пустили коней шагом. Впереди блеснуло, я остановил коня, Гендельсон от неожиданности не успел среагировать адекватно баронскости и поймал брошенный ему повод моего коня, словно челядин.

Я прошел тихонько вперед. Деревья раздвинулись, в просвете показалась долина. Я прокрался еще ближе, уже пригибаясь, осторожно выглянул из-за дерева.

Первое, что бросилось в глаза, шатры всех цветов. Шатры, сотни шатров, между ними зеленеют шалаша из свежесрубленных веток. Множество костров, вокруг огня кружком люди в доспехах, а еще больше двигается по опушке, везут катапульты, за ними тянутся тяжело груженные телеги.

Особняком, возле своих костров, что в сторонке, — су-

щества, которых Гендельсон называл просто нечистью. Вообще-то я сам назвал бы их так же, ибо там те, кто не попадал в тот узкий стандарт, что даже я толерантно называю людьми. Мутанты, да не просто мутанты, большинство при моей политкорректности сошли бы за людей, назывались бы, скажем, гражданами кавказской национальности или американцами мутантного происхождения, но эти чудовища явно и резко выходят за все мыслимые рамки.

Я с отвращением рассматривал огромных, как слоны, чудовищ, тяжелых и неповоротливых, между ними проскаакивают юркие, как мартышки, белолицые зверьки, пушистые и длиннохвостые, но явно понимающие человеческую речь, там длиннорукие существа. Гендельсон потихоньку подкрался сзади и начал объяснять, что они умеют с огромной силой и убийственной точностью метать камни, но у них очень слабые ноги, их перевозят на телегах с камнями.

Его рука то вытягивала до половины меч, то снова со стуком задвигала в ножны. Это раздражало, я отвлекался, наконец бросил зло:

— Сэр Гендельсон, вам не терпится в бой?.. Так флаг вам в руки, барабан на шею и поезд навстречу!

Он не понял, но на всякий случай перекрестился, хотя руку с рукоятью меча убрал. Обиделся, хрен с ним, но все же бубнил над ухом, что мутанты, как сказано в старых летописях, явились с неведомых земель, отыскав где-то горные проходы. Или продолбив гору, там на востоке все источено пещерами, как головки сыра.

К счастью, тогда королевства были в полной силе, объединенное войско им не дало разгуляться и захватить слишком большие земли. Они опустошили Бриттию и Шумеш, но затем их разбили в трех великих битвах, в течение трех лет отыскивали мелкие отряды и уничтожали, а одиночек уже забивали мужики топорами и оглоблями. Вроде бы удалось найти и замуровать дыру, через которую они выходили из-за Горной Стены, после чего на долгие столе-

тия про этих уродов никто не слыхал. Но, похоже, Властелин Тьмы сумел отыскать или пробить для них новый проход...

Все устраивались на ночлег, на кострах жарили мясо, забивали скот, ибо охотой такое войско не прокормишь. Кровавый закат быстро тускнеет, небо стало темно-синим, зажглись звезды, а луна налилась беспощадно ярким светом.

— Они прямо на дороге! — сказал Гендельсон с гневным изумлением, что кто-то посмел загородить ему, барону, дорогу. — Нам через долину... и прямо!

— Ночью? — спросил я.

— Ну, зачем же ночью? — удивился он. — Переношуем, но утром...

— Утром они сами снимутся с мест, — предположил я.

— Полагаете...

— Да, полагаю.

— Тогда нам нужно обогнать, — сказал он твердо, — и прибыть в Кернель раньше их!

— Это будет нетрудно, — сказал я. — С ними тяжелый обоз, а они его не оставят без охраны.

— Тогда мы должны...

Он оборвал себя на полуслове, оба услышали быстро приближающийся конский топот. Судя по звукам, в нашу сторону скакет один-единственный всадник, но было в этом топоте нечто странное, пугающее. Наши кони начали вздрагивать, храпеть, остановились, прижимая уши, а конь Гендельсона вообще начал подгибать ноги, как трусливый пес перед волком.

В лунном свете показался всадник. Весь он блестел, словно облитый водой. Точно так же блестел и его конь. Они показались мне выкованными из металла, но я видел, как живо конь выбрасывает ноги, как потряхивает гривой, как переливаются тугие мускулы под тонкой кожей. Всадник же наклонился вперед и выставил перед собой длинное рыцарское копье.

Гендельсон вскричал пугливо:

- Что за исчадие ада?
- Узнаем, — пообещал я.

Пальцы мои на ощупь отыскали рукоять молота. Я поймал взглядом блестящий шлем, рука метнула молот. Мы оба застыли, ожидая услышать звонкий удар, увидеть падение, Гендельсон даже вытянул руку, готовясь перехватить повод коня, что проскачет без всадника...

Удар, тяжелый удар металла о металл. Всадник чуть покачнулся, но усидел, а молот, описав дугу, вернулся в мою ладонь. Я так опешил, что едва поймал, всадник пронесся мимо нас, не подарив даже взглядом, а я с воплем швырнул молот вдогонку. Он понесся, треща воздухом, мне почудились в его полете стыд и жажда реабилитироваться. Всадник удалялся, молот догнал и нанес тяжелый удар в спину. Донесся звонкий удар монолитного железа в... такой же монолит, только больше, словно мой молот ударили в массивную наковальню.

Всадник чуть-чуть клюнул носом, молот вернулся ко мне в ладонь. Гендельсон смотрел ошалело, но не вслед всаднику, а на землю.

— Сэр Ричард...

Отпечатки подков были широкие, но когда я понял, что устрашился Гендельсон, волосы зашевелились на затылке, на спине, а потом и на руках. Почва каменистая, наши кони почти не оставляют следов, хотя мы вовсе не пушинки, а за промчавшимся всадником следы чернеют в лунном свете глубокие, отчетливые.

— Он из металла, — сказал Гендельсон убежденно.

— Как такое может быть? — буркнул я.

— Из металла, — повторил Гендельсон. — Потому даже не обратил на нас внимания. Спешит на турнир себе подобных...

Я повесил молот, пальцы тряслись, а руки от пережитого волнения вздрогивали, словно всю ночь крал кур вблизи от больших и злобных сторожевых собак.

— Черт бы его побрал, — сказал я зло. — Разъездились тут по ночам... Людей пугают!

— Совершенно с вами согласен, — ответил Гендельсон торопливо. — Чуть ли не впервые я согласен с вами, сэр Ричард! Пусть тот, кого вы упомянули, заберет его в свои.... свои владения. Заберет и не выпускает.

Но взгляд, который бросил в мою сторону, говорил отчетливо, что еще лучше, если бы с тем всадником из металла забрали бы туда и меня с моим нечестивым молотом, нечестивым амулетом и прочей нечестивостью...

Рано утром мы проснулись от рева скота, конского ржания, топота и скрипа телег. Все это сливалось в неумолчный шум, напоминающий далекий грохот волн о скалистый берег.

Мы выбралис из глубин леса, куда отступали на ночлег, Гендельсон громко забормотал молитву. Вся долина, казалось, пришла в движение: конница уже скрылась, за нею уходили пешие, а сейчас под охраной двухметровых зергов тяжело сдвинулись телеги. Тащили их крупные быки с диво широкими грудными клетками.

— Господи, — прошептал Гендельсон, — позволь им идти с такой же скоростью до самого Кернеля!

— Лучше нам двигаться быстрее, — возразил я трезво. — А то он выполнит твою просьбу, но и нам даст скорость вдвое меньше...

Мы оседлали коней, выехали из-под широких ветвей. Вся долина казалась покрытой язвами, от костров остались почерневшие ямки, воздух от вони стал тяжелым, ибо зарги не утруждали себя уходить далеко от костра, чтобы испражниться.

Далеко на горизонте тянулась горная цепь. Начиналась далеко на востоке, уходила на запад. Гендельсон сверился с картой, ему начертили в городке, сообщил, что за теми горами зеленая долина, а за нею такая же горная цепь, только повыше и непроходимее. Там только один проход в бес-

крайние зеленые земли, что за ним, за хребтом, но его как раз и загораживает Кернель.

Мы ехали без остановок почти до обеда. Сперва двигались по следу заргов, потом те ушли в сторону. Гендельсон тут же вознес благодарственную молитву.

Я приподнимался на стременах, прикидывал расстояние. Сейчас нам ломиться через лес... А он на десятки, если не сотни миль. Все-таки горы далековато. Вряд ли пройдем через такой лес с конями, но и без коней непонятно как добираться.

Гендельсон вскрикнул:

— Дракон!

Я сперва посмотрел по сторонам, лишь потом вскинул голову. Некрупный легкий дракон с узкими крыльями быстро пронесся по небу. Гендельсон с проклятиями послал коня вперед, я тоже успел увидеть, что дракон как будто натолкнулся на стенку, соскользнул вниз, растопырил крылья и пошел в нашу сторону едва ли не в пике.

— К лесу! — крикнул я.

Гендельсон развернул коня, мы помчались со всей мочи. Дракон опасен даже не огнем, для этого ему пришлось бы снизиться, а на этот случай у меня молот, но вот дротики наездник может метать с любой высоты.

Наши кони неслись, как птицы. Я пригнулся к луке, и вдруг глаз уловил искорку среди зелени. И тут же еще одну...

— Там зарги! — закричал я. — Поворачивай! За мной, вдоль леса!.. Не приближайся...

Гендельсон послушно повернулся, мы сделали широкий полукруг и понеслись вдоль леса, постепенно удаляясь от темной стены деревьев. Среди листвы раздался разочарованный вой, и, ломая кусты, на опушку начали выскакивать коренастые существа... ну, почти люди. Пусть даже люди, раз уж в доспехах, на головах шлемы, а в руках палицы, дубины, мечи, топоры.

Дракон снова взмыл, обошел по кругу и снова распластал крылья прямо над нашими головами. Наездник даже

не стал бросать дротики. Я все понял, когда заметил, как он машет руками. Да и сам дракон с растопыренными крыльями хороший ориентир, видно, где нас искать.

Ощущение было такое, что мы мчимся по бескрайнему полю, а там появляются кучки заргов. Потом я понял, что это те, кому не нашлось места в огромном лесу, расположились на полуденный отдых под открытым небом, где не отыскать даже веток для костра.

Я на ходу бросал молот, рубил мечом, мы неслись почти вслепую, пока Гендельсон не увидел вдали развалины громадного строения... или же просто рассыпавшуюся от старости гору. Он указал мне молча, я кивнул и снова метнул молот. Наши кони храпели, мчались во весь опор. Я оглянулся, заводные не отстают на длинном поводе, земля гремит под их копытами, в глазах ужас, будто знают, что зарги коней едят живыми.

Еще одна группа абсолютно одинаковых существ поднялась с земли, мы уже не могли свернуть, врезались, стоптали. Я рубил в обе стороны, слышался лязг, крики, дикий крик раненого коня. Оба заводных коня остались в лапах заргов, но мы вырвались, руины все ближе. Теперь видно, что это не развалины древнего замка, а заброшенная крепость, начали строить и бросили на полдороге...

С камней поднялись пятеро широких массивных заргов. Я метнул молот, с мечом налетел на второго, молот поймал и ухитрился бросить еще раз. Гендельсон героически рубился сразу с двумя, я слышал сильнейший звон железа по железу, меч у него выбили, щит тоже выбили, но я сразил своего противника, бросился сзади и совсем не рыцарским ударом в спину свалил четвертого.

Последний повернулся, вскрикнул и, бросившись моему коню под брюхо, перекатился там ловко, вскочил и понесся с невиданной прытью навстречу той массе, что неслась за нами следом.

Я попробовал направить коня по камням, конь оступался, жалобно ржал. Гендельсон сполз с коня, я надеялся,

что его уже зарубили насмерть, но он с усилием подобрал меч, на щит сил не хватило, повернул ко мне озабраленную голову.

— Сэр Ричард... коней придется оставить...

Я молча сорвал с коня мешок с моими драгоценными мечами, свистнул, заорал:

— Пошел вон! Да поскорее, зарги идут, тебя сожрут без соли!

Вороной, словно поняв, сорвался с места в галоп. За ним понесся конь Гендельсона, а мы бросились по камням наверх. Глыбы с округлыми краями, словно морские валуны, что можно строить из таких, непонятно. Гендельсон спешил впереди, потом я его обогнал, но почему-то стало неловко, остановился, пропустил его карабкаться дальше, вытащил меч.

Часть III

Глава 28

Небо нависало все ниже, ветер дул холодный, северный. Странно чувствовались влажные теплые струи, словно неведомый водоворот захватывал и смешивал разные потоки. За спиной высились пятиметровые стены из крупных блоков. Будь у меня скоростной арбалет, да еще с дальностью стрельбы на километр, был бы смысл укрыться там и держать оборону...

— Похоже, — крикнул я, — мы, как кур во щи. Или в ощиp, все равно, попали...

— Дождемся ночи? — прокричал он сверху.

— А что ночью?

— Ну, ползком...

Умолк, поняв, что сморозил дурь. Заргов здесь как грязи, весь юг, казалось, двинулся на завоевание севера. Лемминги чертобы, перенаселение или саранча урожай поела, что все двинулись в поход, пассионарии, видите ли, пламенные...

Первые зарги набежали довольно безрассудно. Я трижды метнул молот, а потом еще троим раскроил головы. Остальные попятались.

Гендельсон залез повыше, оглядывался по сторонам, прокричал, что проклятые зарги и на той стороне, целый лагерь. Я стиснул челюсти, в голове стучит какая-то злая мысль, но мыслить некогда, не до мысления, я как загнанный зверь вертелся в своем узком проходе. Место удобное, выше подниматься бессмысленно, там шире и придется драться с десятком, а здесь по одному... если только не зайдут сзади. А что им помешает зайти, Гендельсон?

В небе коротко громыхнуло. Далеко впереди разрасталось грозовое облако. Почти у самого горизонта виднеется темная струйка, что соединяет низкие тучи и притихшую землю. Потом струйка вверху стала шире, превратилась почти в воронку, снова вытянулась в жгут...

— Смерч, — сказал я зло. — Только его не хватало.

Гендельсон насторожился.

— Это что за слово?.. Или это имя того дьявольского существа, что было выпущено нечестивыми магами?.. Вот уж действительно мерзкое имя, достойное дьявольского отродья!

— А что за маги его выпустили? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Никто не знает их имен. Известно только, что они колдовали долго и гадко. У них были целые города колдунов, им служили гигантские механизмы... Однажды дерзнули состязаться с нашим Господом Богом и тоже совершить акт творения, безумцы! Как будто это уже не проделывал раньше дьявол, но самое лучшее, что он смог сделать, это обезьяну — карикатуру на человека...

Он умолк, я спросил вежливо:

— А этот смерч при чем?

— Как при чем? Человека им создать не удалось, ибо Господь, возмущенный такой дерзостью, метнул молнию в их город. Начались пожары, у колдунов разверзлась земля и появился адский дух, который их неверными чарами был навечно заключен в грозовые тучи. Он летает над землей, выискивая, где досадить человеку. Обрушивает град, а иногда и сам спускается на землю в виде вот такого черного столба...

Трое заргов начали подбираться между камней. Теперь понимают мощь молота, даже, похоже, понимают не только его силу, но видят и слабость. Остановились, подзывают других, потом ринутся скопом... И тогда молот уже не спасет.

Тучи уже над головой, смерч движется через долину, зарги в страхе разбегаются. Я отчетливо видел, как вихрь выдирает из земли траву, кусты, оставляя голую полосу.

В самой чудовищной воронке, где раструб в тучах, а острие, как великанский плуг, движется по земле, черно от комьев земли и всего, что захвачено по дороге.

Смерч приблизился еще, сейчас пройдет почти по развалинам, чуть левее, я вздрогнул, ибо в адском вихре вдруг сформировалось чудовищное лицо. Мне показалось, что оно перекошено яростью. Хотя нет, выражение лица меняется ежесекундно, сто тысяч раз в секунду...

Зарги начали подниматься широким полукругом. Их не меньше сотни, тут какими ни будь героями... Дикая мысль пришла в голову, я заорал бешено:

— Эй, помоги!.. Я такая же жертва эксперимента, как и ты!.. Помоги! Нас осадили, вот-вот сотрут в песок!

Смерч остановился, качнулся взад-вперед, небо потемнело, воздух кружится с космическими скоростями. Нечеловечески огромный голос загрохотал, будто каменные го-ры обрушивались на землю, я едва-едва сумел вычленить в этом сверхнизком регистре слова:

— Т-ы... а т-о-т...

— Помоги обоим!

— Ч-т-о...

— За нами погоня! — заорал я. — Ты можешь нас куда-нибудь... но чтоб не разорвало?

Ураган грохотал, земля задрожала. Рядом дико закричал и выставил перед собой крест Гендельсон. Я прижал к груди мешок с моими мечами, сделал Гендельсону знак, чтобы спустился ко мне поближе. Дикая мощь рванула в сторону с такой силой, что у меня едва не оторвалась голова. В ушах нарастила острая боль, и тут же весь мир завертелся с бешеною скоростью. Тело налилось свинцовой тяжестью, почти сразу же отхлынула, а боль в ушах исчезла, как по волшебству.

Перед глазами проносилось серое, я лишь догадывался, что это стенки бешено вертящегося вихря. Потом все исчезло, подошвы ударились о землю. Я рухнул, покатился по ровной каменистой земле и как можно быстрее вскочил на ноги. Слегка тошнит, в двух шагах барахтается железная

фигура. Для Гендельсона шок еще сильнее, он уже наверняка видит себя в аду. В полусотне шагов колышется исполинская воронка вихря, уже не черная, а полупрозрачная, но теперь еще страшнее, это прозрачность силового поля, способного давить в объятиях танки любой защиты. Я запоздало ощутил страх, понимая, к какой силе обратился за помощью.

Вихрь шатнуло пару раз в стороны, затем он истончился, превратился в тонкую, бесконечно длинную иглу. Основание оторвалось от земли, и смерч словно втянуло в низкие тучи.

Я нашупал молот, вот он на поясе, торопливо осматривался. В двух сотнях шагов к северу темнеет густой дремучий лес, это через него пришлось бы ломиться, как лосям. Отсюда не видно, насколько глубок, но пришлось бы несладко. Смерч словно понимал, в какую сторону идем. Возможно, мог бы закинуть и в Кернель, если бы я сумел сообщить, куда стремимся... но вообще-то и так чудо, что этот уже нечеловеческий интеллект сумел что-то ощутить к такому микроскопическому существу, понять, даже в самом деле помог, спас...

А в полукиле впереди, загораживая дорогу к Кернелю, протянулась высокая, почти отвесная стена, настоящая горная цепь. Направо уходит за горизонт, как и налево, а если карабкаться прямо, то надо быть мухой или гекконом. Правда, горная цепь выглядит старой, а такие источены норами, из них дожди и ветры постоянно выдувают и вымывают менее стойкие породы, пещеры бывают просто невероятных размеров...

Я потуже закрепил мешок за спиной, четыре меча заметно оттягивают плечи, но все же несравненно с тем, что несет Гендельсон. Он стоял с обнаженным мечом в руке. Лицо было бледным, под глазами синие круги.

— Сэр Ричард... — прошептал он. — Это... кто был?

— Демон, — ответил я, — который признал и преклонился перед Иисусом.

Он вздохнул с огромным облегчением, меч звякал и долго не попадал в ножны.

— Велика сила дьявола, — сказал он с чувством, — но сила Господа выше!.. Если такое чудище преклонило колено перед Иисусом, признав его сюзереном, то кто посмеет...

— Увы, — сказал я. — Увы! Смеют всякие гады полосатые. Сэр Гендельсон, если сможете идти, то надо, того... шевелить конечностями. Кто знает, насколько мы оторвались? В смысле от погони?

Он указал на гору.

— Вы предлагаете заглянуть вон в тот монастырь?

— Монастырь? — переспросил я с удивлением. Вгляделся внимательнее. — Ну и глаза у вас, сэр Гендельсон!.. Как все церковное чуete за милю!

— Да какая миля, — возразил он серьезно, — не больше полумили, голову наотрез!

Монастырь врезан в горную цепь с мастерством великого дизайнера. Есть чудаки, что находят в лесу покрученные сучки, искореженные ветки, делают пару взмахов ножом, и вот уже готова деревянная скульптура. Так и здесь некий умелец осмотрел горную цепь, выбрал подходящую пещеру, красиво и очень элегантно оформил по бокам скалы в виде колонн, шпилей, и там, где я увидел всего лишь массивные скалы и выступы, Гендельсон сразу узрел надстройки монастыря.

Он огляделся, сказал значительно:

— Оторвались так, что нас уже не догонят. Разве что не поверят, что этот черный демон нас истребил, тогда плохо...

— Догонят на драконах?

— Как вы сказали, сэр Ричард, увы.

Разговаривая, мы невольно ускоряли шаг, поглядывали на хмурое небо.

Вблизи ворота монастыря поражали воображение. На конях въезжали, что ли, мелькнула мысль. А когда приблизились еще, я понял, что в ворота можно въезжать по четверо, не наклоняя нацеленных в небо длинных рыцарских копий.

Сам монастырь из серого камня, придающего суровый строгий вид, стреловидные врата из темно-коричневого гранита, с затейливой резьбой. В обе створки вделано по

некоему подобию драгоценных камней, но именно подобию, ибо не бывает камней размером с мой щит. В камнях пропастиает изображение креста.

Веяло дряхлостью и запустением, хотя стены не оцарапаны временем. Даже ворота уцелели, выглядят как новенькие. Снова шевельнулось смутное чувство, что здесь что-то не так. Любое дерево давно бы рассыпалось в труху...

Внезапно перед вратами возникла женская фигура, закутанная в белое покрывало от шеи и до пят, только голова оставалась непокрытой. Черные волосы в беспорядке на плечах. Женщина смотрела в нашу сторону, но я бы не сказал, что видит нас.

Рядом ахнул Гендельсон. Женщина отступила, упершись спиной в коричневое дерево ворот. Солнечный свет пал на нее, мы видели отчетливо, как сделала шагок и ушла по ту сторону.

Гендельсон истово перекрестился, глаза засияли неzemным светом.

— Быстрее туда! — сказал он. — Ох, сэр Ричард, это спасение...

— А вдруг то ведьма?

— Какая ведьма, — ахнул он, — в святом монастыре?

Мы потащились как могли в направлении ворот. И, не успели сделать и пару шагов, ворота распахнулись, оттуда выехал на огромном черном коне непомерно высокий всадник в черных доспехах и с черным щитом. Даже перья на шлеме развеялись черные, без блеска. Длинное рыцарское копье было нацелено острием в небо. С плеч всадника ниспадал пурпурный плащ, все остальное чернее ночи, даже шлем с опущенным забралом.

Всадник остановился, конь всхрапнул, пару раз ударил копытом. Мне почудился подземный гул. Копье начало опускаться, нацеливаясь в нашу сторону.

— Да скажите же этому дураку, что мы свои, — сказал я торопливо. — У вас же есть какие-то масонские знаки...

Гендельсон громко воззвал:

— Лаудетор Езус Кристос...

Всадник пригнулся, конь с места пошел тяжелым галопом. Мы инстинктивно разбежались в стороны, всадник даже не замедлил бега коня, теперь мы оба видели, что на конечник копья нацелен в Гендельсона, такого же блестящего, как и он, рыцаря, в полных доспехах, при мече и щите, хоть и пешего.

Гендельсон закрылся щитом, но делал это медленнее замерзающей черепахи. Всадник на всем скаку всего лишь чуть сдвинул копье. Даже я видел, куда ударит сверкающее острие, но Гендельсон стоит, как идиот. Всадник налетел, как закованный в железо вихрь. Послышался звенящий удар, в воздух взметнулись ноги. Всадник пронесся мимо, и только тогда тело Гендельсона плашмя упало на землю.

Щит и меч из его рук вылетели, как мокрые скользкие рыбы. Всадник пронесся еще с полсотни шагов, круто разворачивая коня. Он остановился почти у самых деревьев, а оттуда уже по прямой пустил коня, снова выставив длинное копье с нехорошо сверкающим острым лезвием.

Земля дрожала от ударов конских копыт, огромных и широких, как тарелки. Влажная земля взлетала из-под копыт, как черное воронье. Доспехи на коне блестят, как и на всаднике, это холодный блеск металла.

Пурпурный плащ за плечами всадника развевался, как огромные крылья, да на кончике шлема трепетал черный плюмаж.

— Он что, — закричал я, — рухнулся? На пешего...

— Защищайтесь, — донесся с земли хриплый голос Гендельсона. — Защищайся... сэр... Ричард...

— Ах так, — сказал я люто. — Ну ладно, пеший конному не гусь лапчатый...

Молот выметнулся из ладони, воздух прочертила слабо блеснувшая полоса. Всадник был невероятно быстр, я видел, не поверив своим глазам, как молниеносно сдвинулся в сторону, избегая летящую прямо в переносицу стальную болванку. Он уже налетал на меня, когда молот, сделав пи-руэт, догнал и грохнул его в затылок.

Я отпрыгнул, упал. Мимо пронесся, как бронетранс-

портер на полном ходу, чудовищный конь. В лицо полетели тяжелые комья сырой земли из-под гусениц: не может же столько земли быть из-под простых копыт?

Всадник все еще в седле, хотя ударом молота бросило на конскую гриву. Он даже руками успел обхватить толстую конскую шею. В таком виде, говорят, верный конь может принести героя домой за сотни миль, но этот был либо не совсем верный, либо такого задания не получал, а сам думать был отучен в армии.

Тяжелое тело медленно сползло набок. Конь развернулся в мою сторону, уши на макушке, зубы ощерил, не подходит, в это время сраженный рыцарь тяжело грохнулся на землю. По конскому боку потекли алые струи. Я повесил молот на пояс, взял меч и подошел с осторожностью.

Всадник на спине, шлем скрывает лицо. Я попробовал поднять забрало, но удар по затылку перекосил конструкцию шлема, фиг откроешь.

Гендельсон ковылял в нашу сторону, опираясь на меч. Его раскачивало, забрало поднял, лицо уже не бледное, а синюшное, губы дрожат. На левой стороне груди, как раз в районе сердца, блестит глубокая царапина в стальном доспехе.

— Как... он?

— Это по вашей части, — ответил я. — Мизерикордия при вас?

Гендельсон с усилием опустился на колени. Его пальцы дрожали, еще не пришел в себя от страшного удара. Я собрался идти осматривать коня, как железо щелкнуло: Гендельсон поднял поверженному забрало. Широкое лицо, крупное, костиистое, из ноздрей и рта все еще выползают струйки крови.

— Странное лицо, — проговорил Гендельсон.

— Чем странное? — спросил я.

— Разве не видите? — спросил он.

— Нет.

Он мельком бросил в мою сторону изумленный взгляд.

— Что, неужели в ваших Срединных Королевствах встречаются такие лица?

Я стиснул зубы.

— Эх, сэр Гендельсон... Знали бы вы, какие морды встретишь в моем мире! Но поверю вам на слово. Он не местный?

— Он вообще не... местный, — ответил Гендельсон. — Совсем не местный. Такие лица встречались только в Старые Эпохи.

— Ого, — вырвалось у меня. — Как же он уцелел?

Гендельсон молчал, пытался снять с его головы измятый шлем. Я понаблюдал, но эмчэсовец из Гендельсона неважный, пошел все-таки к коню, осмотрел. Если всадник и вынырнул из Старых Эпох, то кони, судя по всему, не очень-то изменились. Правда, жеребец огромный и могучий, но огромные и могучие встречаются и в этой эпохе. Зато уздечка в самом деле необычная, как и седло, попона, стремена, широкие ремни...

Меч остался на поясе сраженного, но копье и щит разметало при падении, как бурей. Копье осматривать не стал, а щит подобрал, взвесил на руке. Глаза полезли на лоб. Удивительно легкий, я не знаю, что это за металл, треугольный, со слегка срезанными верхними углами. Не боевой щит, а настоящее произведение искусства. Цельнометаллический, на внешней стороне сильно выпуклое изображение разъяренного льва. Художник очень хорошо сумел передать ярость сильного беспощадного зверя. Один этот вид может испугать, но меня больше пугает мастерство, с каким сделан щит.

Череп разогрелся, на лбу выступила испарина. Этот барельеф не создать простой чеканкой! Такой щит можно изготовить одним ударом тысячетонного электрического молота. Кладешь в форму раскаленную металлическую пластину нужного размера, включаешь агрегат, молот лупит с такой силой, что взрагивает фабричный фундамент, поднимается к потолку, а ты вынимаешь клещами уже не прямоугольную багровую пластину, а выпуклый треугольный щит, где все лишнее обрезано, тончайший и замысловатейший узор выдавлен... Тысяча ударов по тысяче заготовок, и вот уже тысяча одинаково вооруженных воинов.

Гендельсон все еще рассматривал и ощупывал доспехи рыцаря. Его раскачивало, но он уже преодолел сопротивление металла, снимал железки, рассматривал с внутренней стороны, крикнул мне:

- Сэр Ричард!.. Я никогда бы не поверил...
- Я тоже, — ответил я.
- А вы что нашли?
- Сперва вы, — предложил я любезно.

Он попытался встать с колен, не сумел, охнул и повалился набок. Поморщившись, сел, помотал головой с ошалевшими глазами.

- Это рыцарь из братства Серых Ангелов!
- Ого, — сказал я, потом добавил: — А что это?

Гендельсон не удивился, значит, я не так уж и опростоволосился, а то ссыпался, что я из диких Срединных Королевств, осточертело.

— Серые Ангелы — это... Как вы знаете, сэр Ричард, когда Господь Бог создал человека и пестовал его, то ангелы возревновали и возроптали. Они, существа из огня и мысли, должны были преклонить колени перед существом из глины, которого Господь Бог нарек царем вселенной!.. Они всячески старались очернить человека перед светлым лицом Господа, и тогда Господь сказал: если вы думаете, что на земле такой уж рай, сходите туда сами в человечьей шкуре и убедитесь, что жить там непросто и человеком быть трудно. Потому и грешит... время от времени.

Я сказал с интересом:

- Очень разумный подход. Не ожидал от Господа Бога.
- Двести ангелов под предводительством самого светлого и умного, зовомого Азазелем, спустились на гору Хермон и начали жить среди людей, дабы проверить, трудно ли быть человеком. Увы, вместе с плотью они получили и ту гнилость, что есть и в глине, и в каждом из нас. Еще не зная об этом, вступали в браки с земными женщинами, у них рождались дети, что вырастали великанами. Сами ангелы старательно учили людей искусствам и наукам. К примеру, Азазель научил прорывать шахты, добывать метал-

лы, драгоценные камни, обучил металлургии, показал, как ковать мечи, щиты, доспехи, строить дома сперва из дерева, а потом из камня...

— Ну-ну, — сказал я, — вот кому обязаны технологическим направлением цивилизации! А могла бы пойти по биологическому пути, как и намечал Господь... Сэр Гендельсон, мне почему-то не по себе вот так на открытой местности. Тут постоянно летают спутники-шпионы с красивыми крыльями.

Он посмотрел на небо, уперся в землю ладонями в латных рукавицах. Задница поднялась высоко, приглашающе, так и захотелось дать пинка этому жуку-бомбардиру. Я выждал, когда он с треском в костях разогнется.

— Войдем, — предложил он. — В монастыре должна быть нам защита...

— Ага, — сказал я саркастически, — еще?.. Одну защиту мы уже разделили.

Не отвечая, он доковылял к коню рыцаря. Тот равнодушно обнюхивал труп хозяина, Гендельсон поставил ногу в стремя ювелирной работы, но тоже какое-то странно-цельнолитое или скованное одним ударом из одного бруска металла, я с удивлением наблюдал, как грузное тело не сумело подняться на такую высокую ступеньку и начало заползать на коня, цепляясь за седло, ремни, наконец взгромоздилось, и вот в седле уже настоящий рыцарь, гордый и надменный, что значит — благородного происхождения, рожденный повелевать.

— В храм на коне? — поинтересовался я.

— Но тот выехал из храма? — отпарировал Гендельсон.

— Может, у того такой уровень допуска, — предположил я.

— Теперь этот допуск у нас, — сообщил Гендельсон.

Он пустил коня в сторону распахнутых ворот. Я двинулся следом, так удобнее. Пусть бросаются на него. Он, как сказала леди Кантин, а все остальные подтвердили, — мужчина видный. А я лучше издали буду сшибать всех, кто бросится на него, как на чучело.

В большом зале сумрачно, я огляделся в поисках привычных для костела рядов скамеек в два ряда, аналова и прочих атрибутов католической ветви, но в просторном помещении веяло запустением. Под дальней стеной на возвышении я заметил трон с высокой спинкой. Рядом с троном блестит высокий треугольный щит, видна рукоять меча в истлевших ножнах. В тишине цокот копыт коня Гендельсона раздавался кощунственно громко. Я поглядывал в спину барона — то он без конца шепчет молитвы, то на кого-то вот так в церковь.

На троне в свободной царственной позе расположился скелет. Огромный, страшный. Одежда истлела, кости торчат толстые, массивные. А у ног скелет поменьше, с длинной вытянутой мордой. У меня стиснулось сердце. Люди мрут, понятно, их не жалко. Они того заслужили. Но бедная собака и здесь не оставила хозяина... Даже сейчас на ее устремленной на хозяина морде осталось выражение безграничной преданности, любви и обожания.

Я стиснул кулаки, в глазах внезапно защипало. Сколько бедная собака плакала у его ног, просила откликнуться, опустить руку, коснуться ее холки? Погладить, приласкать, сказать, что хозяин ее все еще любит? Сколько лежала, уже не в силах от голода сдвинуться с места, поскуливала, просила обратить на нее внимание? И даже сейчас видно, что последний ее угасающий взор был обращен на него, в тщетной надежде, что встанет, сильный и могучий, спасет, он же все всегда мог...

С коня послышался всхлип. Гендельсон сердито вытер слезы.

— Для собак, — проговорил он дрожащим голосом, — мы... бессмертные.

Я спросил грубо:

— У вас что, была собака?

— У меня целая писарня, — ответил он тускло. — Рождались, видели меня у своего лукошка, а когда старели и умирали, я оставался таким же... Это была только моя боль, когда они умирали! Теперь с ужасом думаю о том, что мог

бы умереть на глазах собак... Для них это было бы крушением всего мира.

Я стиснул зубы, что-то и у меня в глазах совсем щемит, словно кислота, сказал едко:

— Теперь уж точно собаки вашей смерти не узрят.

— И то хорошо, — ответил он просто.

Я снял латную перчатку и украдкой вытер глаза. У этой придворной сволочи простила еще одна человеческая черточка. И хотя направлена не на людей, по людским трупам этот гад пройдет и не поморщится, но все же за эти слова я прощу ему полпроцента его подлоечеств и свиняшеств. Но, конечно, не больше.

Он осматривался с коня, я обошел трон со всех сторон, услышал за спиной кряхтенье. Гендельсон слез с седла, забросил туда поводья.

— Всадник выехал прямо отсюда, — сказал он. — Вот следы копыт...

— Так что там про Серых Ангелов? — напомнил я.

— Ангелов?.. Ах да, те двести ангелов, что сошли на землю и жили среди людей, учили их тому, что вовсе не собирался Господь Бог... Хотя, как я думаю, если Господь всевидящ, то он мог такой хитрый ход сделать сам, как думаете, сэр Ричард? Словом, помощник Азазеля, Шамхазай, научил людей собирать травы и пользоваться их лечебными свойствами, Бракиэль научил людей наблюдать за звездами и строить астрономические таблицы, благодаря которым плавающие по рекам начали без страха выходить в моря... Словом, все чему-то да обучили, я могу об этом рассказывать долго, у меня десятки книг, но скажу только, что люди все эти знания ухитрились использовать себе во вред...

— Это я уже догадываюсь...

— Хуже всего, что дети, рожденные от ангелов, не имели той духовной мозги, что была у ангелов, пусть даже отделившихся от Господа Бога. Эти были великаны, как я уже сказал, могучие разумные звери, что нападали на простых людей, отнимали у них еду, пожирали их домашний скот, а

когда не находили, то пожирали и самих людей... Господь дал отделившимся ангелам время убедиться в своей ошибке, затем послал на землю могучее войско под руководством четырех светлых ангелов Уриэля, Михаэля, Гавриэля и Рафаэля. Двести темных ангелов были разбиты, схвачены и брошены в ад. На земле был оставлен только Азазель, ибо не принимал участия в битве... Он видел, что совершил ошибку, отделившись от Бога, но в то же время не мог пойти против тех ангелов, что пошли за ним на землю...

— Бедолага.

— Да, ему было нелегко, — признал Гендельсон. — Не хотел бы на его место. Но Азазель таким образом стал главой группы ангелов, что в той ужасной битве так и не встали ни на сторону Господа Бога, ни на сторону темных ангелов, что отвернули свой лик от Его Милости. Их стали называть Серыми Ангелами. Земля осталась в их ведении, в то время как небо — за светлыми, а ужасный ад — за темными. Со временем были созданы братства Серых Ангелов, у них, говорят, очень странные уставы, ритуалы... Это было все в Древние Времена, потом был потоп, после потопа — огонь с небес, что сжег все живое...

Я прервал:

— А я слышал, что сперва был огонь, потом вода.

— Я говорю, как сам читал, — огрызнулся он. — Но, если честно, это все пересказы. Записей с тех времен не сохранилось. Ведь от потопа уцелели только те, кто был застигнут на вершинах гор, а это, сами понимаете, только охотники за дикими козами, сами такие же дикие и невежественные... От огня с неба спаслись только рудокопы, что в самых глубоких шахтах добывали металлы. Тоже, как догадываетесь, не самые большие светочи ума. К тому же все неграмотные... К слову сказать, был еще и Холод, что сковал землю от края и до края, а лед поднялся на милю высотой, и вы не поверите, но все записи утверждают, что он не стоял на месте, а двигался, стирая с лица земли не только города и села, но и вкопанных глубоко покойников!

Глаза совсем притерпелись к полумраку, я рассмотрел

в дальней стене дверку. Гендельсон потрепал коня по щеке, к чему тот отнесся с полнейшим равнодушием. Гендельсон толкнул дверцу и вошел первым, на нем же доспехи, не-пробиваемые, как у Ахиллеса, я осторожно ступил следом.

Второй зал — настоящий зал что-то вроде Колизея, а тот, предыдущий, всего лишь сени, прихожая, предбанник, где вытирают ноги, а сапоги меняют на тапочки. Этот из-за огромности или еще чего — без крыши. Крышу, сразу видно, не проломили, не сожгли, она не истлела, это строители так и задумали этот круглый зал открытым, как теннисный корт. Уже полуразрушен, но явно христианский, чем-то знакомым веет от каждого камня, из каждой ниши, где застыли в скорбном молчании фигуры святых. Я не знаю, какой конфессии или подконфессии, но наверняка что-то католическое, я не разбираюсь в ветвях, только слышал о кальвинистах, протестантах и всяких гугенотах, но сразу признал вон в той скорбной фигуре с ребенком на руках католическую Матерь Божью... наверное, это она все-таки.

Посреди огромного зала широкий постамент, мне до пояса, на нем в простом кресле женщина, с величайшим искусством вырезанная из камня. Вся целомудренно за-драпированная в просторный каменный плащ, что скрывает и голову, создавая подобие капюшона. Лицо исполнено чистоты и невинности, глаза просто и доверчиво смотрят на нас. В моем мире сошла бы за дурочку, у нас девчонки крутые, циничные, все повидавшие, смотрят так, что сразу определяют твой размер пениса, а у этой в лице и глазах доброта и всепрощение.

Глава 29

Гендельсон с великим облегчением опустился на колени, забормотал молитву. Я прошелся вокруг, осмотрелся со всех сторон. Металл статуи явно старый, очень старый, но из тех сплавов, которые не покрываются зеленью, их не уродует ржавчина или мелкие оспинки. Лицо ребенка все

такое же чистое, как и тогда... боюсь представить, когда эту статую отлили, ведь не могли же ее поставить в разрушенном храме?

Гендельсон поднялся, лицо просветленное, сказал:

— Здесь и переношуем!..

— Здесь, как на сцене, — возразил я.

— Святое место, — сказал он строго. — Никакая нечисть не посмеет войти в храм, где вечно бдит святая Богородица!

— Мы же вошли, — буркнул я.

Он остался коленопреклоненным, я уловил обрывок молитвы, где барон великодушно замолвливал словечко и за мою пропашную и закоренелую душу, а я медленно пошел по огромному залу, всматриваясь в стены, слишком уж в груди отзывается щемом, что же здесь такое, что у меня мурashki по коже, словно от тайного восторга и преклонения, в котором не хочу признаться даже сам себе...

В глубокой нише, где поместился бы мамонт, застыла в готовности к подвигам металлическая статуя в полтора человеческого роста. Я ахнул, остановился, вот от какого предчувствия у меня бежали мурашки по коже, вот почему сердце начало колотиться, как сумасшедшее, но с перерывами, пугливо оглядываясь по сторонам!

За спиной послышалось звяканье. Хотя Гендельсон усердно прокалывает новые дырки на ремнях, но доспехи, в которые раньше едва влезал, сейчас болтаются на его беспузевшем теле.

— Памятник Первому Королю, — послышался за спиной его почтительный голос. — Правда, он был поставлен через тысячи лет после его исчезновения императором Ингольдом Первым, после многих войн, катаклизмов, чумы, Большого Мора, нашествия морских народов...

— А что император? — прошептал я.

— Император жил через много эпох, — пояснил Гендельсон.

— Понятно, тоже по слухам...

Я смотрел не отрываясь, кровь шумела в ушах. Огром-

ный воин, весь в доспехах с ног до головы, в одной руке держит меч, в другой какую-то странную штуку. Я бы скорее назвал ее гибридом пистолета с гранатометом в исполнении пьяного дизайнера. Возможно, у меня слишком богатое воображение. Возможно, я слишком рьяно выдаю желаемое за действительное, но этот полный доспех тоже слишком хорош. Он не только не пропустит лезвие вражеского ножа, здесь не только стрела не найдет слабого сочленения, где ужалить, но... похоже, в этом доспехе можно ходить по дну озера, вода не проникнет. Более того, даже воздух туда не пройдет... Зараженный, загаженный или вообще воздух иной атмосферы.

Я заходил то справа, то слева, втайной надежде обнаружить блок автономного питания, регенерационный баллон, но, понятно, за спиной воина угадывается рыцарский меч с затейливым гербом, да и штутка в левой руке перестала казаться супербластером. Впрочем, возможно, все наоборот: в правой тоже было что-то другое, но через много поколений, когда делали памятник, королю вложили в руку то, что должен держать король, — меч подлиннее и поувесистее.

— Вы полагаете, — спросил я тихо, — что Христос рождался дважды?

Гендельсон не врубился, а я не стал объяснять, пошел вдоль стены, всматриваясь в статуи... святых, будем звать их так, мне по фигу, лишь бы люди хорошие, приглядываясь к орнаменту, тоже слишком изысканный, стильный, а век Зорра — суровый век, здесь в моде суровые лица, вытесанные из камня без всякой унижающей мужчину ювелирной отделки, выдвинутая вперед нижняя челюсть...

Еще дверь, даже не дверь, а настоящие парадные врата. Я поколебался, оглянулся на Гендельсона. Он понял по-своему. Надменно улыбнулся, расправил плечи, выпятил грудь, он же рыцарь, толкнул створки.

Третий зал, это уже анфилада залов, но крытый зал, настоящий, только сверху все равно льется ровный рассеянный свет, будто там в своде дыра. Мы вступили в этот странный

храм опасливо, даже не переговаривались, обменивались взглядами. Стены из синеватого камня словно в дымке, но воздух чист и свеж. Залы просторные, округлые своды теряются в темноте, из каждого зала там в полутьме угадываются проходы.

Глаза быстро привыкали, я заметил на той стороне врат. Гендельсон тоже заметил и, опасаясь, как бы я не решился опередить его в героизме, поспешил пересек этот зал и толкнул створки. Ворота отворились в такой же точно зал. Стены из такого же камня, что-то в них нечеловечески вечное, несокрушимое, странноватое. Вдоль стен на высоте моего роста выпуклый орнамент в виде цепи из квадратных звеньев, из ровных стен то и дело выпячиваются массивные барельефы странных зверей, птиц, чудищ, совсем редко попадаются человеческие лица, всякий раз я вздрагивал, останавливался.

Люди, если это люди, смотрят с неистовой злобой, требовательностью, а когда я оглядывался, их глаза по-прежнему следили за мной. Знаю, это в картинах есть такой эффект, когда кажется, что портрет следит за тобой, для этого художнику надо всего лишь нарисовать глаз, смотрящий прямо, зрачок посредине, но я не слышал, чтобы и скульптуры могли провожать взглядом.

Пол блестящий, отполированный, мозаичный, в той же синевато-сдержанной гамме. Он блестел, как стекло. Для пробы я вытащил молот и, присев, стукнул по полу.

Гендельсон вскрикнул от святотатства. На лице простило отвращение. Глухой стук странно громко разнесся по всем залам, пошел гулять эхом по удаленными помещениям. Мне послышался очень далекий не то грохот, не то раскат грома, а Гендельсон побледнел и сказал дрожащим голосом, что это рычание чудовищного зверя Угерлы.

На полу не осталось даже белого пятнышка, как обычно, когда бьешь молотком по камню. Я ударил сильнее, но поверхность оставалась зеркально чистой, ровной, как поверхность лесного озера. Грохот прозвучал мощнее, угрожающе. Я поднялся, молот в руке, осматривался.

Гендельсон перекрестился, сказал дрожащим голосом:

— Езус Кристос!.. Да будет с нами крестная сила!.. Да защитят нас святые апостолы...

Я вздрогнул, почудилось присутствие третьего, но глаза безуспешно искали по всем темным углам. Я даже вскинул голову, свод высок, расписан райскими кущами, вроде никого, даже ни одной летучей мыши, но все-таки кто-то есть...

За спиной прозвучал мягкий голос, но сильный, уверенный, как говорил бы полководец, что оставил битвы и уже много лет занимается философией и выращивает в своем саду капусту:

— Давно не было в моем храме гостей... Даже не знаю, что с вами делать?

Среднего роста, крепкого сложения, он стоял шагах в пяти от нас. Очень немолодой, я бы не рискнул назвать его возраст, ибо с такой фигурой трудно вообразить старика. Однако прожитые десятилетия оставили свой след на лице, в седых волосах, даже в голосе.

Гендельсон учтиво поклонился:

— Святой отец, мы вторглись в ваш храм, ибо нуждались в защите. Темные силы идут за нами по пятам! Мы спешим, чтобы спасти Кернель...

Он выпрямился и смотрел с подобающим достоинством человека, выполняющего такую высокую и важную миссию. Священник кивнул, взгляд его старческих светлых глаз обратился ко мне. Особенно внимательно, как мне показалось, он рассматривал мешок за моей спиной. Мне даже почудилось, что он видит его содержимое. Я тоже поклонился, развел руками. Почему-то объяснять про Зорр и Кернель показалось неуместным в таком месте, где пахнет вечностью.

— Здесь вы найдете любую защиту, — произнес он. — Но только, увы, здесь... Это место неподвластно времени.

Гендельсон поклонился со всей учтивостью мужественного барона-воина перед служителем церкви высокого ранга.

— Нам только перевести дух, — заверил он. — Хорошо

бы, конечно, как-то перебраться на ту сторону этой горной цепи... Мне показалось, что, пока мы проходили через эти залы, мы прошли горный хребет насквозь... по крайней мере наполовину!

Священник слабо улыбнулся, развел руками.

— Ты прав, сын мой. Такой в самом деле существует...

Гендельсон оглянулся на меня, лицо его сияло. Он снова взял руководство в свои руки, снова решает, определяет, находит, ведет!

— Тогда, святой отец, укажи нам путь и благослови на дорогу.

Священник вздохнул, рука описала полукруг, приглашая следовать за ним. Мы послушно двинулись, он сказал, не оборачиваясь:

— Сейчас перекусим, чем Господь послал... этого вам хватит на весь оставшийся путь. А насчет прямого пути...

Он умолк в затруднении. Гендельсон сказал нетерпеливо:

— Что? Проход завалило?

— Нет, проход в порядке... Конное войско пройдет в четыре коня в ряд...

— Так что же? — допытывался Гендельсон. — Там какой-нибудь дракон уgnездился? Да еще прямо на дороге?.. Так мы этих крылатых ящерок перебили, святой отец, больше, чем иная баба порезала уток!

Он грустно усмехнулся. Из темноты выступил невысокий стол, на нем головка сыра, большая глиняная миска с чем-то белым, наподобие муки, и три сухие рыбины. Вобла, подумал я, инстинктивно огляделся в поисках пива. Священник указал на широкую скамью, мы сели, он первым взял рыбу и принялся чистить.

Гендельсон обдирал рыбу неумело, мы со священником закончили ноздря в ноздрю, он покосился на меня с уважением. Я тоже посматривал уважительно, ведь я такую рыбу чистил почти каждый день, не воблу, так таранью или хор-р-ошего леща, умею чистить просто виртуозно, ни одного лишнего движения, быстро и качественно...

Когда Гендельсон заканчивал чистить, мы уже обсасывали последние плавнички. Скелеты, разобранные на отдельные косточки и позвонки, уже лишенные таких лакомых межпозвоночных хрящиков, рассыпались по всему столу, похожие на блестящие кольца для миниатюрных колодцев.

Странно, я сожрал всего лишь леща, это не еда, а закуска к пиву. Но сейчас я чувствовал себя сытым. Совершенно сытым. Посмотрел на глянцевую миску с мукой.

— Это, — проговорил я тихо, горло сжали незримые пальцы, — это то самое... что тогда с неба...

Священник кивнул.

— Да, — ответил он просто. — Человек должен есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. Невкусно, зато мысли не уходят с прямой дороги.

Гендельсон спросил нетерпеливо:

— Святой отец, так как нам пройти на ту сторону хребта?.. Там наш Кернель!

Священник обронил так же тихо, грустный взгляд скользнул по моему лицу, в глазах священника я уловил глубокое сочувствие и печаль:

— Там долина, а на той стороне великий и славный город Анг-Идарт... Но что с ним сейчас, я не представляю...

Гендельсон насторожился.

— Анг-Идарт?... Какой Анг-Идарт?

— Великий, — сказал священник погасшим голосом. — Славный... Богатый... Владеющий... Созидающий...

— Там Кернель, — перебил Гендельсон без всякого вежества. — Там Кернель, святой отец!

— Кернель? — повторил священник. — Что ж, теперь Кернель... Веют ветры и возвращаются на круги своя... Когда-то так же сказали и про Анг-Идарт... А вот теперь Кернель... гм... и никакого Анг-Идарта нет. И не было...

Он засмеялся тихим горьким смехом. Мне стало страшно. Я вспомнил старинный средневековый рассказ о мудрце Хызре, который однажды шел по берегу моря, любовался волнами, рыбаками, даже приближающимся штором. Но вот всего через сто лет он шел по тем же местам,

там была равнина, люди пахали землю, обрабатывали огороды, пасли скот. Он спросил в удивлении: а где же море? И ему ответили в еще большем удивлении: о чем ты спрашиваешь, безумный? Здесь всегда была такая земля, всегда наши предки пахали и сеяли, а никакого моря никогда не было. Через сто лет он снова шел по тем же местам, но теперь там была жаркая безводная пустыня, ветер перегонял горы раскаленного песка, и когда он встретил караван, то спросил погонщика: но где же те плодородные земли, что были раньше? И караванщики ответили с жалостью: умолкли, безумный! Здесь всегда были знайные горы песка, всегда наши отцы и деды пересекали это место на верблюдах, да и то многие животные падали от жажды...

Там все менялось через сто лет, а сейчас ощущение такое, что священник помнит времена еще до основания Кернеля... А это намного больше, чем сто. Возможно, даже больше, чем тысяча.

Я взглянул на священника с опаской, встретил его понимающий взгляд. И тут мне стало понятно, почему и Богородица показалась не совсем такой, какой привык видеть, и кальвинисты или протестанты тут ни при чем. Легенды о непорочном зачатии были задолго до возникновения христианства, и статуи непорочным девам, что заминали от богов, ставили издавна во всех странах и всех религиях. Миф о Данае, что зачала супергероя Персея от «золотого дождя», как изящно эллины назвали продукт мастурбации Зевса при виде спрятанной от него сочной красотки, не первый миф, а эта статуя далеко не первая, которую можно принять за Богородицу.

— Как нам пройти на ту сторону? — спросил я. — Да, нам нужно попасть именно в Анг-Идарт... По крайней мере в то самое место.

У него в глазах мелькнул слабый интерес.

— Вам что-то нужно именно для Анг-Идарта?

— Нет-нет, — поспешил заверил я. — Это связано с некоторыми толкованиями современной религии... Самых последних течений.

Он слабо улыбнулся, но интерес в его глазах погас.

— Дорога есть, — ответил он. — Дальше ведет анфилада залов... но вы сами облегчили мне... насчет последних течений...

Гендельсон сказал настороженно:

— Мы слушаем, отец-настоятель.

— Когда-то в нашем учении возникло новое толкование, — сказал священник. — Ну, вы уже знаете, наверное, к чему это ведет...

Гендельсон смотрел непонимающе, я сказал быстро:

— Ереси, расколы, религиозные войны, взаимные отлучения друг друга от Верховного Храма; объявления друг друга сторонниками Тьмы и все такое подобное. Дальше какой-то из залов занимают еретики?

Его глаза расширились в удивлении.

— Как вы быстро все схватываете!.. У вас, значит, тоже? Даже религиозные войны?.. У нас, к счастью, до этого еще не дошло. Но вы сказали верно, там дальше сторонники... как бы вам проще объяснить...

Я посмотрел быстро на Гендельсона и сказал еще быстрее:

— Не надо. Не надо ничего объяснять. Нам и так понятно, что там — еретики. Раз уж их угораздило оказаться у нас на дороге, то их учение в корне неверно, они ошибаются в самом главном толковании сути Творца, они виновны в осквернении святынь, душегубстве, людоедстве, измене, казнокрадстве, подлогах, игнорировании мнения простого... простых монахов и рядовых священников, плевании на произведения искусства...

Священник сказал нерешительно:

— Не слишком ли... я имею в виду насчет плевания...

— Не слишком, сказал я. — Посмотрите на моего друга.

Гендельсон багровел от гнева, бледнел от ярости, синел от злости, его ладонь в булатной рукавице со стуком падала на рукоять меча, щеки раздувались, из глаз били молнии. Он готов был уже сокрушать, изничтожать за веру и Отечество, за Богомать его Господа Бога, за всех святых и апостолов.

— Да, — сказал священник, он зябко передернул плечами, посмотрел на меня почти с испугом, вздохнул и сказал: — Идите за мной. Следующий зал еще наш... А там уж смотрите сами.

Мне показалось, что он стал даже меньше ростом, словно мой абсолютно верный пропагандистский выпад, такой привычный для разборок в моем обществе, показался ему чересчурным даже в отношении лютых врагов, с которыми воюет сотни лет.

Для перехода в следующий зал пришлось спуститься на пару сот ступеней. Гендельсон громко дивился, что на такой глубине да в твердом скальном массиве вырубили такие помещения, не иначе как с Божьей помощью да молитвами монахов. Я помалкивал, понимая, что просто следующая пещера оказалась ниже, а дверь под потолком делать как-то нехорошо, а сейчас вот откроем дверь...

И все равно я про себя сказал «ах». И добавил что-то еще. Ведь только наш человек может от восторга материться в мать, Богомать и всех апостолов.

Зал по размерам превосходил все предыдущие, как ма- монтова пещера превосходит норку суслика. Свод терялся в темноте, стена за нашими спинами уходит направо и налево в бесконечность, противоположной стены не вижу в полумраке, а сам полумрак позволял взору проникать все- го на пару сот шагов.

Гендельсон бормотал благодарственную, такое чудо увидеть довелось, истинное величие и могущество церкви, священник помалкивал. Иногда я ловил на себе взгляд его внимательных глаз. Он уже понял, что я не считаю его священником существующей вне стен этого странного храма религии, но почему-то не говорю своему закованному в железо спутнику. Похоже, даже догадывается, почему не говорю, хотя это совсем уж невероятно.

Мы шли через полумрак, тот расступался, а за спиной смыкался снова. И хотя освещенное незримым светом про- странство велико, что-то около сотни шагов в диаметре, но когда я обернулся и не увидел стены с дверью, стало жутковато.

Впереди из полумрака оформилась фигура обнаженного до пояса человека. Он стоял ровно, спокойно, держа широкий меч странной формы в опущенных руках, за рукоять и лезвие, руки на ширине плеч, а плечи достойны того, чтобы посмотреть второй раз. Вообще он из тех, кого рассматривают долго: с чисто выбритой головой, весь меднотелый, и не просто покрыт плотным загаром, а словно в самом деле выкован из старой доброй меди.

Мы шли к нему медленно, он рассматривал нас чуть исподлобья. Гендельсон дышал часто, как будто готовясь к схватке, но руки держал врастопырку, подальше от рукояти меча. Голова стражи зала блестит, как яйцо страуса, зато лоб часто и резко изрезан глубокими вертикальными морщинами. Если у Бернарда морщины все параллельные бровям, хоть и собраны больше над переносицей, то у этого ущелья углубляются и становятся темнее по мере приближения к обрыву над переносицей, к бровям, которые тоже рассекают глубокими шрамами, но густые брови скрывают.

Священник еще издали сделал некий знак, страж не шелохнулся. Смотрел по-прежнему исподлобья, хмуро, без всякой приязни. Лицо чисто выбритое, а на груди, как я заметил, ни единого волоска, что еще больше напоминает добротную ковку из меди. Голова и мускулистая шея равны по объему, а глядя на торс, я вспомнил старое выражение насчет груди, подобной бочке: выпуклая, могучая, переразвитая, словно помимо могучих мышц ему еще потребовались и могучие легкие.

Мне показалось, что он даже не дышит, словно йог или киборг. Священник остановился, произнес торжественно:

— Спасибо тебе, сын мой, что охрана твоя все так же безупречна, как и... в тот день, когда встал на защиту этих дверей.

Мне показалось, что запнулся в момент, когда чуть было не назвал день, но такое нельзя при гостях, могут грохнуться в обморок. Страж впервые выказал, что жив, темные глаза стрельнули взглядом в Гендельсона, потом в меня. И тоже, как и глаза священника, он вперил взгляд в мой

мешок с мечами и уже раскрыл было рот, намереваясь что-то спросить, но вздохнул и повернулся к священнику.

— Что это за люди, отец? — спросил он. — Убить их здесь?

— Нет, славный дель Шапр, — сказал священник. — Они хотят пройти... в Адинанду...

Гендельсон крякнул, спросил с недоумением:

— Отец-настоятель, я что-то не понял. То ты говорил про Анг-Идарт, теперь про...

Священник прервал:

— Адинанда — великий прекрасный город, где жили... живут прекрасные и мудрые люди...

Я прервал в свою очередь:

— Отец-настоятель, мы все понимаем. Как нам пройти на ту сторону...

— А я не понимаю! — возразил Гендельсон. — Мне нужен Кернель, а не Адинанда, Анг-Идарт или что-то там еще! Вы мне укажите дорогу в...

— В ад? — закончил я резко. — Сэр Гендельсон, вы в святом храме! Не забывайтесь. Довольствуйтесь, что вам помогают. Подумайте, ведь нам помогают!... Еще один-два зала, и мы на той стороне! Мы в... мы там, где должны быть! Все поняли?

Он мотнул головой.

— Ничего не понял. Но... если это ускорит нашу миссию, то я прекращаю расспросы и прошу побыстрее указать нам путь на ту сторону этого горного хребта.

Священник сжался, а страж спросил с недоумением:

— Горного хребта? Какого горного хребта?

Священник втянул голову в плечи. Гендельсон не успел раскрыть рот, я сказал громко:

— В нашем племени там выражают восторг по поводу размеров храма. Здесь великолепно, а ваша роль здесь достойна зависти самых знатных воинов. А теперь покажите нам дорогу, мы очень торопимся. Пожалуйста!

Воин, которого священник назвал дель Шапром, взглянул вопросительно на священника, тот кивнул, воин повернулся и пошел через зал.

— Идите, — сказал священник. — И да будет с вами благословение всех, кому вы доверяете и... верите.

Гендельсон не уловил расплывчатости благословения, а я кивнул священнику на прощанье, развел руками, извиняясь, что мы, люди, наделали столько изменений там, за воротами этого храма. Глаза его были печальные, но понимающие и потому всепрощающие.

— Крепись, сын мой, — сказал он неожиданно. — Ты силен... но ты в большой беде. В очень большой.

Я оглянулся в сторону Гендельсона, они с дель Шапром медленно удалялись в сторону мглы, и единственно четким в том мире был каменный узорный пол да слабое отражение в нем. Будто они шли по тусклому зеркалу.

— Они нет?

— Только ты, — повторил он. — Я говорю не о той беде, что подстерегает в соседнем зале, на выходе или вообще беды со стороны стрел, мечей, когтей или зубов. Ты не видишь настоящей беды, что уже готова сомкнуть над тобой зубы...

Гендельсон и дель Шапр остановились, смотрели в нашу сторону. Я понизил голос:

— Святой отец, я вижу, в вашей вере человек все еще единое синкетическое целое. Из него пока что не вычленили так называемую душу, но я догадываюсь, что вы имеете в виду именно ее. Но что делать, я атеист, святой отец.

В его светлых от старости глазах были любовь и жалость.

— Несчастный...

— Почему? — возразил я. — Я чувствую себя совсем не плохо. Хоть и бывает временами гадко, но тот, кто прост и ясен, разве тот не глуп?

Он сказал тихим всепрощающим голосом:

— Атеизм — это такой тонкий лед, по которому один может пройти, но народ рухнет в бездну. Потому у тебя нет народа, племени...

— Почему? — возразил я. — Мой народ — сплошь атеисты...

— Так ли, сын мой?

Я раскрыл рот, чтобы подтвердить, постоял так и снова закрыл. На самом деле, конечно, не случайно все газеты пестрят объявлениями ворожей, ясновидцев, астрологов, шаманов, колдуний и прочих глоб, а самые наглые так и вовсе заполонили телевидение, даже Интернет. Народ жаждет во что-то верить, иные снова начали ходить в церковь, а самые большие прикурки так и вовсе надевают желтые ночные рубашки и бродят по улицам, призывая харю Кришны. Возможно, даже эта дурость не дает человечеству рухнуть в бездну?

Гендельсон нетерпеливо воззвал:

— Сэр Ричард, сколько можно спрашивать дорогу? Этот грум все покажет. Тут идти всего-то ничего!

— Иду, — крикнул я, а священнику сказал: — Я еще подумаю над вашими словами... святой отец.

Втроем мы шли еще минут пять, и круг света перемещался вместе с нами, затем из полумрака выступила стена. Похоже, доблестный дель Шапр чуточку промахнулся, вход в десяти шагах слева, высокая сводчатая арка, никаких дверей, просто арка, разве что бросилась в глаза непомерная толщина стены, мы шли, как по туннелю.

Впереди был свет. Не солнечный, не лунный, но огромный зал освещен весь.

Глава 30

Этот зал почти так же огромен, но здесь я сразу ощущал, что это именно пещера. Пещера, превращенная в зал. Свод так и остался неровным, с торчащими острыми зубами камней, стены строители просто выровняли, но, видимо, на отделку сил уже не хватило. Даже пол, идеально ровный, просто выглаженная от всех неровностей каменная плита.

Я посматривал в спину дель Шапра, мышцы так и ходят под медной кожей, осторожно снял с пояса молот. Гендельсон мой жест заметил, насторожился, в его руке появился обнаженный меч. Некоторое время мы шли так в молчании, звук наших шагов гулко отдавался под сводами, множился, и чудилось, что шагает целая армия.

Гендельсон спросил чересчур громко:

— И что, сразу за этим залом будет выход?

Проводник не шелохнулся головой, двигается ровный, кривой меч в одной руке, щит в другой. Помнит, подумал я с досадой на Гендельсона, что нам говорили по поводу двух или трех залов, которые еще одолеть...

Показалась стена, массивные ворота из тускло сверкающего металла. Ворота все разрастались, крупнели, пока не оказались чем-то вообще неимоверным. Проводник остановился, кивнул на вход.

— Всего два зала, — произнес он густым медным голосом. — По прямой. Если сумеете их пройти...

Он отступил на пару шагов, не сводя с нас глаз.

— Что нужно сделать? — спросил я.

— Ворота не заперты, — ответил он. — Но я не могу коснуться их, на них заклятие. К тому же... у нас соглашение. Так что дальше вы должны рассчитывать только на самих себя.

Гендельсон, дослушав, навалился на створки плечом. Они даже не шелохнулись, однако с обеих сторон вспыхнули столбы огня. Проводник поспешил сделать еще несколько шагов назад, из огня стремительно выскочили могучего облика полуголые воины, но с цельнометаллическими шлемами на головах, что полностью закрывали глаза и даже подбородки. Гендельсон назвал бы их рыцарскими, мне они показались шлемами эллинских гоплитов.

Те, что были ближе к Гендельсону, бросились на него, но в них уже летел мой молот, а двух, что ринулись на меня, я встретил ударами Меча Травы. Они были быстрыми и могучими, я вертелся как можно быстрее, отражал удары и наносил сам, ухитрился поймать молот и метнуть еще раз. Передо мной со сдавленными криками боли опустились на пол двое сраженных, а на той стороне ворот Гендельсон с ужасными криками наносил удары гиганту, чья голова уже лопнула от моего молота.

Я вытер молот, дель Шапр смотрел издалека круглыми глазами.

— Ну как, — спросил я, — можно дальше?

Он покачал головой:

— Вы... герои. Они даже не успели поднять тревогу. Теперь у вас есть шанс пройти незамеченными...

— Как? — спросил я.

— Там есть возможность, — ответил он. — Прошу прощения, мне надо возвращаться. Мой господин будет рад услышать, что противников стало меньше.

Он повернулся и почти сразу исчез в полутьме. Гендельсон подошел, он снова прихрамывал, словно всякий раз ему разбивали коленные чашечки, меч волочил, чиркая кончиком лезвия по каменным плитам. Он вздрагивал, лицо оставалось бледным.

— Чудовищно!.. Чудовищно!

— Еще бы... — сказал я.

— Как они появились?.. — спросил он потрясенно. — Тут же никого не было! Прямо через закрытые двери!.. Это же самое мерзкое колдовство!..

— Да, — сказал я разозленно. — Твари поганые... Черт бы их побрал!

— Поберет, — торопливо согласился Гендельсон. — Теперь уж точно приберет. Не выполнили, зря посыпал, а он таких не любит. Но как они выскочили из огня!

— Да, — подтвердил я. — Гады. Но если они так могут, то вот бы так насобачиться и нам...

Он посмотрел на меня, еще не веря, что услышал верно, потом краска отхлынула от его лица.

— Сэр Ричард, — сказал он тихо, — надеюсь, вы шутите...

— Какие шутки, — сказал я раздраженно. — Представляете, щас бы поколдовали — р-р-р-раз! — и прямо в Кернель!

Он выпрямился, наконец сумел оторвать от пола, как от магнита, лезвие меча.

— Не говоря уже о том, что нас бы сразу на костер, но... как вы... как можете...

Не отвечая, я навалился, створки медленно уступили. Гендельсон первым вдвинулся в щель, я отпустил двери и едва успел проскользнуть следом, как они встали на место.

Перед нами огромный зал, я не сразу уловил некоторую странность. Ага, вот в чем: сразу же от двери слева стена до пологого свода, не так уж и высоко, а справа... справа в десятке шагов ограда, до колена, не выше. Я почти на цыпочках подбежал, ахнул, передо мной пропасть, словно я на крохотном уступчике, а внизу... да, так и есть, я на хорах, или как их тут называют, а сама церковь там внизу, вон блестит чисто натертый мраморный пол...

Далеко внизу на этом блистающем полу темные точки, застывшие, затем я уловил некоторое движение. Озноб прошел по телу, потом настоящий холод вошел в тело, как будто всего пронзила гигантская сосулька.

Не муравьи, не хлебные крошки, там... люди. Одетые в черное, стоят кругом, между ними стол. Видимо, стол, отсюда не рассмотреть. Стол или отполированная каменная глыба. Храм намного больше, чем... намного, я даже не могу сказать, во сколько раз и больше чего... Но — зачем?

Округлившимися глазами я посмотрел на Гендельсона.

— Мне не чудится? Что это за храм?

— Храм Христа, — ответил Гендельсон гордо, словно это сам он был этим спасателем или по крайней мере строителем храма. — Я о нем слышал!

— Но зачем такой громадный? — сказал я потрясенно. — Так нужно... или просто пещера попалась такой конфигурации?

— Так повелели боги! — ответил он с достоинством.

— Ах да, — спохватился я. — Да, так мне, дураку, и надо.

Муравьи, вставшие столбиками муравьи, вот что такое люди там внизу в этом огромном, огромнейшем храме. Огромный купол, похожий на исполинскую опрокинутую чашу, расписан странными животными. Справа пробито широкое окно, падает дивный сияющий свет, даже более чем просто солнечный, похож на свет творения мира.

Тишина, торжественнейшая тишина. Вдоль стен на толстых якорных цепях покачиваются люстры, каждая размером с большой корабль. Дивное чувство заползло мне в душу. Везде знакомые кресты, суровые лики святых, но древ-

ним храмом язычества повеяло так сильно, что я невольно оглянулся: не узрю ли грозные глаза Зевса, Перуна или Шивы?

Я отступил к стене и брел тихохонько, как самая трусивая из чучундр. Глаза разбегаются, старался смотреть и вниз, и вверх, и в стороны. Для церковного хора, как понимаю, предусмотрены именно эти ярусы, вот такие и на той стороне, чтоб для стереоэффекта, но там и здесь поместятся хор имени Пятницкого и полностью Краснознаменный ансамбль имени Александрова, а им надо не меньше, чем пространство стадиона в Лужниках. Теперь видно, что вход сюда не только из другого зала, что считается нейтральным, нейтральной полосой, но вон ведут широкие и очень плавные пандусы, по три международных трейлера пройдут в ряд, и еще полоса останется для встречных. Нет, что-то не верится, что церковь выстроила это чудо...

Гендельсон кашлянул, указал на стену.

— Вот здесь... или здесь... а то и на другой стороне всякий раз пропадает облик Иисуса Христа! Его замазывают, закрашивают, долбят стену, но он всякий раз выступает ясно и страшно, грозя великими бедами!

Я посмотрел на стену. Вырубленная прямо в гранитном массиве стена в самом деле словно бы наспех закрашена, покрыта какими-то узорами, явно наспех, в самом деле хранит следы работы тех художников, у которых кистью служат молоты и зубила.

— А зачем? — спросил я.

— Сэр Ричард?

— Зачем замазывают облик Христа?.. Если бы враги замазывали...

— Христа намалевали очень давно... Никто не знает, в какие времена. Тут воевали много, все переходило из рук в руки, горело, уничтожалось... Словом, Христос здесь не совсем таков, каким его признает нынешняя церковь.

Я пробормотал:

— Что за бред... Как будто от церкви зависит, каким ему быть.

Прикусил язык, подумав, что в самом деле зависит, тут сам сморозил глупость, но Гендельсону не объяснишь....

Издали донесся крик. Я побежал к краю, внизу все задрали головы и показывали в нашу сторону.

— Заметили! — вскрикнул Гендельсон. — Сэр Ричард... выход близко, давайте ускорим шаг!

И побежал, как беременный броненосец, раскачиваясь на ходу, хромая, задевая железным плечом стену, хотя до края пропасти уже десять шагов. От него пошел грохот, словно с горы катился набитый железным хламом вагон. Я бежал на три шага сзади и, когда сбоку появились двое стражей, успел метнуть молот. Оставшегося вдвоем сшибли, стоптали, вбили в землю и понеслись дальше.

Потом дорогу загородило сразу пятеро. Потом — восьмеро. К счастью, дурачье вовсю пользовалось магией, это их и губило: останавливались в полной уверенности, что разделались с наглецами, но я швырял молот, рубил мечом, Гендельсон моментально размораживался и, уже не удивляясь, спешил за мной следом, ибо теперь дорогу прокладывал я.

Мы пробежали поверху, по хорам. Меня страшило, что придется опускаться вниз, а там наверняка монахов-воинов тьма-тьмущая, однако Гендельсон заорал ликующее: впереди, качаясь, в нашу сторону приближается стена с дверью, настоящей железной дверью...

Мы навалились на створки, навстречу пахнуло свежим воздухом, Гендельсон счастливо всхлипнул:

— Мать Пресвятая Богородица!.. Выход в самом деле близко, защити и доведи туда наши шкуры...

Он осекся, а я выругался в злости: последний зал представлял собой лабиринт из мостиков, переходов, этажей...

— Следуй за мной! — предупредил я жестко. — Отстанешь хоть на шаг — погибнешь.

Я даже не заметил, что обратился к нему на «ты», да и сам Гендельсон не взвился, как бойцовский петух, ибо ощущил по моему тону, что именно в эти минуты решится: жить нам или умереть. Я понесся по переходам, перепрыгивал с

одного уровня на другой, умело избегал стрел из ниш, прокакивал под опускающимися решетками, с разбега перехватывал бассейны с кислотой, с расплавленным оловом, Гендельсон все еще поспевал за мной, меч сперва держал в руке, потом ухватил в зубы, наконец вообще спрятал в ножны, ибо всех сметал с дороги я, а поспевать за мной с мечом в руке почти непостижимо. Стрелы отскакивали от его доспехов, как блестящие капли дождя.

— Сэр Ричард, — прохрипел он в мою спину измученным голосом. — Сэр Ричард... Где, в каких землях вы научились бегать по этим созданиям Ужаса и Предельной Тьмы?

— У меня было где, — ответил я.

Из дальнего конца коридора навстречу метнулся огненный шар. За ним еще и еще. Я поспешил затащил Гендельсона за угол. Шары один за другим пронеслись мимо, всякий раз обдавая нас волной горящего воздуха.

— Не глупите, сэр Гендельсон, — сказал я строго. — Стойте здесь. Мы не ламеры, не лузеры. Герой по коридорам ходит знаете как?

— Как? — спросил он.

— Боком, — ответил я.

Я выскочил, метнул молот, навстречу мне пронеслись огненные шары. Я отступил за угол, шары пронеслись мимо. Минус один, отметил я. Шагнул в коридор, поймал взглядом далекую фигуру в звездном халате, снова метнул молот.

Гендельсон смотрел со страхом и почтительным восхищением. Шары пронеслись, минус еще один, я вышел во время, ухватил молот. В дальнем конце коридора остались два боевых мага. Оба разом метнули в меня огненные шары. Видимо, все еще полагают, что я либо подставлю свою героическую грудь, либо же прикроюсь щитом, размечтались! — я же выждал еще чуть, уже соразмерив свои движения со скоростью шаров, затем стрейфнул на два шага влево. Шары пронеслись в двух шагах справа.

Боевые маги закричали яростно. Из их ладоней вырвались огненные точки, что пронеслись в мою сторону, быстро вырастая в размерах, как горячие птурсы. Я сделал шаг,

только один шаг вправо. Шары пронеслись слева, тут же из-за угла высунулся Гендельсон.

Наверное, он ожидал увидеть вместо меня горку золы, ведь не слышит мой боевой клич, я не колочу рукоятью меча по щиту, вызывая подлых трусов на честный рыцарский поединок.

— Сэр Ричард!

— Спрятитесь, сэр, — велел я.

Он не спрятался, расширенными глазами наблюдал мой странный поединок с магами. Они стреляли очень точно, но огненные снаряды летят все же не со скоростью мысли, я успевал определить траекторию их полета, делал шаг в сторону. Здесь важно именно шагнуть на свободное место, а не уткнуться в стену в самый ответственный миг.

— Сэр Ричард! — вскричал Гендельсон потрясенно. — Что вы делаете?

— Как видите, — буркнул я, — изучаю противника.

— У них магия никогда не истощается, — прокричал он, — так что захватить их живыми не удастся!

Я ответил с сожалением:

— Да?.. Впрочем, ученых надо убивать в первую очередь. Это они придумали атомную бомбу.

— Что придумали?

Я поймал одного из магов взглядом, рукоять молота радостно вздрогнула в ладони. Еще два шара пронеслись мимо, затем там был едва слышный хлопок. Молот примчался раньше, чем уже единственный шар огня. Шлепок в ладонь, взмах, я отступил в сторону, шар пронесся мимо на расстоянии ладони.

Гендельсон ликующее заорал, ибо лицо мое было беспристрастное, лицо героя, а второй раз заорал, когда в дальнем конце коридора послышался болезненный вскрик, а молот вернулся, окруженный оранжевым сиянием.

Он с тем же криком выскочил из укрытия, ибо дверь уже вот она, надо успеть добежать, но сзади снова раздался яростный крик...

Я выскочил следом, морозный воздух опалил легкие.

И... едва с разбегу не столкнул Гендельсона в пропасть. Сзади загрохотала, опускаясь, стена ворот. Монастырь отгородился от нас, дерзких, сумевших пройти насквозь, зато впереди злобно ощерила пасть трещина в каменистой земле. Снизу поднимаются зловонные испарения, в их призрачных языках пламени я уловил некий жуткий смысл, а Гендельсон вскричал в смертельной тоске.

Мороз пронизал мои внутренности, как острое копье. Другой край пропасти такой же отвесный, метрах в десяти, но в двух шагах левее, мостом между двумя краями пропасти служит... скелет гигантского динозавра, то бишь дракона. Несчастный был убит, что ли, как раз посредине, но он так огромен, что массивная голова и передние лапы оказались на той стороне пропасти, а длинный хвост — на этой.

Я нервно сглотнул слюну. Скорее, дракон просто брякнулся и подох. Может быть, даже не убитый, такого убьешь, а от старости. А трещина появилась и расширилась потом, могут же здесь быть землетрясения?

Гендельсон сказал дрожащим голосом:

— Я не притронусь к этому нехристианскому чудовищу!

— Я бы тоже, — ответил я, голос мой сел на два тона, — но давай альтернативу...

— Че...го?

— Другие варианты, — поправился я. — Вправо, влево, взад, перелететь... Вы летать не пробовали, благородный барон?

— Нет... вроде бы...

— Сейчас самое время учиться, — сказал я. — Пока доделишь до дна... все может случиться. Говорят, некоторые учатся быстро.

— Люди благородного сословия не учатся наскоро, — ответил он сердито.

Позвонки размером с кастрюли, с обеих сторон массивные дуги ребер. Между ними проскочит электричка. Насколько я помню из школьного курса, позвонки скреплены меж позвоночной тканью. Попросту хрящами, что уже давно истлели. Кости, понятно, окаменевают, или что-то с ними происходит, как-то же доживают до нашего времени.

— Надо идти, — сказал я. — Вон сверкающие горы!.. Совсем рядом. Наверное, одна из них — крепость Кернель.

Он в страхе смотрел на скелет.

— Я не смогу... Это богомерзко!

— А вы пинайте это своей рыцарской ногой, а не целуйте!

Гендельсон хрюпал, всхлипывал, постоянно читал молитву, но я чувствовал по дрогающим позвонкам, что идет за мной. Не смотри вниз, бормотал я себе и, конечно же, смотрел. Не хватайся руками за ребра позвонков, представь себе, что идешь по толстому бревну, что лежит на земле... и, конечно же, твердил себе, что это вот-вот рассыплется, а мы над ужасающей пропастью, пока долетишь до дна — постареешь. Мешок с мечами тянул меня в одну сторону, задница в другую, а при пустой голове это уравновешивало, я добрался до ужасающе дальнего конца пропасти почти живым...

Сзади был треск, я обернулся и увидел, как ужасающий мост с грохотом рушится в бездну. А вместе с этими чудовищными позвонками падает вниз и блестящая надутая фигура.

Гендельсон успел ухватиться обеими руками за край, но слабые мышцы удержат разве что на пару секунд... Я инстинктивно ухватил его за голову и, сам едва не лопнув от настути, затащил наверх. Некоторое время лежали лядом, отсапывались, переживали ужас, потом Гендельсон простонал:

— Сэр Ричард... вы мне шею вывернули.

Ага, подумал я, это как в басне Крылова, где батрак спас хозяина от медведя. Что ж ты, гад, шкуру попортил, вычту из жалованья...

Я перекатился на пузо, с трудом встал.

— Сэр Гендельсон, Кернель рядом.

Он застонал, кое-как воздел себя на задние конечности. Лицо было желтое, как воск для церковных свечей. Я потащился подальше от края, нас от всего мира впереди все еще заслоняет гряда камней, но горы Кернеля вовсе рядом, рукой подать, осталось не больше двух-трех миль...

Я добрался до гребня, начал высовываться... и сразу на-

чала открываться расположенная милях в трех отсюда отвесная стена хребта, что вершинами ледяных сосулек уперлась в небо. Я мгновенно увидел изрезанные ребра, гребни, куда с готовностью забился снег, это даже не горный хребет, это поставленное стоймя плато с вкраплениями льда!..

Так же разом я увидел прямо напротив меня, только в трех милях по прямой, абсолютно ровную стену. Чересчур ровную. Между двумя такими сосульками-горами, почти неотличимая от них по цвету, она показалась мне тоже из кристаллического льда, только обтесанного по человеческим законам, но в следующее мгновение я различил массивные глыбы из белого камня. Между ними змеятся проплойки раствора, он успел показаться мне привычным цементом.

Но в следующий миг я поднялся еще на шаг, и кровь превратилась в мелкие острые льдинки. В сердце больно закололо. Передо мной чуть ниже открылась долина. Вся долина, стиснутая этими двумя хребтами. И вся заполнена черными шатрами. Перед каждым горят костры, а от множества конных и пеших воинов не видно земли. Ветерок дохнул в нашу сторону, донесяся тяжелый неумолчный гул сотен тысяч голосов, топот ног, скрип телег и осадных машин, звяканье уздечек и звон оружия.

Сильно пахнуло гнилым теплом, как из гигантского хлева. За спиной тихонько охнул Гендельсон.

— Мы... не успели!

— Вижу, — ответил я зло. Захотелось вмазать его молотом в лоб, из-за этой сволочи волоклись, как полудохлые черепахи. — Тех мы обогнали, а эти, наверное, тут уже не первую неделю. Но Кернель еще, похоже, не пал... Иначе бы не толклись здесь.

— А вдруг, — проговорил он опасливо, — просто не помешаются? Мы не знаем, насколько Кернель велик...

— Тогда бы расположились прямо под стенами, — сказал я. — А так разве не видно?

Гендельсон начал горячо и путано молиться, осенял себя и далекий Кернель крестным знамением.

Слева что-то шелестнуло, долетели громкие голоса. По насыпи пробирались в сторону массы войск трое, из них первые два несут на плечах забитых оленей. Первый вообще сгибался под оленем-великаном, огромные рога с множеством отростков с костяным скрежетом задеваю камни. Третий шел сзади, что-то рассказывал.

Я затаился, пропустил мимо. Гендельсон молился шепотом, чтобы эти исчадия ада не заметили. Стоит им крикнуть, услышат у ближайших костров...

Я метнул молот, прыгнул вдогонку с обнаженным мечом. Молот снял заднего, ударился в мою ладонь. Я с силой нанес косой удар второму в поясницу. Меч вошел с потрясающей легкостью. Ноги подогнулись, охотник завалился набок.

Первый охотник, заслышив звук падающих тел, сказал с натужным смехом:

— Что, даже олененка вдвоем не дотащите?

— Да, — ответил я, — тяжело...

И, выдернув меч из рассеченного позвоночника его спутника, я торопливо ударил по спине, стремясь рассечь хребет. Меч скрежетнул, но перерубил кости. Охотник беззвучно повалился между камней. Я негромко крикнул Гендельсону:

— Быстрее сюда!.. Надевайте его доспехи.

Гендельсон подбежал, пригибаясь, как под артобстрелом, посмотрел на разрубленные тела.

— Я?.. Да ни за что!

— И черт с вами, — ответил я грубо. — Пойду в Кернель без вас.

— Талисман при мне, — напомнил Гендельсон.

— Это я и скажу, — пообещал я.

Оба убитые оказались мелковаты. К тому же меч рассек их кожаные латы на спине, я сумел подобрать только рогатый шлем, на лбу изображение ящерицы. Гендельсон молча наблюдал за мной злыми глазами, потом снял с одного остатки плаща, сказал угрюмо:

— Думаю, этого будет достаточно. Здесь есть герб.

— Тогда и щит возьмите, — бросил я разочарованно. — Там тоже герб.

Щит пришлось взять от первого, молот расплющил ему голову, но все остальное уцелело. Гендельсон выбросил плащ с дырой от моего меча и снял этот, целый. На спине во всю ширь развернулось изображение дракона, вставшего на задние лапы. На голове дракона корона, в руке черный меч с красной рукоятью, очень похожий на мой.

— А теперь берем оленей, — сказал я. — Донесете, сэр Гендельсон?

— Я всегда сам носил убитых мною оленей, — ответил он гордо.

Хрен ты их убивал, подумал я зло. Разве что привязанных к дереву. Этот громадина-олень показался слоном, а не оленем, но я кое-как поднял, поправил на плечах. Ноги оленя уперлись в мешок за моей спиной, веревка врезалась в мое плечо, как удавка. Гендельсон взвалил на плечи олененка. Я натужился и начал пробираться между камней.

В спину догнало задушенное:

— Сэр Ричард... прямо — ближе...

— Да? — спросил яsarкастически. — Там у костра уже ждут остальные... из клана этого коронованного дракона. Вы уверены, что сойдете и харей?.. Впрочем, как я не подумал — вылитый зар!

Он смолк. Я тащился, проклиная все на свете, камни все не кончаются, ибо я тащусь по их россыпи не поперек, а вдоль, пока не отойду достаточно далеко от места схватки. Высмотрев группу с расседленными лошадьми, свернул туда. Нам давали дорогу, встречали радостными возгласами.

Кони совсем рядом, я с облегчением сбросил оленя возле костра. Гендельсон еще тащился шагах в десяти.

— Это подарок от нашего клана, — сказал я небрежно. — Наши ребята уже набили оленей по два на каждого...

У костра счастливо заорали. Гендельсон доволокся на подгибающихся ногах и тоже свалил олененка поверх моего гиганта. Его плащ окрасился кровью оленя, но все равно сидевшие смотрели на Гендельсона с великим почтением.

Мой рогатый шлем с ящерицей не вызвал такого преклонения, как дракон с черным мечом.

Я обернулся к Гендельсону:

— Сэр, не лучше ли нам объехать войско на конях?

Он, тяжело дыша, тупо кивнул. Я сделал знак воину с конями, распорядился:

— Оседлай двух самых лучших. Их тебе вернут к вечеру. Даже раньше.

Он поколебался, но взглянул на туши оленей, облизнулся, что-то крикнул. Подбежали еще двое, несли седла, попоны, сбрую, а другие вытащили длинные ножи и торопливо свежевали добычу.

Я с великим облегчением закрепил мешок с мечами позади седла, вскочил на своего коня. Гендельсон с третьей попытки поднялся в седло второго. Я повернул коня и поехал некоторое время по лагерю, а когда увидел вдали высокий шест со знаменем, изображающим черного дракона в короне с черным мечом в лапах, резко свернул в сторону.

Мы отдалились от лагеря заргов и, увы, от врат Кернеля, зато Гендельсон перестал трястись, хотя все так же картино хватался за меч. Хуже другое: второй лагерь, почти такой же огромный, запирал выход из долины. Костры и воины вокруг костров заполонили ее от одной отвесной стены до другой. А за лагерем...

Я остановил коня. Город, что за лагерем, смутно знаком. Но только странно видеть здесь изысканные минареты, изящные мечети, облицованные синей плиткой, от которой так и веет прохладой. Все-таки вокруг суровый мир европейского рыцарства... разве что предположить, что мавры когда-то захватили эти земли, как было в Испании, Португалии и Франции, несколько столетий так жили, случилось взаимное проникновение культур, а потом Реконкиста, так вроде бы ее называли... словом, арабов оттеснили обратно, с той поры в Испании такие изысканные дворцы, такие причудливые восточные мотивы в архитектуре...

Солнце изменило угол, вместо города я увидел руины.

Впечатленыице — словно обухом по голове. Я протер глаза, всмотрелся.

Гендельсон сказал за спиной угрюмо:

— Здесь был однажды великий город... Но жители прогневали Господа.

— То жители, — пробормотал я. — А город рушить зачем?

— Город без людей умирает, — ответил он назидательно.

А в самом деле, подумал я внезапно. Что, если город и есть живое существо, а его жители — всего лишь мелкие насекомые-симбионты, что поддерживают его жизнь? Господь Бог посыпал людей дустом, чтобы передохли, а без них и город начинает разрушаться...

— Судя по городу, — сказал я, — Господь Бог передушил людей давненько. Пару сотен лет, не меньше!

— А пару тысяч лет не изволите? — спросил Гендельсон.

— Ого, — сказал я с уважением. — Тогда Господь Бог поступил еще гуманно. По отношению к городу, естественно. Наш так вообще пару населенных пунктов стер с лица земли огненным дождем и железным градом с неба...

Он посмотрел на меня подозрительно, нахмурился.

— Ваш? — переспросил он. — Ваш Господь Бог?

— Ну да, — подтвердил я. Наконец сообразил, в чем прокол, сказал поспешно: — Наш Господь Бог, что создал этот мир, землю и человечей... У нас, в смысле, он и города... Наверное, архитектуру не одобрил.

Гендельсон еще похмурил брови, прощедил сквозь зубы:

— Значит, в ваших землях греха было больше.

— Но зато теперь там одни добродетели, — сказал я лицемерно.

Он посмотрел на меня с сомнением, потом вздрогнул, посеръезнел, глаза сузились. Я торопливо обернулся. Над лагерем заргов, что мы оставили за спиной, блестят огоньки, словно быстро гаснущие в ночи уносиемые искры костра. Напряженный слух уловил едва слышный ровный гул. Земля отзывалась на стук тысяч копыт негромким, но неумолкающим стоном.

— Они начали штурм! — выкрикнул Гендельсон. Лицо его побелело. — Кернель не пал, он держится!.. А мы все еще здесь...

— Я не знаю, — сказал я трезво, — как он устоит.

Он поднял голову за моим взглядом. Высоко в небе с неспешностью облаков двигаются огромные красные драконы. Пурпурные крылья неспешно месят воздух, но чувствовалось, что драконам нелегко нести свои грузные тела. Или же потому, что несут в своих бомбовых отсеках чересчур тяжелый груз.

— И все равно Кернель стоит! — воскликнул Гендельсон снова. — Его еще не взяли... Сэр Ричард, поторопимся!

Я бросил последний взгляд на небо. Южная часть стала красной от их тел. Драконы идут по небу тяжелые, грузные, на каждом всего по одному человеку. Только наездники. Значит, основной удар не лучники или десант, а именно горючий газ, или что там за напалм в желудках драконов. Ну, не в желудках, там какие-то особые железы, я не химик, мне понятно одно: драконы плюются огнем — драконов надо убивать.

Поторопимся, сказал я мысленно. Кернель не взяли, нас не взяли, а значит — возьму я. Вернусь и возьму. Возьму по праву, ибо право любви... взаимной любви выше придуманных людьми законов и условностей. Сегодня они одни, завтра — другие. А любовь одна. Она превыше всего, всех законов, всех моралей. Она сама — Закон и Мораль.

Гендельсон все дергался, ерзал в седле. Я убрал в мешок Красный меч, вытащил и повесил за спину Черный, с красной рукоятью. Если дракон на знамени заргов держит такой же, то это что-то может значить. Во всяком случае, скоро пойму...

— Здесь нам не пройти, — признал я зло. — Придется что-то придумывать иное...

— Что?

Я не ответил, и понятно почему не ответил.

Мы понеслись обратно, мой конь начал отставать, Гендельсон ухитрился и здесь выбрать себе коня намного луч-

ше. Его конь скакет ровно, хотя на Гендельсоне железа, как на башенном кране. Я хлестал своего между ушей, бил по бокам, трепал по шее, трогал шпорами и даже вонзал их ему под ребра, но он двигался все той же вихляющей рысью, словно к скверной походке обрел еще и нечувствительность к боли.

Гендельсон уже обогнул скалу, откуда открывается вид на несметное войско. Рука его властно натянула повод. Конь под ним еще и пританцовывает, зараза, готов бежать дальше. Белые равнины почернели от скопища заргов, даже шатры их военачальников абсолютно черные. Справа и слева горы, да не просто горы, а почти отвесные стены перегораживают мир, зубьями достигая облаков. Это ж какой крюк довелось сделать подлецам, чтобы попасть сюда. Сколько народу и коней погубили на горных перевалах! Их уж точно не пропустили через анфиладу залов монастыря древних богов...

Я снова засмотрелся на проход в этой стене. Что за строители, непонятно, но перегородили проход стеной из такого же камня, и чуть ли не такой же толщины, как сами горы. Высокая, даже отсюда видно, что-то из византийского или давидсасунского эпоса. Там всегда такие поражающие воображение стены. Собственно, в тех сасунских краях камня до фига, это в наших лесных землях такие стены в диковинку... Даже отсюда, с высоты, не видно, что там за стеной, какие дома, дворцы, храмы, конюшни, бараки...

Гендельсон вскрикнул:

— Кернель!

Красные драконы проносились над Кернелем, выдыхали огонь. Там вспыхнули пожары, но, к моему удивлению, то один дракон, то другой вдруг начинал беспорядочно колотить крыльями, падал, нередко задевая других, а те тоже неуклюже рушились на закрытый стеной город. Другие наездники разредили драконов, держались осторожнее, драконы огонь старались выдыхать либо издалека, либо проносясь над самой стеной, чтобы в случае неудачи упасть на эту сторону.

Мы отчетливо видели черную массу, что как полчища муравьев быстро поползла по чистым стенам вверх. Там сверкали искры, заходящее солнце играет на доспехах, мечах и топорах.

Гендельсон вскрикнул отчаянным голосом:

- Они влезают на стены!
- Заткнитесь, — сказал я грубо.
- Кернель... он гибнет на наших глазах!

— Заткнитесь! — выкрикнул я в бешенстве. Он повернулся ко мне, я заорал: — Думаешь, мне нравится такое видеть?.. Но что, что ты предлагаешь?.. Помимо бабых криков? И заламывания белых рук?

Солнце скрылось за горами, зарево пожара смешивалось с отблесками заката. Другого пути, как я понял, попасть в Кернель нет, кроме как либо проломить там ворота, либо перелезть через стену, что тянется чуть ли не на километр, где-то да отыщется слабое место...

Тьма сгущалась быстро, как обычно приходит ночь высоко в горах. Издали донеслись едва слышные звуки сигнальных рожков. Гендельсон начал торопливо креститься. Стены Кернеля очистились. Темная масса войск, как ртуть, потекла прочь от стен, но, вопреки моим надеждам, остановилась за пределами выстрелов из луков.

Вспыхнули первые костры. Ночь сразу стала темнее, зажглись звезды. Из-за гор показалась половинка месяца, залила все пространство призрачным светом, посеребрила пики гор. Костры вспыхивали повсюду, куда достигал взгляд по долине. Мне впервые за последние дни стало страшно и безнадежно. До этого я пер, как лось, напористо и бездумно, ибо была цель — достичь Кернеля. Но вот достиг. Там он. Рукой подать.

Глава 31

Мы отыскали достаточно широкую щель в скалах; Гендельсон тщательно упрятал там коней. Я собрал веток, Гендельсон изволил помочь с костром, но я две трети его веток забраковал: сырье, дадут дым, а по дыму нас отыщут. Сно-

ва собирали все щепочки, сучки, даже сухую траву. Наконец нагребли, отогрелись и поджарили мясо подстреленного зверька, похожего на зайца, на крохотном огне, огородив пламя камнями.

Гендельсон остался греть озябшие руки, я потихоньку выбрался наружу. Полумесяц поднялся на темное небо весь, его передвинуло на другую сторону небосвода, свет падает резкий, контрастный. Стена и ворота выглядят даже четче, чем днем, когда яркий свет слепил, сглаживал все щели и неровности. Сейчас стена очень походит на кремлевскую, с той лишь разницей, что сложена из массивных глыб из серого гранита. И, похоже, там поверху, как по Китайской стене, могут проехать на колеснице. Что важнее, там можно стоять не цепочкой по одному, а целыми отрядами.

В серой стене, сейчас серебристой, зияли каверны. Не щели, однако глубокие трещины, вмятины, черные от копоти пятна. Вся стена выглядела бесконечно старой, дряхлой, что вот-вот рассыплется под собственным весом, стоит еще чуть расшатать в основании хотя бы камень...

Костер догорал, Гендельсон заснул сидя. Я тихонько лег, но он вздрогнул, с непонимающим видом открыл глаза.

— Что?.. Я заснул?.. Не может быть...

— Козни дьявола, — сказал я иронически. — Спите, сэр Гендельсон.

— Что-нибудь новое?

Я в полутьме сдвинул плечами.

— Что увидишь... Кернелю хреново. Если бы раньше, мы бы зайчиками перед приходом войск. Теперь хрен проскочишь!..

В темноте его голос прозвучал совсем просяще:

— Совсем ни щелочки?

— Только через ряды всего войска, — ответил я грубо. — А их там на мили один к одному, плюнуть некуда.

— Плюйте на них, — послышался голос из темноты. Я с удивлением ощущал, что это Гендельсон изволил пошутить. — Вы знаете, сэр Ричард... я беру свои слова назад.

— Какие? — спросил я.

— Да все в ваш адрес, — прозвучал несколько скомканый голос. — Их было много. Благородство крови — случайность судьбы, мне особо гордиться нечем. Но вот благородство поступков... это главное для благородного человека.

Я ответил грубо:

— Ну, это для благородного. Я же простолюдин.

— Я же принес свои извинения, сэр Ричард... Благородство чувств не всегда сопровождается благородством манер, вы это доказали. О благородном человеке нельзя судить по мелочам, но ему можно доверять великие дела. Низкому нельзя доверять великие дела, но о нем можно судить по мелочам. Король вам доверил великое дело, сэр Ричард. Теперь я вижу, что совсем не зря...

Мне стало неловко, я проворчал:

— То, что люди принимают за благородство, чаще всего оказывается переряженным честолюбием. Просто человек, презирая мелкие выгоды, идет к крупным, понятно?

В темноте долго слышались только кряхтенье, вздохи, сопенье, наконец он проговорил тихо:

— Благородство — это готовность действовать вопреки собственным интересам. Вы держитесь все время более чем благородно. Как истинно благородный человек, вы предъявляете требования только к себе, в то время как низкий... к другим. Мне очень стыдно это признать, но это я вел себя, как человек самого низкого происхождения. Благородный живет в согласии с другими людьми, но не следует за ними, низкий следует за другими, но не живет с ними в согласии... как я следую за вами, но все время требую к себе особого отношения. Мне стыдно, сэр Ричард. Простите меня!

Кровь прилила к моим щекам, я возненавидел себя, стыд опалил даже уши. Я с трудом выдавил грубо:

— Что за ерунда... Спите, сэр Гендельсон. Завтра очень тяжелый день! Все, что было раньше, это цветочки...

После паузы он вздохнул.

— Все это время я был для вас обузой, сэр Ричард. Мы уцелевали чудом. Но уже исчерпан лимит даже на мелкие

чудеса... а чтобы спастись завтра, потребуется даже больше, чем большое чудо. Доброго сна вам, сэр Ричард!.. Мне кажется, в следующий раз я лягу спать уже в раю... или в аду.

Он затих, я долго лежал без сна. Похоже, ему даже в голову не приходит, что можно отступить, спасти шкуру. Ведь говорят же нашим героям-десантникам, отправляя в горячие точки: «Уцелеть любой ценой!», что значит — лучше всего отступить и спрятаться, вообще не высовываться. А для него — добраться до Кернеля любой ценой. Даже если вползет туда израненный, на последнем издыхании. Или — красиво погибнуть, пробиваясь к осажденной крепости. Это да, это вернее. Драться он никак не может — ни красиво, ни некрасиво, зато даст себя поднять на копья, оттуда выкрикнет что-нибудь героически-глупое.

Ах-ах, сказал я себе зло. Голубая кровь, белые кости, двадцать поколений благородных предков, не посрамим, пся крев, под барабанный бой и во весь рост, на-кланяясь ядрам, мы все наполеоны...

Сон долго не приходил, а когда я наконец провалился в эту черную бездну, облегчение не пришло, а, напротив, обуял ужас. Я видел, что черный ангел и белый все еще боятся, но белый изнемогает, он прижат на Краю Земли к хрустальной сфере, окружающей мир, вот-вот сфера расступится, ангел рухнет в бездну, в ничто, где исчезают даже бессмертные ангелы...

И еще я увидел Зорр, но не блистающий Зорр, а весь покрытый лишаями, струпьями. Башни перекосились, стены на моих глазах рушились. Люди с криками бегут из города. Их плоть отваливается на ходу, над городом тучами носятся огромные черные летучие мыши. Они страшно кричат, на дома и на улицы падают струи жидкого зловонного помета. Объятый ужасом, я пытался вспомнить что-то страшное, связанное с этими летучими мышами, но вспомнить не мог, ледяной страх и отчаяние вошли в меня с такой силой, что я заорал, дико и жутко...

Проснулся, сердце колотится так, что вот-вот выскочит через уши. К счастью, не орал, только губами пошле-

пал, трус несчастный. Всего лишь кошмар, ничего сверхъ-естественного, все объяснимо: поел слишком жесткого мяса, заснул на левом боку, костер затух, а здесь холодина собачья, кто-то воет поблизости...

Вздрогнув, я кое-как раздул почти угасшие угли, набросал сухих щепочек. Костер разгорелся, но вместе с ним разгоралась и заря. Вчера мы забрались довольно-таки глубоко в пещеру, вход зияет в десяти шагах, так что слабый дымок рассеивается еще здесь.

Я с трудом встал, кости застыли, как у ревматика. Цепляясь за стену, кое-как разогнул спину, там хрустит, доковыляя до выхода. Утро морозное, иней на камнях. Между этими старыми разрушенными горами и теми, молодыми, куда вроде перекрывает крепостная стена Кернеля, лежит укрытая туманом долина... нет, это не туман, откуда он на таком свежем горном воздухе, это дым от тысяч костров!

Меня начала колотить дрожь. Холод забирался в меня все глубже. Никогда нам не пройти через эту долину. У каждого костра пять-семь человек, а костры чуть ли не вплотную один к другому. Даже превратись я в невидимку, и то наступал бы на ноги всем, и далеко не прошел бы, не прошел...

На той стороне верхушки гор вспыхнули. Золотой свет медленно опускается вниз, каменная стена горного хребта во всем величии, наконец ярко загорелись верхушки башен по обе стороны ворот. Я сперва не сообразил даже, что случилось, почему такой яркий золотой свет, тем временем высокие стрелы башен с блестящими верхушками медленно удлиняются, золотистость теснит серый угрюмый цвет вниз, к земле.

Я залюбовался, глаза сумел оторвать, лишь когда свет восходящего солнца коснулся крыши замка, едва видимый из-за крепостной стены. Тот вспыхнул таким же оранжевым светом, радостный и посвежевший, совсем не та старая развалина, которую я видел ночью. Не веря глазам своим, я таращил глаза на свежую кладку, а те трещины и пробоины, которые видел своими глазами ночью, исчезли, затянулись, как окна в ряске от брошенного камня.

Крепость паладинов, вспомнил я. А паладины, как я слышал, это высший класс рыцарей. Подвижники, у них суровые обеты. Паладинами становятся немногие, у них особые способности. Некоторые даже умеют творить чудеса. Ну, не всякие, а только целительные. Возможно, их объединенная мощь исцеляет крепость? Нет, это уже бред какой-то. Наверняка есть объяснение проще.

Сзади загрохотало, загремело, послышался долгий лязг. Впечатление было такое, что примерзший за ночь бронетранспортер старается оторвать гусеницы или колеса от почвы. Наконец за спиной загрохотали шаги. Гендельсон подошел, двигаясь, как терминатор, тоже с трудом и рывками сгибая руки. Шлем он красиво нес на сгибе левой руки, это их, благородных, учат с детства. Сперва носят шлемы за старшими, потом носят за ними. А когда носителей нет, то приходится самим. Но — красиво.

Он ахнул, его свободная рука так же привычно метнулась к кресту, как моя прыгает к рукояти меча.

— Слава тебе, Господи!

— Как это получается?

— Господь благословил эту крепость!

— Ага, — сказал я, — благословил... Это, конечно, объясняет все. Но чем благословил?.. Регенерацией?

Гендельсон поморщился. Лицо снова стало надменное, брезгливое. Он старался не встречаться со мной взглядом, словно уже ненавидел и себя за откровенность в ночи, и желал гибели мне, свидетелю его слабости.

— В этой крепости жили невежественные люди, — объяснил он напыщенно, — не знающие света Христова учения, но не злые...

— Давно?

Он пожал плечами.

— Кто считал те эпохи?.. Но когда на землю сошел наш Спаситель, Сын Божий, они приняли Его хорошо и ласково. Он в ответ благословил их, а также эту обитель. С тех пор, какие бы раны ни нанесли крепости, за ночь они заживают. Потому и стоит несокрушима...

Он воспарял от святости этих мест, говорил все ликующей, любовнее, я тут же нахмурился, не люблю быть с этой толстой жабой хоть в чем-то заодно.

— Раны — да. Но если бы те ворвались через ворота... или через стены?.. Вот обрадовались бы ребята Карла — крепость сама себя ремонтирует!

Он помрачнел, неуверенно возразил:

— Может быть, она не стала бы...

— Да, конечно, — бросил я. — Много камни разбираются в политике. Или в гербах...

По небу скользнула тень. Я инстинктивно хлопнул Гендельсона по плечу, он рухнул, загремел, я скакнул в другую сторону. Дракон пролетел на небольшой высоте, на этот раз серо-зеленый, тонкий, похожий на самолет братьев Райт: весь из тонких костей, на неумело скрепленных длинными кожистыми перепонками крыльях, с худым просвечивающимся телом и длинным хвостом с гребнем. Явно развивает в случае нужды немалую скорость, если отрастил стабилизатор...

— Что за... — начал негодующе Гендельсон.

Он выбрался из тени на свет, я заорал:

— Назад!.. Дракон...

Он надменно положил ладонь на рукоять меча.

— Гендельсоны никогда не отступали перед драконами...

— Назад, дурак! — заорал я.

Гендельсон заколебался, увидев мое яростное лицо, что-то проворчал и с достоинством вернулся в тень, однако уже было поздно: дракон сделал круг и возвращался, я увидел, как с драконьего загривка свесился человек и смотрит в нашу сторону. Мне показалось, что он даже показывает кому-то рукой.

— Все, — сказал я с горечью, — влипли... Теперь вся надежда на коней!

Дракон пролетел дальше, я вскочил и бросился к коням. Гендельсон заторопился следом, спросил, стараясь не терять лица:

— Вы полагаете... нас заметили?

— Я не полагаю, — огрызнулся я. — Это дьявол полагает, Бог располагает, а человек — знает!.. Быстрее, если не хотите, чтобы вас заперли в пещере!

Застоявшиеся кони вынесли нас из пещеры с таким грохотом, будто с гор катились целые скалы. Эхо прыгало по стенам пещеры, перекатывалось по отвесной стене, отскакивало от всех выступов, и мне казалось, что за нами несется целый отряд.

Мы промчались по тропке, я бросил взгляд по сторонам, сердце сжалось. Еще у меня была надежда, что дракон сперва сядет, наездник бегом помчится к лорду, скажет, где мы, а тот распорядится послать людей, но справа уже с грохотом скакет конный отряд голов в десять, все — рыцари. Слева еще один, там народу еще больше, хоть из рыцарей только один, во главе, а следом идут лихим наметом на лохматых конях странные лохматые люди.

— Быстрее! — заорал я. — Гендельсон, гони вовсю!.. Надо успеть проскочить, пока дорога чиста!

Гендельсон даже сейчас, в бешеной скачке, не пригнулся к конской гриве, что уменьшило бы сопротивление ветру, конь у него зверь, мчится ровно, мощно...

Но задержал коня бровень с моим, крикнул:

— Если вырвемся... как через войско?

— Не знаю! — заорал я. — Надо сперва от этих выскользнуть!.. Давай вперед!

Он толкнул коня шпорами, тот вытянулся в струну и пошел уходить от меня, как будто я на своем коне стою на обочине дороги и смотрю вслед. Но когда между нами была брешь шагов в двадцать, он вдруг начал придерживать коня.

Я поравнялся, крикнул:

— Что опять?.. В седле колючка?

— Сэр Ричард, — крикнул он с беспокойством, — но как же вы?

— О себе беспокойся, — огрызнулся я, ветер забивал рот и старался вбить слова обратно. — Давай, гони!.. Да горни же, дурак!

Всадники справа и всадники слева нещадно настегивали

ли коней. Они уже не мчались нам навстречу, а шли на соединение друг с другом. Оставалась широкая щель, мы гнали коней к этой бреши. Гендельсон все придерживал коня, то ли страшился оставаться один, то ли в самом деле вельможном благородстве не возжелал оставить своего слугу... пусть не слугу, но низшее существо без покровительства.

Я пришпоривал коня, орал ему в ухо, хлопал, ласкал и колол кинжалом в шею. Он несся с выкаченными в ужасе глазами, белки размером с куриное яйцо, вот-вот вывалит-ся из глазных впадин. С удил летят ключья желтой пены, похожие на пенопласт, стук копыт сливается с грохотом крови в ушах.

Всадники поневоле растягивались длинной вереницей, у всех разные кони, но клещи с двух сторон неумолимо сжимались. Я отчаянно высматривал слабое место, наконец нашупал молот. Он понесся со скоростью ракеты, но мы его почти догоняли. Высокий громадный всадник на крупном коне уже развернул коня, готовый остановить нас своей мощью. Молот снес, как картонное чучело, только звонко звякнули смятые в лепешку доспехи да из щелей в шлеме брызнули тугие красные струи.

Молот лихо шлепнул рукоятью в ладонь. Я заорал и вскинул другой рукой меч. Всадник, что держался от сраженного справа, отшатнулся, но в таких доспехах грация подобна слоновьей, острие меча достало его в переносицу. В следующее мгновение мы с Гендельсоном пронеслись в щель бок о бок, сзади крики, ругань, звон металла и конский топот.

Пока они разворачивали коней и посылали за нами в погоню, мы успели оторваться на пару сот шагов. Я уже начал было надеяться, что где-то сумеем затаиться, все еще несемся среди россыпи крупных камней, слева снова каменная громада, тянется почти параллельно той удивительной стене молодых гор, где Кернель...

Навстречу двигался конный отряд человек в двести во главе с закованым в доспехи могучим рыцарем в черных доспехах. Завидев нас, они лишь смотрели с любопытством на нашу бешеную скачку: на мне рогатый шлем, за

Гендельсоном полощет по ветру плащ с черным драконом с короной на голове. У меня появилась надежда проскочить мимо, однако за спиной послышался крик.

Встречные насторожились, начали останавливать коней. В их руках появились топоры, копья, мечи, чеканы. Черный рыцарь сделал нам властный знак дланью, повелевая остановиться.

Я крикнул:

— Гендельсон, давай левее к стене!.. Там камни, на которых за нами не смогут...

Гендельсон догнал, поравнялся и некоторое время несся рядом. В лице его было смятение и странный огонь во взоре. Я на полном скаку метнул молот в загородившего нам дорогу рыцаря. Гендельсон торопливо выхватил из-за пазухи кожаный мешочек и протянул мне:

— Держите, сэр Ричард!

Я взял чисто машинально, крикнул:

— Зачем?

Молот, сокрушив черного рыцаря, вернулся в ладонь, и я швырнул его снова. Гендельсон выпрямился в седле, в свинячьих глазах огонь, вскрикнул громовым голосом:

— Уходите!.. Доставьте талисман. Я их... задержу!

Молот, снеся второго с седла, как будто одиноко стоящую кеглю, вернулся ко мне, едва не задев Гендельсона. Всадники налетели на Гендельсона с поднятыми мечами. Молот снес еще двоих. Я сунул это за пазуху, до этого я даже не видел, какой он, талисман, Гендельсон ревниво держал на шнурочке возле сердца и никогда не вынимал на привалах.

Донесся оглушительный рев:

— А ну, кто против рыцаря короля?

Я видел взлетающие мечи, топоры. Гендельсона закрыли от меня, кони ржали, звенело железо, я слышал и содрогался от грохота сильных звякающих ударов по металлу его доспехов. Гендельсон, судя по всему, все еще держался в седле, я дважды успел швырнуть молот, прежде чем трое из всадников обогнули схватку и понеслись на меня. Бросать молот поздно, я соскочил с седла, едва не упал под тяжестью мешка с мечами за спиной, отпрыгнул за камни,

оступился, упал, больно ударившись локтем, но и всадники остановились в бессилии, кони по таким камням не поскачут.

Затем все трое разом спрыгнули с седел. Один полез через камни, неосторожно опередив других, я достал его кончиком меча в плечо. Он взвыл и остановился, захватил ушибленное место ладонью. Но двое стремились вперед, я замахнулся на одного, ударил второго, тот успел поставить щит. Удар потряс мои пальцы, но щит разлетелся вдребезги. Тот, на которого я замахивался, прыгнул и ударил меня в плечо. Острое рассекло плоть, я едва не потерял сознание от острой боли, но успел ответным ударом рассечь ему лицо.

Теперь против меня остался один, он не спешил, делал вид, что нападет, не давая мне возможности отступить, а тем временем сюда помчались еще несколько человек на конях. Гендельсон все еще держался, что-то кричал, хотя я его не видел, но там часто взлетали над головами мечи и топоры, слышались дикие вопли.

Я заставил себя сделать шаг вперед и нанес сильный удар. Целил в голову, удар сверху, но в движении изменил направление удара и, сделав короткую дугу, ткнул острием. Лезвие пропороло незащищенное место над краем панциря, едва не отделив голову.

Сраженный еще стоял, из горла хлестала кровь, а я повернулся и побежал через камни, через обломки деревьев. Сзади догонял дикий рев, яростные крики. Меня настигли уже у самого входа в пещеру. Я не успел уловить миг, когда за спиной взвился меч, но удар пришелся в мешок за спиной. Звонко и страшно зазвенело железо. Я развернулся и ударил, почти не глядя. Со всех сторон оскаленные лица, блистающее оружие, я рубил во все стороны, на меня брызгала теплая кровь, я чувствовал ее соленый вкус на губах...

Удары сотрясали меня, как деревце удары ветра. Я шатался, но парировал, бил в ответ, уклонялся, в глазах начало темнеть, в ушах послышался звон, и тут с тяжелым ударом топора передо мной опрокинулось залитое кровью бородатое лицо. Послышался металлический звон, человек упал спиной на камни.

Их полегло пятеро, я стоял, едва держась на ногах, прислонился спиной к каменной стене. По мне текла кровь, я чувствовал, что чужая кровь смешивается с моей. Там, на дороге, схватка закончилась, Гендельсона я не видел, но мечи и топоры уже не вздышаются, а вооруженные люди стоят кружком и смотрят на что-то, лежащее у их ног на земле.

Потом один обернулся, увидел меня, увидел своих товарищей, что как туши забитых баранов брошены на камни, закричал визгливо и яростно. Все начали оборачиваться, в руках оружие, трусцой побежали ко мне.

Я оттолкнулся, ввалился в пещеру. Далеко в самой глубине успел увидеть оленя, нет, безрогая, самка оленя, она пьет там воду. Заметив меня, она подняла голову и насторожилась, готовая к бегству. Мои ноги подкашивались, я сделал всего три шага, ощущил, что убегать нет сил, шагнул в сторону, там груда камней, упал, с трудом перевалившись через округлые валуны.

Сквозь грохот в голове уловил топот множества ног. Люди вбежали в пещеру, замедлили шаг, после яркого солнечного света здесь почти темень, сейчас начнут осматриваться...

— Вот он! — раздался торжествующий голос совсем близко от меня. — Вот смотрите!

— Точно, — вскрикнул второй.

Тяжелые подошвы ударили в землю рядом, будто они и бегают в ногу. Грохот металла и звон быстро удалялись. Я стиснул зубы, стараясь преодолеть головокружение и не потерять сознание. Кто-то увидел в полутьме убегающую олениху, даже не олениху, а смазанный силуэт, иначе не обманулся бы так, но что будет, когда обшарят всю пещеру...

Я шевельнулся, острые боли пронзила все тело. Я едва не заорал, подо мной уже натекла теплая лужа моей собственной крови. Пока дрался и уползал, тело сгоряча не ощущало боли, а теперь она пришла, пришла волнами, каждая сильнее предыдущей, я стискивал зубы, старался не шевелиться, даже не осматривал раны, перевязывать уже поздно, а если еще не истек кровью, то сгустками должно залить, закупорить капилляры...

Глава 32

Раны открывались при малейшем движении. Голова кружилась, я часто впадал в забытье. Тут же приходил в себя, слабый, как птенец, что не в состоянии даже встать на лапы.

Сейчас очнулся от грубых сильных голосов, звона железа. Судя по топоту множества ног, люди или звери прошли совсем рядом. Я лежал неподвижно, а они сразу устремились в глубину пещеры. Я еще долго слышал удаляющийся топот, голоса, а в неподвижном воздухе завис и не рассеивался смрад их немытых тел.

Я снова потерял сознание, уже не слышал, когда прошли обратно. Возможно, даже не прошли, а вышли на той стороне горы, если там есть проход. А если прошли этой же дорогой, то слишком торопились к вечернему ужину, глаза устремлены на светлый круг выхода, никому не пришло в голову осматривать камни вблизи входа, только полный дурак станет прятаться так близко.

Очень медленно круг света темнел, заблестела единственная звездочка. Камни все еще хранили тепло прямых солнечных лучей, я лежал распластанный, как рыба, потом ощущил, что в состоянии легко и просто подняться... Еще не веря себе, сделал движение встать, меня подняло на высоту человеческого роста, а внизу между камнями остался лежать перепачканный кровью, скорченный человек, измученный и жалкий.

Я повисел, осваиваясь, еще не веря, что ко мне вернулось то, что было в Срединных Королевствах и потерялось при въезде в Зорр. Но, возможно, это в самом деле душа отделилась от тела... а там, внизу, я уже дохлый?

Тело легонько простонало, протяжно и жалобно. Я вздохнул с облегчением: не дохлое еще, а просто отрубилось. Или крепко спит. Но я, где же я?.. В прошлый раз я отчетливо видел себя, свое призрачное тело. Просто оно становилось полупрозрачным, но это было тело. А сейчас я вишу в воздухе, как невидимка... нет, даже как мысль или взгляд, что не в состоянии сдвинуть и щепочки.

Я опустился ниже, на уровень земли, попробовал потрогать веточку. Прутик даже не шелохнулся. Значит, я сейчас не я, а только то, что называется душой... Возможно, в эти пограничные состояния, когда между жизнью и смертью от потери крови, в самом деле можно... вот так?

А раз снова выпал шанс, то надо использовать на полную катушку. Мысли забегали лихорадочно. Если мне уж удалось такое, это впервые здесь, у Кернеля, даже в Зорре не удавалось, а уж здесь не должно было подавно... но раз уж удалось, то второй раз не повторится, и то чудо, надо пользоваться, надо на всю катушку...

А на всю катушку это как можно дальше на юг! Теперь я уже знаю... догадываюсь, что там. То ли катастрофа южные страны затронула меньше, то ли там реликты высоких технологий не уничтожали, а исследовали... как могли, конечно, и старались приспособить, но мне надо на юг. На севере нет даже намеков. Скорее всего, церковь просто уничтожает все следы старых цивилизаций, стараясь начать жить заново и, как она считает, чистой от греха.

Я могу влететь невидимым и непознанным к любому магу, мудрецу, правителю... Я могу посетить лабораторию... ибо что там у них есть, увидеть самое важное, увидеть то, к чему стремлюсь... Может быть, я пойму, как смогу нарушить ткань времени... нет, не нарушить, а повернуться в этой ткани, как червяк, в другую сторону и вылезти на середине прогрызенного листа в своей московской квартире...

Я ощутил, что меня несет над каменистой насыпью со все возрастающей скоростью. Не туда, хотел я воскликнуть, это же не юг, а запад, но сообразил, что это я сам рукожопу полетом, и пока я терзался сомнениями и выбирал, мое «я» решило за меня, и вот теперь передо мной стремительно вырастают развалины старого города, уцелевшие дома, огромный мрачный замок, уже наполовину разрушенный, но в нем и вокруг него горят тысячи костров того второго лагеря, вокруг огней спят десятки тысяч людей, положив щиты под голову, а мечи под правую руку...

Это было просторное подвальное помещение, у самой

двери из стены торчит подставка для светильника, не для факела, что значит — здесь бывают часто и задерживаются надолго. Из каменной стены торчат железные штыри, с четырех свисают цепи. Грубый стол, два табурета, бочка с водой, колода для рубки мяса, странное сооружение из дерева, смрад жуткий, пахнет мучениями и смертью, я сразу почуял запах разлагающейся крови.

Двери распахнулись, вошел коренастый воин с факелом в руке. За ним рыцарь в доспехах, но с обнаженной головой, выждал, пока воин обошел все помещение, зажег три светильника, лишь потом неспешно спустился по ступенькам, хозяйски огляделся.

Воин торопливо вышел, спустя минут пять ввели, почти втащили, грузного человека в изорванной рубахе. Голова его свисала на грудь, ноги подгибались. Двое крепкого сложения воинов держали его под руки. Черный рыцарь шагнул вперед, его рука взметнулась, пальцы захватили волосы и грубо вздернули голову. Это был Гендельсон. Кровь текла из разбитых губ, нос покраснел и распух, ноздри закупорили кровавые сгустки.

Уже без доспехов, от рубашки одни лохмотья. Нежное тело, все еще белое, как брюхо у сома, кое-где покрывают кровоподтеки и царапины. Черный рыцарь смотрел в его запрокинутое лицо с насмешливым превосходством.

— Что, — переспросил он воинов, — вы хотите сказать, что этот слизень прошел через все наши кордоны? И только здесь нам удалось его схватить?

Один из воинов сказал торопливо:

— Не просто прошел!.. Он посек не меньше двух дюжин наших людей. Погибли даже доблестные рыцари Круга: сэр Болдуин и сэр Нагирд.

Второй добавил заискивающе:

— С ним был еще один...

— Кто? — спросил черный рыцарь резко.

— Слуга... наверняка слуга!.. В простой рубахе, хотя и с мечом...

Рыцарь отмахнулся.

— Ну, меч подобрать на таком поле нетрудно. Прикуйте его к стене. Я буду с ним разговаривать... долго.

Гендельсон попробовал дернуться, когда его распяли на стене и растянули и без того до отказа разведенны руки. Один из воинов почти равнодушно двинул кулаком в распухшие губы. Голова Гендельсона мотнулась и снова упала на грудь. В помещении слышались металлический лязг, звон, хриплое дыхание.

Черный рыцарь стоял у зарешеченного окна. Снаружи падал свет на его лицо, выглядел задумчивым, но когда повернулся, осталось только выражение злобной жестокости.

— Во дворе мои воины, — проговорил он зловеще. — Бездельничают. Там же челядь... и тем и другим будет полезно послушать твои дикие крики. Не так ли?

Он с силой ударил ногой Гендельсона в пах. Тот попытался скорчиться от дикой режущей боли, застонал. Черный рыцарь понаблюдал, в глазах блеск от масляных свечильников.

— Сволочь, — прохрипел Гендельсон. — Ты не рыцарь...

В помещение вошли еще двое. Один высыпал из ведра в чугунную посудину рубиновых углей, другой деловито перебирал металлические прутья, щипцы, крючки. Выбрав, сунул в эту посудину, где угли, и только тогда я догадался, что уготовано Гендельсону.

— Где Варнар? — спросил черный рыцарь в нетерпении. — Сбегайте за ним!

— Я здесь, ваша милость, — прогудел низкий голос.

В двери вдвинулся низкорослый, чудовищно широкий в плечах человек с грязными волосами до плеч. Ноги короткие и кривые, из-за чего руки свисают чуть ли не до земли. Лицо грубо, заросшее звериной щетиной, неподвижное, застывшее.

Он был в кожаном засаленном кафтане, но узловатые мускулистые руки остались голыми, хотя у меня язык не поворачивался назвать голыми руки, из-за обильной шерсти больше похожие на лапы. Он воткнул факел в щель между камнями возле двери, коротко поклонился.

— Слушаю, господин.

— Приготовь угли.

— Да, хозяин. Уже все готово.

Губы рыцаря искривились в усмешке.

— Все ты уже знаешь... Неужели я так одинаков?

Варнар молча наклонился, руки его поворошили дого-рающие березовые поленья. Рыцарь нетерпеливо смотрел, как он железным совком неуклюже набрал багровые крупные угли, ссыпал в металлическую кастрюльку на длинной ручке.

Рыцарь повернулся к Гендельсону. Тот с трудом приподнял голову и окинул его высокомерным взглядом.

— Что? — спросил рыцарь с интересом. — Это тебе не красивая смерть на поле брани!.. Да еще под благосклонным взором своего короля и соратников, которые расскажут, приврав, о твоей красивой гибели... А вот так, когда никто не видит?.. Когда вокруг только враги?

Гендельсон прохрипел:

— Мразь... вор...

Рыцарь вскинул брови.

— Вор? Почему?.. Кем только меня не называли, но вором...

— Вор, — сказал Гендельсон хрипло. — Рыцарские шпоры мог только украсть...

Черный сказал с усмешкой:

— Ты сейчас скажешь не только что я рыцарь. Что я — лучший из рыцарей. Ты скажешь, что я — Дева Мария, что я — Христос, что я твой Бог... и все-все скажешь, что я захочу!

Прутья медленно накалялись. Рыцарь подошел к пленнику, я видел, как Гендельсон поднял голову, глаза все еще затуманены болью, лицо бледно и перекошено, он сказал хрипло:

— Не дождешься!

И плюнул ему в лицо. Я отчетливо видел, что залепил прямо в глаз кровавый сгусток. Рыцарь отшатнулся, отступил, под ноги попалось опрокинутое ведро, он замахал ру-

ками, едва устояв. Палачи торопливо отвернулись. Не хихикали, как я подумал, бледные и дрожащие, торопливо копались в своем деръме, делая вид, что ничего не видели. Страшатся, понял я, что видели чересчур большой позор своего господина, а он может не простить такое даже им.

Рыцарь торопливо вытирался краем плаща. Кровавая слизь растеклась по щеке, он тер и тер лицо, рычал от ярости, наконец остановился посреди помещения и прокричал яростно:

— Надеешься, что сразу убью?.. Нет, будешь умирать долго. Мне не придется ломать твою волю, ты и так слизь... но даже покорный и готовый выполнить любое мое повеление... ты не умрешь так просто!

Его тряслось, голова дергалась, зубы лязгали, как у припадочного. Я догадался, что ярость вызвана не самим плевком, а что плюнуло именно такое ничтожество, в котором он сразу разгадал трусоватого и слабого человечка в некогда толстом, раскормленном, а теперь обвисшем жалком теле.

С Гендельсона сорвали остатки рубашки. Палач торопливо вытащил раскаленный прут. И хотя до вишневого цвета был раскален только конец прута, палач держал его в толстых кожаных рукавицах.

— Дай сюда, — велел рыцарь. — Я хочу, чтобы эта толстая свинья верещала именно от моей руки.

Гендельсон следил за ним с бледным напряженным лицом. Рыцарь поводил перед его глазами железом, Гендельсон морщился от опаляющего жара, не выдержал и отвернул голову.

Рыцарь злобно расхохотался.

— Что, уже не нравится?.. Так рано?

— Ты — исчадие ада, — сказал Гендельсон высокопарно. — Тебе гореть в аду!

— Все там будем, — заверил рыцарь.

— Не все, — отрубил Гендельсон. — Богородица Дева Мария, наша светлейшая заступница, да услышишь ты наши слова, да примешь их к сердцу, да не минует...

Рыцарь поморщился, словно сжевал лимон. Я тоже

ощутил отвращение и тоже поморщился, словно при мне любимый певец взял откровенно фальшивую ноту. Ну что за дурь эти молитвы, такая психотерапия хороша только на берегу тихого озера, а перед раскаленным железом не очень-то подуховничаешь, материальный мир, он, увы, вот он...

Раскаленный прут прикоснулся, словно играючи, к толстой складке на животе Гендельсона. Барон заорал, забился в цепях, сразу растеряв слова молитвы, мотал головой, словно вытряхивал из ушей воду. Я услышал запах горелого мяса. Взвился едкий дымок.

Рыцарь захохотал:

— Ну как тебе это... а это... а это?

Железо вишневого цвета трижды прижгло толстые валики на боках. Запах горящего мяса стал сильнее, тошнотворнее. Гендельсон охрип от нечеловеческого крика, потом повис на цепях. Рыцарь прислушался, фыркнул:

— Он еще шепчет молитвы!.. Тупоголовый дурак. Как же, явится твоя сраная Богородица, спасет тебя!.. Варнар, возьми прут, пусть накаляется еще...

Палач сказал угодливо:

— А тут есть еще... Вот, можно этими щипчиками позабавиться! Острые такие... Хватаешь, откусываешь вот так чуть, а потом отдираешь целый клок...

Рыцарь поморщился.

— Кожи, что ли?

— Как можно? — испугался палач. — Кожу надо снимать начиная с пяток!.. Чтобы снять целую, не подпортив. Хотя, правда, ваша милость проделала три дырки... А я о том, чтобы отогнуть чуток сала, а туда залить либо смолы, либо кипящего олова....

Рыцарь подумал, кивнул:

— Давай, готовь. Но залью ему сам. Это мне начинает нравиться.

— Скотина, — сказал Гендельсон хриплым, но сильным голосом. — Господь накажет тебя...

— Да? — спросил рыцарь с интересом. — Но пока что

накажу тебя я. И что? Не пора ли отказаться от такого Господа, который не защищает своих подданных?

Гендельсон сказал твердо:

— Господь не отказывается от любящих Его. Он и сейчас посыпает мне свою любовь и поддержку!

— Вот как? — изумился рыцарь. — Варнар, начинай.

Стиснув челюсти, не в состоянии вмешаться со своим бестелесным телом, я заставил себя наблюдать, как железными клещами рвали тело Гендельсона. Сперва слегка отодрали с правого бока толстый ломоть, оттуда не сразу потекла кровь, было ее на диво мало, палач угодливо засмеялся:

— Ваша милость, да какой же он кабан? У кабана твердое мясо, не всяким мечом рассечешь! А это свинья, откормленная свинья... Одно сало, нежное и жирное! Чем его только кормили?

Рыцарь сказал весело:

— А подай-ка мне ковшик...

Ему подали массивный половник на длинной металлической рукояти. Сам половник был в серых потеках застывшего олова. Рыцарь зачерпнул и посмотрел в глаза Гендельсону.

— Ну?.. Что скажешь?

— Гореть тебе в аду, — ответил Гендельсон. — Но ты еще можешь раскаяться в своих злодеяниях... Господь милостив!

Рыцарь расхохотался так, что едва не выронил ковш с раскаленным оловом. Я отчетливо видел, как колышется серая злая поверхность.

— Знаешь, — сказал он сквозь смех, — никто меня еще так не веселил!.. Вот что, клоун. Даю тебе шанс. Если сейчас же проклянешь свою Богородицу и назовешь ее шлюхой, я, так и быть, не стану заливать тебе за шкуру олова... Ну?

Гендельсон посмотрел ему в глаза печально и сказал:

— Бедный язычник!.. Твоя душа блуждает в потемках...

Господи, прости ему его деяния! Он не ведает, что творит.

— Да-да, — подхватил рыцарь, — не ведаю. Ну совсем не ведаю!

Он кивнул Варнару, тот ухватил щипцами край надре-

занной плоти и оттянул, делая своеобразный карман. Рыцарь, глядя Гендельсону в глаза, с гнусной улыбкой плеснул раскаленного олова в рану. Гендельсон забился в цепях с такой силой, что я думал, он сломает себе все кости. Каменные стены вздрогнули от дикого звериного крика. Потом крик перешел в хрип смертельно раненного животного, грузное тело обвисло в цепях.

Варвак с размаха выплеснул ведро воды ему в лицо. Гендельсон вздрогнул, медленно поднял голову. Глаза его показались мне не просто страдальческими.

— Ну что? — спросил рыцарь. Голос его был жестоким и неприятным.

— Ты... — прохрипел Гендельсон, — великий грешник... Но Господь милостив... припади к Его стопам и просяи прощения...

— Идиот, — сказал рыцарь. Лицо его перекосилось гневом. — Варнар, подай еще ковш... И отдерни с другого бока такой же карман... Ну, ты понял меня, дурак?.. Если сейчас же не назовешь свою Богородицу беспутной шлюхой, то это олово зальем тебе под шкуру!

Я задержал дыхание. Гендельсон сказал хриплым страдальческим голосом:

— Господь не оставит меня... Дева Мария — самая чистая и непорочная дева на свете... да святится Имя Твое, Любимая...

Варнар ухватил клещами за край кровоточащего мяса, оттянул, а рыцарь вылил туда кипящее олово. Гендельсона подбросило, он закричал, заплакал, взвыл.

Когда он повис в цепях, как брошенная на них мокрая тряпка, рыцарь сказал с угрюмой насмешкой:

— Здесь был до тебя один варвар из северной страны... То был герой! Его жгли железом, а он смеялся нам в глаза. Залили олова — пел свои варварские песни о героях... Когда ломали пальцы, насмехался над нами... И даже умирая на колу, проклинал нас и назвал слабыми трусливыми бабами. Рассказывал, что нас бы он пытал страшнее, а это

даже не пытки, а забава для детей... Ты же верещишь, как недорезанная свинья!

Варнар на всякий случай вылил еще одно ведро на голову истерзанного плённика. Вода стекала по его дряблому телу и нехотя впитывалась в зазоры между каменными плитами пола. Запах горящего мяса стал чуть слабее, но я чувствовал, как мой призрачный желудок поднимается к горлу.

Наконец Гендельсон поднял голову и произнес хриплым страдальческим голосом:

— Господи, укрепи мой дух... Я не усомнился в Твоей бесконечной мудрости, но... укрепи мой дух, ибо я слаб, жалок и труслив, Господи.

Рыцарь смотрел на него с гневом и растущим изумлением.

— Эта жирная скотина все еще противится? — прорычал он. — Варнар!.. Поработай пока над ним сам. Я сяду вот здесь, буду смотреть. Нет, отсюда неудобно. Поставь табуретку сюда, так будет виднее.

— Я покажу ему, ваша милость, — сказал Варнар обрадованно. — Он у меня сейчас запоет на любые голоса!

Я чувствовал, что мое тело застывает. Не это, не призрачное, а то, что осталось лежать, как идиот пуская слюни открытым ртом. В страхе, что может проснуться, я ринулся, не выбирая дороги, пролетел скальный массив, чувствовал только, как будто проламываюсь сквозь встречный ветер, затем меня вынесло на простор, на той стороне мрачные горы, вот та самая щель...

Я влетел в свое тело на такой скорости, что сам же ощущал острую боль, застонал, с трудом поднял налитые свинцом веки. Тело сотрясает жуткая дрожь, камни остывли, холод вошел в кости, я чувствовал, что умираю. Застонал, ударился лбом о камень, там кости крепкие, ударил еще пару раз, в голове чуть прояснилось. Ноги не хотели держать такое тяжелое тело, но я заставил их пронести меня в глубь пещеры, потом обратно...

Каждое движение требовало неимоверных усилий. Ра-

ны снова открылись, но лучше истеку кровью, чем замерзну, как рыба на льду. В голову жар ударил раньше, чем потек по телу, наконец я свалился, всхлипывая от изнеможения. В топку организма брошена еще порция сала или просто мяса. Жаль, что не могу гладить камни, как мой Черный Вихрь...

Черный Вихрь, мелькнула мысль. Был бы здесь Черный Вихрь, многое было бы иначе.

День прошел скачками, я все чаще терял сознание. Организм упорно стремился то ли в коматозный сон, чтобы сохранить остатки жизни, то ли в беспамятство, полагая, что оберегает меня от страданий. Не понимает, идиот, что так я просто замерзну. Тихо и мирно, ведь замерзающие вроде бы чувствуют даже тепло...

Когда наступил вечер, я лег и долго старался впасть в это состояние, чтобы, как прежде, отделиться и взмыть, аки душа, расстающаяся с телом. Засыпал, просыпался, скривившись, наконец вроде бы начало получаться, но раздался треск камня, по нервам пробежал разряд, сердце заколотилось, как в детской погремушке горошина.

Треск не повторился, все оставалось тихо. Похоже, следующий раз треснет через тысячу лет. А после сотни-другой таких тресков появится еще одна щель. Гора тоже стареет, обрастает морщинами.

Тепло пошло по телу. Я ощущил ту легкость, что позволяет... и поспешно выпрыгнул, не стал даже рассматривать свое материальное тело, довольно жалкое зрелище, понесся в сторону развалин, что совсем не развалины.

Я успел, когда Варнар шел через темный двор с горящим факелом в одной руке, в другой он нес кастрюльку с тлеющими углами. Под действием движущегося воздуха угли из пепельных становились багровыми, а стоило ему чуть взмахнуть кастрюлькой, как багровость сразу же переходила в пурпурный цвет, по граням суматошно носились оранжевые и желтые искры.

За Варнаром в двух шагах двигался черный рыцарь. Во внутреннем дворе свет падал из узких окон, смешивался с

призрачным лунным. Они пересекли площадку по диагонали, на той стороне виднелась дверь, глубоко утопленная в камне...

Варнар долго гремел большими ключами. Металлическая дверь распахнулась с неприятным скрежещущим звуком. Я держался за их спинами, даже вошел наполовину в камень, хотя ощущение было неприятное, будто сразу отсидел всю половину тела.

Рыцарь оглядывался нетерпеливо, даже задрал голову и посмотрел в звездное небо. Там изредка проносились широкие черные тени. Когда неведомый зверь пролетал между нами и луной, через двор стремительно проскальзывала легкая, но закрывающая весь двор тень.

— Быстрее, — сказал он нетерпеливо. — Чего застрял?

— Готово, ваша светлость, — донесся голос Варнара. — Спускайтесь, но здесь ступеньки ветхие... Поосторожнее.

— Все обветшало, — буркнул рыцарь, — но все восстановим. Заставим этих тупых тварей приносить пользу!

Я пронесся по этому ходу, дальше дорогу перегораживает толстая железная дверь. Я протиснулся сквозь нее, снова ощущив неприятное ощущение во всем нереальном теле, вывалился в темноту. Полную и абсолютную темноту подземелья. Слышно было тяжелое учащенное дыхание. Слабый стон.

Пока я парил, умоляя глаза привыкнуть к слабому свету... а как они могут привыкнуть, когда его нет, в полной темноте даже совы абсолютно ничего не видят, загремело со стороны железной двери. Распахнулась, ворвался свет факела, что показался мне слепяще-ярким.

Пока рыцарь и Варнар спускались по каменным ступеням, я рассматривал Гендельсона. Он сидел у стены, голый, под ним только холодные как лед каменные плиты пола. Руки растянуты в стороны и прикованы к стене, а на ногах тяжелые кандалы. За это время он исхудал еще больше, даже я не назвал бы его больше толстой свиньей, как изошарился Варнар. На теле кроме кровавых ссадин черне-

ют отметины, где прижигали железом и факелом. На боках зияют распухшие раны с запекшейся кровью.

Рыцарь остановился перед Гендельсоном.

— Ты, червь, — сказал он свирепо, — надумал?.. Если назовешь свою шлюху Деву Марию тем именем, что она заслуживает... ты будешь жить. Более того, я обещаю тебе, что дам коня, дам свободу!

Гендельсон открыл глаза. Белки глаз были красные, воспаленные. Мне показалось, что он почти не видит плача, но после паузы Гендельсон прошептал:

— Припади к ее стопам... Она милосердна... Припади и умоляй простить тебя, в твоей гордыне и высокомерии... в твоих неразумных словах...

Рыцарь вскипал, оглянулся на Варнара. Тот опустил кастрюльку на пол, вытащил из-за пояса клещи. Рыцарь сказал люто:

— Ты даже не представляешь, что тебя ждет!.. Сейчас тебе выжгут глаз. Начисто. Понял?.. Завтра я приду снова. В это же время. Варнар тебе отрубит руку... Ощущи!.. Послезавтра мы придем снова. Тебе отрубят ногу. Как тебе такое?.. Но и одноглазым, одноруким и одноногим ты пробудешь недолго. На четвертую ночь мы придем к тебе и выжжем второй глаз. Потом отрубим вторую руку. Потом — ногу. Затем вырвем язык, а тебя... живого! — выбросим во двор, чтобы ты подыхал долго и мучительно. Ты все понял?

Мне показалось, что я видел, как побледнел Гендельсон, хотя его измученное, распухшее от побоев лицо и так было неузнаваемо.

— Несчастный грешник, — проговорил Гендельсон тихо, — ты не ведаешь... ты не ведаешь...

Рыцарь кивнул Варнару. Тот поворотил клещами сredi углей, выхватил один и поднес к лицу Гендельсона. Рыцарь опустился на колени, грубо ухватил голову пленника в ладони в боевых рукавицах, крепко сжал.

— Смотри, дурак, — прошипел он, — смотри!.. Это последнее, что ты видишь. Но ты еще успеешь спасти шкуру... только скажи то, что я жду.

Гендельсон прошептал:

— Что шкура... была бы душа цела... Да будь благословенна Дева Мария... Да святится Имя Твое, Любимая...

Варнар поднес горящий уголь к глазу Гендельсона. Тот в ужасе выкатил глазное яблоко, пытался дернуть головой, но рыцарь держал, как в тисках. Варнар с силой прижал пурпурный уголь к глазу. Гендельсон дико закричал, забил ногами по каменному полу, но голову ему рыцарь держал крепко. Тесное помещение заполнилось запахом горящего мяса.

Потом Гендельсон затих, Варнар отнял клещи. Половина угля, отломившись, застряла в глазнице. Варнар достал шило и аккуратно выковырял крупные частички. Рыцарь встал, отряхнулся. Лицо его было угрюмое, злое. Варнар отыскал в другом углу ведро с водой, до которого измученный жаждой Гендельсон не мог дотянуться, с размаху выплеснул на пленника.

Гендельсон застонал, с усилием открыл один глаз. Вместо другого зияла пустая глазница с запекшейся от сильного жара кровью. Рука Гендельсона дернулась, словно он хотел проверить, что у него с лицом, зазвенела цепь.

— Дурак, — сказал рыцарь веско. — А ты мог бы спасти глаз... Вот теперь и подумай!.. Завтра потеряешь руку. Послезавтра — ногу. А потом все по второму кругу. А глаза — не зубы. Как и руки или ноги. Зубов много, а глаз всего два.

Он захочатал, повернулся, плащ его описал за спиной красивый полукруг, вышел. Варнар взял факел из расщелины, я слышал его бормотание, двинулся вслед за хозяином. Дверь захлопнулась, мы остались в полной темноте. Гендельсон, оставшись один, начал всхлипывать, бормотать что-то под нос. Потом слабым голосом начал читать молитву, часто прерываемую плачем.

Стыд и ярость до того разъедали меня, что стены начинали расплываться, я уже видел сквозь всю громаду каменной башни звездное небо, далекую щель, в которую я забился, свое скорченное в забытьи тело.

Глава 33

Я очнулся, вздрагивая, как будто меня трясила гигантская рука. Тело дрожало, зубы стучали, я обхватывал себя руками, но мои пальцы такие же ледяные, как и все тело. Мешок с моими мечами рядом, но когда попытался подтащить поближе, решил даже, что он примерз. Я попытался встать, понял, что мешок с мечами не примерз, это я ослабел настолько, что уже не в силах сдвинуть его с места.

Застонал, пальцы вцепились в камни, кое-как воздел себя на ноги. Стены шатаются, сдвигаются, грозя раздавить меня в лепешку. Я заставил себя двигаться к светлому пролому, где солнце, свет, тепло. Стены пытались помешать, ускользали из-под пальцев, но с каждым шагом выход из пещеры расширялся, расширялся...

По глазам больно ударил свет. Я шагнул наружу, вскрикнул. Холодный ветер пронизал, как острыми длинными иглами. В лицо плеснуло горстью колючего злого снега. Перед глазами пылило, я старался держать голову ровно, хотя, конечно, лучше бы лечь, тогда кровь пойдет в мозг. Но лечь — это... для кого-то лечь и расслабиться, для меня лечь — услышать отсчет рефери над головой: «...восемь... девять...».

Издали послышался окрик. Зрение немного очистилось, когда из тумана вынырнули гигантские фигуры. Мне почудилось, что приближаются люди-горы. Их разукрашенные лица расплывались, колыхались, словно отражения на воде. В голове звон, я старался не упасть, рука пошарила на поясе, пальцы нащупали молот, но рукоять выскальзывала. Я с ужасом ощутил, что не в состоянии даже снять его с петли.

Они подошли вплотную, это оказались обычные зарги, жуткие отвратительные хари, все ниже меня ростом, но их с десяток, а за ними еще и еще...

Один со смехом ударил меня в лицо. Я захлебнулся кровью, упал на колени. Раны на боку разошлись, кровь потекла теплая, в голове появилась пугающая легкость. Они

смеялись громче, я почти потерял чувствительность, только ощущал, как меня со всех сторон пинают ногами, а я корчусь на снегу... Из легких, словно из продырявленных мехов, воздух выходил со свистом, обжигал горло.

— Это тот, — прогремел в ушах голос, подобный грому, — которого господин велел... Что это у него?

Пинки прекратились. Я чувствовал, как меня перевернули на спину. Сильные руки разорвали на груди рубашку. За шею больно рванули: это сорвали кожаный мешочек с талисманом. Второй болезненный рывок, голову едва не оторвали, другой голос потоньше донесся, как через плотное одеяло:

— А это что за амулет?

И чей-то возбужденный голос:

— Это же Сокровище Сокровищ!.. Откуда он у такого...
Теперь мы богаты!

— Мы?.. А ты при чем?

Сквозь грохот камнепада в голове донесся приближающийся грохот. Из кровавого тумана вынырнул конь, меня ударило горячим и твердым, я невольно ухватился за нечто жесткое, режущее мне пальцы. Меня потащило по камням, затем по ровной земле.

За спиной слышались крики, вдогонку полетели стрелы. Две-три с силой ударились о черный бок могучего зверя, но отскочили с неприятным вжиком. Конь с разбега втащил меня в снег, я заскользил, как бревно, конь проволок меня еще сотню шагов и остановился.

Я разжал пальцы, на них отпечатались зубцы стремени. Конь наклонил голову и обнюхал меня. Черный рог едва не проткнул мою грудь, я с трудом отодвинулся, ухватился за черную блестящую гриву. Он поднял голову и воздел меня на ноги.

Красные, как горящие угли, глаза смотрели на меня с ожиданием.

— Мой Черный Вихрь... — прошептал я в великом изумлении. — Как ты сумел...

Слова застряли в моем горле, уздечка оборвана. А я помню, что на нем за уздечка... Но на седле приторочены мои

доспехи, меч, а в мешке позади седла, как я боялся даже мечтать, шлем, браслеты! Ноздри раздулись, я уловил аромат свежеиспеченного хлеба, жареного мяса.

Едва развязал мешок, посыпались браслеты, выкатился шлем и больно ударил по ноге. Даже не раздумывая над странностями, кто все это положил в мешок, над этим по-ломаю голову потом, я одел на руки браслеты Арианта, и... в голове сразу стало яснее. Я надел шлем, в теле ощущалась прежняя сила. Я торопливо надел доспехи и сразу перестал чувствовать режущую боль в боку, а все раны перестали ныть.

Я поставил ногу в стремя, оттолкнулся и едва не перепрыгнул через коня, настолько во всем теле заиграла злая мощь. Конь с готовностью ржанул и, повернув голову, посмотрел на меня требовательным взглядом.

— Черный Вихрь, — пробормотал я, — я не знаю, как ты одолел все эти леса, горы и реки... но ты нашел меня!..

Он в нетерпении переступил с ноги на ногу.

— Мы вернемся, — пообещал я, — и я тебе дам отдохнуть... сколько сам скажешь. Но сейчас нам кое-что нужно свершить.

В нашу сторону неслись крики. Рассвирепевшие зарги бежали к нам с дикими воплями. Я метнул молот, выхватил меч и пустил коня вскачь. Меч засвистел, я рубил направо и налево, а когда уцелевшие бросились бежать, я догнал и мстительно зарубил всех до единого.

Черный Вихрь хрюпал и свирепо раздувал ноздри. Я посмотрел по сторонам, впереди из пещеры, где я прятался, вышли четверо. Один с торжеством нес мешок с моими мечами.

— Щас, — сказал я мстительно. — Для вас добывал!

И хотя не добывал, а мечи сами упали в руки, правда, неизвестно на каких условиях, я заорал, моя рука привычно метнула молот, а Черный Вихрь понесся, как все сметающая на пути горная лавина. Я рубил и крушил, они тоже рубили и бросали дротики, но удары натыкались на несокрушимую броню, дротики отскакивали, а мой меч проходил через их тела, как будто они из густого тумана.

Я соскочил, заглянул в мешок, все ли на месте, приторочил позади седла. Черный Вихрь внимательно следил за приготовлениями, от пурпурных глаз шел, казалось, рубиновый свет.

— Погоди, — сказал я, — еще не все...

Я обыскал тела зарубленных, у одного нашел Сокровище Сокровищ, а еще у одного — талисман, который надо в Кернель. На всякий случай сорвал с их шей амулеты, бросил в мешок. Черный Вихрь следил за мной одобрительно.

— Все, — сказал я и вскочил в седло. Рука нащупала талисман за пазухой. — Можно ехать...

Черный Вихрь с готовностью пошел в галоп, с каждым прыжком набирая скорость. Ветер ударил мне в лицо. Я пригнулся, прячась за его гривой, что охватила меня, как струящееся силовое поле. По бокам засвистело, ветер превратился в ураган.

Дверь с грохотом обрушилась вовнутрь. Я впрыгнул в помещение, заполненное чадом от горящего мяса, где плотными слоями плавал дым. Внизу застыли в изумлении трое широкоплечих мужчин, а четвертый начал подниматься со стула.

Я соскочил со ступеней, первый не успел схватиться за тонкую, я его развалил надвое, как спелый арбуз. Двое не были трусами, ринулась навстречу, закрывшись щитами и выставив мечи. Двумя ударами я разбил щиты и поразил обоих насмерть.

Рыцарь взревел:

— Ты кто?

— Ангел Господень, — ответил я страшным голосом. — А ты, мразь и пепел, срань болотная...

Он, сперва оторопевший от моих слов, побелевший, вздохнул с облегчением, ангелы так не разговаривают, ринулся на меня с поднятым мечом. Я подставил щит, он нанес по нему три тяжелых удара, что разбили бы любой другой в щепки.

Глаза его округлились.

— Ты еще не поверил, — сказал я люто, — так убедись...

Я взмахнул мечом. Лезвие отсекло ему руку в локте. Меч с половинкой руки упал на пол. Рыцарь закричал, глаза смотрели на меня с ужасом, его доспехи оказались не прочнее листа бумаги. Я взмахнул мечом снова. Рука со щитом упала на пол, а он стоял передо мной с жалкими культияпками вместо рук.

— Еще не убедился? — сказал я. — Тогда получи!

Третьим ударом я срубил ему обе ноги в коленях. Он рухнул на спину, рот его раскрылся в беззвучном крике. Я выдернул из щели факел, прижег огнем обрубки, останавливая кровь.

— Ну как? — сказал я свирепо. — Теперь видишь, что я и есть Карающий Ангел, сволочь?.. Поживи таким, что ты задумал для другого!.. А потом я придумаю, чем тебя, гада...

С едкой горечью в сердце подошел к столу. Изуродованное тело Гендельсона, как распластанная рыба, заняло все столешницу. Пустая глазница зияет, подобно входу в глубокую темную пещеру. В надбровной дуге обнажилась кость, а остатки красного мяса свисают красными сосульками. Другой глаз закрыт, культияпка правой руки лежит на груди.

— Прости, — проговорил я со стеснением в сердце. — Я не мог даже представить, что в тебе силы и твердости больше, чем в тысяче рыцарей Зорра... И уж больше, чем во мне...

Я положил руку ему на лоб, надо уходить, а как прощаться, не знаю... под пальцами ощущалось тепло. То ли он только что умер и еще не успел застыть... Я поспешил приложил ухо к груди. Едва слышно и с большими перерывами что-то робко ткует, словно слабенький цыпленок пытается склевывать непосильно огромные для него зерна.

— Господи, — взмолился я, — только не дай ему умереть!.. Вот сейчас это совсем уже дурь...

Я схватил его на руки, не очень-то и похудел, страшно представить, сколько же весил вначале, вынес в коридор и примостили на седле. Черный Вихрь следил за моими руками внимательно, а потом посмотрел на меня с немым вопросом в глазах.

— Надо, — ответил я. — Теперь как ветер... в Кернель!

Он несся даже быстрее вихря, никто не успевал ухватиться за оружие. Мы пронеслись напрямик через весь второй лагерь, что перед руинами восточного города, сшибали с ног, опрокидывали, разбивали копытами черепа и грудные клетки. Я боялся метнуть молот, вдруг не догонит, а меч в моей руке так никого и не задел. Хотя пару раз руку сильно тряхнуло, но я не уверен, что зарги, а не стропила шатров. Тело Гендельсона лежало передо мной, свесившись единственной рукой и головой на одну сторону, ногами на другую. Я держал его одной рукой, но когда он начал сползать вниз, я торопливо убрал бесполезный меч и ухватился обеими руками.

Зарево увидел издали, а когда Кернель показался в поле зрения, над ним снова полыхал огонь. Драконы уже улетали, но по всей длинной стене поднималась черная кишащая масса. На вершине стены цепочкой люди отталкивают длинными шестами приставные лестницы.

Основной удар, как я увидел сразу, нацелен в ворота. Туда устремились едва не сотни людей с одним-единственным бревном в руках, но это бревно было огромное, длинное, так что его могли ухватить сотни рук, а торец окован железом.

На них, на бегущих, со стен сыпались стрелы, камни. Многие падали, но другие подхватывали бревно, не давая его уронить, все неслись в едином порыве, затем — страшный удар в ворота. Их отшвырнуло, но бревно не выронили, а, раскачивая под хриплый вой, начали мerrно бить в ворота.

— Спасай, — взмолился я Черному Вихрю. — Ты же как-то промчался сюда так быстро?.. Мне нужно в крепость как можно быстрее!.. Но я не могу сейчас драться...

Он повернул длинную аристократическую голову, в его полыхающих глазах был укор. Я ответил умоляющим взором. Он вздохнул, помчался, ветер начал бить в лицо сильнее. Я ухватил одной рукой тело Гендельсона, другой обнял Черного Вихря за шею, копыта стучали все чаще.

Мы ворвались во вражеский лагерь. Черный Вихрь разметывал все, что попадалось на пути, своим непостижимо плотным телом, а потом мы понеслись через плотные ряды. Это напоминало, как если бы он мчался через густую траву...

Копыта стучали все чаще, а крики становились тоньше и тоньше. Затем барабанная дробь копыт оборвалаась. Меня вжало в седло. Гендельсон застонал, изо рта потекла кровь. Ветер рвал ноздри, выворачивал веки. Я успел увидеть, как стремительно надвигается крепостная стена с десятками людей. Одни неутомимо отпихивают лестницы, что всего лишь отвлекающий маневр, другие стреляют торопливо, уже не прицельно, враг наступает тесной массой...

Я застыл в смертном страхе, ожидая страшный удар в стену, но снизу уже быстро летели навстречу каменные плиты двора. Послышались крики, люди разбегались. Копыта ударились о камни, выбив четыре снопа длинных шипящих искр. За спиной послышался треск, яростные крики, звон железа.

Ворота рухнули, а зарги, бросив бревно, лезли в пролом. Защитники рубились отважно, но, попирая раздробленные врата, вперед ломился трехметровый гигант в рогатом шлеме. Защитники пробовали закрываться щитами, он разбивал их огромным топором с такой легкостью, словно скорлупы лесных орехов. Его рубили мечами, в него с силой били копьями, но лезвия соскальзывали с выпуклых доспехов, не оставляя следа, острия копий со звоном отпрыгивали.

Он упорно пер вперед, озверевший, опьяненный победами. Я поспешил сорвал с пояса молот, швырнул. Гигант как раз заносил меч для нового страшного удара. Молот ударил его в переносицу, вмял забрало. Во все стороны брызнули красно-черные струи. Он покачнулся и завалился на спину, придавив грузным телом не меньше десятка соратников.

Защитники замка заорали победно. Я повернулся в седле, меня со всех сторон окружили острия копий. Я закричал:

— Есть здесь лекарь?.. Лекаря быстрее!

Со стены быстро спустился высокий, благородного вида сеньор с седыми волосами и седой бородой. За ним спешили пятеро прекрасно вооруженных рыцарей в дорогих доспехах. Я взглянул в их грозные, сияющие неземным светом лица, яростные и красивые, понял с душевным трепетом, что передо мной — паладины.

— Кто вы, сэр? — потребовал старший паладин резко. — Вы сразили фон Робертса, это очень опасный наш враг, но ваше появление... характерно только для нечистой силы!

Я вскрикнул:

— Да, а где ваш отец-настоятель?.. К нему срочное дело!

Паладин смотрел строго, бросил так же резко, не отрывая от меня испытующего взора:

— Позовите святейшего Августина. Как можно быстрее.

Я слез с коня и бережно снял Гендельсона. Рыцари хмуро смотрели на его изувеченное тело. Из ворот приземистого здания показалась группа спешащих людей в черных сутанах с низко надвинутыми на глаза капюшонами. Я торопливо вытащил талисман, вложил его в ладонь Гендельсона и сжал ему пальцы.

Во главе священников быстро шел очень худой человек. Сутану на нем трепал ветер, словно одета на крест, но из-под края капюшона на меня взглянуло бледное лицо с глазами, полными неземного света. Я не видел радужной оболочки, не видел зрачков, не видел даже глазных яблок, только чистый неземной свет из глазниц.

При виде меня священник переменился в лице, быстро-быстро перекрестился.

— Что за испытание нам?

Голос его был резкий, требовательный, неприятный, взыскивающий. Я указал на Гендельсона.

— Отец... святой Августин, этот человек привез вам талисман, который усилит защиту Кернеля. Он сделал все, чтобы доставить его сюда... Так неужели вы не спасете ему жизнь?

Мой голос задрожал, а в глазах зашипало. Старший паладин пошевелился, глаза его не отрывались от моего лица. Рыцари молчали. Священник попытался разжать пальцы Гендельсона, но тот держал свое сокровище крепко. Я похолодел, это могло быть трупное окоченение, сказал отчаянным голосом:

— Сэр Гендельсон!.. Мы в Кернеле!.. Вы можете отдать...

Пальцы дрогнули и начали разжиматься. Августин то-

ропливо выхватил драгоценность, ахнул и в благоговении опустился на колени. Его священники опустились тоже. Паладин взглянул на них, на Гендельсона, медленно опустился на одно колено. Его рыцари тоже опустились так же по-рыцарски, не по-христиански. Потом пришла в движение вся площадь, уже запруженная народом: все опускались кто на колени, кто на одно колено, в зависимости от ранга.

Со стороны ворот было тихо, после гибели гиганта уцелевшие зарги отступили в беспорядке. Я сказал с мукой:

— Люди!.. Этот человек умирает!.. Помогите же...

Паладин сказал негромко:

— Уже послали.

Через толпу протолкался человек, который показался мне сделанным из сахарной пудры. Снежно-белая роскошная чалма, надвинутая на такие же снежно-белые кустистые брови, седые волосы опускаются из-под чалмы по бокам и переходят в неимоверно длинную белую бороду. Одет в белые одеяния такой снежной хрустящей белизны, что борода сразу потерялась на их фоне. Белые пышные усы огибли верхнюю губу, совершенно накрыв ее, и сливались с бородой, полностью растворяясь с ней, так что и усы могли быть какой угодно длины.

И только лицо, обожженное солнцем, живое, яростное, выделялось броско, как крик в спящем городе. Он весь казался вылепленным из хрустящего морозного снега.

Бегло осмотрев распростертого Гендельсона, он сказал с удивлением:

— Любой другой на его месте уже бы давно умер... Что поддерживает в нем жизнь, не знаю, но и этого мало... Перенесите его в мои покой. Я сделаю все, что смогу.

— Сделайте, — сказал я умоляюще. — Он... он хороший человек! Очень хороший... несмотря ни на что!

Снова паладин взглянул на меня остро и прицельно. Рыцари подхватили Гендельсона и понесли вслед за лекарем. Лекарь торопливо семенил, оглядывался, без нужды показывал ручками, куда идти и как нести.

Пожилой паладин сказал чуть мягче:

— Я герцог Веллингберг. Отца Антония, которого вы льстиво назвали святым, уже знаете... У меня к вам есть вопросы, сэр...

— Сэр Ричард, — ответил я с поклоном. — Ричард Длинные Руки к вашим услугам, сэр. Кстати, в моей земле знают, что святой Августин стал святым. Но в моей земле есть такая странность, мы иногда знаем, что случается в будущем. Жаль, что это бывает так редко... и не по нашему выбору.

Святой Августин смотрел на меня строго. Неземной свет его глаз пронизывал меня насквозь, лицо окаменело, он весь напрягся, даже отступил на шаг. Герцог Веллингберг непонимающе посмотрел на него, на меня, сказал:

— Вы доставили нам церковную реликвию, что, безусловно, укрепит Кернель. Возможно, даже сделает его несокрушимым. Значит, вы на стороне христианского воинства, хотя вид ваш и странен...

Я сказал поспешно:

— Рассматривайте это как... боевую маскировку. В таких доспехах, как у вас, да еще с красным крестом во всю спину и во всю грудь, мы недалеко бы ушли от Зорра.

Герцог кивнул, в глазах все еще оставалось сомнение, но он сказал ровным голосом:

— Вам покажут комнату, где можете отдохнуть. Обедаем мы все вместе в большой трапезной, вас позовут. К сожалению, время обеда уже миновало...

— Это ничего, — ответил я. — У меня осталось немного мяса в мешке.

— Сдайте на кухню, — велел он мягко. — У нас не принято... есть в уединении.

— Как скажете, — пробормотал я. — Но моему другу окажут всю помощь?

— Самую лучшую, — заверил герцог. — Ведь это он привез талисман, не так ли?

— Так, — ответил я и твердо посмотрел на него.

Он не отвел взгляда, всматривался, я чувствовал, как его пронизывающий взор в самом деле видит меня цели-

ком со всеми грешками, мелочностью, страстишками и подловатостью, потом суровая улыбка тронула его губы.

— До свидания, сэр Ричард. Я удовлетворен. Если у отца Августина есть вопросы...

Священник с пылающими глазами отшатнулся.

— Нет, — сказал он. — Дорогой герцог, вы не понимаете... Даже я не понимаю, многое не понимаю!.. Но я не хочу об этом говорить и даже думать, дабы не впасть в грех ереси. У меня...

Со стен раздался долгий протяжный крик:

— Зарги!.. Зарги идут на приступ!.. С юга — драконы!

Герцог встрепенулся, словно стал выше ростом, вскрикнул громким голосом:

— На стены!.. К катапультам!.. Не дадим прорваться через врата!.. С нами теперь полная защита Кернеля. Мы, с Божьей помощью, выстоим!.. Отец Августин, поскорее отнесите Сердце Крепости на алтарь.

Сам он ринулся по лесенке на стену, прыгая через две ступеньки. Я оставил Черного Вихря посреди двора, побежал следом, на стене одетые в железо поверх кожаных доспехов воины разворачивали небольшую, но добротно сколоченную катапульту. Один коренастый воин с натугой принес, откинувшись назад всем корпусом и держа обеими руками, огромный круглый булыжник.

Герцог вскинул голову, крикнул:

— Быстрее! Уже идет прямо на нас!

Воин бухнул булыжник в широкую ложку. Второй выждал пару секунд, резко взмахнул рукой. Герцог ударил по колышку. Освобожденная балка с огромной скоростью распрямилась. Я услышал треск, катапульта подпрыгнула, заходила ходуном, еще пяток таких выстрелов — и развалится, хотя и бьет балкой не в дерево, там широкими ремнями привязана толстая подушка.

Дракон несся, растопырив крылья, чуть-чуть подрагивал ими, корректируя полет. Горящие дикой злобой глаза смотрели прямо в меня. Я содрогнулся, нащупал молот.

Внезапно дракон дернулся, изогнулся, крылья захлопнулись.

пали беспорядочно, судорожно. Я успел увидеть, как тонкое горло раздулось, словно он заглотнул исполинское яйцо, но проглотить не сумел. Крылья колотили вразнобой, дракона занесло, он резко пошел вниз.

Я не видел, где он упал под стеной, но земля вздрогнула, донесся глухой удар. Сразу трое подростков притащили огромные валуны, еще двое принесли гранитную глыбу вдвоеем. Коренастый воин сутился, покрикивал.

Герцог сразу как будто помолодел, сказал в мою сторону со сдержанным ликованием:

— Ну как? Молодцы, ну, орлы!..

— Стрелки, — сказал я с огромным уважением. — Прямо в глотку! Это же надо так точно!.. Или просто повезло?

Но коренастый воин, слыша наши речи, отмахнулся с непосредственностью простолюдина, что не догадывается выжать из похвал материальную пользу. Глаза не отрывались от неба, где реяли драконы.

— При чем тут... Дракон — дурак, он хватает все, что летит мимо. Привык гусей ловить...

— Гусей? — спросил я. — Он ест гусей?

— Да, — подтвердил коренастый угрюмо. — Только за это их надо уже перебить, верно?.. Но вообще-то они хва-тают все, что летит мимо пасти. Даже если видят, что это горшок с кипящей смолой, все равно ухватят. Сказано, создания дьявола дурнее, чем создания Господа Бога!

Он засуетился, с двумя воинами начали разворачивать катапульту чуть в сторону. Оттуда неслись сразу три крупных дракона. Герцог молча пошел по стене дальше. Еще через десяток шагов нам преградил дорогу установленный на станине огромный лук. Двое крепких воинов с усилием крутили ворот, толстая дуга потрескивала, сгибалась. Третий, рыцарь, следил за небом. Белая накидка с огромным красным крестом на груди трепетала, будто в ужасе. Стрела, размером с рыцарское копье, послушно отодвигалась вслед за толстой тетивой из скрученных женских волос. Наконечник, на который пошло лезвие боевого рыцарского топора, медленно приближался к дуге.

— Готовься! — прокричал рыцарь. — Давай еще чуть... Еще... Стоп!

В синем небе с большой скоростью увеличивался красный дракон. Сперва с воробья, потом с ворону, а когда приблизился к башне, я содрогнулся: этот дракон крупнее самого огромного быка, красные кожистые, как у летучей мыши, крылья в размахе не меньше, чем метров сорок...

Глава 34

Глухой рев обрушился, как удар. Я присел, ухватился за выступы, чтобы не сдуло со стены во двор на камни. Над головой пахнуло горячим, словно вблизи взорвался бензобак. Я приподнял голову и снова спрятал, потрясенный: какой бензобак — взорвалась цистерна! В небе страшный кровавый ком багрового огня, вырываются оранжевые языки, сам по себе шар стремительно разбухает, а снизу вывалилось красное тело, распоротое в середине, как консервная банка, понеслось к земле.

Под ногами дрогнуло, докатился звук тяжелого удара. Стрелки ликующе орали, обнимались, один от избытка чувств бил тупым концом копья в каменный зубец. Кре стоносец вскинул руки к небу, затем смиренно сложил ладони и вознес молитву Господу за удачный выстрел.

Выстрел, как я понял, удачный на редкость: стрела попала в брюхо, да еще в такое место, откуда через раны вырвался огонь, расширил ее и буквально разорвал дракона пополам. Сейчас дракон еще ползет по ту сторону стены, за ним волочатся внутренности, он еще не понял, что мертв, потом передние лапы подломились, ткнулся мордой в землю, а задние лапы еще шли, до них не дошел сигнал затухающего мозга, у него свой мозг, спинной, наконец и они застыли. Чудовище тяжело завалилось набок, едва не придавив набегающих заргов.

Второй дракон ухватил брошенный в его сторону камень, хватанул сдуру, гордый, что поймал, булыжник был еще не на излете, ударил в глотку, вбил туда зубы и заткнул

пасть. Возможно, даже достал до мозгов. Дракон забил крыльями, задушенно вскрикнул, начал падать, в это время сверху на нас обрушился третий, самый огромный дракон.

Молот вылетел из моей руки почти незамеченным. Дракон распахнул пасть, огромную, как камин, это все надвигалось прямо, молот ударили в плоский лоб, я страшился, что срикошетит, но молот исчез в проломе, как будто я бросил его в болото, затянутое зеленой ряской. Через мгновение молот уже несся ко мне, разбрасывая, как бенгальское колесо, желто-зеленые брызги.

Дракон пошел вниз, ударился в стену прямо под нашими ногами. Стена вздрогнула, дракон сполз по ней, его когти царапали крепкие камни, обламывались. Снизу раздался крик ужаса, он всей массой обрушился на головы заргов, что уже приставляли к стенам длинные лестницы.

В небе то и дело появлялись эти красные крылатые чудовища. Катапульты выбрасывали камни, баллисты били исполинскими стрелами, я швырял и швырял молот, пока не разболелось плечо. Но и тогда, стоило посмотреть на измученные, но полные суровой решительности лица, я стискивал зубы и бросал снова.

Те драконы, что перелетели стену, старательно изрыгали огонь на дома, поджигали сараи, конюшни. Опустошив запасы огня, улетали, их старались сбить вдогонку. Несколько человек на стене падали и катались, стараясь затушить пламя. Заливать огонь помогали подростки и женщины, а мужчины стреляли из луков, отталкивали копьями и шестами приставные лестницы. Я слышал, как один ветеран прокричал одному молодому крепышу:

— Совсем дурак?.. Куда прешь от себя их лестницу? Пуп надорвешь!.. Да и шеста не хватит. Ты сталкивай в сторону, понял?.. Тогда их лестница, падая, и другие сбьет...

Два сбитых дракона ухитрились рухнуть на стену. Один свалился вовнутрь двора, а другой завис, как дохлая змея, лишив защитников возможности перебегать по стене. Один сумел перелезть через огромное тело с торчащим гребнем, заорал, гордясь подвигом.

Еще два дракона кружили в сторонке от крепости. Я видел круглые головы наездников, крохотные тельца, точь-вточь жокеи. Я крикнул герцогу, что иду к воротам. Пере-пачканный своей и чужой кровью, он только сделал рукой неопределенный жест, то ли разрешающий, то ли посылающий меня еще дальше самых дальних врат. Или посылающий совсем к другим воротам в другом месте.

От ворот неслись крик, треск, звон железа, тяжелые бу-хающие удары. Сами створки ворот поднять не успели, а наспех собранную баррикаду зарги разламывали с яростью, дикими криками, от которых стыла кровь. С этой стороны защитники кололи длинными копьями, стреляли из луков. Там кричали, я видел разинутые рты раненых, но за общим злобным воем и жутким грохотом их криков я не различил.

Огромная баррикада из перевернутых телег, бревен, повозок, бочек, каменных глыб вздрогнула, подалась в нашу сторону, рассыпалась. По ту сторону арки врат был багровый пылающий ад. Горела земля, горело небо, пахнуло таким жаром, что я невольно прикрылся рукой, смотрел через растопыренные пальцы.

С той стороны раздался тяжелый конский топот. В бу-шущем огне мелькали неясные фигуры, слышались крики, лязг металла. На черном, как ночь, огромном коне выехал всадник. Он был в черном плаще, капюшон скрывал лицо, левой рукой держал поводья, а правой вскинул меч и гулко захохотал. У меня кровь застыла в жилах. С огромного меча срывался огонь, словно он держал жарко пылающий факел.

— Да пошел ты... — выдавил я через силу. Эти волшебные слова придали сил, я нащупал молот, взял в руку. — Пугаешь, а мы сами пугательные...

Черный Вихрь вышел из тени, требовательно заржал. Я подбежал, взлетел в седло. Черный всадник подъехал к арке и... Его конь уже занес копыто, чтобы переступить то место, где были врата, но вдруг с этой стороны пролома возник, я не успел заметить, когда он подъехал, всадник на белом как снег коне. Он тоже был в плаще, только белом. Ка-

пюшон наброшен на голову, я видел помимо затылка еще плечи и широкую спину.

Левой рукой всадник держал повод, правой рывком сбросил с головы капюшон. Седые кудри лежат на плечах, всадник повелительным жестом вскинул руку ладонью вперед. Черный остановил коня. Некоторое время они смотрели друг на друга.

Я внезапно ощутил, что мир застыл, скосил глаза и увидел, что листок, который ветерок завертел передо мною, завис в воздухе. Он не двигался, словно в застывшем стекле, так застывают в янтаре насекомые.

Но я вспомнил, что на меня ни магия, ни другая чертовщина или святовщина не действует, тронул повод, и Черный Вихрь, то ли сам по себе, то ли под защитой моего иммунитета к магии, сдвинулся с места и стал заходить сбоку, давая мне возможность не шандахнуть белого всадника меж лопаток или меж ушей. Они неотрывно смотрели друг на друга, ломая один другого взглядами, волей, но я чувствовал, что оба заметили меня, оба не понимают, почему я не застыл, как все, не знают, что я за сила и на чьей стороне...

Я сказал громко:

— Давайте, отец Аврелий... тьфу, Августин!..

Черный всадник взревел:

— А это что за насекомое?

— Это твоя смерть, дурак, — отрезал я. — Если ты услышишь мое имя, то растечешься здесь грязной лужей от ужаса. Давайте, отец Августин, жмите!.. Я — ваша группа поддержки.

Белый всадник вскинул руку на головой. Он заговорил медленно и торжественно, обращаясь к черному исполину:

— Узри, несчастный! Видишь этот знак? Сердце Кернеля снова в его могучем теле. Теперь наша сила неодолима. Припади к стопам милосердной церкви... Когда-то ты был из нашего братства. Припади и покайся. Господь милостив, он простит...

Всадник гулко захохотал.

— Сила Кернеля!.. Дурак. Сила Кернеля — в людях, но

люди — дрянь, грязь, мокрицы. Пока что вы еще живете дурацкой мечтой построить царство божье на земле, потому еще сильны, но постепенно, по одному, потихоньку то один, то другой от вас убегает... Люди хотят жить, а не строить это светлое царство, где будут жить счастливо их внуки! Мы сейчас хотим жить счастливо, не понял? Мы сейчас жаждем жить без забот, без трудов, без обязанностей. Мы хотим жить свободно сейчас, а не когда-то! Тебе этого не понять, ничтожество. Ты связан сотнями обетов, десятками клятв, обязанностей, присяг, тебе и то нельзя, и другое — ни в коем случае. А мне... ха-ха!... мне теперь можно все!

Он заставил коня попятиться, но, прежде чем повернуть и раствориться в багровой ночи, крикнул победно:

— Это ты ко мне придешь!.. Приползешь!.. Ибо лучше синица в руке, чем журавль в небе...

С его исчезновением разом пропал и багровый отблеск. Отец Августин дрожал, он от слабости склонился к луке седла. Несколько воинов подхватили его, помогли слезть. Я с молотом в одной руке и мечом Арианта в другой ногами послал Черного Вихря по раздробленным воротам за пределы крепости.

Далеко на той стороне долины сотни и тысячи костров. Оттуда накатывается неумолчный гул голосов, конского ржания, могучие запахи сыра, мяса, конского пота, сырой-мятной кожи, нечистот. Дым от костров поднимается в полном безветрии прямыми тонкими струйками, но выше расплывается, сливается в единое сизое облако, что тонким блином висит в неподвижном воздухе.

За мной вышло с десяток воинов. На меня посматривали, как на лидера. Я перехватывал быстрые уважительные взгляды в сторону моего молота. Я осмотрелся, повесил молот на пояс, а потом бросил меч в ножны.

— Ворота не мешало бы поставить на место, — сказал я с высоты седла. — Теперь, похоже, их никакая сила не выбьет.

Один из воинов сказал несмело:

— Их уже трижды ломали... Поставим. А это правда, что у вас и меч... непростой? И конь... что у вас за конь?

— Почему непростой? — ответил я небрежно. — Стандарт. Все в комплекте: доспехи, браслеты, шлем, меч. Был такой парень — Ариант, слыхали?.. А конь... ну, конь — это другая история.

Они раскрыли рты, я улыбнулся и повернул коня обратно. Мелочь, а приятно: ночью здесь холоднее, чем у нас на Колыме в зимние вечера, а мне как-то без разницы. Доспехи разогрелись, как и браслеты, я чувствую себя обложенным горячими грелками, хожу с голыми руками, но это терпимо. Интересно, что доспехи ухитряются разогреться только с внутренней стороны, там вообще Ташкент, а снаружи палец примерзнет, если коснешься влажным.

Все еще улыбаясь, я пересек небольшой дворик. Черный Вихрь на ходу подхватил с земли булыжник, я услышал негромкий, но мощный треск.

— Вот и хорошо, — сказал я с облегчением. — Ты тут пока замори червячка... а я схожу на разведку.

Он и ухом не повел, дробил и жевал камень, а я нырнул в маленькую каменную тесную пристройку. Оттуда, как догадываюсь, можно выйти в людскую, где всякая там челядь, а у нее узнаю, дабы не тревожить сиятельного герцога, где мне прикорнуть остаток ночи, все-таки ноги подкашиваются...

Холодно блеснул в полумраке кинжал. Женщина стояла под стеной, за ее спиной темные глыбы выглядели хмуро и угрюмо. В коричневом платье, даже в сарафане, что открывал ей плечи и приоткрывал грудь, пышные коричневые волосы в беспорядке падали на спину. В полумраке мне показалось, что они достигают ей поясницы. Одна бретелька сползла с плеча, весьма эротично, но я смотрел на кинжал в руках женщины.

Она держала его обеими руками, лезвием вниз, и я ощущал по ее напряженному лицу, что она готовится вонзить кинжал в себя. Конечно, сердце чуть выше, но не у каждой хватит духу хладнокровно вонзить острие такого вот узкого кинжала себе в глаз, хотя это гарантирует мгновенную смерть, не каждая полоснет по горлу, там артерия, уже ни-

какой врач не спасет... Но даже такая рана в живот окажется смертельной, там, если мне не изменяет память, печень...

— Успокойся, — сказал я. — Приступ отбит. Теперь у Кернеля защиты побольше...

Она не опустила кинжал, глаза ее приидирчиво оглядели меня с головы до ног.

— Да? — спросила она саркастически. — А кто ты?

— Друг, — ответил я.

— Друг? — переспросила она с сомнением. — Я тебя не знаю.

Я постарался улыбнуться.

— Ты всех мужчин знаешь?

— Не всех, но... такие, как ты, заметные...

Она убрала кинжал, на меня смотрела все еще недоверчиво, но в темных, как омыты, глазах промелькнуло участие. Я невесело усмехнулся.

— И что тебя вдруг убедило?

Она сказала тихо:

— Страдание в твоих глазах. Те, которые стараются взять нашу крепость штурмом, смотрят иначе. Со злостью, с яростью, гневом, раздражением, высокомерно... но никогда у них нет в глазах ни боли, ни жалости. Что за боль у тебя?

— Боль, — повторил я, — просто боль во мне.

Я пощупал левую сторону груди, там в самом деле тяжелая тянувшая боль, словно что-то отрывается от сердца.

— Но кто ты? — спросила она. — Ты... странный. Ты... рыцарь? Но почему такие странные доспехи? И молот на поясе...

— Я тот, — ответил я, — кто на рассвете покинет Кернель.

В зареве заката зубчатые стены крепости, массивные башни, даже центральный замок почти неотличимы от таких же скал из красного гранита, расщепленных гор, изрезанных трещинами, в наплывах, словно исполинские каменные деревья, в выступах и карнизах, слишком искусно расположенных, чтобы признать их естественными... в то

же время я понимал, что нет таких сил, чтобы обтесывать целые горы.

Потом небо стало багровым, но странным, непривычно закатным, с темными, медленно ползущими облаками по красному полотну. Небо обрело вид озера, заполненного кровью, куда бросили гигантский камень. Я отчетливо видел гигантские кольца, что медленно расходились в разные стороны. И если обычные озерные волны гладкие, как сытые змеи, то здесь кольца лохматые, с драными краями, все-таки из темных туч, но все же кольца, и у меня от необъяснимости сжало сердце, стало холодно.

Крепостная стена отсюда кажется гигантской пилой зубьями кверху. Башни все до единой остроконечные, без привычных плоских вершин, откуда хорошо осматривать окрестности, где удобно расположить лучников... Хотя нет, вот там вверху ободок, а если правильно оценить масштаб, то понятно, оттуда как раз можно и наблюдать, и безнаказанно сыпать стрелами.

Но зачем такие острые шпили... Как будто это громоотводы. Или, напротив, накопители энергии грозовых туч. Правда, острые шпили могут быть и затем, чтобы драконы не смогли сесть. А пролетающим низко в ночи разом распорют брюхо. Если только у драконов нет сонаров, как у летучих мышей. Какой-то же пытался нас достать над болотом в ночи, а на такой скорости летать в темноте над лесом самоубийственно...

Из-за двери раздался ужасный крик. Я остановился, кровь застыла в жилах. Крик в самом деле нечеловеческий... нет, хуже, чем нечеловеческий, хуже, чем звериный. Кричал человек, но человек-зверь... и даже хуже, чем человек-зверь, я узнал по голосу женщину.

Кровь ударила в голову. Я схватил молот, он вырвался из моей ладони, как пушечное ядро. Дверь разлетелась вдребезги. Я ворвался в пролом, на ходу выдергивая меч.

Это было тесное каменное помещение, на полу расстелена солома, в углу целый сноп, прикрытый старым цветным одеялом. Прямо передо мной обнаженная женщина

бесновалась, прикованная к стене по рукам и ногам. Распятая, но не жестко, она могла сводить руки к груди, однако ногам свободы меньше, разве что передвинуть на длину ступни. Сейчас она рвалаась, кричала, визжала, лицо перекошено бешенством.

Перед нею стоял худой монах с широкой чашкой в руках. При страшном грохоте разбитой двери он в испуге выронил чашку, подпрыгнул, обернулся. У ног его разливалась похлебка из постной, но пахучей говядины.

Но я не замечал его, смотрел на женщину, похолодев до кончиков ногтей. У нее прекрасное тело, вообще у этих вампиров тела превосходные, им не приходится переваривать грубую пищу, и жизни в них больше, с этой тварью я уж точно проиграю схватку врукопашную, цепи едва-едва держат...

Ее взгляд скользнул по мне, она издала еще пару страшных воплей, потом сообразила, что в дверях кто-то стоит, повернула ко мне голову и страшно оскалила рот:

— Мясо... Живое мясо...

Кровь моя, и без того застывшая, обратилась в лед. У нее прекрасные белые ровные зубы, но и по два длинных острых клыка в каждой челюсти. У меня тоже клыки, но у меня так,rudимент, а при взгляде на ее орудия убийства так не скажешь...

Ее можно было бы назвать красивой, если бы не ужасное выражение лица. На обеих грудях четко выделялись изображения летучих мышей с распростертыми крыльями.

— Господи, — проговорил я трясущимися губами, руки мои дернулись кверху, я ощущил сильнейший импульс перекреститься, с трудом удержался от этого рабского жеста. — Это кто?

Монах сказал суро:

— Ведьма.

— Я вижу...

— Ты зачем... — начал он обрекающим голосом, но взглянул на меня, мои доспехи, сменил тон: — а, ты тот рыцарь, что привез израненного друга и Сердце Кернеля!.. Значит, ты не знаешь, что мы делаем здесь...

— Теперь знаю, — буркнул я. Меня тряслось, зубы стучали. — Психушка... А я думал, лobotомией занимается...

— Психушка? — повторил он незнакомое слово. — Лobotомия?.. Я не знаю, что это значит в ваших странах. Но здесь мы стараемся лечить эти заблудшие души, а если не удается, то их ждет очищающий костер. В человеке нет ничего, кроме души, все остальное — тлен, прах, не стоит даже взгляда...

— Да, — согласился я. — Конечно, конечно. А откуда... она?

— Говорят, была захвачена, когда зарги шли на приступ.

Я оглянулся на обломки дерева, что усеяли тесную камеру. Из каменных плит торчали изогнутые металлические штыри.

— Похоже, я дурака свалял...

Он вздрогнул, зябко повел плечами.

— Твои действия благородны, ибо ты решил, что здесь истязают человека... И ты бросился спасать, даже понимая, что тебе не совладать со всей силой Кернеля. Ты этого не думал... ты вообще не думал, но ты верил. Посему, я уверен, отец настоятель тебя простит, но я бы... прости меня Господи, грешного!.. все-таки набил бы тебе морду!

Я попятился, развел руками, повернулся и поспешно выбежал из подвала.

Спал плохо, хотя, как видел уже сам, нахожусь в обители святости. Да и снились сперва только рыцари-монахи, драконы, лишь во второй половине я ощутил нежность, покой, ласку, обернулся — Лавиния опускается с облаков чистая, лучистая, наполненная светом.

Я во мгновение ока оказался у ее ног. Слезы брызнули из моих глаз, я приник к ней, упивался счастьем, покоем, блаженством. Проснулся, морда мокрая, все еще всхлипываю, но в груди только сладкий щем и тихая радость.

— Уже сегодня, — сказал я вслух. — Черный Вихрь... Ты не пожрал коней в соседних стойлах?

Тело вздрогивало, как будто энергии набрало больше, чем требовалось. Выплескивается через поры, просит.

вспрыгнуть на коня, шашки наголо на белых или красных, какая хрен разница, главное — враги, не то хотят и не так думают, не то поют, не то танцуют...

За стенами здания слышался рокот, подобный морским волнам. Я вскочил с ложа и бодро двинулся к окну. Вздрогнул: вся площадь занята людьми в железе. Выдавливаются через настежь раскрытые врата, там простор, там развернулись тысячи конных мужчин в железе с головы до ног, у всех трепещут на легком утреннем ветерке белые плащи с огромными красными крестами.

Донесся чистый звук труб. Я вздрогнул, по коже побежали мурашки. Тысячи суровых мужских голосов запели что-то на латыни, из которой я понял только «...лаудетор Езус Кристос» и «кирие элейсон!» В мое оцепенелое тело внезапно вошла новая сила. Я ощутил в себе неистовую готовность драться, проливать кровь и даже принять смерть, если понадобится. Это, конечно, глупо, но сердце стучит громче и громче, мой конь сейчас бы нетерпеливо протискивался в передние ряды войска, а я даже не сообразил бы, что это я его направил туда...

Все войско подхватило гимн. Земля дрожала от гула голосов, в них чувствовалась победная мощь, она вливалась в меня, вливалась во всех, я видел восторженные лица, блестящие глаза, слезы умиления, видел, как яростно сжимаются пальцы на древках копий и рукоятях мечей.

Донесся могучий голос герцога Веллингберга:

— Шагом!

Щетина копий разом колыхнулась, сдвинулась. Масса рыцарей, наемного войска и простого люда потекла, как грозное половодье на вражеский лагерь, где в спешке гасили костры и тоже выстраивали боевые порядки.

Я плеснул холодной воды в лицо, обожгла, зараза, волдыри пойдут, а я, дурак, думал, что ниже нуля не бывает, негнущимся от холода пальцем почистил зубы. Одежду никто не упер, как и доспехи, здесь же паладины, все честные и правильные, но едва я соединил на себе железные скорлупки доспехов, от них пошел уверенный сухой жар, рас-

текся по телу, и я сразу стал смотреть соколом, выпрямился, выдвинул нижнюю челюсть и вообще расслабился. А потом вспомнил, где я, подтянулся. В смысле подтянул живот, выпятил грудь, до хруста развел плечи и приготовился на все смотреть только по-доброму и очень правильно. То есть хорошему человеку отеческая улыбка и благословение, а недоброго сразу мечом от макушки и до задницы. Никаких тебе судов и юриспруденции, никакого крючкотворства, все на революционном чутье и сознательности.

На улице не встретил ни одного человека. В правильном обществе дети помогают родителям, а взрослые, по-нятно, сокрушив лагерь нечисти, с благословения Божьего грабят его во славу милостивого Христа.

На той стороне площади строгое здание, на вывеске вздыбленный лев. Как ни присматривался на ходу, ну никакого сходства со змеей, обвивающей чашу, но Гендельсона, помню, внесли именно сюда. Я постучал, выждал, постучал еще. Дверь отворилась без скрипа, на широких петлях блестят капли масла. Узкий, плохо освещенный коридор, один-единственный факел едва тлеет, на экономическом режиме, здесь знают основы эргономики. Я вытащил факел из подставки, шаги в пустом коридоре отскакивают от стены неестественно громко и с непонятным запозданием.

В дверь, что в конце коридора, постучал и, не дожидаясь ответа, толкнул. Открылась комната, тоже пустая, от чего у меня тревога поднялась до ушей и начала засыпать мозг паническими мыслями. Странное помещение... Если в покоях Шарлегайла самым главным зал для пиршеств, у Шартрезы — спальня, то здесь самое удивительное, что я увидел с момента появления в этом мире, — огромная библиотека, собрание десятков... нет, сотен толстых книг в кожаных переплетах! Десяток даже в медных, на одной обложку скрепляет цепочка с миниатюрным замочком. Странное помещение для врача...

Я поколебался, но рука с факелом затекла настолько, что поискать глазами, куда воткнуть, не нашел, но зато обнаружил светильник. Пламя от моего факела быстро вос-

пламенило фитиль, свет озарил комнату более слабый, зато ровный, устойчивый, без прыгающих со стены на стену огромных угольно-черных теней, от которых душа уходит в пятки, а сердце превращается в ледышку.

Всю середину комнаты занимает заваленный книгами и старинными медными пластинками огромный стол. За ним бы пировать двенадцати рыцарям короля Артура, такой же массивный, круглый, на толстых дубовых ножках, но я чувствовал, что на нем никогда ничего не было, кроме вот этих книг, глиняных и медных пластинок со старинными письменами.

Двигаясь на цыпочках, я обогнул стол, теперь руки свободны, факел загасил и оставил в широком медном тазе, можно хвататься за молот и за меч разом. Дверь обнаружилась между двумя книжными шкафами. Я толкнул ее и сразу очутился в комнатке поменьше, но уютной, такой же заваленной книгами, фолиантами, свитками.

Здесь полыхает огонь в камине, а боком к нему в очень удобном кресле, вплотную придвинутом к столу, так что, если вздумает встать, придется отодвигать, устроился человек в черной сутане. Капюшон свободно на плечах, открывая львиную седую голову очень старого, все видавшего, все испытавшего, но не растерявшего львиного достоинства, гордости.

Он не видел меня, на столе перед ним — толстенная развернутая книга на специальной дощатой подставке, чтобы строго перпендикулярно глазам, рядом целая стопка этих толстенных фолиантов, все в коже, бронзе, меди, даже себре.

Если справа от кресла жарко полыхает камин, то слева от кресла круглый столик, на нем широкий медный поднос с ломтями сыра, хлеба, хорошо поджаренными сухариками. Священник смотрит в книгу, а левая рука неспешно опускается к подносу, пальцы вслепую шарят, нащупывают сухарик и так же неспешно, замедленным движением отправляют в рот. Судя по хрусту, у священника с зубами в

порядке, не сосет, как леденцы, жрет с жутким хрустом, со смаком, глаза же не отрываются от книги.

Свет падает из стрельчатого окна, там цветные стекла, ярко-синие и ярко-красные, как я и ожидал, ведь Средневековые же, но солнечные лучи на книгу падают почему-то оранжевые, обычный солнечный свет.

Глава 35

Я сделал шаг в комнату, священник уловил движение, взгляд был очень быстрый, цепко охвативший мою громадную фигуру, необычные доспехи, меч за спиной и молот на пояске.

— Здравствуйте, — сказал я с поклоном. — Простите, что вторгаюсь вот так, но я никого не встретил по дороге... Меня зовут Ричард...

— ...Длинные Руки, — прервал он. — Слышал. О прибытии двух героев слышали все в Кернеле. Отцу-настоятелю ночью было видение, что если утром напасть на лагерь, то заргов ждет полное истребление. Ну, тех, кто не успеет бежать. Войско спешно выступило, а люд ринулся следом, чтобы разграбить лагерь...

Я с облегчением перевел дух.

— Уф-ф... а меня уже трясло! Что только не передумал...

Он засмеялся, показал большие зубы, желтые, но наверняка крепкие, как слоновьи бивни.

— По вам не скажешь...

— Что?

— Что трясло. Давно не видел такую стать. Паладин?

Я оглядел себя.

— Да вроде нет. Не чую в себе святости. А вот мой напарник, сэр Гендельсон... Я видел, что его вносили в этот дом...

Священник махнул рукой.

— Там дальше еще одна комнатка. С ним лекарь. Это я забрел сюда, чтобы поддержать их... да заодно и порыться в его книгах. Надо сказать, библиотеку он собрал немалую.

Что дивно, здесь от старых времен сохранилось намного меньше, чем в южных землях.

Он поднялся, положил закладку в книгу и тщательно закрыл ее, а потом еще и запер на изящный замочек. Заметив мое недоумение, пояснил:

— Не знаю, как в ваших землях, но у нас еще не вывелись дафы...

— Дафы? — переспросил я.

— Да... Может быть, у вас их знают под полным именем, как Элиэзер Сан А-Дапим?.. Но язык сломаешь, а у нас их много, зовем просто дафами. Мелкие, но зловредные твари!.. Если вот так оставить книгу открытой, то даф подкрадывается, прочитывает тоже. И — все, в памяти ничего из прочитанного. Приходится читать заново.

— А на замочек зачем?

— Появились дафы, что умеют стирать не только в памяти, но и в книгах. Зло разнообразно, дорогой рыцарь. И все время выплескивает из своих черных бездн новые исчадия...

— В северных, — пробормотал я, — о дафах и не слыхивали... Да откуда дафы, если книг нет? Нет человека — нет проблемы, нет книг — нет связанных с ними проблем... У нас в Зорре, например, жизнь куда проще и... наверное, безгрешнее. Как Гендельсон?

Священник помолчал, сказал строго:

— Сейчас все в руках Господа. У твоего друга жар, он бредит, никого не узнает. Только называет имя женщины... Я забыл ее имя.

— Леди Лавиния, — сказал я сдавленно.

Глаза его обшаривали мое лицо.

— Да, кажется, именно это имя. Это его дама сердца?

— Жена, — прошептал я.

Он перекрестился.

— Да благословлен будь муж, что даже в таких адских муках помнит о жене, а не о... ведь и прославленные паладины иной раз в видениях, насыщаемых дьяволом...

Он умолк, я сказал поспешно:

— Сэр Гендельсон не таков. Он... очень правильный.

— Это дает ему силы бороться, — сказал священник и снова перекрестился. — У него есть из-за чего стоит жить.

— Что-то ему нужно? — спросил я без всякой надежды. — Я имею в виду лекаря?

Священник покачал головой.

— Ничего такого, что вы, сэр Ричард, могли бы дать. Уж извините, но не всегда сила рук...

— Да? — сказал я горько. — Вот уж не думал...

Он не понял, в чем соль, да я и сам не понял, только вяло махнул ему и прошел в последнюю комнату. Там воздух горячий, полыхают два камина, Гендельсон на просторном ложе голый, блестящий от толстого слоя мазей. Правая рука, укороченная по локоть, привязана к телу, дабы не разбередил рану. Лицо выглядит страшно: правая половина красная, во вздувшихся волдырях, наполненных мутной жидкостью, брови сожжены, а над пустой глазницей жутко белеет кость надбровной дуги.

Лекарь обернулся на звук моих шагов, я бы принял его за гору лебяжьего пуха. Я молча поклонился, он предостерегающе приложил палец к губам. Гендельсон явно только что заснул, дышит часто, с хрипами, в груди клокочет, лекарь то и дело выбирает с губ кровавую пену. Гендельсон жутко исхудал, весь жир и все сало истаяло, ушло в топку организма, сейчас это просто крепкий и широкий в кости мужчина, из тех, которым трудно не толстеть, вся их природа такова, что тянет набрать добавочный вес, в то время как другую глиству чем ни корми, все равно за древком от знамени может спрятаться и покакать незамеченно.

Я кивнул, выставил руки, что, мол, все понимаю, удаляюсь. Отступил, неслышно прикрыл за собой дверь. Священник со спины спросил негромко:

— Что-то изменилось?

Я кивнул.

— Спит.

— Слава те Господи, — сказал он и перекрестился. — Это хороший знак.

Я вспомнил кровавую пену на губах Гендельсона, обезображенное лицо, черная тоска сжала сердце.

— Да, — сказал я тихо. — Да. Это хороший знак.

Комната двигалась, в груди была боль, там жгло, будто насыпали перца. Как сквозь шум реки на перекате, я услышал за спиной сочувствующий голос:

— Там напротив через улицу есть дом... Молот и наковальня на эмблеме. Зайди, там могут облегчить тебе душу.

— Я не нуждаюсь в исповеди, — ответил я, не оборачиваясь.

— Кто говорит про исповедь между молотом и наковальней?

Над входом в дом в самом деле жестяной щит с молотом и наковальней. Без особого любопытства, все еще с тяжестью в душе, я толкнул дверь, снова никто не спросил: «Хто там?», не отворил, а створка подалась, я вошел, огляделся в просторной прихожей. Каменная лесенка ведет по спирали наверх. В воздухе легкий аромат трав, корешков, словно я от одного лекаря пришел к другому.

Я поднимался медленно, сверху явно проникают солнечные лучи, освещают отраженным светом ступени, хмурые стены из толстых гранитных блоков. Лестница вела все выше и выше, но на высоте примерно третьего этажа я увидел гостеприимно приоткрытую дверь.

Заглянул, сразу увидел богато уставленную всяким диковинным хламом комнату и крупного человека, которого сразу назвал для себя магом. Маг был великолепен, я сразу ощутил к нему глубочайшую симпатию. В свое время он был наверняка лихим рубакой, веселым и бесшабашным, и сейчас что-то осталось в его крупном лице с навеки въевшимся загаром, с огрубевшей от ветра и солнца кожей. Даже лихо вздернутые закрученные усы, снежно-белые, пушистые, намекали на прошлую беспутную жизнь, даже пышная длинная борода не могла придать абсолютную благопристойность.

Он сидел за столом, перед ним книга размером с чемодан, седые волосы выбиваются из-под лилового остроко-

нечного колпака, кустистые седые брови нахмурены, голубые глаза медленно переходят от значка к значку. На столе слева человеческий череп, обязательный атрибут мудреца, мол, *memento mori*, и все будет о'кей, но на блестящем куполе черепа приклеена легкомысленная свеча, весьма удобный подсвечник, кто спорит, справа еще одна свеча, неимоверно толстая, давно потерявшая форму, вся в причудливых наплывах, уже по ним только можно предсказывать судьбу королевств, падеж скота, нашествие саранчи, падение курса доллара и цену на нефть.

Еще на столе масса всяких вещей, всевозможных амулетов, крохотных колбочек, медных кувшинчиков, изделий и даже статуэток — все это маг явно сдвинул в кучу, чтобы освободить место для книги. Чуть в сторонке массивная четырехугольная чернильница, куда воткнуто длиннущее перо странной птицы. А по комнате над головой мага перемещается золотистое облачко, где то рассыпались искры, то возникали причудливые очертания драконов, замков, доспехов, дивных зверей, невиданных конструкций...

Даже три плотно завешанных окна на той стороне стены не портили уюта и обжитости. Наоборот, комната становилась отгороженной от всего огромного белого света уютным маленьким мирком.

Я тихонько прикрыл дверь, постучал, выждал чуть, давая магу принять более величественную позу, поклонился:

— Простите за вторжение... Меня направил священник из дома напротив... Только сейчас сообразил, что даже не знаю его имени. Мы так коротко поговорили...

Маг сделал приветственный жест рукой, толстой и жилистой, явно знакомой с рукоятью меча или топора.

— Пустое, мой юный друг, пустое! Пустое... Что пьете?

Я снова поклонился, сказал с вежливым удивлением:

— Простите, лучше я пока воздержусь. У меня и так челюсть соскребывает пыль с половиц... Я слышал, что здесь особенно ревностные защитники Христова. Самые неистовые, пуританствующие.

Он кивнул:

— Думаю, вам, сэр рыцарь, сказали верно.

— Меня зовут Ричард Длинные Руки, — представился я. — Я здесь новенький.

— Астальф Многомудрый, — ответил он. — Что вам не понятно, сэр Ричард? Садитесь, если найдете место. Не найдете — освободите, только очень осторожно.

Я осмотрелся, присел на краешек крышки могучего сундука.

— Но, — сказал я в нерешительности, — вера в Христа и... магия? Я полагал, что все это объявлено дьявольским наущением.

Он посмотрел очень внимательно, словно хотел прощать, что у меня внутри, тонко улыбнулся, сказал со значением:

— Вы абсолютно правы, сэр Ричард. Магия — от дьявола. Но я не маг, я — алхимик.

— А, — сказал я, — тогда все понятно.

Некоторое время мы смотрели, приятно улыбаясь, друг на друга. Я спросил:

— Добываете философский камень, эликсир жизни, превращаете свинец в золото, летаете ночью на метле, превращаетесь в волков, птиц и жаб...

Он сказал, все так же улыбаясь:

— Юноша, раньше это делали нечестивые маги, теперь — благочестивые сыны церкви, занявшиеся изучением мира, который для нас сотворил Господь.

— Все правильно, — согласился я. — Знания пропадать не должны. Но...

Я поперхнулся, не поверил глазам: на раскрытую книгу к магу спланировал, широко раскинув крыльшки, настоящий дракон! Крылья как у летучей мыши, только поменьше и почти прозрачные, цвета растопленного золота, сам весь золотой, оскаленная пасть игрушечного крокодильчика, шипастый гребень от затылка и до кончика длинного, как у ящерицы, хвоста, весь в оранжевых чешуйках, что блестят и переливаются...

— Что, — сказал маг, ныне алхимик, с легкой насмешкой, — похоже, вы, сэр Ричард, таких не видели?

— Даже не думал, — признался я, — что такие существуют!

— Сюда залетают редко, — сказал Астальф. — У нас им холодно. А на юге, говорят, носятся стаями. Этого я приручили, он живет у меня. Дурной, правда, ничего не понимает, сам по себе... Но как проголодается, уже знает, где его, жабенка поганого, покормят...

Он протянул палец и тихонько поскреб дракончика там, где у собаки ухо. Дракончик настороженно смотрел на меня большим немигающим глазом. Я не двигался, хотя хотелось схватить его в ладони и рассмотреть получше.

Астальф изучал меня тем же внимательным взором.

— Ну как? Колдовство?

— Гм, — согласился я с заминкой, не высказывать же предположения о генетических экспериментах. У нас без всякой генетики такие породы собак навыводили, что и на собак не похожи: одни в бокале помещаются, другие ростом с пони. — Но это безобидное колдовство...

— Безобидного быть не может, — возразил Астальф наставительно. — Все, что не от Бога, — от дьявола!

— Но человек-то от Бога, — предположил я.

Он неожиданно усмехнулся.

— Верно мыслите, юноша. Может быть, вам лучше бы в ма... в смысле в алхимики? Ведь найти философский камень — это, уж простите за неслыханную дерзость, все же выше, чем завоевать королевство. Как это ни кощунственно звучит для вас.

— Не кощунственно, — ответил я. — Совсем нет. Я полагаю, что нельзя такую красоту отдавать колдовству. Идеологически неверно.

Он наблюдал за мной изучающе. В глубине глаз блеснуло.

— Верно мыслите, юноша... Даже как-то странно верно. Но грубовато. Нет у вас изящества облекать голую истину в сверкающие одежды пышных слов...

Он уже давно не скреб дракончика, тот распахнул крылья — чистое сверкающее золото! — и перелетел ко мне на

колено. Я замер, чтобы не спугнуть, но он посмотрел на меня глазом-бусинкой и требовательно вытянул шею. Я не понял, в чем дело, но он так томно закрывал глаза, что я на всякий случай почесал его под подбородком. Дракончик засопел и выгнул шею круче. Я почесал еще, он почти хрюкал от счастья, топтался на моей ноге, больно вгоняя в толстую ткань мелкие, но острые коготки.

Астальф сказал с непонятным оттенком:

- Теперь вы попались...
- Что, не отстанет?
- Да. Но как вы догадались?
- Все звери и люди, — сказал я, — любят, когда их чешут.

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— А вы?

— О, — сказал я, — я еще тот зверь!.. Люблю, когда чешут в обоих смыслах. И женские руки, и менестрели говорят о моих славных подвигах, и король так это снисходительно похлопывает по плечу.

— Снисходительно? — переспросил он.

— Да, — ответил я. — Как любимую собаку. Ласково так это треплет и говорит что-то хорошее. Неважно что, мне хорошо от его королевского голоса. Так и жаждется ради короля куда-то бежать и кого-то рубить и колоть!

Он усмехнулся:

— Да, мне это знакомо. Но странно такое слышать от такого... юного.

— Я юн годами, — ответил я, — но стар душой.

Его седые брови приподнялись, глаза всматривались удивленно.

— Как это?

— Я старался впитывать не только приемы владения мечом, — объяснил я. — В моих краях модно было знать много.

Он помолчал, сказал нерешительно:

— Вы мне нравитесь, юноша. Если бы остались у меня, я бы смог вам раскрыть многие тайны. Научить многим премудростям.

— Увы, — ответил я с великим сожалением, но и тайной радостью. — Мне надо в Зорр.

Он вылез из-за стола, огромный, широкий, массивный, все еще крепкий, как старый дуб, что стоит красиво и величественно до последнего часа.

— Подойди вот к этому окну, юноша, — сказал он.

Я быстро осмотрелся. Дверей больше нет, это последняя из комнат, зато в стене три окна, две обычные и привычные бойницы, железные прутья не позволят влезть даже крылатой собаке, а третье окно тщательно завешено плотной тканью. Над окном торчит грубо вбитый железный прут, или вмуренный, не вбитый, на пруте тяжелый зимний плащ, полностью закрывая окно.

— Можно взглянуть? — спросил я.

— Вы удивительно догадливы, — ответил Астальф.

Я снял плащ, тяжелый, как доспехи, покрутился, выискивая место, опустил на тот же сундук. Затем взялся за покрывало... руки мои дрогнули. Из широкого просторного окна хлынул оранжевый медовый свет. Даже запахло пчелиным воском, медом, травами. Окно занимает, как мне почудилось, едва ли не треть стены. Я настолько привык к узким окнам-бойницам, что сейчас ошелел, застыл. Окно даже огромнее, чем в моей прошлой квартире, вдвое большее, к тому же без рамы, без...

Я осторожно приблизился, вытянул руку. Ощущение было странным, на самые кончики пахнуло свежестью, словно брызнули спиртом или эфиром, что тут же испарился. Стекла не оказалось, да и откуда здесь стекло, но пальцы ощутили сопротивление, словно я в самом деле трогаю странное гибкое стекло, что слегка поддается под моими пальцами, но тут же старается вежливо вернуть их на место, как порядочная леди, не давая мужским рукам скользнуть ниже талии...

По ту сторону окна не дальние горы, как я ожидал, а почти такая же комната. В самой середине длинный стол, похожий на рабочий стол на большой кухне для разделки рыбы, — добротный, на шести толстых дубовых ногах. Три

толстых-претолстых книги в стопке. Четвертая закрыта, но из нее торчит шелковая закладка. Листы желтые, изъеденные, со следами капель воска. Три толстые свечи в массивных медных подсвечниках, больше похожих на пепельницы, человеческий череп... только крупноват, такие люди не бывают.

Я ощутил холодок вдоль спины. Череп смотрел на меня пустыми глазницами, но я чувствовал его взгляд, полный нечеловеческой злобы. Не муляж, настоящий череп. На дальней от меня стене окно, точно такое же, как это, а за ним во всю ширь — синий мир гор, синего воздуха, синих облаков. Даже солнце проглядывает через странные облака — голубоватое, будто подсвеченное цветными прожекторами. Я стоял в шаге от окна, руку же опустил, но придвигнуться ближе страшился.

— Что это? — спросил я тихо.

Астальф ответил уклончиво:

— Я думаю, что Господь в своей неизреченной милости показывает нам, грешным, что есть еще дивные страны... Но раз уж вы не хватаетесь за крест, не шепчете молитвы и не осеняете себя крестным знамением... а заодно и меня, и все здесь, то добавлю, что сие есть тайна, которую силюсь разгадать.

— Ибо она сделана людьми, — сказал я так же тихо. — Смею добавить, что для тех людей это не было тайной. И даже подвигом. Это было обычным и привычным делом...

Он слушал меня внимательно. Поймав мой взгляд, кивнул, молча указал на два завешенных зеркала. Я спросил почтительно:

— Кто-то умер?

Он в удивлении вскинул брови.

— Почему так решили?

— Ну, когда кто-то умирает, в доме останавливают часы и завешивают зеркала...

— Странный обычай, — сказал он озадаченно. — Интересно, с чем он связан...

— Не представляю, — ответил я.

— Это в вашей стране?

— Увы, да, — ответил я. — А у вас завешивание зеркал...

— Откройте, — посоветовал он мрачно, мне почудился оттенок угрозы, — поймете...

Я очень осторожно, мало ли что там может вылететь, еще укусит, начал открывать зеркало. Оно выглядело как окно, затянутое прозрачной пленкой из бычьего пузьря. Через это окно я увидел просторную, такую же захламленную комнату, как и здесь. И человек там сидел вполоборота к нам, чем-то похож на этого мага-алхимика. Он сидел прямо на полу, рядом с огромным сундуком. Крышка сундука откинута, а человек — толстый, похожий на Деда Мороза, с такой же роскошной седой бородицей, длинной и в крупных кольцах, — держал в руках нечто, похожее на фотоаппарат, рассматривал, близоруко щурясь. На голове колпак с кисточкой, но только желтый колпак, не ярко-красный, как я подсознательно ждал, старческие глаза внимательно всматриваются в непонятную штуковину.

Сундук не просто полон, диковинки вываливаются через края, несколько штук на полу, остальные горкой, опираясь на откинутую крышку. На самой внутренней стороне крышки яркими красками намалеван атлас, такие я сам видел в учебниках истории, где изображались старинные мореплаватели.

Из сундука высовываются старинные подзорные трубы, медные чаши, волчки, ручки от зонтиков, затейливо вырезанные солонки, куски странной ткани...

— Это вы так переговариваетесь с коллегой? — спросил я.

Он не стал спрашивать, что такое «коллега», ответил хмуро:

— Он не видит меня. Но я зрю это помещение всякий раз, словно там из стены смотрит недремлющее око этого зеркала. Да-да, оно никогда не дремлет! Бывало, что я наблюдал сутками. И всегда видел эту комнату.

— А этот маг... то есть, алхимик тоже?

— Приходит не чаще чем раз в неделю, — ответил Астальф. — Сегодня вам просто повезло... Однако, скажу вам, хотя я не представляю, где находится эта комната, но могу сказать, что человек там весьма невежественный.

— Почему?

— Понаблюдайте, — предложил Астальф. — Этот маг, как вы говорите, абсолютно не представляет, на что наткнулся. Честно говоря, так же вел бы себя и я... Не знаю, как долго.

Если бы ты наткнулся, подумал я мрачно, на цифровой фотоаппарат или электрические часы, ты бы всю жизнь возился с их разгадкой. И не приблизился бы ни на шаг.

— Он нас не видит?

— Нет, — ответил Астальф несчастливо. — О, если бы видел...

Еще бы, подумал я. Вы бы такую систему коммуникаций знаками установили бы. К тому же могли бы писать и показывать друг другу куски текста.

— Возможно, — сказал я, — здесь когда-то и была полноценная система связи между магами. Теми, старыми. Теперь все потеряно. Уцелел лишь этот фрагмент... А жаль...

Он быстро взглянул в мое помрачневшее лицо.

— Жаль? Вы меня удивляете.

— Чем?

— У вас такой длинный меч, такая мужественная стать...

Я отмахнулся:

— Понятно, сила — уму могила. Сила есть — ума не надо. Это я все слышал. В свое оправдание могу сказать лишь, что в моей стране я как раз хиляк. А это значит, что я больше пользовался мозгами.

В его живых глазах было несказанное удивление.

— Мне страшно представить ваших силачей... Хорошо, тогда взгляните на последнее зеркало. Я его никому не показываю. И вам не собирался показывать...

— Благодарю за доверие.

Из зеркала шел чистый голубовато-зеленый свет. Мо-

лодая женщина лежала на берегу у самой кромки озера. Вода показалась странно неподвижной, словно застывшее голубоватое стекло. Женщина с задумчиво-рассеянным видом медленно двигала тонкими артистичными пальцами по этой воде, мне показалось, что кончики пальцев скользят, будто по льду. В двух шагах воздух странно вибрировал, я присмотрелся, дыхание сперло.

Изумительно-прекрасные прозрачные здания возникали на кратчайшие промежутки времени, исчезали, тут же сменяясь другими, иногда изображения взаимно проникали одно в другое, возникали причудливые дворцы с башенками, минаретами, длинными переходами, широкими куполами...

Она взглянула в мою сторону, пальцы замерли, и над гладью озера застыло прозрачное, словно из чистейшего льда, изображение дивного замка, где стены будто из рыцарской сказки, дворцы и башни из легенд о Гарун аль-Рашиде, а орнамент на ближайшей стене напомнил задники в «Псковитянке» в Большом театре...

— Мне кажется, — проговорил Астальф, — она иногда замечает нас. Но мы для нее слишком малые величины...

Женщина встретилась со мной взглядом, легкая улыбка тронула ее красиво очерченные губы. За моей спиной возбужденно ахнул Астальф:

— Она никогда прежде... никогда еще так!.. Скажите ей что-нибудь...

— Ну как там вода? — сказал я громко. — Холодная?

Гримаса легкого неудовольствия пробежала по ее лицу. Она посмотрела на меня с явной брезгливостью, отвернулась и все так же с ленивой грацией, но теперь я видел ее собранность и сосредоточенность, строила сказочные замки, города, башни...

Я опустил на зеркало покрывало. Сердце колотилось, слишком многое выпало на его долю за последние дни.

Астальф обернулся, застыл. Я тоже старался не двигаться. На столе, там, где большая медная чаша, на ее жел-

том ободке сидел крохотный зеленый дракончик и воровато слизывал длинным языком мелкие капельки. Издали я принял его за кузнечика. Но это в самом деле оказался дракон, очень похожий на морского конька, с таким же длинным шипастым хвостом, хитиновыми крыльями. Коготки скользили, он пытался дотянуться до красной жидкости на дне чаши, но языка не хватало, а свалиться вниз было страшно.

Астальф прошептал:

— Вы принесли мне удачу... Такие ко мне еще не залетали!

— Не спутните, — посоветовал я.

Он тихонько отступил, не отрывая от дракончика взгляда. Рука его скользнула в широкий карман. Я смотрел то на дракончика, то на мага. Он протянул мне оранжевый камешек, размером со спичечный коробок. Сперва тот показался мне застывшим куском цветочного... даже липового меда, тот светлее, потом понял, что это янтарь. Повернулся, охнулся, едва не выронил на землю.

В янтаре просматривается крохотный человечек с крыльями, похожими на крылья бабочки. Я поворачивал драгоценный камешек во все стороны. В липкий сок попала несомненно женщина, совершенно нагая, крылья смотрятся естественно, почти прозрачные, окрашены в легкий голубоватый цвет. Прожилки выглядят темными линиями, женщина красиво изогнулась, явно в испуге, глаза распахнуты, рот открыт в крике, руки умоляюще простерты к кому-то незримому...

Катастрофа, подумал я смятенно. Волна накрыла внезапно, эта красотка не успела взлететь, спрятаться, а могла бы, в ней и сила, и мощь, и высокий разум. Разве что ее мир накрыло нечто такое, от чего не улетишь на таких крыльышках. Остальные сгорели вовсе, а вот она...

— Возьмите, — сказал Астальф. — Возможно, в нем даже есть какая-то магическая мощь, не знаю. Я отыскал его еще в молодости, на краю вулкана.

— Это ценный дар, — сказал я смятенно. — Я ничего не могу взамен...

— Вы принесли защиту Кернелю, — сказал Астальф. — Теперь я могу продолжать свои благочестивые изыскания, конечно же — во славу церкви... Идите же!

— Иду-иду, — ответил я. — Вы подкрадывайтесь к нему помедленнее! И колпак снимите, а то спутнете...

Глава 36

От Астальфа вышел с сумбуром в голове, мысли гудят, как пчелы в период спаривания. Или они не спариваются? Это странное окно, еще более странные зеркала, удивительный янтарь... Не так уж и далеко я вломился на юг, а столько явных признаков некогда могучей цивилизации!.. Могучей, непонятной, жутковатой...

В городе настолько пусто, что я, завидев впереди каменную лестницу, ведущую на вершину городской стены, взбежал наверх, и сразу в уши ввинтился назойливо-ликий шум: в лагере заргов уже полыхают не костры, а подожженные шатры, шалаши, сломанные телеги, в то время как исправные рачительные хозяева ташат в свои дворы. Из распахнутых настежь ворот Кернеля в сторону лагеря заргов несется толпа женщин и детей. Навстречу двигаются тяжело нагруженные трофеями их мужья. Судя по развевающимся знаменам, герцог Веллинберг разбил деморализованное войско врага, захватил лагерь и сейчас там вершит суд и расправу над пленниками.

Я тупо шел по широкой стене, поглядывал вниз, высота равна десятиэтажному дому, но все же оставлять вот так без единого защитника рискованно...

Мое тело вздрогнуло раньше, чем я сообразил, что увидел. Рука сама прыгнула к лицу, пртереть глаза, стукнуть себя по лбу. В полулиле отсюда отчетливо виден остов с оружения, которое я прежде всего назвал бы кораблем. Парусным кораблем. Каравеллой, фрегатом или клипером —

не знаю, в кораблях ни рыла ни уха, может быть, триремой или октaremой, но корпус как будто вырезан одним великаном-мастером из одного куска дерева, тщательно выглажен наждачком и бархаткой, покрыт лаком, а потом для красоты водружен на вершину горы.

Вспомнил сообщение нашего радио о сухогрузе, что потерпел катастрофу у Мадагаскара. Зато команда, пьянившая во Владивостоке, не пострадала... Ощущение такое, что вода стремительно опускалась, команда этого не заметила, а когда корабль застрял, было уже поздно. Наверное, морякам пришлось превратиться в альпинистов. Хотя кто знает, может быть, кто-то остался там, принял смерть на борту. Капитан, к примеру, что считает долгом чести утонуть с кораблем.

За моей спиной послышались шаги. Из укрытия вышел хорошо вооруженный воин, ветеран, в прекрасных доспехах. Отсалютовал, сказал с сожалением:

— И вас не взяли на славную битву?.. Я в обиде на герцога. Хоть он и объяснил, что крепость охранять доверяет только лучшим, но...

— Он поступил правильно, — сказал я. — Должны же молодые учиться побеждать? А самое лучшее — напасть са-мим. Да еще на того, кто пал духом. Да еще после такого вещего сна!

Он прищурился.

— И вы слыхали про сон?

— Конечно.

— Думаю, — сообщил он заговорщики, — все про этот сон слышали перед боем. Наш отец-настоятель очень хорошо разбирается в воинском искусстве. До того, как ушел в монастырь, он водил войска самого великого Гентеля... Не слыхали?

— Нет, — ответил я. — А что вы знаете о здешних лекарях? Я очень тревожусь за жизнь моего соратника.

Он замялся на короткое время.

— У нас хорошие лекари. Очень. Сами видите, у них

есть на ком учиться врачевать раны. Самые разные... Но ваш друг исколечен очень сильно... Лекари делают все, что могут... Они не говорят, что он умрет. Уже это утешает. Ваш друг принял неслыханные муки.

— Да, — сказал я с горечью. — Да. Этот дурак остался задерживать погоню, чтобы я мог ускользнуть...

Воин бросил на меня короткий взгляд.

— Я вижу, как вы ускользнули. На вас очень свежие шрамы, вы знаете? Лекарь у нас опытный. Он сказал, что эти раны вам нанесли всего три-четыре дня назад.

Я сказал уклончиво:

— Но ведь вы, паладины, умеете заживлять раны?

— Нас немного, — ответил он суховато. — К тому же — паладины. А это еще и обязанности... Но я вижу, вас заинтересовал тот корабль?

— Да, — ответил я живо. — Что это?

К моему удивлению, он пожал плечами.

— Откуда мы знаем?

— Но вы... хотя бы пробовали там побывать?

Он изумился:

— Вы шутите?.. Туда человеку не взобраться. А если начинать вырубать в отвесной скале ступеньки, то наши предки не успели бы выстроить эту стену. А потом, мы сотни лет защищаем крепость!.. Этот корабль так примелькался, что уже не замечаем.

— А как... долго он здесь? Я имею в виду, что о нем известно вообще?

Голос его стал холодноват:

— Сэр Ричард, этот корабль выстроен, как вы уже заметили, явно до потопа. Потому и оказался здесь, на вершинах. Но это не тот святой ковчег, на котором наш прародитель Ной привез зверей и свою семью. Есть легенды, что и другие народы пытались спастись... Кто на вырванных с корнем деревьях, кто на плотах, кто и на кораблях. О них ничего не известно, но я сомневаюсь, что потонули все. Иначе откуда на земле столько всякой нечисти?

Я смотрел на корабль жадными глазами. Корпус, будь из дерева, давно бы превратился в труху. Будь на месте этого корабля наш линкор или атомная подводная лодка — уже осыпались бы горкой ржавчины. Но этот корабль практически цел... По крайней мере корпус цел. А значит, можно надеяться, что и внутри хоть что-то из такого же материала. К примеру, квантовые компьютеры. Или термоядерная установка в чемоданчике. Или хотя бы автомат Калашникова...

Надо задержаться, решил я твердо. Хоть на пару дней. Я могу побывать на этом корабле! Еще не знаю как, но побываю. То ли молот ухитрюсь забросить, а к нему веревку... нет, молот не доброшу, высоко. Но что-то придумаю. Задно и загадочное окно в башне Астальфа, и его же дивные зеркала, принцип действия которых я вроде бы смутно угадываю...

Снизу долетел слабый крик:

— Сэр Ричард!.. Сэр Ричард!

Со стороны двора маленькая черная фигурка в сутане размахивала руками. Лицо обращено вверх, я видел бледное худое лицо, запавшие глаза.

Монах прокричал:

— Отец-настоятель просит вас к нему срочно!.. Очень важно!

— Бегу! — крикнул я. Воину кивнул: — Вернусь, договорим о корабле. Если не побоишься, возьму тебя на борт. Проверим, что там.

Он сказал с жадным испугом, но глаза заблестели:

— А вдруг взлетит?

— Тогда полетим, — пообещал я твердо. И добавил, чтобы успокоить: — Я управляю такими кораблями с закрытыми глазами!

Монах нетерпеливо пританцовывал, нос стал лиловым от холода. Такие аскеты очень быстро замерзают, подкожного жирка-то тю-тю.

— Я проведу вас, — сказал он.

Под сводами монастыря я сразу замедлил шаг. Исполинский зал уходил в даль, терялся в синеватом тумане, но я засмотрелся на удивительные колонны, что поддерживают свод. Они уходят стройными рядами в ту же синюю даль, высокие, массивные и... очень знакомые. По сути больше всего напоминают гигантские сверла, что вырастают из пола и упираются в потолок.

Конечно, сверла изобрели не в наше индустриальное время, ими пользовались во времена Архимеда, однако вот так в архитектуре, гм... Для этого в самом деле надо было перепробовать стили дорический, ионический и коринфский, а потом всякие барокко, соцреализм, авангардизм и что-нибудь еще постмодернистское, чтобы наткнуться на такое решение.

Странно, у этого исполинского зала не оказалось стен. Это всего лишь навес, чудовищно огромный, прекрасный, искусно построенный, но — навес. Ветер свободно гуляет под его сводами. Или же стены разнесены так далеко, что просто теряются в полумраке.

— Кто строил такое чудо? — прошептал, но, прежде чем договорил, уже знал ответ.

Монах ответил честно:

— Этого вам никто не скажет. Мы пришли, когда все здесь было таким. Вернее, люди пришли. Какие существа все это строили?.. Есть много легенд, но не пристало служителю Господа повторять их.

— Да, конечно, — согласился я. — Не пристало.

Отец-настоятель повернулся на топот, мы вбежали в его личное помещение, как два коня, даже засапались похоже. Глаза настоятеля были печальные.

— Сэр Ричард, — сказал он без предисловий. — Я говорил с лекарями. Жизнь вашего доблестного друга на волоске. Но в бреду он постоянно говорит о своей жене... Мы пришли к выводу, что там, в Зорре, решится, жить ему или умереть. А здесь он умрет. Жизнь вытекает из него, как песок между пальцев. Мы не можем ее удержать...

Я бросил невольный взгляд на высокую стену, за которой всего в километре дивный корабль давних времен. Возможно, на термоядерной тяге. Или на расщеплении кварков.

— Мне надо везти его в Зорр?

Настоятель развел руками.

— Это вам решать. Ваше появление здесь вызвало толки. Кто-то связывает его с нечистой силой, ибо никто еще не прыгал через нашу стену, что почти упирается в небо. Но это значит, что ваш конь может бежать очень быстро. Вот только двух человек нести непросто даже такому коню...

— Все узнаем, — прошептал я. — Все для нас впервые... Как и сама жизнь. Пошлите человека, пусть седлают моего коня. Я выеду немедленно. Только как везти Гендельсона, его же растрясет...

— Здесь он умрет, — повторил настоятель. — Жизнь уходит по капле, но уходит.

Монах сказал тихо, почтительно, ибо вмешивается в разговор людей выше ранга, чем его сан:

— В дороге он может и не умереть. Но здесь умрет даже в постели.

Из ворот монастыря медленно, со свечами в руках выходили люди. Все в плащах до земли, со смиренно склоненными головами, но холодные лучи солнца блистали на металлических шлемах, на остриях копий, что все несли, нацелив их в небо. Я передернул плечами от внезапной зябкости. Что-то противоестественное в этом смиренном движении, ведь это самые яростные, неукротимые, гневные... а сейчас двигаются со склоненными выями!

Или в этом и есть суть христианства, набросить узду на буйный дух? Взнуздать, заставить скакать в том направлении, куда нужно, а не куда хочется?

Черный Вихрь красиво вытанцовывал на площади, но конюхи страшились к нему подойти, взять за повод, тем более — седлать. Единственное, что сделали, — распахнули ворота конюшни, чтобы не выбил копытами, вынесли

следом седло, попону, мешок с едой и принадлежностями для долгой дороги.

Я торопливо накрыл коня попоной, бросил сверху седло и затягивал подпруги, когда торжественно протрубыли трубы.

Из замка вышла, сопровождаемая свитой, ослепительно красивая молодая женщина. Это была, как я понял, настоящая принцесса: даже волосы на лбу прижимает широкий золотой обруч с красивым узорным зубцом, где сверкает желтый камень. Пышные золотые волосы крупными локонами падают на плечи, лицо гордое, но без надменности или высокомерия, тонкая шея, ключицы выступают под чистой кожей, пышное платье открыто спереди, голые плечи, платье каким-то непонятным образом держится на предплечьях. Тонкая золотая цепочка, небольшой темный камень в виде медальона...

Платье пышное, изысканное, расшитое золотыми нитями и вообще золотом. Здесь вообще все в золоте, и сама принцесса выглядит золотой, с ее золотистой чистой кожей, золотыми волосами и даже платьем золотистого света.

В довершение всего свет падал какой-то золотистый, теплый, домашний и одновременно торжественный. Она взглянула на меня, и я утонул в коричневой сетчатке ее крупных глазах.

Красивый молодой рыцарь подал ей лук, чересчур большой для ее роста. Она держала его с усилием, сама улыбнулась своей слабости.

— Сэр Ричард, — сказала она чистым светлым голосом, от которого у меня запело в душе. — Вы принесли моему Кернелю не просто благую весть. Вы принесли... спасение!

— Это заслуга сэра Гендельсона, — сказал я.

Она наклонила голову, в глазах появилась глубокая грусть.

— Мы скорбим о егоувечье, — сказала она тихо. — И потому тот подарок, который, возможно, предназначал-

ся бы ему, мы по праву предлагаем вам. Вы сумеете им воспользоваться!

Я опустился на одно колено, принял лук и коснулся губами отполированного дерева... если это дерево. Это издали показался выкованным из золота, но когда взял в руки, он не тяжелее моего гоночного велосипеда, а тот весь из особо прочного алюминия с добавками, крепче любой стали. Лук, размером в треть моего роста, для меня не велик, состоит из двух абсолютно одинаковых половинок, а по средине очень удобная для ладони и пальцев рукоять, такая же рифленая, как у дорогого рыцарского меча.

Обе половинки украшены барельефами, дивными цветами, завитушками и фигурками животных. Высочайшее мастерство можно отнести за счет пещерного гения, но вот сам дизайн лука... нет, я могу отличить продукт гениального одиночки от продукта высокой культуры вообще. Форма лука и его отделка молча орут о работе гигантского научно-исследовательского института по формам и поверхностям, где трудятся тысячи высококлассных топологов. Конечно, они трудились пусть не над самим этим луком, но чувствуется дух тысячелетнего дизайнерства...

— Что это за лук? — спросил я. — Достоин ли я?

Толпа глазела на лук, на меня, снова на лук. Принцесса ответила ясным голосом, красивым и звонящим настолько, что его услышали, наверное, даже часовые на стенах:

— Это лук... Арианта! Долгие века он хранился в здешней оружейной, но ни один человек не мог его натянуть... ибо на его владельце должны быть доспехи Арианта.

Я встал, попробовал натянуть тетиву, это получилось легко, лук согнулся, а когда я отпустил тетиву, она загудела так громко и страшно, что у многих слетели шляпы. Пролетавшие над нами птицы закричали и рухнули замертво в толпу.

— Да, — сказала принцесса, — на вас, сэр Ричард, в самом деле доспехи великого героя.

Я снова поклонился.

— Спасибо, Ваше Высочество. Поклон вельможному королю. Я расскажу в Зорре о вашей щедрости...

Из дома лекаря бережно несли Гендельсона. Его уже одели, укутали в одеяла. Общими усилиями устраивали на коне, привязывали, подкладывали подушечки.

Я вставил ногу в стремя, с жалостью смотрел на жалкий тюк. Совсем не так вернется Гендельсон в Зорр, как выезжал... Принцесса улыбнулась мне милостиво, ушла. Я посмотрел вслед и внезапно, без всякой связи, как показалось, промелькнула тревожная мысль, что все мои предыдущие построения были ошибочными. Насчет соблазнения голыми бабами или множеством спасенных.

Не мог Азазель так просто и так прямо в лоб. Скорее, здесь не одна ловушка — насчет голых бабс, но и вторая — насчет спасенных, тоже ложная. Я разгадал одну — и успокоился. Вот даже разгадал другую — возликовал, что такой вот хитрый, самого дьявола перехитрил! Но этот величайший из гроссмейстеров придумал нечто такое, что я и приблизительно не могу представить, где ждет беда.

В животе возникла тревожная пустота. Инстинктивно захотелось согнуться, закрыть уязвимое место локтями и всем телом. Вообще свернуться клубком и подтянуть колени к животу.

Я заставил себя распрямить спину, плечи шире, лицо бесстрастное, а нижнюю челюсть слегка подвыпятил. Выглядит, признаюсь, вызывающе, но зато и обязывает держаться, держаться, держаться.

— Прошайте! — сказал я звучным Ланселотым голосом. — Я расскажу всем о вашем беспримерном подвиге!

Гендельсон в забытии, не очнулся, когда Черный Вихрь пошел к воротам. Их распахнули, стражи что-то кричали. Я отпустил повод, копыта застучали громче, потом стук превратился в мелкую барабанную дробь, она тоже истончилась, ушла за пределы слышимости.

Я наклонился над мешком с Гендельсоном, закрывая телом да и сам прячась от шквального встречного ветра.

Сзади жутко завывало, это ветер ощупывает мешок с моими волшебными мечами.

Ураган достиг такой силы, что я зажмурился, плотно сжал губы, терпел рев ветра, визг, непонятный треск, сопротивлялся чудовищным пальцам, что пытались сорвать с седла...

А потом ураган перешел в простую бурю, что стихала с каждым мгновением. Я осторожно приоткрыл глаза: Мы несемся по равнине, под копытами просто серая мерцающая поверхность, да и самих копыт не видно, а далекая цепочка гор заметно двигается, уходит назад.

На горизонте возникли высокие стены. Я вскрикнул, вот он, Зорр, что за чудо мой Черный Вихрь, но с какой скоростью несся... и все еще несется, если уже начинает замедлять бег?

Над Зорром мне почудилось черное мерцающее облачко. Для стражей ворот я появился чересчур неожиданно, но с ворот и башен сразу же закричали, узнав меня. Решетка дрогнула, с металлическим звоном и лязгом пошла вверх. Я успел увидеть, что белые стены Зорра словно бы потемнели, по ним идет тот странный колыхающийся блеск, какой бывает при отражении на стены бликов на воде. Вскинул голову, ахнул. Небо застилают тучи летучих мышей! Огромные, как летающие собаки, и мелкие, не крупнее мышей-полевок, они носятся и носятся над городом, словно не решаясь сесть, но уже высматривая для себя места, норы, щели.

В голове словно лопнули сосуды и залили глаза кровью. Все, что я продумывал от имени дьявола, оказалось ложным. Я не разгадал его ловушек, не разгадал! И даже сейчас не имею представления.

Мы не останавливались до главной площади перед замком. Из широко распахнутых ворот навстречу выходила нескончаемая вереница людей в черных плащах до земли. Капюшоны надвинуты на глаза, в руках горящие свечи. Летучие мыши стремительно бросались вниз, вот-вот вцепят-

ся когтистыми лапами в лицо, взмахами крыльев пытались загасить слабые огоньки, а люди бережно прикрывали свечи ладонями.

Процессия тянулась через площадь к костелу. Я направил коня в распахнутые врата замка, закричал громко:

— Лекаря!.. Лекаря!.. Как можно быстрее!

На внутреннем дворе народ расступился, ко мне ринулся молодой рыцарь с развевающимися, как у девушки, золотыми волосами.

— Ваша милость! — закричал он счастливо. — Я все выполнил!

Я соскочил с коня, бережно снял бевольное тело Гендельсона. Сигизмунд умолк, подхватил с другой стороны. Еще несколько человек подбежали, протянули руки. Заплакала женщина, увидя обезображенное лицо. Кто-то начал длинно и злобно ругаться, проклиная рыцарей Тьмы.

— К лекарю! — закричал я злобно. — Он жив!

Толкая и мешая друг другу, его понесли на руках в сторону башни, где обитает королевский лекарь. Я шел следом, поддерживал свисающую руку. Обрубок правой руки почёрнел, распух, от него смердящий запах, сравнимый только с тем, что падает с неба.

Мы гурьбой вдвинулись в узкие двери, навстречу бежал человек в накинутом на голое тело халате. Он ахнул, узнав Гендельсона, вельмож такого ранга знают все. Когда Гендельсона занесли, я сказал лекарю:

— Глупо такое говорить... но сделай все! Немногие смогли бы так...

Лекарь быстро открывал горшочки, кувшинчики. По комнате потек слабый запах лекарств. Гендельсона освободили от одежды, положили на стол. По всему телу чернело сожженное до углей мясо. Лекарь начал покрывать его вязким желе, похожим на вишневый клей. Я ощутил сильный запах, немного резковатый, но бодрящий, прочищающий голову, как запах нашатыря.

Лекарь прислушался к сердцу, помощники подали боль-

шой медный горшок с плотно притертой крышкой. Оттуда вырвалось лиловое облако. Пятерня лекаря нырнула туда, я смотрел, как он покрывает черной вязкой жидкостью обрубок руки. Запах стал еще сильнее, неприятнее.

Веко уцелевшего глаза затрепетало и приподнялось. Глазное яблоко было налито кровью. Гендельсон непонимающее смотрел в потолок. Я сказал быстро:

— Мы в Зорре, Гендельсон!.. Мы в Зорре!.. Ты все выполнил, ты передал талисман... ты вернулся... с победой....

Лекарь с шумом вздохнул. Лицо его прояснилось.

— Теперь могу сказать, — проговорил он быстрым торопливым шепотом, — что он... выживет.

— Что ж, — ответил я тихо. — Он выполнил все... что хотел...

Он что-то говорил еще, но я, как слепой, пошел к выходу. Сигизмунд заботливо поддерживал меня, что-то ве-решал довольно и беспечно, хвастался и все хватал меня за плечи, под локти, вел, не давал упасть. На площади к моему коню подходил торопливо Дитрих. Его раскачивало, на исхудавшем лице глаза ввалились так, что могли упасть вовнутрь черепа.

— И Черный Вихрь вернулся! — сказал Сигизмунд вос-торженно. — Ваша милость, я приехал, когда он порвал повод и все крушил в конюшне!.. Я решил, что с вами беда, уговорил оседлать и нагрузить вашими доспехами. Он как будто понял, дал надеть седло и навьючить мешок... а по-том прыгнул прямо, будто стены и не было... там и сейчас каменные глыбы лежат, а стены будто и не было...

Я, не слушая, устремил взгляд на Дитриха.

— Исполать, отец Дитрих, — сказал я треснутым голо-сом.

Он ответил хрипло:

— Великие силы Тьмы... Великие силы Зла и Разруше-ния души человеческой в нашем Зорре.

Небо стало серо-черным, по земле непрестанно струи-лась быстрая, болезненная для глаз рябь от мелких тел, ты-

сиячами застилающих солнце. Мыши метались, сшибались, воздух был полон мелкой удушливой шерсти, что мириадами крохотных иголочек оседает на землю. Щели между каменными плитами уже забило этой рыжеватой чернотой.

Мне показалось, что вся несметная стая мечется над городом в неком ожидании. От неумолчного писка, едва слышного, но из тысяч и тысяч злобно ощеренных пастей, начинало звенеть в ушах.

Я спросил:

— Когда они появились?

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— На второй день после вашего отбытия. С каждым днем их все больше. Мы молимся, мы устраиваем крестные ходы, даем обеты... но, похоже, вся эта мразь ждет не-коего слова, чтобы обрушиться на Зорр... Слышишь, лику-ют, предвкушая победу!

Боль взяла сердце в железные клещи. Мы прошли че-рез леса и болота, одолели черных рыцарей, отдали талис-ман, вернулись с победой... но для дьявола это не победа? Так какой же удар меча будет для него заметным?

С той стороны площади бежала Лавиния. Платок сле-тел с ее головы, золотые волосы трепало ветром. На беско-нечно милом лице были страх, смятение, отчаяние, боль — все это я увидел сразу, ибо, чувствуя, у меня самого еще та морда лица.

Увидев нас, она запнулась, замедлила шаг. Я пожирал глазами ее бледное лицо. Чистый взор, одухотворенный лик, сердце сжалось, вскрикнуло от боли и рухнуло в без-донную черную пропасть. Ей уже все сказали... Сейчас она вбежит к нему. Увидит обожженное лицо и пустую глазни-цу. Увидит страшные раны, обрубок правой руки...

Наши взгляды встретились. В ее распахнутых до глубин души глазах были отчаяние, крик, мольба, просьба спасти, что-то сделать, изменить весь этот мир... Бесконечно долго мы смотрели друг другу в глаза. Я вбирал ее всю, в страшном

прозрении абсолютно отчетливо зрел, что это наша последняя встреча.

Потом она опустила голову и, пряча взор, вошла в дом лекаря.

Страшный режущий крик над головами резанул по нервам. Ужасающий визг мириадов крохотных летунов, словно их опалило огнем. Черную тучу беснующихся зверьков медленно отодвигало на юг, их теснила прозрачная, но исполинская ладонь. Заблистали тысячи и тысячи иско-рок, летучие мыши натыкались на магический щит и сготрали. Небо открывалось синее-синее. Брызнули золотые широкие лучи, чистые, радостные, праздничные. По городу зазвенели ликующие крики. Каменные башни, громады домов, улицы, площади и лица горожан вспыхнули отраженным светом солнца. Взвился ветерок, погнал перед собой в сторону городских ворот клубы мелкой рыжей шерсти. Воздух быстро очищался от смрада.

Отец Дитрих упал на колени, руки скжаты у груди, лицо к небу, истово молился. Из-под плотно скжатых век выкатилась слеза. Неисповедимы пути Господа, услышал я страстные слова, неисповедимы! Никогда не узнаем, что освободило Зорр.

И не узнаете, прошептал я, почему отныне чужие войска не подойдут к его стенам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	53
Глава 6	66
Глава 7	79
Глава 8	91
Глава 9	104
Глава 10.	116
Глава 11.	129
Глава 12.	141
Глава 13.	154
Глава 14.	166
Глава 15.	179
Глава 16.	192
Глава 17.	204

ЧАСТЬ II

Глава 18.	218
Глава 19.	230
Глава 20.	241
Глава 21.	255
Глава 22.	270
Глава 23.	284

Глава 24.	298
Глава 25.	308
Глава 26.	319
Глава 27.	335

ЧАСТЬ III

Глава 28.	352
Глава 29.	366
Глава 30.	379
Глава 31.	396
Глава 32.	408
Глава 33.	422
Глава 34.	434
Глава 35.	447
Глава 36.	461

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ПАЛАДИН ГОСПОДА

Ответственный редактор **Д. Малкин**

Редактор **Е. Самойлова**

Художественный редактор **А. Стариakov**

Технический редактор **О. Куликова**

Компьютерная верстка **О. Шувалова**

Корректор **О. Ямщикова**

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
 обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16; многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksмо-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksмо-kanц.ru e-mail: kanc@eksмо-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksмо.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЭКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «CHAPK» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.07.2004.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,6.

Тираж 5000 экз. Заказ № 4402298.

Отпечатано с готовых монтажей

на ФГУИПП «Нижполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

СТРАНА ИГР

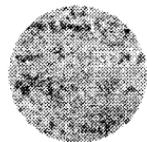

Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра

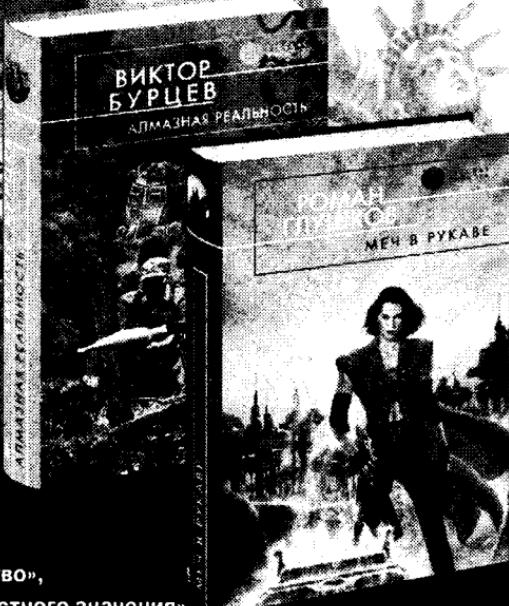
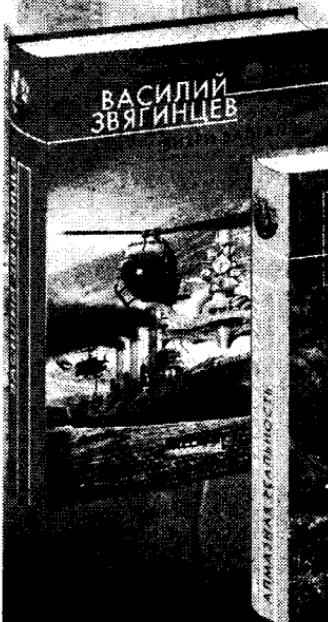
В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.
МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ
В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ
И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

В. Звягинцев

«Андреевское братство»

«Бои местного значения»

В. Бурцев «Алмазный дождь»

А. Орлов «База 24»

А. Селецкий «Древняя кровь»

ЛИДЕР
НОВОЙ
ВОЛНЫ

ОЛЕГ
ДИВОВ

Один из самых ярких
современных
писателей-фантастов,
лауреат многочисленных
литературных
премий.

Читайте книги Олега Дивова:
«К-10», «Выбраковка», «След зомби», «Саботажник»

ISBN 5-699-06889-9

9 785699 068890 >

Фричорд

Длинные Руки —
наладин Господа

